

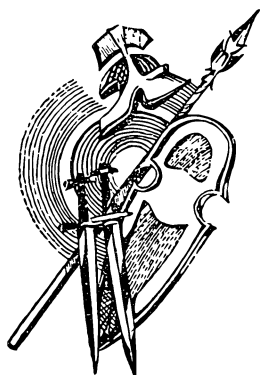
В. ЖУКОВ
С. ЖИТОМИРСКИЙ

БУДЬ ПРОКЛЯТА, АТЛАНТИДА!

В. ЖУКОВ
С. ЖИТОМИРСКИЙ

БУДЬ
ПРОКЛЯТА
АТЛАНТИДА!

В. ЖУКОВ

С. ЖИТОМИРСКИЙ

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН**

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1992**

ББК 84Р7
Ж 86

Ж $\frac{4702010201-057}{078(02)-92}$ — КБ—023—035—91

© Жунов В. Н.,
Житомирский С. В.,
1992 г.

ISBN 5-235-01317-4

ГЛАВА 1. У ОКРУЖЕННОГО МОРЯ

Атланты пришли на стоянку детей Куропатки в канун большого весеннего колдовства. Снег на побережье почти стаял, только в низинах лежали серые клочья зимней шерсти земли. Под ярким средиземноморским солнцем южные бока холмов уже щетинились молодой травой. На пологом склоне над стоянкой паслись изголодавшиеся по свежему корму олени.

Чужаков было семеро. Впереди шли немолодой толстогубый воин в куртке с красным поясом и худощавый человек в синем плаще. Их сопровождали четыре копыеносца в кожаных шлемах-капюшонах и звериный умелец с бурым медведем на длинном ремне. Они прошли мимо долбленых лодок по берегу Оленьей реки — вблизи моря спокойной и довольно широкой, — миновали перекладыны с сушившейся рыбой. Тут же висели связки лубяных полос для

новых сетей. Мелкие тощие собаки с лаем метались вокруг пришельцев, но ворчание медведя держало их поодаль.

Атланты остановились у вытоптанной площадки, на которую глядели входы землянок. В каждой жила семья из десяти-пятнадцати матерей и отцов с детьми. Девочки, вырастая, вступали в число матерей, а юноши уходили в семьи жен.

Атлант в синем, окинув взглядом землянки, тихо сказал:

— Одиннадцать жилищ. Значит, их больше трех сотен.

Воин довольно ухмыльнулся:

— Удача! Теперь не часто встретишь такую стаю. А как ты назвал их? Все забываю эти имена, похожие на волчий вой.

— Племя зовется гии. Три красных полосы на щеках — значит, род считает предком куропатку.

— Ха! В прошлый раз были козероги. Что ж, займемся птичками.

Дети Куропатки стояли группками у землянок, готовые ко всему.

Атлант в синем шагнул вперед и попросил гостеприимства жестом, принятым в гийских племенах, живущих на востоке. В ответ раздался ропот людей, изумленных коварством узкоглазого оборотня. К атланту вышла Оз, немолодая рослая женщина с гордой осанкой и прической, положенной Матери рода: светлые волосы ее были сколоты на затылке двумя стрелами, косо торчащими над головой.

— Будь неутомима, Мать смелых охотников! — проговорил синий. Гийские слова вылетали из его рта с визгом, словно на языке людей заговорила собака. — Наш большой гребец, наш... — пришелец запнулся, сиюсь перевести для гиев титул своего начальника, — Передний в лодке, Аргол, послал меня, чье имя Палант, и отца большой семьи воинов Стропа, — его спутник важно кивнул, — для беседы с тобой.

— Войдите, — неохотно ответила Оз, кивнув на землянку. — Каро! — крикнула она, обернувшись. — Ты сядешь возле меня.

Сероглазый силач с торчащими соломенными волосами и короткой широкой бородой отделился от

соплеменников. Он был босой, в меховой куртке до колен. Вслед за Матерью и охотником пришельцы спустились в землянку. Перед пологом из оленьих шкур Каро вынул из-за пояса каменный топор и воткнул в землю. Атлант в синем положил рядом нож и что-то сказал спутнику. Тот, недовольно бурча, отстегнул меч.

Остальные атланты остались наверху. Медведь растянулся рядом с проводником, положив лобастую голову на лапы. Гии продолжали глядеть издали. Лишь один из юношей, Ор, несмотря на окрики родичей, крадучись подобрался к чужим. Он был высок и тощ, олений мех оставлял открытыми длинные жилистые руки. Присев на корточки, гий, готовый каждый миг отпрыгнуть, стал разглядывать чужую одежду, осмелев, проводил пальцами по ткани, касался сапог, потом потянулся к бронзовому наконечнику копья. Воины потешались над его изумленными гримасами. Проводник медведя, подмигнув остальным, достал из-за пазухи что-то блестящее и показал гию. Тот потянулся к странному предмету из двух соединенных крючков. И тут крючки, словно сами метнулись навстречу и, щелкнув, обхватили руки Ора. Он дернулся, но злая сила крепко держала запястья.

Воины хохотали. Юноша вскочил, напрягся, но бронза лишь глубже врезалась в кожу. Тогда он закричал и, взмахнув пойманными руками, кинулся на обидчика. Тот подставил ногу, и дикарь ткнулся лицом в землю. Поднялся шум. Гии, подбадривая себя выкриками, двинулись к пришельцам. В руках у них замелькали кремневые лезвия, дротики. Проводник, сдернув крючки с Ора, отскочил за медведя, который по команде поднялся и угрожающе замотал головой. На крики из землянки показались Оз и Палант. Подвывая от обиды, Ор протянул Старшей Матери кровоточащие запястья.

— Воин играл, — примирительно сказал синеодежды, — он хотел повеселить охотников.

— Из протухшего рода те люди, у которых такие игры! — с презрением кинула Оз. Потом она обернулась к Ору: — Идем, я дам мазь для ран.

Гии отошли, бормоча оскорбления. Проводник, из красного ставший грязно-желтым, криво усмехаясь, уложил медведя.

В землянке пахло кожами и рыбой. Оз достала из кожаного мешка раковину с мазью, дала Ору и опустилась рядом с Каро на шкуры. Атланты сидели напротив. Набрав пальцем жирную едкую мазь, Ор стал втирать ее в порезы — медленно, чтобы дольше остаться в землянке, где происходило что-то важное и интересное.

— Мудрая Мать, — заговорил враг в синем, — мы пришли не с пустыми руками. Пославший нас, повелитель атлантов Хроан, Подпирающий небо, дарит тебе это.

Вынув из сумки сверток, атлант развернул его перед Оз. На расписанной яркими узорами ткани лежали тонкий бронзовый нож и несколько ярко начищенных украшений. Оз оглядела подарки, не прилагиваясь к ним:

— Какого же ответного дара ждет ваша... Большая Подпорка?

Палант выбирал слова мягкие на ощупь, но с каменным нутром:

— Мы пришли получить то, что давали ваши предки нашим предкам. Пусть четыре руки молодых мужчин уйдут с нами. Сегодня ты соберешь своих сыновей, и Строп выберет... гостей в Срединную землю.

Раковина чуть не выпала из рук Ора, Каро напрягся, скрипя зубами, но Оз сохранила спокойствие.

— Что-то я слышала о таком уговоре, — проговорила Мать, помолчав, — но, скажи, все еще согласна ли с ним Мать матерей гиев, огневолосая Гезд? Насколько я знаю, она гостит в вашем стойбище Тарр, далеко на востоке в земле борейцев. Расскажи нам, здорова ли она и так же ли дружна с твоим племенем?

Когда синеодежды перевел слова Оз спутнику, лицо того побурело, а из толстогубого рта хлынули мерзкие визгливые звуки, явно угрожающие.

— Мать Куропаток, — заговорил Палант, — мы думаем, что Гезд здорова и верна договору, заключенному родительницей твоего племени и родителем нашего много зим назад, когда наши воины, пришедшие с моря, победили ваших. Разве воля предков не для тебя? И меньше ли детей ты потеряешь, если полетят стрелы? А те, что уйдут с нами, зажги-

вут счастливо: они будут есть каждый день и увидят великие чудеса Атлантиды.

Забытый всеми Ор дрожал в углу. Оз долго молчала с окаменевшим лицом.

— Ладно, род даст юношей. Но их нельзя взять сейчас. Люди моря, ночью у нас будет большое колдовство. До него ни один охотник не может уйти из долины. Вернитесь к соленой воде и приходите за юношами завтра в полдень.

Палант перевел ответ Стропу.

— А стоит отвернуться, удерут в горы, — возразил тот. — После бегства рыжей Гезд и борейской кобылы Гехры дикие словно взбесились!

— До колдовства не уйдут, Строп. По их верованиям, духи погубят всех, кто в положенный день в священном месте не принес им жертв.

— Хорошо, скажи старухе — я согласен. Но ждущим нужна еда: пускай даст десять оленей! — Он потряс в воздухе растопыренными пальцами.

— Вы получите две руки оленей, — кивнула Мать.

Атланты встали и пошли к выходу. Оз обернулась к Ору:

— Ты натер раны? Подойди, я заговорю их.

Ор протянул руки, и она прошептала над ними несколько слов медленных и сильных, отчего боль сразу задремала.

— А теперь свяжи оленей, самых худших, и отгони к морю, где большие лодки оборотней. Потом до заката последишь, что там будет.

— Большая Мать, ты отдашь им молодых отцов? Их увезут?..

— Молчи! Я буду просить духов о помощи. А ты зятяни на языке узел и делай как сказано.

Атланты возвращались к кораблям тропой, петляющей между холмами. Низкорослые сосны, изогнутые, словно в пляске, темнели на склонах, покрытых ранней травой. Легкий ветер с моря сдувал мошкарку, нес запахи мокрой соли и гниющих водорослей.

Позади Ор вел связанных за рога оленей. Они упирались и храпели, косясь на медведя, который тоже поглядывал на них, умильно приоткрыв слюня-

вую пасть. Чужак в синем, пропустив вперед воинов, пошел рядом с Ором. Тот отодвинулся, но с любопытством рассматривал атланта: безбородое скуластое лицо, словно натертое красной глиной, сапоги незнакомого меха, одежду из странной шкуры. В море, что ли, добывают они синих оленей?

— Ешь досыта, Ор, смелый охотник. Давай поговорим?

Гий шарахнулся:

— Как ты нашел мое имя?

— У-у, я большой колдун: могу узнавать все, что хочу! — (Атлант не стал напоминать, что просто услышал имя от Оз.) — Но не бойся! Возьми и мое имя: я Палант из поселения Луад.

— А я не боюсь! Среди тех, кто не ест Зайца, нету трусливых.

— Ты хорошо сказал. Вы ведь потомки бесстрашной Куропатки, которая заклевала орла, спасая птенцов!

— Ор, ты знаешь наше начало?! И почему ты говоришь как человек, а те только бормочут, как тетерева?

— У каждого племени своя речь, — улыбнулся Палант. — Гии, что кочуют на восходе, зовут себя гиесами, а живущие на холоде — эгеями. Ты поймешь их, но с трудом. А у племени Срединной речь вовсе не похожа на вашу, но ей можно научиться, как я научился гийской.

Ошеломленный Ор во все глаза смотрел на чужеземца, слова которого ломали порядок и границы привычного мира Куропаток.

— Слушай, охотник, вот я дарю тебе!.. — Палант вынул из сумки что-то блеснувшее на солнце. Гий, вспомнив коварные крючки, прыгнул в сторону.

— Эй, зачем скачешь, как козел от барса! Взгляни, разве такое маленькое может быть злым?! — На ладони чужака лежал прозрачный камешек, похожий на льдинку, в которую вмерз желтый цветок. — Это знак доброго духа, он принесет тебе удачу.

— Но мне нечего подарить тебе. — Ор восхищенно потрогал амулет.

— Возьми! Подарить можно не только вещь, но и помощь.

— О чем твой голод?

— Ночью у вас праздник. Спрячь меня, чтобы я все видел и слышал, оставаясь незаметным.

Ор замотал головой:

— Замолчи, Палант! Эти песни нельзя слышать чужому. Духи озлятся, и ты умрешь, корчась от мучений! А кроме того, я ведь...

— Ты должен покориться! — перебил юношу Палант. — Ведь я не только владею твоим именем, но и знаю всю твою жизнь!

Ор отшатнулся, но тропа была узка.

— Слушай! — торжественно заговорил синий. — До двух лет мать носила тебя за спиной, а потом ты бегал с другими детьми. Зиму ваш род жил у моря, а летом угонял оленей в горы. Однажды осенью для тебя настало время пройти Посвящение. Вместе с другими мальчиками тебя повели в священную лощину.

Страх в глазах гия постепенно сменился недоумением. Не замечая этого, чужак продолжал:

— Там сошлось много людей соседних родов, было съедено немало оленей и рыбы. Но ты не ел, дрожа от страха и любопытства. Колдуньи показывали свое умение: заклинали животных, вызывали ветер, проходили через огонь. Потом юношей подвели к темной пасти Духа. Страшный рев наполнил лощину. Дух готовился пожрать вас, чтобы изрыгнуть уже не детьми, а охотниками. Колдун толкнул тебя в рычащую каменную пасть, и ты ощутил на теле зубы Духа... Эй, Ор, чему ты смеешься?

— Теперь я вижу, что ты не вещун, а болтун! — ответил Ор с торжеством. — Я ведь не проходил Испытания.

— Этого не может быть!

— А вот было! В день Испытания меня глодала болезнь, и все думали — я уйду в Нижнюю землю. А потом хворь отползла, но новый день Духа будет только осенью, когда олени жирные. Ну что, болтливый шакал: смотри, как Ор смеется над твоей хитростью!

Неудачливый колдун ускорил шаги, бурча по-атлантски:

— Негодный мальчишка! Ждал, пока я перескажу целый лист с ветки о гиях. Ишь подплясывает! — Палант не удержался от смеха. — Ну, раз я болтливый шакал, то ты рыжий гийский лис!

Очень странные эти оборотни: то грозят Матери рода, то терпят обиду от подростка.

— Возьми! — Ор протянул амулет.

— Оставь себе, раз ты победил, — ответил синий и добавил про себя: «Пусть он укроет тебя завтра от глаз Стропа».

Показался лагерь атлантов. Пять широкобоких, как нерестящиеся лососи, кораблей уткнулись носами в песок. Выше стояли большие шатры, растянутые ремнями, вокруг бродили воины, горели костры, рычали проголодавшиеся медведи.

Копыеносец взял у Ора ремень и толкнул в плечо, показывая, что гий может уйти. Ор пожалел оленей, которых забьют без уважительных слов, которые говорят в этих случаях гии. Сделав несколько шагов назад, он соскользнул с тропы и пополз между кочками к стоянке оборотней. Лежа за мохнатой сосной, он с любопытством мальчика и терпением охотника следил за чужой жизнью лагеря.

— А знаешь, — сказал Строп Паланту, — почему Акеана не посылают на стоянки дикарей? Я слышал, как он говорил Арголу, что его просто рвет от вони в их норах! Как же — отпрыск титана!..

Они сидели в шатре на ременных табуретах возле натянутого на шестах кожного стола и ждали кормчего. Стоявшие снаружи воины откинули полог, пропустив Аргола и Акеана, Строп и Палант поднялись, приветствуя начальника.

Аргол был грузен, но двигался легко, не тяготясь запасом жира. На его плече сидела верткая птица с блестящими черными перьями. Когда Аргол вошел в шатер, она взлетела под потолок, схватила на лету несколько комаров и, возвратившись на плечо, задремала.

Акеан, глава второго челна (сотни воинов) в ладье Аргола, был моложе остальных. В отличие от кормчего он не силился изображать важность. Брезгливая величавость высокорожденного выпирала у него изнутри. Стропа он приветствовал с полускрытой небрежностью, а Паланта словно и вовсе не заметил.

По знаку кормчего все сели вокруг стола. Палант достал из сумки рисунок местности.

— Покорились ли дикие? — спросил Аргол.

— Их Мать просит отсрочки до завтра, — доложил Строп. — Палант советует согласиться.

— Чего ради потакать этому сброду! Мы и так запаздываем из-за южных ветров.

— Если не дать им совершить колдовство, они все полягут, но не тронутся с места, — сказал Палант.

— Ладно! — хлопнул по столу Аргол. — Пусть дикие спляшут и повоюют напоследок. Но надо их запереть, чтоб не удрали. — Он принялся водить пальцем по карте. — Уйти они могут либо на Холод, тропой, которая здесь названа Мамонтовой, либо вдоль моря...

— У них есть третий путь, — вмешался Палант, — смотри, кормчий, вот тут тонкий след перед водопадом сворачивает в проход между скалами.

— Ага, — оживился Строп, — теперь понятна хитрость старухи. Она знала, что мы встанем на тропы, и задумала увести род этим тайным ходом! Что ж, кормчий, можно поставить силок, в который эти птички сами сунут головы.

— И мы возьмем вместо двух десятков всех, кого удастся схватить живыми! — потер широкие ладони Аргол. — Сделаем так: я с полусотней мечей иду по Мамонтовой тропе. Строп поднимает копье-носцев на холм над стойбищем, отрезав путь к морю. А лучники Акеана и все звери — позже, когда дикие займутся плясками, пройдут к входу в тайную щель и станут в засаде. Что, неплохая петля?

— Крепкая, — буркнул Строп, недовольный, что самое выгодное место досталось Акеану.

— Ты великий воитель, Аргол, — воскликнул Акеан. — Так умело проскользнуть в замысел врага и обернуть его себе на пользу!

— Э-э, такую стаю взять нетрудно. Лучше бы мне доверили покончить с Севзом, чем собирать дань по грязным норам!

— Да, Севз — дичь покрупнее; — произнес Строп с уважением.

— А ведь ему не больше тридцати зим, — сказал Палант.

— Из Борей уже прилетела птица с вестью, что бунтовщик обложен в берлоге среди болот, — сказал Акеан.

— Из Пеласгии тоже прилетали такие вести, — усмехнулся Строп, — а теперь там сидят за стенами и молят о помощи...

Ослепительно голубая луна стояла над морем. Ледяные вершины хребта четко рисовались на темном небе, утыканном большими, зазубренными звездами. Воины крались цепочкой по травяному склону холма, ежась от ледяного дыхания гор. Строп шел в середине, тихо беседуя с Палантом.

— В этой дикой земле звезды горят как факелы. Почему в Срединной никогда не увидишь таких?

— Там, с вершины Эрджаха, ты увидел бы такие же. Ведь Окруженное море лежит высоко над океаном, здесь корабли плавают вровень с макушками атлантических гор. Вспомни подъем от Анжиера к Умизану.

Строп покачал головой.

— Это что! — усмехнулся Палант. — Когда-то вода была еще выше.

— Значит, Стикс был еще ужасней, чем теперь?

— Нет, Строп, Стикса вовсе не было. Мой учитель Ферус узнал, что в давние времена океан стоял вровень с Окруженным морем и их соединял вместо Стикса широкий и тихий пролив.

— Уж эти знатоки! — Строп покрутил отягченной новыми сведениями головой. — С ними не задремлешь от скуки.

Они подошли к округлой вершине холма. Внизу угадывались дыры землянок, шевелящееся пятно оленьего стада. Немного поодаль в ложине на берегу реки горел большой костер, у которого гии справляли свое весеннее колдовство. Там метались тени пляшущих, били барабаны, звучали голоса певцов.

— Жаль, не удастся мне сегодня подойти поближе и послушать песни гиев, — вздохнул Палант.

— Одни ищут власти, — хмыкнул Строп, — другие богатства, третьи — покоя. Но чего ищут знатоки, понять нельзя.

— Знания, Строп. При желании оно может дать и богатство, и даже покой... ненадолго.

— Ну, а чего искал этот ваш собрат, что изменил Подпирающему и сбежал к диким яптам?

— Ты же знаешь: всякие разговоры о Промеате строго караются.

— Здесь нет ушей Акеана.

— Говорят, он разуверился в справедливости законов Срединной.

— Только-то! Любой знает, что справедливости нет. Одним достаются раны и мозоли, другим — кольца и рабы. Но, по-моему, надо рехнуться, чтобы искать ее у дикарей. Вот и ты — какой тебе прок в этих песнях?

— Может быть, и немалый. Знаешь, о чем обычно гии просят духов? Чтобы те очистили от льда их старые стоянки. Значит, ледники уже много лет наступают не только в Срединной. Большая беда крадется к людям на всей земле...

На бегу, отрывая зубами от врученного Матерью куска оленины жесткие волокна, Ор бежал вверх по долине. Луна освещала морщинистые склоны ущелья и цепь ледяных гор далеко впереди. В обрамлении темных кустов с шумом неслась слева белая от пены Оленья.

Когда Ор, вернувшись из дозора, рассказал Матери о том, что два отряда атлантов вышли из лагеря и направились в разные стороны в обход стоянки гиев, Оз послала его по тайной тропе предупредить об опасности детей Лебеда и передать их Матери, что Куропатки скоро придут к ним. Ведь Ор для духов был еще ребенком, и ему не было места среди участников весеннего таинства.

Впереди нарастал голос Злой воды. Там склоны ущелья переходили в отвесные стены, зажавшие крутой поток. За поворотом Ор увидел живой белый столб водопада и ощутил лицом прикосновение мелких ледяных брызг. Казалось, что впереди режут два огромных зверя — водяной и каменный, — сцепившись в вечной схватке за это место.

Пробравшийся сюда чужак решил бы, что попал в тупик, но Ор узнал скалу, рассеченную косой трещиной, из которой к реке сползала груда бесформенных глыб. По острым неустойчивым камням осыпи Ор поднялся в расселину и на ощупь почти в полной темноте продолжал карабкаться вверх. Осыпь вывела его на щебнистый гребень. Водопад ревел

далеко внизу. Впереди открывалась широкая болотистая долина, по которой, разбившись на рукава, мирно бежала Оленья. А вон и костры стоянки детей Лебеда.

Ор вышел из зарослей ивняка к сторожевому костру и тут же пожалел о непростительном для охотника легкомыслии. Лагерь был совсем не похож на стоянки гиев. Вместо летних чумов по поляне были разбросаны шалаши и навесы из веток; среди них возвышалось несколько атлантических шатров.

Ор хотел отпрыгнуть в кусты, но его уже заметили. Двое воинов со страшными черными лицами схватили юношу и потащили к шатру, украшенному знаками молний. Вырываясь, Ор заметил пасущихся у лагеря животных вроде оленей, но безрогих и с длинными хвостами.

Из шатра навстречу воинам, ведущим Ора, вышел человек с могучими плечами и гордо откинутой головой. Косо прорезанными глазами, широким ртом он напоминал атлантов, но у этого была вьющаяся кольцами борода, короткий, выступающий нос, тупые скулы. Могучий спросил что-то у черных. Слова его визжали, как у краснолицых, и Ор горестно подумал, что погубил дело, порученное Матерью.

Привлеченные шумом, из-под навесов выходили люди, от вида которых у юноши вовсе помутилось в глазах. Здесь были воины плечистые, смуглые, с гладко обритыми, кроме пучка на макушке, головами, и сутулые, заросшие серым, как ягель, волосом, и маленькие с лицами белыми, как рыбье брюхо, и костлявые, крючконосые, с бородами острыми, как обугленные палки. Но были и рыжеватые, сероглазые — совсем как дети Куропатки или Лебеда.

Когда Ор решил было, что проскочил с разбегу в Нижнюю землю, люди раздвинулись, пропуская молодую женщину в гийской одежде. У нее были длинные, спадающие на грудь волосы цвета пламени.

Светало, с холма уже можно было различить землянки. Над отверстиями в их низких крышах вились дымки. Усмехнувшись нехитрой уловке диких, Строп повел воинов вдогонку бежавшему племени. От стоянки вверх по долине густо шли свежие следы.

Когда путь, срезая излучину реки, поднялся на отрог, далеко впереди показались фигурки людей и навьюченных оленей. Беглецы уже миновали тропу мамонтов и пробирались по камням к спасительной Черной щели. Завидев дичь, атланты резво побежали с отрога, готовя оружие и перекидывая со спины на головы капюшоны из толстой кожи.

Беглецы заметили погоню: торопливее потянули оленей, спотыкающихся среди острых камней. Только бы добраться до трещины! Там десяток воинов, скатывая камни, задержит всех преследователей. На бегу глянув вправо, Палант увидел в кустах шлемы отряда Аргола.

Просторные горы раскинулись вокруг, а четыре горсти людей — может быть, единственные на много дней пути — все теснее сбивались на шаткой каменной осыпи, готовясь убивать друг друга.

Новый подъем скрыл от воинов Стропа происходящее впереди, и сразу оттуда взлетели крики, рев медведей сплелся с визгом детей и боевым кличем атлантов.

— Копья вперед! — крикнул Строп. Обогнав его, Палант увидел мечущихся по берегу людей и оленей. Скрытые за скалами лучники Акеана ударили по всей растянувшейся цепочке.

Гии бились отчаянно. Женщины, спрятав между камнями детей, дрались рядом с охотниками. Но ярость дикарей разбивалась об умение и лучшее оружие охотников за рабами. Как злобные духи метались медведи. Их приемы не походили на повадки диких собратьев: звери не вставали на дыбы, а бросались под ноги. Упавшего медведь ловко переворачивал вниз лицом и придерживал лапой, пока проводник защелкивал на пленнике бронзовые кольца. Потом человек показывал зверю новую жертву.

Несколько гиев, пробившись к берегу, кинулись в воду. Палант видел, как Каро толкнул в реку Оз, потом замахнулся топором на Аргола. Тот мягким, словно ленивым движением отбил удар и ткнул гия мечом в бок. Когда люди Стропа добежали до места схватки, все было кончено. Атланты пинками и копьями поднимали пленных и связывали вереницей друг за другом. Другие ловили оленей, вытряхивали на землю пожитки из тюков, ища добычу среди жал-

кого скарба дикарей. Палант подошел к Арголу, вытиравшему концом плаща потное лицо.

— Видишь, знаток, я верно замыслил: мы взяли живьем более половины, потеряв всего двоих. И главное — медведи целы!

Когда атланты двинулись к морю, уводя пленников, попрятавшиеся в камнях женщины выбрались из убежищ и, горестно подвывая, захопотали вокруг убитых и раненых.

Палант шел впереди с Арголом. Спустившись к месту, где тропа протискивалась между огромных глыб, сползших к реке из небольшой боковой лощины, они остановились так внезапно, что идущий сзади чуть не боднул кормчего. В проходе неподвижно стояла Оз — мокрая, со слипшимися волосами, вложив в лук единственную стрелу.

— Какова старуха! — восхищенно произнес Аргол.

— Пощади ее, — попросил Палант, — я крикну, чтоб шла к уцелевшим.

— Нет, она хочет умереть. Так наградим ее смертью от руки кормчего. Дайте мой лук — он бьет вдвое дальше их прутьев.

Слуга протянул ему лук и стрелу. Оз не шевельнулась. Жалея Мать, Палант отвернулся в сторону. То, что он там увидел, заставило знатока глотнуть воздух для отчаянного крика. Но он опоздал. Аргол не успел натянуть тетиву. Стрела, пущенная не им и не Оз, визгнула у лица Паланта и впилась в шею кормчего. Тот уронил лук и, царапая пальцами горло, повис на руках воинов. И тут все услышали одновременно крик Паланта и нарастающий стук копыт.

Из боковой лощины мчались к тропе всадники странного разноплеменного войска. Низкорослые буланые кони бореЙцев бежали рядом с гийскими оленями, мелькали черные лица коттов и острые атлантские шлемы. Впереди, уже в половине полета стрелы от остолбеневших охотников за рабами, скакала четверка вождей. Слева, потрясая копьем, неслась огненноволосая гиянка в лисьем плаще, рядом скакал рослый, сияющий улыбкой негр, прикладывая к тетиве новую стрелу. Еще правее над оскаленной мордой белого коня возвышался бородатый гигант в плаще, расшитом молниями. Край-

ней справа крутила над головой зубастую палицу румяная курносая борейка в голубой шапке из песцового меха. Вождь со знаками молний ударил коня и вырвался вперед, подняв длинный атлантский меч.

— Севз! — прошептал Палант.

Да, это мог быть только он — самозванец, объявивший себя сыном Хроана. На сборщиков дани мчалось многократно уничтоженное в хвастливых вестях, невесть как попавшее в эти края, войско взбунтовавшихся племен, освобожденных рабов, опальных атлантов...

— Гезд, Мать Матерей! — крикнула Оз, протягивая руки к огненной всаднице. И тут над придавленными ужасом атлантами прозвучал хриплый голос Стропа:

— Бейтесь, дети Цатла!

Но лишь немногие воины вскинули копья навстречу летящим коням. Остальные бросились врассыпную.

Когда грохочущий вал надвинулся на Паланта, он метнулся за камень и замер, прижавшись к земле. Через миг справа и слева, почти задев его копытами, пронеслись всадники и кинулись вслед бегущим. Из конца рассыпавшейся колонны, где горсть храбрецов сбилась вокруг Стропа, раздался визг лошадей, напоровшихся на упертые в землю копья, брань и стоны. На тропе всадники протыкали бегущих; мимо камня протрусил медведь, на котором лежал, вцепившись в шерсть, истекающий кровью проводник. Потом он упал, а зверь вернулся и, стоя над хозяином, лизал ему рану.

Придавивший Паланта ужас вдруг отступил перед жаждой спастись. Двумя скачками знаток пересек тропу и кинулся к речному берегу, заваленному обломками скал. Несколько врагов повернули лошадей вслед, но путь был непроходим для конных, и преследователи вернулись на тропу, рассчитывая перехватить бежавших у моря.

Все решило то, что для одних дело шло о поимке нескольких жалких беглецов, а для других — о жизни. Когда Палант, задыхаясь, на костенеющих ногах выбрался из завалов, двое воинов, обогнав его, уже подбегали к лагерю.

Моряки и оставленные в лагере стражи недо-

уменно смотрели на бегущих. Передний в изнеможении упал, не добежав нескольких шагов до лагеря. Вокруг него столпились... потом рассыпались в разные стороны: к шатрам, к кораблям... Проклятые глупцы! Палант из последних сил рванулся к бухте, где жалкие кучки моряков и воинов пытались столкнуть на воду каждый свой корабль, другие волокли из шатров мешки...

— Безумцы! — голос Паланта звучал так яростно, что все, прервав бестолковую суету, обернулись. — Все к кораблю Улунга — он самый легкий!

Корабль стоял, навалиясь грудью на берег. Палант уперся в носовой брус, бежавшие следом навалились на борта, впряглись в ременные петли. Улунг, кривоногий, ширококоротый кормчий, заорал голосом, привыкшим одолевая свист ветра:

— Раз качнем! Два качнем! То-о-олкнем!! — Усилия стали дружнее.

Подбегали последние, упирались в спины и плечи... и корабль тронулся, с негромким скрипом скользнул по песку, и корма качнулась на волнах несильного в этот день прибоя.

Просвистели стрелы, кто-то упал лицом в воду. Из-за холма неслись всадники Севза. Отталкивая друг друга, ломая зубы и пальцы, атланты лезли на корабль. Моряки отталкивались веслами от прибрежной мели.

Перевалившись через борт, Палант упал на настил. Кровь звенела в ушах, давила глаза, дыхание раздирало ребра...

Первым приблизившийся к кромке прибоя борец с проклятьем метнул копье вслед кораблю. Оно вонзилось в корму и задрожало, словно от бессильной ярости.

Вожди сидели в шатре убитого Аргола вокруг стола, за которым Кормчий день назад готовил席ок на Куропаток. Круглолицая румяная бореянка Гехра, сидя рядом с Севзом, метала ревнивые взгляды на Мать гнев, Гезд, которая, хохоча, кидалась костями в донце чаши Севза, когда он опрокидывал ее в рот. На столе теснились блюда с мясом и бур-

дюки некты — пенистого напитка, который борейцы делали из кобыльего молока.

Айд, вождь коттов, что-то шептал яптской жрице Даметре. Ее узкое бледное лицо казалось еще блее рядом с его блестящей черной кожей. Вождь пеласгов Зиланок тянул некту из большого рога, запуская пальцы в остроконечную бороду. Его сын, Посдеон, клевал ястребиным носом над полуобглоданной оленьей лопаткой. Солнце нагрело стены, и в шатре было душно. Над пищей и подтеками некты жужжали мухи.

Вдруг через полураскрытый вход в шатер влетела птица — скворец Аргола. Когда дикари, захватив лагерь, принялись драть и валить шатры, он улетел в соседний кустарник, а теперь вернулся. Обнаружив в шатре стаю мух, он с возмущенным криком закружил над столом. Вожди с разинутыми ртами отшатнулись, не понимая, что затеял этот оборотень, и гнать ли его заклинаниями, или удирать самим. Между тем скворец, наведя порядок, сделал победный круг над вождями и уселся на плечо Севза. Поняла ли умная птица, кто стал хозяином шатра, или просто выбрала того, кто сидел на месте Аргола?

Вожди зашептались, испуганно сторонясь Севза. Самадр, длиннорукий, волосатый вождь оолов, прикрыл ладонями голову, Посдеон потянулся к трехзубому гарпуну, маленькая с проницательным взглядом Мать бритоголовых коричневых либов, Хамма, сгоряча забормотала заговор против льва. Севз закачался от хохота:

— Эй, бесстрашные! Вчера вы избивали медношлемных, а сейчас испугались маленькой птицы! В Срединной она живет в каждом доме, — потом лицо его стало серьезным. — Добрый знак! Птицы Атлантиды признают меня повелителем.

Вожди сконфуженно придвигались к столу. Обиженный насмешкой Посдеон буркнул:

— Эка радость: птица признала! Вот если бы люди!

Широкое лицо Носящего молнии запятнал гнев. Но повороты судьбы уже обучили его обуздывать норов или срывать злость на тех, кто не может отомстить за обиду.

— А вот сейчас посмотрим, — сказал он и, обер-

нувшись ко входу, крикнул: — Приведите атлантских вождей!

Пир возобновился, но все уже наелись и реже открывали рты для пищи, чем для беседы. Разговор шел на языке атлантов, перемешанном со словами других племен. За год совместной борьбы вожди приспособились понимать друг друга.

— Далеко еще до земли яптов? — спросила у Севза Даметра.

— Не пройдет одной луны, как мы будем там! — Севз метко швырнул кость в стоящий у стены щит, и тот отозвался воинственным звоном.

— Меньше луны? Как хорошо! — с улыбкой протянула колдунья.

— Не вернее ли сперва овладеть всей Бореей? — ворчливо сказала Гехра. — Мы ушли оттуда, не взяв каменных стойбищ. Твои сородичи, Севз, могут напасть сзади и даже склонить на союз южные кочевья, где меня не признают Матерью.

Севз с усилием подавил ярость, которую вызывало в нем всякое возражение:

— Полно, соратники! Каждому хочется освободить свою землю от врагов, которых сестра и жена моя Гехра неверно назвала моими родичами. Ибо, хотя отец мой — Хроан, повелитель атлантов, но мать — из земли бореев, а родство по матери главнее!

Да, каждый из вас бьется за свое племя, но лишь мне дано выбирать общий путь. В борейских крепостях атланты окружены и ждут подмоги. Откуда? Из Анжиера в земле яптов, где пристают корабли из Срединной. Надо, чтобы они не пристали! Для этого мы поднимаем яптов и умноженными силами нападаем на Анжиер, — голос Севза, тихий вначале, теперь гремел, заполняя шатер. — Мы возьмем его, и каждый убьет врагов столько, сколько просит его месть. И крепости Окруженного моря не дождутся помощи, а Срединная лишится горячей воды и зеленого камня, из которого делаются блестящие мечи и брони! — Слова Севза, его яростные глаза, взмахи могучих рук зачаровывали вождей: — И тогда я встану на берегу океана и голосом, заглушающим бури, крикну моему злобному и трусливому отцу: «Отдавай власть!»

Громкий хохот прервал заслушавшегося собой

Громовержца. Увлеченные вожжи не заметили, что Строп и Акеан стоят у входа под охраной крючконосых пеласгов. Хохотал Строп с головой, обмотанной кровавой повязкой. Акеан толкал его, умоляя не гневить победителей. Сам он был невредим, так как перед первым же всадником упал на колени, скрестив руки, чтобы их удобнее было вязать.

— Что тебя развеселило, пленник? — спросил Севз, грозно хмурясь. — Предвкушаешь, как осиротелые дети будут добивать тебя камнями?

— Лучше раздерем его лошадьми, — предложила рассудительная мать либов, Хамма. — Камнями разумнее побить другого: он не ранен и дольше выдержит.

От слов женщины с заостренным книзу смуглым лицом и большими, выпуклыми глазами Акеан посерел и втянул голову в плечи. Строп ответил, глядя Севзу в глаза:

— Нет, на своей тропе я не вижу смешного. Но замыслы, о которых ты сейчас говорил, так дики и нелепы, что и на глазах у смерти я не смог удержаться от хохота.

— Ты хорошо бился и смело говоришь. Но что нелепого ты нашел в моих словах?

— А твои мечты о завоевании Срединной? Ну пусть верят в это дикари, впервые высунувшие головы из своих землянок, но ты, живший в Атлантиде и сам наполовину атлант, — разве не знаешь ее силы? Иди, иди в Анжиер! Там тобой досыта накосят коршунов.

— А знаешь ты, весельчак, что мы разрушили Гефес?

— Знаю, — кивнул Строп. — Но твои удачи короче заячьего хвоста.

— Что спорить с этим недобитым охотником на людей! — вмешалась Гезд. — Заткни ему рот копьем. Убитый атлант — хороший атлант!

— Куда спешить? — не согласился Севз. — Мертвый уже ни на что не годен. Слушай, глава челна, — снова обратился он к Стропу, — мы оба видели Атлантиду, но разными глазами. Ты видишь одетых броней воинов, мамонтов, что научены топтать людей. А видишь ли ты, что Хроан в безумной гордости согнал несметное число рабов рыть противную богам и людям канаву между океанами? Раз-

глядел ли, что потомки Цатла погрязли в порочных забавах и уже не могут поднять парус, работать веслом, нанести добрый удар? Вернуть Срединную на путь Цатла — подвиг, порученный мне богами. Идем со мной, глава челна, и с этого дня ты — кормчий ладьи. А через луну, когда силы мои удесятятся, станешь вождем шести ладей!

— Не пристало воину менять хозяина, как плохо выученной собаке, — мотнул головой Строп. И тут впервые подал голос Акеан:

— Повелитель, я буду служить тебе лучше этого грубияна! Он жалкого рода, а у меня предки — титаны!

— Что толку от бросившего меч! — презрительно отмахнулся Севз.

— Потрясающий молниями! Я сдался оттого, что увидел во главе войска тебя — подлинного повелителя! Поверь, я буду полезен: мне известны тайные ходы в Кербе и Умизане...

То ли душа Громовержца была слабо защищена от лести, то ли что-то в обещаниях высокородного его заинтересовало, но он уже благосклоннее спросил:

— А знаешь ты сильных людей, обиженных Хроаном?

— Таких множество! Он шлет их сыновей надзирателями на Канал, утесняет поборами. И все недовольные прислушаются к словам Акеана.

— Ладно, — Севз остановил нового приверженца, — верность докажешь делом.

— А ты, воин, — вновь обратился Севз к Стропу, — сядь и подкрепишься пищей. Может быть, и переменишь решение.

— Нет, водитель бунтовщиков, войны решают один раз. А вот нагрузить ладью перед отплытием в мир теней — другое дело! — Строп опустил на сиденье и вонзил зубы в сочную оленью лопатку.

— Клянусь громами, мне нравится этот упрямец! Как бы наградить его?

— Можем заколоть его сами, — предложила Гезд. — Смерть от руки вождей — знак уважения.

— Нет, — сказал Севз. — Давайте отпустим его. Пусть отвезет наместнику Анжиера мой приказ отказаться от Хроана и присягнуть мне — законному царю Срединной.

Вожди заспорили.

— Помолчите! — вдруг крикнула Гезд и медленно, словно проверяя себя, произнесла: — Можем ли мы убить его? Ведь он ест с нами!

Повисла растерянная тишина. В горячности эни чуть не переступили древний обычай, что навлекло бы на всех позор и великие беды.

— Пусть уходит, — прервала молчание Хамма.

— Зализывай раны! — широко улыбнулся Стропу Айд. — В бою встретимся.

— И скажи своим родичам, которые считают нас зверьем, что мы живем по законам людей, — добавила Гезд.

— Так хорошо угадывать будущее по свежему сердцу вождя! — вздохнула Даметра.

На зов Севза вошел Гонд — военный вождь при Матери гиев. Его лицо и грудь под распахнутой курткой пересекали боевые шрамы; прямые волосы были перетянуты ремешком с нанизанными медвежьими клыками. Суровость смягчал внимательный взгляд серых глаз из-под бровей, широких и светлых, как метелки тростника.

— Снаряди этого воина в путь, — сказал Севз. — Он повезет мое письмо в Анжиер.

Большинство уцелевших атлантов вошли в войско Севза, остальные были подарены роду Куропатки. Оз отдали и четыре оставшихся корабля, из которых можно было получить много хорошего дерева. К войску примкнули освобожденные рабы — гребцы и десяток западных гиев, из тех, которых Аргол несколько дней назад забрал из рода Козерога. Прочие Козероги тут же двинулись к родному стойбищу.

После полудня дети Оз, кроме тех, кто не мог двигаться от ран, собрались на погребение родичей.

Ор остался на стоянке с ранеными и детьми. Было горько, словно торопясь впился зубами в пойманную рыбу, и вместо солоноватой крови во рту разливается желчь. И прежде бывало обидно, когда мужчины не брали его на охоту, юноши не принимали в игры, девушки проходили не хихикая и не оглядываясь.

Стыдясь есть пищу, добытую другими, Ор охотился один. Это заостряло пытливость, учило полагаться

на собственную смекалку, а не только на опыт предков. Громоздкий свод родовых правил и запретов имел над ним меньше власти, чем над юношей, прошедшим Испытание. Но что бы Ор ни дал, чтобы быть как все! Увы, духи упорно противились этому. Вот и теперь, когда род обескровлен и должен бежать из родных мест от мести узкоглазых, желанный час опять откладывается — может быть, на годы.

А ведь Ор спас род — привел на выручку войско Севза, показал место, удобное для засады. Все хвалили его за храбрость и смекалку, но как хвалили! «Ты смелый мальчик!» — сказала Оз и погладила по лицу. Когда Мать воздает хвалу мужчине, она сильно ударяет его в грудь, а тот стоит улыбаясь и просит ударить еще!..

В опустевшем стойбище было тоскливо. Дети, натерпевшись страха, забились в углы темных жилищ. Из одной землянки доносились стоны раненых — тех, что впали в беспамятство. В сознании гий никогда не выдаст боли. Ор дал воды Каро, поправил повязки юной матери, у которой грудь и лицо изодрал медведь.

Проклятые узкоглазые, сколько бед принесли! Мало их убили. Будь у Ора быстрый олень, он бы не отстал от воинов Севза и взял свою долю мести. Завтра они пойдут дальше — на большую войну. Увидят новые земли. Какая там тундра, высоки ли горы?

В войске Севза люди многих племен. Им, пожалуй, нет дела до испытания в котловине гийских духов. Весь день эти мысли подстерегали Ора, становясь все настойчивее.

Вечером мать Ора, Онг, позвала его в священную долину.

— Пойдем, — ласково сказала она, — Гезд будет говорить с нами.

И вот он сидит в кругу родичей, положив голову на плечо матери, чувствуя прикосновения сильных пальцев, ласково перебирающих его волосы. Внизу шумит Оленья, ворчит костер, и перед ним на камне, покрытом шкурой снежного барса, сидит избранница духов, наделенная таинственной силой Мать всех гиев — огневолосяя Гезд. Гезд долго молчала, без-

звучно беседуя со священным огнем рода, потом повернулась к собравшимся.

— Сестра моя Оз и вы, родичи. С тех пор, как дух Огня перешел в меня, много испытаний послали мне духи. В плохие дни я стала Матерью племени. Земли, где кочуют дети Изюбря, Лисы и Барса, щедрее ваших травой и дичью, зато туда издавна повадились узкоглазые. После большой войны Праматерь обещала им дань. С тех пор каждый год приходили они к Синему камню и там забирали меха и пленников...

Гезд рассказала о том, как атланты коварством захватили ее и по морю увезли далеко на восток в страну борейцев в крепость Тар, где в подземельях добывают зеленый камень. Там уже томились многие вожди. Этим атланты держали их племена в повиновении.

— Мне сказали, что весной я вернусь в свою землю с атлантами и буду говорить каждому роду, чтобы они отдали много охотников. А узкоглазые будут грозить убить меня, если гии не подчинятся. Я смеялась про себя: разве Мать пошлет детей в рабство ради своей жизни!

Дети Куропатки не сдержали смеха.

— Но помните, люди: нельзя утешаться глупостью врагов, глупость уживается у них с великим коварством. И я решила: буду и я хитрой, как лиса, от которой идет мой род. Пять лун я жила в каменной норе, не слыша запаха тундры, ела слабую пищу из разваренного мяса и тертых зерен. Узкоглазые старались и задобрить и напугать меня. Мне дарили украшения и показывали боевые игры их воинов, а потом показали кусок кожи с рисунком всей Гийской Земли — и где какой род зимует и где кочует в летние дни. Противно слушать хвастовство, но я терпела, постигая язык и хитрости врагов.

Долго я не знала, что в соседних норах держат матерей и вождей других племен, чтобы, как и меня, сделать приманкой, на которую можно ловить людей и делать рабами. Но потом всех нас свел, помог нам освободиться и забыть старые распри могучий Севз. Слушайте, родичи, я расскажу вам о нем.

Мать Севза была из племени румяных борейцев, что живут к востоку от нас и тоже кочуют по тундре, но не с оленями, а с лошадьми. Из рабынь-борейнок,

привезенных в Землю Посередине, вождь, про которого говорят, будто он держит на плечах атлантское небо, выбрал красивейшую по имени Рея. Когда она родила ему сына, колдуны предсказали, что этот сын, возмужав, победит отца. Тогда Хроан велел утопить новорожденного. Но Рея обманула мужа — завернула в меха камень и кинула в воду, а сына спрятала.

Сперва Севз рос в Атлантиде. Но когда он возмужал, у него стала расти густая борода, а вы видели — у атлантов их плоские лица почти безволосы. И тогда Севза тайно увезли на родину матери и открыли ему — кто он. Сын Реи захотел узнать волю духов. Он поднялся на гору Олинф, и там вокруг него обвились молнии. Но они не сожгли Севза, а признали его власть. С тех пор он готовился к битве с титанами — так зовутся помощники Хроана.

Сына Реи признали законным правителем многие узкоглазые, в том числе Бронт, один из вождей Тара. С его помощью Севз овладел крепостью и освободил пленных вождей, меня и Мать бореев, круглощекую Гехру, и копьебородого пеласга Посдеона, и курчавого черного Айда, вождя коттов, и Хамму, Мать бритоголовых либов, и белую колдунью яптов Даметру. Мы смешали кровь на каменном ноже и стали сестрами и братьями, а Севза за мощь называли старшим братом, и Гехра, которой обычаи не запрещают мужчину, стала ему и сестрой и женой.

Мы набрали войско из всех, кому была не по вкусу власть Хроана, разрушили много атлантских укреплений, освободили множество невольников.

Мы шли через земли разных племен, и всюду самые смелые воины присоединялись к нам. В земле племени рыбаков, оолов их матери прислали нам мужчин во главе с Самадром. Оолы упрямы и недоверчивы, но Севз сумел с ними поладить. Вокруг Айда собралось много коттов, которые живут на юге за морем. Я не знаю, почему духи окрасили их в цвет ночи. В них много силы, доброты и громкого смеха.

А когда, наконец, мы вступили в Гийскую землю, мои дети из родов Лисы, Изюбря и Барса на быстрых оленях двинулись за мной...

Дети Куропатки! — Мать гиев подняла глаза от огня. — У вас осталось мало мужчин, и я не зову их с собой. Но пусть из ваших мальчиков растут сильные воины, ведь никто не знает, когда кончится бой!

Быстро светало. Из лощины, в которой бежала невидимая река, поднимался туман. Облака на восходе стали розовыми. Гезд протянула руки к костру, чтобы произнести заклинание, помогающее взойти солнцу. И тут весь род обернулся к Ору. Он вскочил и побежал, чувствуя обиду и жалость к себе. Ноги сами повернули к лагерю Севза.

Войско стояло на берегу моря отрядами по племенам. Дозорные гиев узнали Ора и пропустили к кострам. Там уже толпились проснувшиеся воины, вкусно потрескивая, жарилась оленина. Гонд осматривал верховых и выючных оленей. Он приветливо поздоровался с Ором:

— Будь неутомим, охотник! Решил идти с нами? — Гонд взял юношу за плечо, раздвинув воинов, сказал: — Накормите нового брата.

Все обернулись, разглядывая смущенного новичка.

— Это Ор. Он привел наше войско на помощь Куропаткам.

Немолодой гий с коротко подрезанной седеющей бородкой шагнул к Ору. Тот с удивлением увидел на щеках воина дыры со сморщенными краями.

— Я, Чаз, беру тебя в племянники, — сказал Рванные Щеки.

После еды Чаз дал юноше тугой атлантский лук, три стрелы и каменный топорик. Потом оба пошли в стойбище и нашли Оз в землянке с ранеными.

— Этот охотник пойдет с нами, — сказал Чаз, — дай ему оленя.

— Ор? Но он еще не охотник. Это против обычая, чтобы мальчик шел одной тропой с воинами! — Ор съежился, ожидая, что Чаз откажется от него, но тот лишь усмехнулся изуродованным лицом:

— А знаешь ты, мудрая, что я тоже мальчик? Двенадцать зим мне было, когда борейцы схватили меня и отдали атлантам. Я таскал воду на их взрыленные земли, а потом ломал камень в брюхе горы и получил вот эти красивые дырки за непокорность — и все оставался ребенком. Ты бы не взяла меня на охоту? — Чаз старался соблюсти почтительность к Матери, но в голосе его сквозила издевка. — А Севз взял меня, и я пошел тропой войны и убил семерых узкоглазых — все оставаясь мальчиком... Дай этому

ребенку оленя, Оз. Он уже показал хорошие клыки. А матерых охотников оставь себе — ловить зайцев и копать корни.

Удивленный Ор видел, что Матери нечем ответить на насмешку.

Они взяли Плясуна — четырехлетнего оленя, обученного возить всадника.

— Завтра тронемся с восходом, — сказал Чаз, уходя.

— Иди сюда, охотник, — позвала Оз.

Она назвала его охотником! Красный от гордости и смущения, Ор шагнул вслед за ней в полумрак землянки.

— Я хочу дать тебе напутствие, — сказала Мать, когда они сели на шкуры у огня. — Говорят, будто, когда мать моей матери еще не родилась, длиннозубая тигрица похитила из стойбища мальчика. Все думали, что она убила его. Но через много зим он вернулся к родичам сильным и хитрым охотником. Он научил их делать луки и удачливые снасти для ловли рыбы и стал большим вождем. Матери всегда спрашивали его совета, хотя... — Оз, наклонясь к Ору, закончила шепотом: — хотя он так и не прошел Испытания. Возможно, что и тебя духи посылают этой тропой. Постарайся узнать тайны узкоглазых и принести родичам. Может быть, тогда мы станем сильнее, и никто не решится напасть на нас.

— Я принесу все, что схватят глаза и уши! — воскликнул Ор.

— Ешь вволю! — Оз как воина ткнула его кулаком в грудь.

На берегу озера, собирающего воду с ледяных языков, сидел человек в темном плаще из овечьей шерсти. Это был Промеат, покинувший родину и проклятый соплеменниками атлантский знаток. С ним не было ни оружия, ни рыболовных снастей, он искал не добычи, а уединения. У ног человека, свернувшись, дремало некое существо, заросшее шерстью.

Прорезанные трещинами красные стены окружали озерную котловину. Кусты барбариса лепились на узких уступах, а наверху, где скалы становились более пологими, заросли покрывали их густым зеленым мехом. Редкие березовые рощи стояли над извилистой

речкой, которая, выбежав из озера, вскоре скрывалась в теснине и, гремя водопадами, устремлялась на запад.

Было утро. Лежащая на обрыве тень горы заметно ползла вниз. В душе человека не было спокойствия. Узкие темные глаза на худощавом безбородом лице искали что-то в обломках скал, поднимались к светлеющим вершинам, словно сиюсь разглядеть, что лежит за ними.

Привычка разговаривать с собой — примета одиночества — появилась у него давно, еще в те времена, когда он был служителем Древа.

— Ребенок рано узнает свою мать, — медленно проговорил он, — но много времени пройдет, пока он научится узнавать братьев и сестер.

Все племена — братья и сестры, — продолжал человек с горечью, — но когда старший давит остальных, высасывает их силы, как убедишь жестокого, что они ему братья? Как убедишь, когда тебя не слышат, когда все, чему ты сумел научить за шесть лет людей побережья, уничтожено, смыто кровью...

Неужели единственный путь — младшим поднять оружие? Этот, зовущий себя сыном Реи и Хроана, почуял, на что можно опереться. Призыв к мести дал ему больше людей, чем все мои слова о добре и о пользе земледелия. Но месть лишь разрушает!..

На береговой тропе камешки сдвинулись от чьих-то быстрых шагов. Почти слившееся с камнем серое существо у ног человека вскочило с рычанием. Покрытое волосами тело на коротких ногах напряглось, длинные руки стиснули дубину с осколком камня на конце. Маленькие глаза из-под тяжелых надбровий впились в место, откуда донесся звук. Существо походило на человека, как здешний шерстистый носорог на своего южного собрата, что живет в тепле, но иногда, словно гонимый памятью, приходит в осиновые рощи у впадения Стикса в океан.

Отвлеченный от размышлений человек поднял голову:

— Тихо, Ым, это братья, — два молодых ибра, жилистые, как все горные охотники, в свободных накидках из бараньих шкур мехом внутрь, кивая рогами прическами, шли по тропе.

— Камень с вашего пути, охотники! — ибрское приветствие прозвучало свободно, но с акцентом.

— Теплого ночлега, Принесший огонь! Мы пришли сказать, что ученики собрались и ждут тебя.

Поднявшись, тот, кого называли Принесшим огонь, оказался на голову ниже ибров. Их волнистые, собранные в рожки над ушами волосы казались светлыми в сравнении со смоляными волосами атланта, откинутыми с высокого лба.

На другом берегу озера, среди пышно разросшихся кустов шиповника, темнели закопченные отверстия пещер. Возле них сидели женщины, возились ребята. От озера поднималось несколько мужчин, неся на палках крупных рыб.

Промеат в сопровождении неразлучного Ыма и ибров подошел к пещере, перед которой на траве сидели несколько десятков местных горцев и жителей побережья — яптов, в прошлом их злейших врагов. Среди собравшихся были трое атлантов. Невысокий, немного сутулый Инад, знаток лекарств и болезней, с редкими волосами над бугристым лбом, беседовал с длиннolicым тощим Ситтаром, изучившим чуть ли не все языки восточных племен, о названиях целебных трав. Их слушал Зогд, бывший моряк, высокий, широкоплечий, с длинными крепкими ногами. Губы Зогда то и дело вздрагивали от смеха, но торчавший вперед подбородок предостерегал от легкого отношения к этому весельчаку.

Инад с двумя яптами недавно вернулся с побережья. Разведчики прошли всю землю яптов до океана. Они рассказали, что страна еще не оправилась после карательного похода Тифона. Общины охвачены страхом, во многих почти не осталось мужчин, объявлены строгие кары тем, кто вспомнит Промеата, станет опускать зерна в землю, устраивать запруды или (самое страшное) выплавлять бронзу. От Хиаба из Атлантиды тоже приходили невеселые вести.

После приветствий и недолгого разговора о делах горного гнезда Ибров Промеат поднялся и сказал, что его, как, наверное, и остальных, очень тревожит происходящее.

— Дело добра едва дышит, — заключил он. — Вы, которые поверили мне и пошли следом, скажите: что делать дальше?

— Этой долины никогда не достигнут враги, — сказала рослая горянка. — Живи здесь, обучай нас, как быть сытыми и дружными.

— А вокруг пусть веселится зло? Мало же ты поняла из моих слов, если хочешь счастья только своему роду.

— Мы можем пойти с вестью добра и знания к другим родам ибров, — предложил Инад, — и за хребет, к Поедающим красного червя.

— Может быть, даже Мохнатые у Ледяной Стены примут братство? — сказала яптянка, кивнув на дремлющего Ыма.

— А потом придут атланты и одним ударом погубят все начатое! — возразил Промеат. — Много ли есть неприступных мест вроде нашего!

— А если племенам покинуть земли предков и уйти к Ледяной Стене, куда не заходят люди Хроана? — спросил один из яптов.

— Подыхать с голода! — идея явно пришлась не по душе ибрам.

— Я сыт бегством! — оскалился Зогд. — Два года мы зайцами скакали по земле яптов, потом забились сюда... Даже детям надоедает одна и та же игра.

— Так что же делать?

— Точить копья! Защищать каждую скалу!

— Про копья — верно, — сказал Промеат, поднимаясь, — но я думаю, если мы хотим выжить, надо не защищаться, а нападать! Все вы слышали о Севзе. Он отбросил атлантское презрение к другим племенам. Он освободил рабов Тара и Гефеса и сумел объединить в своем войске людей разной крови. Давайте предложим ему союз. Если с его мечом соединить наши знания и учение о братстве, Срединная выпустит из когтей людей Окруженного моря.

— Я пойду к Севзу! — вскочил Зогд. — Вот только где искать его, учитель? Слухи о нем так противоречивы.

— Я рад, что ты вызвался, — сказал Промеат и обнял ученика. — А идти надо в Умизан. Там сходится много троп, и торговцы знают новости ото всюду.

Ночь заполнила котловину тьмой и стужей с ближних ледников. Ибры спали в пещерах, видя во сне победные битвы и другие приятные вещи. Один Промеат ворочался на бараньих шкурах. Рядом, растя-

нувшись на голом камне, спал Ым из племени Воло-сатых. Он не боялся холода и не любил постелей. Су-тулый, со скошенным лбом и выпяченными зубами — человек или животное? Промеат получил его детены-шем у Поедающих красного червя за кусок яркой ткани. До этого никому не удавалось познакомиться с волосатыми. Они не сдавались в плен; если же с помощью хитроумных ловушек удавалось поймать нескольких, отказывались от пищи и быстро погибали. Ыма охотники нашли под телом матери, убитой шерстистым носорогом. Мохнатый очень привязался к Промеату, но говорил только три десятка слов, не терпел одежды, не сумел научиться многим простым навыкам.

Была какая-то невидимая стена, и все, что за ней, оказывалось недоступно Ыму. Однако Промеат заметил: среди льда и скал мохнатый был увереннее и жизнеспособнее даже горцев-ибров, не говоря об атлантах. Ым взбирался по непроходимым кручам, на-ходил пищу, где ее, казалось, не может быть...

Промеат замечал у многих лелегов — соседей мохнатого племени — густые волосы на теле, боль-шие надбровья, выступающие клыки. Может быть, мохнатые медленно сольются с людьми, растворятся почти бесследно, как окрашенный глиной ручей в большой реке?.. Но если ледяные потоки дальше будут двигаться на теплые земли, то, может быть, наоборот, стойкие к холоду мохнатые вберут остатки людей и расселятся по скованной стужей земле? Из-вилистые пути разных народов давно волновали Про-меата.

Много лет назад, когда он был служителем Древа знаний, ему довелось заниматься описанием земель к северу от Анжиера. То с отрядом воинов, то с един-ственным дикарем-проводником обходил он области, населенные яптами. Тогда он увидел, насколько не-справедливо высокомерие атлантов по отношению к племенам востока.

Промеата удивляли честность, бескорыстие дика-рей, забота каждого о делах племени. Матерей слу-шались не из страха, а доверяя их мудрости. И доля старейшин в благах была не выше, чем у любого. Когда приходило время платить дань, бросали жре-бий, и те, кому выпала беда, шли в рабство, чтобы враг не губил племя. Невольно просилось сравнение

с жизнью в Атлантиде, где каждый норовил урвать больше для себя, радовался беде соседа...

Слушая легенды и песни дикарей, Промеат поиному видел и путь Атлантиды. Раньше, читая «Почучения Цатла», он представлял себе его лады большими кораблями, спутников — воинами в кожаных панцирях, утыканных медными шипами, а самого Цатла властелином в алом плаще, как на рисунке в главном храме Атлы. Позже сомнения все более разрушали эту картину.

Почему в листах о предках ни разу не упомянута бронза, а говорится о топорах из черного камня? Почему огонь везли через Западный океан в горшках, телами закрывали его от волн? Значит, у предков не было дающих искры камней, как не было у ибров, пока он не научил их? И уж давно не было письменных знаков, если Цатл, выбрав самых смекалистых, велел им запоминать приметы пути и происходящие события. Так возник круг людей, ставших Знанием племени. Из поколения в поколение передавали они накопленное, прибавляя к нему изложение новых побед, открытий, навыков. Под тяжестью этого груза и были придуманы письма.

«Когда Мать Сущего подняла на нашем пути Срединную землю и вступили мы в край ласковый, не заселенный людьми, было нас 317 человек, из них 151 женщина, 140 мужчин и 26 непосвященных...» — выходит, у предков был обычай посвящения подростков, как у дикарей, над которыми атланты насмеяются? И жены упомянуты раньше мужей, как сделал бы любой борец или япт. И совсем дерзкая мысль мелькала у Промеата: ведь Цатл — скорее женское имя...

Племена как щепки кружатся в водовороте времен. Судьба вывела атлантов на стрежень потока — и вот они далеко обогнали остальных. Слишком далеко, чтобы протянуть руку отставшим? Ведь даже самые смелые в суждениях знатоки возражали Промеату:

«Только народ, великий от рождения, — говорили они, — мог создать столь прекрасную, могучую страну. А остальные навеки обречены рыть вонючие землянки и жрать сырое мясо».

Но что они знали об этих остальных! А Промеат знал их оружие, отделанное дивной резьбой, одежду,

теплую и удобную в пути, хитрые ловушки для зверей. Ниже ли они по разуму? А слуга-либиец, который, прислуживая знатокам, открыл измерение высот треугольниками! И мало ли рабов, если приглядеться, вершат работами на каналах, верфях, строительстве домов вместо своих тупых хозяев?

Промеат пытался посеять свои мысли в Атлантиде, но очень немногие соглашались с ним. Тогда они с Инадом решили уйти к дикарям и научить их атлантским тайнам. Три года они прожили в племени Даметры: укрепили дружбу между родами, начали насаждать земледелие и ткачество. Молодые япты из наиболее пытливых образовали вокруг них семью учеников.

Но охотники за рабами рыскали всюду, и столкновение было неизбежно. Однажды пришлось дать бой. Атланты были побиты; в давно покоренной земле яптов не держали сильных воинов. Промеат уговорил отпустить пленных с предложениями мира и дружбы.

Взбешенный неслыханной дерзостью, Подпирающий небо послал карателей во главе с сыном... И вот племя разорено, Даметра в плену, а Промеата с учениками укрыли в своем горном гнезде ибры, которых он к этому времени почти помирил с яптами. Сейчас полторы тысячи обитателей котловины живут безбедно и сытно. Но разве о таком он мечтал: осчастливить одно племя, когда земля задыхается в крови и невежестве!

Прав Зогд — волка не уговаривают, ему вырывают зубы. Честолюбец Севз почуял силу ненависти и использует ее в своих целях. Но чего он хочет: столкнуть с Небесной Башни Хроана, стать на его место и дальше истязать Землю? Или можно убедить его, что самая долгая слава добывается не избиением слабых, а великой любовью к людям?

ГЛАВА 2. СТИКС

Севз торопился, надо было пройти страну западных гнев до начала летнего половодья, когда тающие льды превращают даже небольшие речки в грозные потоки. В войске было около двух тысяч воинов, Ору это число казалось несметным.

Севз ехал впереди, с вождями племен, проводниками и несколькими опытными в воинских делах аглантами. Следом двигались заросшие бородами борейцы и рослые черные котты на косматых низких лошадках, пешие отряды низкорослых яптов с пращами и дротиками, либов с кожаными щитами и топорами, пеласгов с гарпунами и рыбаков из Оолы с дубинами, утыканными зубами акул. Гии на оленях замыкали шествие.

Жизнь воина нравилась Ору. Интересно было ехать по незнакомым местам, не заботясь ни о чем. В первые дни он старался не отходить от Чаза, но потом осмелел и на привалах бродил между кострами, разглядывая людей разных племен. К его удивлению, наиболее приветливыми оказались меньше всего похожие на людей — людьми он, понятно, считал гиев, — черные котты и злейшие враги, узкоглазые.

Примкнувшие к Севзу атланты ежились под перекрестными злобными взглядами и рады были отозваться на малейшее дружелюбие. Ор трогал их вещи, пытался запомнить названия. После того, как он долго вертел чудной лук с зазубренной бронзовой полосой вместо тетивы, один атлант, ухмыльнувшись, взял у него оружие и за несколько вздохов свалил дерево, которое гий рубил бы полдня.

Войско шло на запад вдоль моря, иногда удаляясь от берега в предгорья, где было меньше болот и многие реки можно было перейти по снежным мостам. Вечером на шестой день пути остановились в березовой роще перед широкой полноводной рекой Гуад. Севз приказал готовиться к переправе, которую назначил на полдень — проводники говорили, что в это время поток заметно слабеет.

Отряды расположились на ночлег. Оолы и либийцы надували козьи шкуры, атланты рубили деревья для плотов. Только беззаботные гии и борейцы не принимали участия в общей суете, надеясь переправиться, держась за своих коней и оленей.

Бронт — сутулый, с глубоко спрятанными глазами и запавшим ртом, морщась от старой раны, подошел к Севзу. Бывшего атлантского военачальника раздражали споры, путаница, веселый гвалт, сопровождавшие все действия этой дикой армии.

— Молниеносный, — сказал он, разворачивая карту, — путь к перевалу идет по этому берегу.

Севз прищурился. От улыбки лицо его становилось лукавым и жестким:

— А разве мы идем к перевалу?

— Куда же еще? К Анжиеру нет другой дороги.

— Ты так полагаешь, военачальник? А я знаю путь короче.

— Что же это за путь? — недоуменно спросил Бронт. Севз близко придвинулся к нему и, продолжая улыбаться, шепнул:

— Воды Стикса!

Сперва Бронт счел это неуместной богохульной шуткой. Мрачная подземная река, по которой вода неслась из Окруженного моря в океан, вызывала у людей ужас. Выражение «войти в Стикс» означало отправиться в мир теней.

Но Севз и не думал шутить. Давно он вынашивал смелый план и, уже отпуская Стропа, начал его выполнять. Верный вояка донесет, что Севз решил перевалами прорваться в землю яптов. Это отвлечет силы и внимание врагов, а он между тем кратчайшим путем выйдет к Анжиеру — основной крепости океанского побережья.

Выслушав Севза, Бронт не слишком ободрился. Да, сотни груженных плотов ежегодно проходили Стикс. Но ни один гий, котт, даже атлант не смел хоть одним глазом глянуть на ужасы подземной реки. У ее истоков в крепости Керб жили харны, проводники плотов. Это племя, ведущее род от пса, покровителя Стикса, из поколения в поколение передавало навыки плавания по соленому потоку, до выхода его из-под земли у города Умизан. Перевозимых рабов привязывали к настилу вниз лицом, атланты завязывали себе глаза. Иначе они могли умереть или сойти с ума от ужаса...

А что сделают харны со слепым войском бунтарей, если даже удастся заставить их вести плоты? Впрочем, до этого надо было еще овладеть стражем Стикса, крепостью Керб.

Строп без отдыха ехал по берегу моря, торопясь в Керб. Через два дня он нагнал корабль Улунга, причаливший на ночевку в устье какой-то речки.

Воины поздравляли его с чудесным спасением, Палант крепко обнял приятеля.

Оказавшийся старшим по званию, Строп торопил Улунга. Скорее в Керб, предупредить о замыслах самозванца. Утром того дня, когда Севз еще только переправлялся через Гуад, корабль подошел к крепости.

Гавань Керба была почти пуста, корабли ушли на восток и сейчас, вероятно, стояли у мыса Цсиллы, ожидая, пока освободится ото льда пролив в восточную часть Окруженного моря. Через две луны они вернутся нагруженные рудой, кожами, рабами, если, конечно, начавшаяся на востоке смута не помешает этому.

Еще с корабля Строп крикнул воинам, что везет важные вести. Едва нос корабля ткнулся в песок, он прыгнул на берег, охнул от вспыхнувшей в голове боли и, прихрамывая, чуть ли не побежал к башне. Палант едва успевал за ним. По бревенчатому подъемному мосту они вошли в ворота, над которыми выбитый из камня скалился на входящих огромный трехглавый пес.

Наместник и Держащий меч ждали прибывших в зале главной башни, сидя на меховых подушках по сторонам каменного стола. Строп и Палант молча остановились, ожидая вопросов от старших по власти.

Наместник Керба был невысок ростом — даже для атланта. Но черты его, по атлантским канонам, были красивы и величественны. На плоском лице скулы выступали гораздо резче, чем нос, узкие, скошенные к вискам глаза смотрели холодно и непроницаемо.

— С чем вас прислал Аргол? — спросил он.

Строп рассказал о нападении Севза и дальнейших событиях. Наместник задал несколько коротких вопросов и подозвал Держащего меч. Тот развернул карту, начальники Керба стали совещаться, иногда советуясь со Стропом. Письмо Севза рассмешило их, конечно, они не верили ни единому слову самозванца. Но бахвальство мятежника не много добавляло к тому, что они узнали бы и от Улунга. Главным было то, что Севз появился в земле гиев, а оттуда было не так уж много дорог, по которым он мог пойти. Северный путь к Анжиеру шел через единственный

перевал Ван. Южную дорогу в землю коттов и тропу Харнов над Стиксом стерег Керб.

— Усилим охрану перевала, — заключил наместник. — Пошли два отряда, — обернулся он к Державшему. — Первый засядет на подступах, второй на гребне. Когда Севз пройдет засаду, мы оседлаем проход с двух сторон и схватим за горло, как змею. А вы, принесшие весть, пройдете с войском до перевала, а оттуда отправитесь в Анжиер и дадите отчет о том, что было на Оленьей.

В середине дня войско повстанцев достигло заросшей соснами лощины. Проводник сказал, что совсем близко за холмом стоит Керб. Расположились на отдых. Было запрещено жечь костры и громко разговаривать.

Воины подкреплялись холодным мясом, вожди слушали Акеана. Атлантская одежда висела на нем ключьями, из сапог торчали пальцы.

— Керб стоит на северном берегу Стикса, — объяснял он. — Стены крепости составляют треугольник с воротами в каждом углу. Восточные ворота командуют приморской дорогой, северные — путем к перевалам в землю ибров, западные — верхней тропой через перешеек. По ней харны возвращаются после страшного плавания. Есть еще подземный ход, но в крепости он закрыт тяжелым щитом, который поднимают стражи в Главной башне. Стены высотой в три человека сложены из грубо обтесанных камней. Да, взобраться можно бы, но стражи собьют смельчаков стрелами. Ворота? Акеан с готовностью стал описывать их устройство. Проем в стене закрыт щитом из кедровых бревен. Его нижние углы выступающими концами вставлены в отверстия стены, а к верхним прикреплены ремни из кожи носорога. Когда надо открыть ворота, стражи в башне поворачивают деревянные круги с зубцами, и щит медленно опускается, образуя мост через ров.

Севз хмурился, мало что поняв из описания подъемного механизма. Зато Бронт мигом уловил главное:

— Значит, если перерезать ремни, щит упадет сам?

— Вот, вот! — закивал Акеан. — Как остра твоя

мысль! И такого воителя глупец Хроан загнал в жалкий Тарр!

Севз еще больше нахмурился, он не любил, когда при нем хвалили других.

— Хватит болтовни! Значит, ночью подкрадываемся, на рассвете нападаем. Но кто-то должен влезть первым — резать ремни.

— Пошли пеласгов! — сказал Посдеон. — Они в бурю забираются на корабельные мачты.

— Гии как козлы лезут по отвесным скалам, — сказала Гезд.

— Япты влезают на самые высокие деревья, — вставила Даметра, — чтобы отыскать путь в лесу.

— Ха! — крикнул Айд. — Ваши деревья полны сучьев, а южные котты залезают на дерево с голым гладким стволом!

— Но ваши черные, большие тела будут на рассвете видны всем, — усмехнулась жрица, — а маленькие япты...

Краем уха слушая вождей, Севз одновременно пытался уловить тот дивный голос изнутри, что не только сулил ему божественную власть над миром, но и подсказывал смелые, верные решения. При словах Даметры Севз вздрогнул и впился глазами в черного Айда.

— На рассвете? — переспросил он. — А зачем ждать рассвета!

Три десятка нагих негров с мечами, завернутыми в шкуры, бесшумно вышли из лагеря. Через несколько шагов их тела слились с ночью. Немного погодя выступили конные борейцы и котты, гии на оленях. Копыта животных были обмотаны шкурами. Оолы, впереди которых плелся Акеан, ушли вправо, к подземному ходу. Остальные пешие отряды — либов, яптов, пеласгов — следовали за конными.

Гии притаились на кромке леса у восточных ворот. Ожидание битвы было томительным. Ор то ощупывал стрелы и топорик за поясом, то пытался разглядеть стражей на угловатой скале башни. Над горами на востоке темная шкура неба начинала чуть заметно редеть.

Вдруг, от северного угла крепости донесся гул.

Может быть, это отвлекло дозорных восточной башни на тот единственный миг, которого ждали затаившиеся под ней котты: не прошло вдоха, как грохнуло совсем близко, и в черной стене впереди возник просвет. В мелькании ветвистых рогов, приглушенном стуке копыт гии молча рванулись к воротам. Тревожно крикнул страж на стене, вспыхнули факелы... Теперь можно было не скрываться. Протяжный боевой клич взлетел над атакующими. Ему ответили боем от северных ворот, сзади подхлестнули гортанные крики пеласгов... В разноголосом крике едва слышно было, как рухнул третий щит.

Плясун был хороший олень, и Ор одним из первых влетел в проем. Несколько стрел свистнуло мимо. Целясь на огонь факела, он спустил тетиву, услышал вскрик и, ободренный первой удачей, поскакал навстречу фигурам, выбегающим из-за угла бревенчатого дома. Одного врага он сбил оленем, другой взмахнул мечом, но лишь срубил кусок рога задравшему голову Плясуну. Ор выхватил топорик, но тоже промахнулся и проскочил вперед.

— К Главной башне! — крикнул Гонд.

Сонные атланты и харны не могли понять, где враги, сколько их. Севз с бореями первым пробился к центральной площади. Быстро светало, и можно было оценить ход боя. На стенах не осталось ни одного врага. Несколько групп харнов, окруженных между домами, сдались. Большинство уцелевших воинов и плотовщиков отступало к центральной башне, медленно втягиваясь в ее узкие двери. Сверху в нападающих летели стрелы. Из одной бойницы высунулась трубка с горящим впереди факелом, и струя пылающей жидкости полоснула по нескольким бородам. Двое покатались, сдирая горящую одежду, остальные, хватаясь за обожженные места, в ужасе отхлынули.

— Бейте по окнам! — крикнул Севз.

На площадь верхом ворвалась Гезд и с криком: «Духи Огня не враги гиям!» — помчалась к двери. Следом, кто верхом, кто спешась, бросились воины.

Но ни одно копьё не встретило нападающих. В нижнем зале башни горела нефть, разлившаяся из меха с глиняной трубкой на конце. Посреди пола зияло отверстие с приподнятым над ним бревенча-

тым щитом. Несколько гиев кинулось к люку, но Севз со смехом крикнул:

— Не надо! Там уже ждут! — и, шагая через две ступеньки, стал подниматься на верхний ярус башни. Вслед затопали воины. Толкнув дверь, Севз устоял на малорослого атланта в алом плаще, стоявшего у окна с голубем в руках. Тот поднял на вошедших плоское лицо с узкими щелями глаз и одновременно кинул голубя в окно.

— Успе-ел? — протянул Севз ласково. — И что же унесла птица?

— Твою гибель, — ответил наместник, едва шевельнув губами.

Улыбка Севза стала шире:

— Я скажу тебе, что ты написал: «Самозванец обманул Стропа, хитростью захватил Керб. Шлите воинов на тропу Харнов и путь к земле коттов». Так я прочел?

Наместник чуть приподнял брови. Будь здесь кто-то из его приближенных, он сказал бы, что властный крайне изумлен.

— А ты решил повернуть назад? — спросил он. — Выходит, ты умнее, чем я думал. Но трусливее.

— Эх, правитель! — Севз медленно смаковал слова. — Опять ты промазал. Я проплыву по Стиксу и врасплох захвачу Умизан, который благодаря твоим вестям останется без воинов.

— По Стиксу?! — И тут произошло невероятное: глаза властителя достигли никем не виданной ширины, плоский нос сморщился, и из разинутого рта раздался скрежещущий смех. Ему ответил хохот Севза. Двое смеялись в лицо друг другу под недоуменными взглядами воинов. Севз перестал первым. «Заколите его», — крикнул он и, повернувшись спиной, шагнул к лестнице.

С разных сторон к площади сводили пленных, подъезжали возбужденные боем вожди, восхваляя подвиги своих отрядов. Потрясающий молниями позвал коттов, перерезавших ремни ворот. Двое из них погибли. Остальным вождь собственноручно надел сияющие бронзовые нагрудники с убитых телохранителей наместника. Айд сиял от гордости.

В углу площади теснились харны — в основном женщины и дети, вытщенные из домов. Примчался торжествующий Самадр, но от его вести Севз вместо похвал разразился проклятиями. Оолы, поставленные в засаде у подземного хода, забыв наставления, перебили всех выскакивающих оттуда беглецов. Лишь немногие кинулись назад и в башне сдались гиям.

План Севза оказался под угрозой. Всего 45 мужчин, посвященных в тайны Стикса, нашлось среди пленных. Севз спросил, кто из них старший. Харны растерянно топтались, потом, поняв, показали на женщин. Севз приосанился. Он любил и умел вести дела с женщинами. Уважительно посадив Матерей на шкуры, он отпустил пару похвал плотоводческому искусству племени, сказал, что лишь у мудрых и сильных матерей бывают такие дети, пожалел о гибели многих харнов, которым он вовсе не враг... За этим следовала вежливая просьба провезти часть его войска до Умизана по Стиксу. Взамен он обещал племени признание его особых прав, а после победы над Хроаном — щедрую награду. В случае же отказа пришлось бы с великим сожалением перебить всех, включая детей.

Недолго подумав, харнянки согласились. Вот теперь слово перешло к старейшинам плотовщиков. Расставляя ноги, как на качающихся бревнах, они подошли к Севзу и сказали, что есть 30 готовых плотов. На каждом уместится два десятка воинов. Но на каждый плот требуется четыре проводника, так что харнов хватает только на 11 плотов.

Двести воинов? Такой силой нападать на Умизан не решался даже Севз. Нет, ему нужны все шесть рук плотов. Харны в один голос твердили: пусть лучше казнят их сразу, чем гнать в Стикс по одному-двое на плоту.

И никто, кроме них, не сможет вести плоты? Все дружно замотали головами. Обучение ведется годами, сопровождается тайным колдовством, без которого духи Стикса пожрут безумца, замахнувшегося на них веслом. Севз вздернул бороду: уладить с духами — это он берет на себя! Да, да, у него припасено очень хорошее средство. А вот насчет искусства плотоводения...

Тут старый Зиланок что-то шепнул Посдеону. Тот

был сегодня полон обиды. Все восхваляли коттов, открывших ворота, гиев, одолевших жидкий огонь, борейцев, что верхом проскакали по северной стене, сбрасывая лучников... А когда пеласги добежали до стен, в Тупе не осталось ни одного вооруженного врага.

— Великое искусство! — закричал он. — Плыть по этой соленой речке?! Пеласги покажут, как резать воду веслами!

Крючконосые согласно загалдели. Севз кивнул:

— Верно, Посдеон! Нет мореходов лучше пеласгов. Сколько из твоих воинов знают кораблевождение?

На призыв вождя вышло более шестидесяти. Севз, не сильный в числах, велел Бронту посчитать, хватит ли этого.

— Нужно еще одиннадцать человек.

— Ну, кто умножит славу своих племен? — крикнул Севз. — Я сам возьму весло!

— Я тоже! — откликнулся Айд, заслужив улыбку Даметры.

По одному, по два выходили борейцы, котты, либы...

— Ну, еще всего двое! — Чаз, раздвинув ряды соплеменников, вышел вперед. Поперхнувшись от страха перед собственной дерзостью, Ор шагнул вслед.

Подчиняясь могучей воле гиганта с атлантскими скулами и борейской бородой, харны сказали, что юношей обучают вождению плотов у истоков, где река течет двумя рукавами: один спокойный, а другой изобилует порогами. После того, как плот с учениками пройдет Протоку Испытаний, его оттаскивают назад по спокойному руслу.

Множество воинов расселось по берегу. Оставленные в крепости дозорные глазели со стен, даже раненые приковыляли полюбоваться зрелищем. Плот подвели к началу пути. Двое харнов стали с веслами на носу, третий — на корме, четвертый — посредине с длинным шестом. По его сигналу гребцы оттолкнулись от берега. Да, харны умели водить плоты! Связка бревен влетела в кипящую воду и, направляемая точными ударами, понеслась между камнями хитрым змееподобным путем.

Причалив ниже порогов, харны подошли к Севзу.

Он с похвалой кинул каждому в фартук по три бронзовых кольца. Второй плот, на котором был один харн и три пеласга, плыл неуверенно, застревая между камнями и крутясь в водоворотах. Но к концу пути старший и гребцы стали лучше понимать друг друга и благополучно вышли на спокойную воду. Следующие два плота постигла неудача. Тогда Севз решительно встал и, взяв за плечо старейшину харнов, пошел к реке. Следом двинулся Посдеон, поманив еще одного пеласга. Но Айд отстранил воина, и четверо вождей взошли на плот.

Искусство старого харна было изумительно. Посдеон тоже не посрамил многих поколений мореходов. Но больше всего восхищенных криков досталось Севзу, который мощно бурлил воду широкими взмахами весла. У Айда, когда он сходил с плота, лицо было серое, но, как всегда, улыбающееся.

Когда плот оттолкнули от берега, Ору показалось, что вода застыла. Зато, продираясь через нее и раскидывая фонтаны брызг, навстречу побежали камни. Налегая на весло, Ор старался направить нос плота в проход, которым прошли предыдущие. Но его напарник, либиец, вдруг загреб навстречу, и связку бревен неудержимо понесло на черную, окруженную пеной глыбу.

Молодой харн, подняв шест, крикнул команду, Чаз навалился на носовое весло, но либ, зажмурясь, опять рванул против течения. Тяжелое весло, ткнувшись концом в камень, вырвалось из вилки и, как великая стрела, с гудением пролетело над плотом, едва не сбив Чаза. Плот с размаху стукнулся о препятствие и, скрипя, полез на наклонный бок камня. Либиец, взмахнув руками, полетел в поток. Остальные, вцепившись в ремни, распластались на бревнах. Плот постоял наклонно, лениво развернулся и вперед кормой скользнул в поток. С берега кинули веревку, потянули бревна к отмели. Туда же прибило ошалелого либа.

— В двух пальцах ото лба! — твердил Чаз, показывая, как летело весло.

Весь день с порогов слышались крики, треск севших на камни плотов и ломающихся весел. Свободные гребцы пялились с берегов или бродили по кре-

пости. После скудной походной пищи люди досыта наедались, чинили одежду, выбирали добычу.

В сумерках тяжелый от сытости Ор вышел на берег, где, привязанные к кольям, колыхались на легкой волне плоты. Он шагнул на свой плот и долго стоял, вглядываясь в щель между скалами, куда, вспухая горбом, втягивалась вода. Волна шевельнула весло. Вспомнилась утренняя неудача — удар и гудение огромной стрелы.

И тут он услышал голос тихий, но настойчивый: «Плохо, что весло вылетает. Не дай ему убежать с плота!» Ор испуганно оглянулся, но вокруг никого не было. Значит, голос шел изнутри? «Но как заарканить весло? — пробормотал Ор. — Ведь им надо грести! Разве примотать к вилке?» — «Она сломается и пропадет вместе с веслом!» — голос стал сердитым от глупости Ора. «Тогда привязать прямо к плоту?» — «Пробуй!»

Ор отрезал кусок повешенного через плечо аркана.

— Оэ, охотник! — окликнул его проходивший мимо Гонд. — Что делаешь?

Запинаясь, Ор рассказал ему, как вырвалось весло, и про голос, что советует посадить его на привязь.

— А будет духам по нраву твоя хитрость? — покачал головою вождь. — Харны не привязывают весел. Если плот снаряжен не по обычаю, река может не принять его.

— Смотри! — Ор шагнул к веслу и стал загребать воду. — Грести не труднее. Может, духи гиев хотят помочь?

— Надо спросить Мать Матерей.

Гезд, выслушав спор, захотела осмотреть плот. По дороге она окликнула Посдеона, и тот присоединился. Послали за старейшиной харнов. Плотовщик, презрительно глянув на ремень, сказал, что настоящий гребец всегда вовремя уберет весло.

— Ты плыл тут много раз, а мы пойдем впервые, — сказал Посдеон. — Я велю всем пеласгам привязать весла.

Гезд обратилась к духам, подняв глаза в вышину.

— Добрый дух говорил с этим воином! — объявила она. — Пусть на всех плотях привяжут весла, чтобы их не выхватила враждебная сила.

Подойдя к покрасневшему юноше, она сильно ударила его в середину груди, отчего у него сладко перехватило дыхание.

— Прислушивайся к этим голосам, охотник, — сказала Мать гиев, — но будь осторожен. Не всегда по голосу отличишь доброго духа от злого.

Солнце едва приподнялось над вершинами, когда семь сотен воинов, вздрагивая от утреннего холода и волнения, сошли к реке. Плоты, натянув привязи, вздрагивали, словно спеша устремиться в смертоносные теснины. Вслед течению вытягивались космы бледно-зеленых водорослей. С берегов наклонялись к воде метелки лилового барбариса, качали головками рослые чертополохи, которыми харны искусно расчесывали козий пух для своих высоких шапок.

Погрузка шла в тишине. Воины ложились на бревна, хватаясь за натянутые ремни, и заранее закрывали глаза. Плоты уходили в Стикс тремя десятками. Впереди каждой шел плот с четырьмя опытными харнами. На остальных лишь в середине стоял с шестом проводник по реке смерти, а весла держали пеласги и смельчаки других племен.

Короткий вопль жертвенного козла надорвал тишину. Его безголовая туша, подняв брызги, упала в воду. Следом оторвался от берега первый плот. Одна за другой десять заостренных площадок взлетели на искрящийся под низким солнцем водяной горб и, прыгнув с него, исчезли за поворотом.

Вновь наступило томительное ожидание. Либиец, достав из-за пазухи полоску вяленого мяса, сосредоточенно жевал, Чазу зачем-то понадобилось перемотать висящий через плечо аркан. Молодой харн пробовал на колене длинный упругий шест. Ор, сунув руку за пазуху, ощупывал амулет Паланта. Воины неподвижно лежали лицами вниз.

Наконец настала их очередь. Плот потрянуло на перекате, и вновь, раздирая неподвижную воду, навстречу понеслись камни. Чаз, расставив ноги, стоял рядом с Ором на носу, либиец выравнивал корму. За слиянием рукавов гудел первый порог. На его камнях стоял застрявший плот первой десятки. Воины сталкивали его с мели. Но Ору было некогда огля-

дываться. Он яростно греб, видя только скалы, воду и идущий впереди плот.

Впереди перегораживал реку увенчанный пеной вал. Передний плот взлетел на него, страшно наклонился вперед и, показав мокрое брюхо, исчез. Руки гребцов опустились. Плот несло туда, где только что исчезли два десятка их товарищей. Но проводник кричал, что надо грести вперед — сильнее, еще сильнее!..

Низкий гул ударил в лица. Нос плота вздыбился и полез на вал, весла яростно ворочались в затвердевшей воде. С гребня они увидели передний плот — целый, убегающий к повороту. Разогнавшись, их связка бревен прыгнула с переката. Вода с тяжелым плеском расступилась и тут же кинулась со всех сторон, накрывая скорченные ужасом тела лежащих воинов. Когда волны схлынули, либиец утер лицо рукой и удивленно улыбнулся Ору. Чаз на носу, отряхиваясь, как вылезший из реки пес, корчил им веселые рожи. Буруны опадали, соленая река быстро и ровно неслась вперед.

Харн положил шест и потянулся к меху с водой, и тут гребцы почувствовали жгучую жажду. Все вокруг было соленым: брызги воды, пот, кровь из ссадин на руках.

За первым порогом Стикс тек между соснами, растущими на песчаных откосах. Местами обнаженные корни висели над потоком, как когтистые лапы чудовищ. Берега становились все выше и круче, песок заменил желтый, морщинистый камень. Налетая на выступы, струи разбивались и через поток ложились косые полосы бурунов.

Повинуясь коротким выкрикам харна, трое гребцов кидали весла в ребристую воду, и плот, словно живой, увертывался от камней, водоворотов, нависающих стен.

— Смотри! — крикнул Чаз.

Пустой плот с поломанными веслами плыл, тыкаясь в скалы. Но у Ора не было ни сил, ни времени почувствовать страх. Обливаясь потом, он греб, отдергивая весло от выступов, вновь вонзал его в соленую пену. Иногда гребцы успевали видеть убегающий передний плот. Значит, не они одни уцелели в бесконечной схватке с духами воды и камня!

Но вот, как было условлено, с передних плотов

долетел пронзительный свист. Ор сразу стал загребать направо. Вода тащила из рук мокрую рукоять. Из-за поворота неся низкий, упругий гул. Либиец, раскрыв рот, замер у левого весла. Харн что-то кричал ему, но по пустым глазам гребца было видно, что в нем ничего не осталось, кроме ужаса. Впереди над рекой висела многоцветная радуга. Под ней вода, вскинув пенные руки, проваливалась между двумя отполированными скалами. На переднем плоту бешено гребли вправо, в узкую протоку, отгороженную от русла грядой камней. А либ все стоял, намертво стиснув опущенное в воду весло, отчего плот, несмотря на отчаянные усилия остальных, сворачивал к провалу.

Бросившись к гребцу, харн сильно хлестнул его по лицу. Глаза либийца ожили, хрипя от натуги, он рванул веслом воду. Нос неохотно свернул в протоку, где уже стояло три плота.

Еще два успели свернуть, но на следующем замешкались, и он проскочил спасительную гряду. Крик кого-то из гребцов на миг вплелся в гул потока и тут же пропал в радужной завесе брызг. Харн стоял посередине, бросив шест, покорный воле духов. Ни один из воинов не поднял голову — взглянуть на приближающуюся смерть. Затянутые в провал бревна на миг сдвинули струи: низкий голос водопада поднялся, взлетел до воя — и тут же опять зазвучал ровно и упруго.

Девять плотов сбились в горле протоки. Раздали еду и по малой мерке некты. Хмельной напиток ободрил воинов. Упираясь в бревна и удерживая плот ремнями, они повели плоты по узкой протоке в обход водопада. Гребцы, отдыхая, шли позади. Кое-где берега были стесаны, словно гигантским топором. Пользуясь тайным искусством разрушения скал, атланты расширили древний путь харнов.

Ор шагал по краю обрыва, обдаваемый солеными брызгами, косясь на водопад. Стена воды скрывалась внизу, в черной щели, из которой поднималась водяная пыль, словно там горел холодный огонь. Стены ущелья были белыми от соли; бахрома соляных сосулек свешивалась с выступов, камни щетинились, будто покрытые седым мхом.

Наконец вырубленный в скалах канал спустился к потоку. Берясь за весла, гребцы в последний раз

оборачивались к ревущей воде, бесследно поглотившей плот и два десятка людей. Снова мимо поплыли скалы, сдвинутые так тесно, что над ними виднелась лишь узкая змейка неба. Еще один большой порог виднелся впереди, но пройденные опасности закалили гребцов. Страх не исчез, но рядом с ним в душе скалил зубы азарт борьбы.

Ору казалось, что они попали в стадо каменных чудовищ, прыгающих им навстречу. Он угадывал их намерения, увертывался от одних, отталкивал веслом других. Случалось все же, что глыба со скрежетом задирала днище или бодала плот сбоку мокрым лбом. Уже вблизи конца порога идущий впереди плот запрыгал на бурунах, медленно поднялся и перевернулся. Большинство воинов так и не выпустило из рук ремни. Харн покорно пошел ко дну. Искусные проводники по реке смерти не умели плавать. Но трое пеласгов и два гия вынырнули — их головы мелькали среди бурунов.

— Арканы! — крикнул Чаз, на миг обернув к Ору дырявое лицо.

Две петли пролетели над водой и упали возле захлестываемых пеной голов. Харн на середине плота жалобно взвыл: нет, эти проклятые невежды решили совсем взбесить духов! Где же видано, чтобы отнимать у Стикса то, что он выбрал себе! В ужасе он ждал, что вот-вот вода разинет белую пасть и проглотит всех. Но ничего не случилось. Дерзкие неучи старательно гребли, скалясь улыбками. Спасенные, дрожа, жались друг к другу... Кто их знает, этих отчаянных чужаков: то ли уж очень сильные духи их защищают, то ли Стикс решил взять свое в подземелье?!

После нескольких поворотов, которые надо было проходить, тесно прижавшись к отвесному берегу, русло стало шире. Справа желтела песчаная отмель. На ней росло несколько сосен с ветвями, вывернутыми борьбой с ветром. По низкому берегу расхаживал Севз с Посдеоном, загибая пальцы. В первой десятке погиб один плот, во второй — два. Подходили плоты третьего отряда, их оставалось восемь. Один разбился на пороге, другой, на котором плыл Айд, не успел свернуть у водопада. Но черный гигант почти над провалом ухватился рукой за выступ скалы, а другой — за суковатый конец бревна на корме,

и так, раздираемый надвое, ждал, пока все не выберутся на берег. Сейчас он, широко разводя руки, рассказывал Севзу и Посдеону об этом веселом приключении.

Вновь воины тесно легли на бревна. Харны установили на каждом плоту жердь с масляным светильником и, бормоча заклинания, зажгли масло. Напомнив вождям замысел близкого сражения, Севз прыгнул на плот, который закачался под его тяжестью.

Быстрое течение несло плоты между плитами, с которых свисали к воде пряди белесых, почти не знающих солнца растений. Дневной свет все слабее пробивался между протянутыми навстречу друг другу каменными ладонями. Вот они встретились, еще на миг разошлись и, наконец, плотно сомкнулись над головой. Вода стала маслянисто-черной и выпуклой. На плеск весел под сводами пещеры злобным шепотом отзывалось эхо.

Обычай не разрешал произносить здесь ни звука. Зубами удерживая бьющийся изнутри вопль, гребцы провожали глазами выхваченные из мрака то изгрызенные, то гладко вылизанные водой уступы. Провалы в стенах, усеянные белыми зубами сталактитов, на миг вырывались из тьмы, как гигантские пасти, и, корча страшные гримасы, уплывали назад. Навстречу свисающей со сводов бахrome из воды тянулись копыя, перья неведомых птиц, занесенные в угрозе руки... Страх то подкатывал душной волной к горлу, то отливал к коленям, которые начинали дрожать и гнуться.

Вдруг либиец, не выдержав пытки ужасами, повалился на бревна, затыкая пальцами рот. Плот качнулся вправо и стал кормой втягиваться под нависшую стену, где устрашающе чавкала вода. Харн несколько раз ткнул либа шестом, но тот даже не вздрогнул. Тогда к веслу кинулся один из спасенных пеласгов: он не стал грести, а упершись грудью в рукоять, выставил его навстречу скале. То же сделал Чаз. Ор изо всех сил отгребал влево. По знаку харна два весла и шест разом оттолкнулись от стены, и ловушка неохотно выпустила добычу.

Снова дрожащие огни вырывали из мрака куски свода. Казалось, пещера живет, извивается, дышит. Есть у нее конец, или коварная нора, поиздевав-

шись над смельчаками, сомкнется непроходимой стеной? Чаз внезапно обернулся и затопал ногами, раскрыв рот в беззвучном смехе. Неужто и его духи Стикса поразили безумием? Нет, просто глаза рудокопа, привыкшие к подземельям, уловили впереди первый блик дневного света. Харн повернулся к уходящей назад тьме и благодарно согнул колени.

Навстречу плыл треугольник входа. Гребцы жмурились отвыкшие от света глаза. А из-за раздвигающихся стен уже летели навстречу боевые вопли, стоны раненых, треск пожара. Плоты врывались в битву. Чаз пинками подымал воинов. Они вставали, растерянно моргая, еще не веря, что ужас неведомого остался позади, а впереди — просто война: привычная, земная и после пережитого совсем не страшная.

Город не был защищен со стороны Стикса. Никто не ждал нападения из теснины, вход в которую заперт стенами Керба и мрачными легендами.

К берегу спускались деревянные хранилища для продовольствия, снаряжения, добычи. Сейчас они горели; шум боя доносился с улиц, идущих вверх. Севз с воинами первых плотов уже захватил часть города. Умизанские рабы, вооружась чем попало, нападали на атлантов со спины, поджигали дома. Лишь у нескольких каменных зданий еще защищались группы воинов и горожан.

Гии бежали за Чазом по пустой, затянутой дымом улице. Мимо мелькали странные высокие землянки, не покрытые землей. Изредка попадались трупы. Но вот зазвучали возбужденные голоса. Воины первых плотов, смешавшись с городскими рабами, толпились, прячась за стену углового дома. Некоторые пускали с крыши стрелы. Севз стоял у стены.

Сзади подбежал отряд либийцев. Разделив воинов на две части, Севз взмахнул мечом. С криками они выскочили по обе стороны дома на перекресток, наспех перегороженный бревнами, тюками, корзинами. Визгнули стрелы, но воины, не оглядываясь на упавших, бежали к завалу, за которым мелькали треугольные шлемы врагов.

Копья скрестились над завалом. Несколько повстанцев, взбежавших наверх, тут же повалились на землю, истекая кровью. Ор, заметив щель между

бревнами, протиснулся в нее и оказался лицом к лицу с молодым щекастым атлантом. Копье Ора ударило первым — между капюшоном и нагрудником. Ответе врага не было силы — острие лишь ободрало кожу на боку Ора. Ноги атланта подломились, и он сел, пряча окровавленное лицо в колени.

К Ору повернулось сразу три копья, но гии, заметив, что внимание врагов отвлеклось, уже взлетали на завал. Защита сломалась. Воины кинулись вслед немногим беглецам.

На улице несколько рабов избивало камнями волка с обрывком ремня на шее. Гии, кроме Ора, присоединились, а ему стало жалко зверя, и он ушел, повернув наугад в одно из деревянных ущелий между домами. Всюду воины распахивали двери, вытаскивали ткани, посуду, незнакомые предметы. Горожане при виде победителей становились на колени, протягивая руки вперед. Ха! Всесильные владыки — чего они стоят без заостренной бронзы и боевых зверей!

Ор открыл одну дверь и заглянул в дом. Свет пожара через высокое окошко освещал неуютную атлантскую землянку. В одном углу стоял кожаный ларь, в другом — слишком высокое ложе, накрытое пестрым ковром из кусочков разного меха. В нишах стен стояли сосуды и непонятные вещи. Вдруг охотничий слух Ора уловил затаенное дыхание. Откинув копьем занавеску возле ложа, он увидел притаившуюся женщину в светлой одежде. Из-за ее спины мальчик лет пяти таращил любопытные глазенки. Мать отталкивала его назад, пытаясь спрятать.

У входа затопали шаги. Приземистый оол забежал в комнату. Увидев, что дом занят, он плюнул в сторону атлантики и скрылся.

Ор опустился на корточки и, улыбаясь, поманил детеныша. В стойбище он, не допущенный к играм молодежи, много возился с малышами и успел по ним соскучиться. А еще было интересно — рождаются дети атлантов сразу краснокожими и узкоглазыми или позже путем колдовства обретают облик, несхожий с людьми.

Мать заслоняла ребенка, но гий осторожно развел ее тонкие руки. Да, это был почти готовый маленький атлант, раскосый, с кожей блестящей, как наконечник копья. Мальчик доверчиво глазел на Ора,

а когда тот попробовал оттереть бронзовый цвет с его кожи, засмеялся от щекотки совсем как маленький гий.

Женщина — почти на две головы ниже Ора — все пыталась выхватить сына, но боялась разъярить ужасного дикаря с ледяными глазами и соломенной гривой.

— Воины не закалывают оленят, — сказал ей Ор.

Она не поняла и забормотала что-то умоляющее. Тогда гий нашарил в мешке памяти слово, которым Севзовы атланты что-нибудь хвалили, и сказал его, ткнув пальцем в детеныша. Женщина робко улыбнулась и повторила: «Хороший!»

Ор прислонил копье к стене, подхватил детеныша и, подкинув к потолку, поймал. Мальчик засмеялся и подергал волосы чужака.

Посадив малыша на ложе, Ор окинул взглядом комнату, думая, как живут узкоглазые в этих поднятых над землей деревянных ловушках. Женщина, решив, что воин ищет добычу, метнулась к нише, открыла ящичек из кости и протянула несколько блестящих украшений и связку колец. Юноша с любопытством оглядел звякающие вещицы, но не нашел ничего годного для войны или охоты. А амулет у него уже был.

Положив побрякушки, он взял копье и пошел к двери, но женщина вдруг ухватила за его куртку и потянула назад. Он обернулся, и узкоглазая обхватила его руками, не пуская из дома.

Ор понял — она ищет в нем защиты от других воинов. Растерянно он ощутил, что прикосновение атлантики приятно ему, и вид ее гладкого лица с темными глазами и припухлым ртом не вызывает отвращения. От нее пахло синими цветами, что растут у моря. А как же ненависть к коварным врагам? Что сказали бы Оз и Гезд! Ор мешкал, как молодой волк перед незнакомым следом. Тут подошел мальчик и тоже потянул Ора в дом.

И он остался, и играл с детенышем, а женщина, все еще опасливо косясь, достала чашу, налила в нее воды, раздула огонь в каменной пещерке у входа. Потом она резала мясо и коренья, делая все не очень ловко, словно малознакомую работу. Ор удивился, что дым не расходится по комнате, а убегает через дыру в стене — еще одно колдовство!

Еду в ярко разрисованной миске женщина поставила на ларь в глубине комнаты. Мясо и жидкость имели острый привкус — странный, но не злой. Для малыша Ор откусывал кусочки, немного пережевывал и совал ему в рот. Тот совсем освоился с пришельцем и вскоре заснул у него на коленях. Женщина робко гладила черные волосы малыша и ободранные весялом руки гия.

Вдруг издалека раздались гулкие удары по щитам и крики вождей, сзывающих разбредшихся по Умизану воинов. Ор вскочил, подхватил копье и топорик. У двери, оглянувшись, он встретил умоляющий взгляд женщины. Тогда гий снял с плеча аркан, разложил его перед входом, что на языке охоты значило: «Добыча имеет хозяина» — и побежал на кожаные голоса щитов.

Ор вышел на забитую воинами площадь и остановился, разглядывая высокое ступенчатое здание с острой крышей, украшенной бронзовыми цветами, в которых плясали отсветы костров. Подошедший Чаз объяснил Ору, что это жилище атлантских духов звездного неба и что Севз велел поставить свой шатер напротив храма. На освещенном кострами возвышении перед входом в здание сидели Севз и атлантка в желтом. Ее лицо было словно выточено из согретого солнцем красноватого камня, на выпуклых, чуть приоткрытых губах играла дерзкая презрительная улыбка. Севз с гордостью оглядывал войско и что-то говорил женщине.

Воинов, несмотря на жертвы Стикса и бои в городе, стало больше. Бывших умизанских рабов выдавала одежда из волокон или грубой шерсти. Одних гиев прибавилось более сотни. Среди рабов были и женщины, которым соплеменники наперебой оказывали знаки уважения. А те, смакуя забытые обычаи, гордо сидели на мягких шкурах, приглядывая избранных, которых назовут своими охотниками.

Когда подбежали последние из гиев, Гонд сказал, что завтра большинство воинов пойдет по верхней тропе к перевалу Ван навстречу остальному войску, чтобы окружить отряд врагов, посланный туда по ложной вести из Керба. Побив их, все придут в Умизан, где будет празднество, потому что Севза берет мужем вон та колдунья по имени Майя, которую

Молниеносный отыскал в доме духов Звездного неба.

Видно было, что Гонду, Чазу и другим старым воинам не нравится эта свадебная затея. Но большинство весело приплясывало, предвкушая развлечение. Гонд сказал еще — Севз дает отдых гребцам плотов. Пусть они ходят по городу и выбирают добычу, но не убивают узкоглазых. Так обещал Севз звездной колдунье. А потом, подозревав Ора, вождь хорошо ударил его в грудь и еще раз, потому что придуманные молодым хитрецом привязи спасли не один плот. После такой похвалы матерые воины с уважением смотрели на Ора, а гийские рабыни готовились спорить за такого охотника. Но глупые ноги Ора понесли его к дому, перед которым он положил аркан.

В хранилище с разбитой дверью Ор взял связку сушеного мяса и копченый окорок незнакомого зверя — стыдно возвращаться на стоянку без добычи. Аркан лежал нетронутым. Атлантка сидела возле кожаной лодочки с высокими краями, в которой спал мальчик. Увидев Ора, она обрадовалась и поднесла ему чашу красного напитка — веселого, шутливо покалывающего язык. Потом атлантка опустилась на ложе и поманила Ора.

Юноша давно мечтал о том, как женщина позовет его быть отцом. Но он думал о Зод и других длинноногих, сильных гиянках с волосами как осенний ковыль и глазами цвета льдинок, в которых играет солнце. А позвала его женщина враждебного племени — маленькая, темнолицая и беспомощная. Но по гийским обычаям отказаться — великая обида женщине и всем матерям семьи. Они побьют наглеца и будут гнать от себя, пока он не выпросит прощения у оскорбленной. И Ор наклонился к узкоглазой. Сначала она оставалась чужой, и в глазах ее подрагивал испуг, но потом маленькие руки обняли гия, и в груди его загорелся сильный, добрый огонь, словно залетевший из того неведомого края, куда наугад, блуждая во тьме, бредут заскоруждые от незнания, страха и жестокости, но уже человеческие, души охотников каменного века.

Когда Ор проснулся, женщина подала ему кувшин, такой тонкий, что он не мог быть сделан руками человека. Там было молоко, похожее на оленьё,

и они выпили его, поочередно поднося кувшин к губам. Коверкая атлантские слова, гий сказал:

— Дай твой имя. Возьми мой имя — Ор.

— Тейя, — ответила женщина, приложив руку к груди. Убрав кувшин, она положила на колени маленький бубен и, ударяя по нему, тихонько запела. Незнакомые слова казались Ору почти понятными, вызывая в памяти то веселый ручей, то тоскующий ветер над снежной тундрой. Может быть и гийские слова будут понятнее темнолицей, прозвучав в песне? Он спел ей «Олененка, потерявшего мать» и «Вот желтые цветы с вкусными корешками». Женщина чутко слушала, поглаживая пальцами губы.

Мальчуган сидел в своей лодочке, играя крашеными орехами. Словно и не было страшной реки, языков пожара, изорванных смертью тел.

Между гребцами разных племен, одолевшими Стикс, возникло полуосознанное чувство братства. Встречаясь, они не отворачивались, как прежде, а неловко приветствовали друг друга. Ор видел, как синегубый негр и курносый боец стояли, смущенно смеясь и не зная — потереться щеками по-борейски или хлопать друг друга по ляжкам, как делают котты.

А когда однажды Ор с Чазом шли мимо стоянки сварливых пеласгов, те с гамом окружили их и повели к себе. Гостей с почетом усадили у костра, и трое спасенных ими воинов из рук кормили их жареной рыбой.

— Наверное, мы с тобой не настоящие гии, — вздохнул Чаз, когда они, шатаясь от сытости, продолжили путь.

Ор, вздохнув, согласился с ним.

Он сильно привязался к Тейе и ее сыну, учил атлантские слова, не переставая удивляться жизни узкоглазых. В загоне за домом жили две длинношерстные козы, не похожие на диких. Тейя доила их и кормила сухой травой. По дому бегал колючий зверек, неизвестный гиям, и требовал молока.

Многое было непонятно, но Ор решил не ломать голову. Все равно скоро в путь.

Испуская победные крики, вернулось войско с вер-

хней тропы. Впереди ехали Севз и Гехра. Борейская мать кидала косые взгляды на мужа, а тот торопил коня к храму.

Севз, сойдя с коня, поднялся по ступеням храма. Гехра, красная от злости, шла следом. Навстречу победителю вышла жрица. Севз, раздвинув руки, подтолкнул женщин друг к другу. На миг соприкоснувшись, они тут же отшатнулись. Севз захохотал.

С утра началось празднество. Старейшины отмеряли каждому по три горсти некты. Гии плясали танец токующей куропатки, либы изображали львиные прыжки, котты покатывались со смеху, глядя, как двое нагих, натертых жиром силачей норовят свалить друг друга.

Отдельно сидели атланты. Ор не увидел среди них Тейи. Она появилась неожиданно — в оранжевой одежде, с поющим луком в руке. Старик поднес ей чашу, и Тейя запела. Казалось невозможным, что в хрупком теле живет такой крылатый голос. Песня была тревожной, как души людей, несущих жизнь на кончике копья.

После Тейи на площадку вышел неуклюжий, заросший рыжими кудрями Арфай, влюбленный в Севза и поклонявшийся земле бродячий певец из дальнего эгейского рода. Ор пару раз уже слышал на привалах его странные, возвышенные песни. Вождей Арфай называл богами, их имена произносил на свой лад и был убежден, что раз они породнились, то, значит, все стали потомками Подпирающего и знаменитой борейки. Певец ударил в маленький бубен и начал широким раскатистым голосом повествовать о том, как Рея родила Хроану (он пел «Крону») светлых детей:

...Деву — Гестию, Деметру и златообутую Геру,
Славного мощью Аида, который живет под землею,
Жалости в сердце не зная, и шумного Энносигея *
И промыслителя Зевса, отца и бессмертных и смертных...
Каждого Крон пожирал, лишь к нему попадал на колени
Новорожденный младенец из матери чрева святого;

* Энносигей, по-гречески «потрясающий землю» — Посейдон. Трудно сказать, в какую древность уходят корни мифа о войне богов и титанов. Мы воспользовались его обработкой, сделанной в VII веке до н. э. фиванским поэтом Гесиодом (перевод В. В. Вересаева). См.: Эллинские поэты. М., 1963, с. 169—202. Здесь и ниже примечания авторов.

Сильно боялся он, как бы из славных потомков Урана Царская власть над богами другому кому не досталась. Знал он от Геи-Земли и от звездного Неба-Урана, Что суждено ему свергнутым быть его собственным сыном, Как он сам ни могуч, — умышленьем великого Зевса. Вечно на страже, ребенка, едва только на свет являлся, Тотчас глотал он. А Рею брало неизбывное горе...

Арфай бросил бубен, вцепился руками в волосы и горестно закачался. Потом, обратив лицо вверх, снова зататорил, отбивая такт:

Только лишь время родить наступило ей младшего сына, В Ликтос послали ее, плодородную критскую область... Быстрою черною ночью сначала отправилась в Дикту С новорожденным богиня, и на руки взявши младенца, Скрыла в божественных недрах земли, в недоступной пещере, На многолесной Эгейской горе, средь чащи тенистой. Камень в пеленки большой завернув, подала его Рея Мощному сыну Урана. И прежний богов повелитель В руки завернутый камень схватил и в желудок отправил. Злой нечестивец! Не ведал он в мыслях своих, что остался Сын невредимым его в безопасности полной, что скоро Верх над отцом ему взять предстояло руками и силой... Начали быстро расти и блестящие члены и сила Мощного Зевса-владыки. Промчались года за годами... Братьев своих и сестер Уранидов, которых безумно Вверх в заключение отец, на свободу он вывел обратно. Благодеяний его не забыли душой благодарной Братья и сестры и отдали гром ему вместе с палящей Молнией: прежде в себе их скрывала Земля великанша...

По сути дела, только гии улавливали смысл песни, но из уважения к вдохновленному духами певцу воины и гости прислушивались к его голосу. Ор видел, как Гезд, наклонившись к Гехре, тихо переводит ей слова Арфая. Гехра в ответ то смеялась, то хмурилась. Но вот началось самое главное. Арфай, протянув бубен к Севзу и патетически потрясая им, начал запев следующей части:

— Майя, Атлантова дочь, взошла на священное ложе к Зевсу... — зарокотал он и осекся, потому что Гехра проворно вскочила и заткнула ему рот недоеденным куском конины.

Получив эту щедрую награду богини, Арфай с подарком в зубах поспешно скрылся. Воины дружным смехом одобрили шутку Гехры, и на площадке вновь начались танцы.

В кругу вождей не было большого веселья. Один Айд не замечал разлада. Разгрызая кости, он клал

мозг в тонкие губы Даметры. Жрица яптов с достоинством принимала знаки внимания. Лишь в самой глубине ее зеленых глаз поблескивала теплота.

Остальные вожди хмурились. Кое-как привыкнув к замкнутому, словно сонному Бронту, не замечая Акеана, они сейчас ежились под взглядами атлантской колдуньи. Она сидела, почти не касаясь еды, чуть заметно морщась от ломаной речи вождей, запаха полусырого мяса, громкого хохота Севза. А тот веселился от души, восхищенный собой и своими победами, предвкушая обладание женщиной, манящей, как яркий цветок на колючем стебле.

Выпив чашу и оторвав зубами хороший кусок горячего жира, Гехра дернула мужа за рукав, продолжая прерванный спор:

— А я вновь говорю тебе, охотник Матери бореев (Севз заметно скривился), что не пристало мне делить с другой одного мужчину! Если ты захотел сильной семьи, пусть и я выберу славного борейца, чтобы нас было четверо.

— Лучше я прыгну в Стикс! — сказала Майя. — С меня хватит борейки, после которой мужчина пахнет, как загнанная лошадь.

Гехра потянулась к ножу. В глазах Севза заплескался гнев, но, стиснув кулаки, вождь загнал его внутрь. Когда же кончится эта игра в братьев и сестер и он сможет во весь свой божественный голос показать каждому его место! С вкрадчивой улыбкой Севз обратился к первой жене:

— Мать бореев! Пристало ли богу, мечущему молнии, жить по обычаям людей? Ты стала моей женой, ибо ты — дочь Великой Кобылицы — высшего божества бореев. Эта атлантка — ровня нам. Ведь она рождена Звездным Небом. Место ли простому охотнику в такой семье?

Слушайте все! — Севз лукаво ухмыльнулся. — Вот я говорю: едва лишь моя жена Гехра найдет подходящего бога, как он сразу сядет четвертым у нашего огня, и наши дети будут мощны и непобедимы!

Получилось убедительно. Даже Зиланок согласно опустил седеющий клин бороды. Мать бореев, не имея на примете холостых богов, приуныла. Все дело испортила Гезд.

— Трудно будет сестре моей искать второго мужа, — вздохнула она.

Севз сочувственно закивал: конечно, небожители не каждый день сходят на землю.

— Ведь не просто, — продолжала Гезд, — найти второго бога столь же непривередливого, который польстится на такую мелкую и тощую богиню, — взгляд Гезд пренебрежительно скользнул по Майе.

Нехитрый гийский юмор повалил вождей с их сидений. Айд ухал, колотя кулаками по гулкой груди, Даметра качалась, спрятав лицо в ладони, беззвучно трясся Зиланок, хрипло взлаивал Самадр. Строгая Хамма всхлипывала, утирая выжатые смехом слезы. Посдеон взглядывал на наивно удивленное лицо гиянки и снова запрокидывал голову. Сама Гехра смеялась заливисто, как озорной жеребенок.

Багровый Севз гнул и обламывал края у толстой бронзовой чаши. От каждой вспышки смеха к горлу Громовержца подкатывало бешенство. Одним ловким уколом Жрица неба могла бы толкнуть могучего Быка на полную ссору с вождями. Но, видно, это не входило в ее замыслы.

— Полно! — сказала она, вставая. — Одному милее маленький кусок бронзы, другому — большой ком навоза. Пора. Пойдем на ложе.

Севз шагнул за ней. Вожди посторонились, пропуская его.

Ф-фу! Вот теперь можно спокойно попировать! Гехра, хватив еще некты, придвинулась к Гезд, и вскоре Матери двух племен, разделенных и связанных многими веками вражды, сердечно беседовали, кивая отяжелевшими от сытости и хмельного питья головами. Перед их глазами зеленела тундра, стада и табуны брели по сытным пастбищам, капала кровь с богатой охотничьей добычи. И не было никаких узкоглазых с их нелюдскими обычаями и словами, петляющими, как лисий след.

Сытое и усталое празднество шло к концу. Ор стоял у догорающего костра, не зная, остаться с соплеменниками или идти к Тейе. Севз помиловал горожан, и ей уже не нужен защитник. Сегодня атланты так восхищались ее песней... Зачем ей теперь воин-дикарь? Так он думал, уже шагая по знакомой деревянной лощине-улице.

Верный аркан лежал перед дверью, но в доме было темно и тихо. Значит, Тейя не ждет его. Может быть, ушла к соплеменникам, чтобы избежать встре-

чи? Он нагнулся смотать ремень. В этот миг легкие пальцы, как в первый день, схватили его за куртку и потянули в дом.

— Я думала — ушел! — сказала женщина, пряча голову на его груди.

— Три дня! — Ор поднял пальцы. — Потом путь...

Они замолчали. У них было еще очень мало общих слов.

Севзу сказали, что четверо путников: атлант, япт и два ибра, пришли к нему с важной вестью. Когда посланцев ввели к вождям, япт радостно кинулся к Даметре, хваля духов, спасших Мать племени. А та засыпала вопросами плечистого атланта с смеющимися глазами:

— Ты брат Приносящего свет? Он жив? На свободе? — посол успевал лишь кивать в ответ.

— Какой еще Приносящий свет? — вмешался Севз.

— Я же рассказывала! — сияя, обернулась Даметра. — Это узкоглазый, который пришел в наше племя учить людей навыкам и тайнам атлантов.

— Зачем одному племени навыки другого? — нахмурился Севз. — Тайны атлантов — их тайны.

— Все хотят жить сытно и в тепле, — возразила жрица.

— Тепло разнеживает, а сытость покрывает тело жиром.

— Ты съедаешь за раз пол-оленья, — недобро усмехнулась Гезд, — и спишь под шкурами трех медведей, наш старший брат. А других оберегаешь от сытости и тепла. Лучше убери с наших земель свою красномордую родню, а потом мы и сами не собьемся с тропы.

Все рассмеялись. Вождей последнее время раздражала непомерная хвастливость Севза, его рассуждения о том, как он распорядится судьбами мира, став его повелителем. От слов Гезд он потемнел как туча:

— Не будем обгонять дни! С чем ты пришел? — обернулся он к Зогду.

— Я принес слова Промеата, мудрого Учителя...

— Нам сейчас нужны не слова, а воины с острыми копьями, — сказала Гехра, разодетая в яркие

атлантские ткани. Наивная бореянка надеялась этим способом превзойти соперницу.

— Все же выслушайте. Бывает, что слово дороже сотни воинов.

— Ого! — усмехнулся Севз. — Ну, скажи нам такие слова.

Зогд заговорил о равенстве людей всех племен, о несправедливости правителей Атлантиды, которые, используя тайны земледелия, мореплавания, изготовления бронзы, превратили в своих слуг куда более многочисленные народы Окруженного моря. Нужно отдать знания атлантов всем, тогда исчезнет вражда, прекратятся войны, и наступит время братства и изобилия. Так учит Промеат.

— Севз, ты идешь той же тропой, что и Учитель, — заключил Зогд. — Соединим же с твоей силой наше стремление к братству и наши знания, и тогда поколения потомков прославят победу добра.

— Постой, вестник, — прервал его Севз, — вот смелые матери и вожди племен: пусть они скажут — хватает мне знаний, чтобы побеждать врагов?

Вожди согласно кивнули.

— Но ты встречал лишь малые отряды и слабые крепости, — возразил Зогд, — а сила Атлантиды велика. Тайну жидкого огня, науку кораблевождения, навыки постройки крепостей и еще многое предлагает тебе Учитель.

— Чего же он хочет, — Севз все больше злился, — за столь щедрую помощь?

— Чтобы, овладев Атлантидой, ты отменил рабство и вернул всем племенам их детей. Чтобы тайны бронзы, земледелия, приручения животных были отданы всем. Чтобы ты поклялся не поработать другие племена, а помогать им.

— Хватит! — Севз вскочил с сиденья. — Запомни и передай своему поучателю: да, я верну людей племенам, которые в союзе со мной. А с чего это я распушу всех рабов? Гии Матери Гезд — друзья мне. Но с чего бы я стал помогать гиесам, враждебным ей? Или тем коттам, которые не признают сильнорукого Айда! Или вашим ибрам, которые засели в щелях и думают — никто к ним не дотянется?! «Все люди братья», — поете вы со своим учителем. Спроси Мать либов: братья ей акорцы, что разоряют восток либийской земли?

— У-у, как мы посчитаемся с ними, когда побьем узкоглазых! — мечтательно сказала Хамма.

— Слышал, посол? Так вот, знай: прогнав отца, я с верными союзниками расширю владения на Восход и покорю земли на Закате, откуда приплыли мои предки. И Мохнатые у Ледяной Стены будут ловить для меня песцов. Иди и передай это Промеату... Или останься ненадолго. Тогда ты расскажешь ему, как я взял Анжиер и переломил хребет моему жирному братцу Тифону, который небось уже плывет спасать наследство.

ГЛАВА 3. РАЗГРОМ

Войско шло, не встречая сопротивления. Вдоль правого берега Стикса, по полого спускавшейся долине, поросшей вереском и чахлыми кустами можжевельника, шла ровная, мощенная камнем дорога. Здесь Ор впервые увидел участки разрыхленной земли, покрытые ровными рядами растений — видимо, съедобных. Он не понял объяснений Чаза: то ли косоглазые сами их делают, то ли колдовством вызывают из земли. Кое-где стояли брошенные селения.

Изредка Ор привычно совал руку за пазуху, чтобы подержаться за амулет, но уже не прежний. Когда он смотал аркан и подошел к Тейе сказать «Ешь досыта», ему стало жаль атлантку — такая она была маленькая, тонкая и грустная. И тогда он отдал ей амулет Паланта, чтобы приносил удачу ей и детенышу, хранил от опасностей, как хранил его с дня первого боя у Оленьей речки. Тейя заплакала и засмеялась и дала ему маленького бронзового зверя на шнурке. Это был барс с темными пятнами на шкуре и глазами из желтых камешков. Ор одел шнурок на шею, подкинул к потолку малыша и сел на застоявшегося Плясуна, приведенного по верхней тропе.

Майя и Акеан ехали верхом поодаль от Севза. Тот давно махнул рукой на воинские доблести высокородного и рассчитывал лишь на его влияние среди атлантской знати.

— В большой игре, — говорила Майя, — можно

нанизать целый пояс бронзы или остаться без единого кольца. Ты любишь игру в камни?

— Как ты догадалась, Близкая к небу?

— Знатные тоже хотят сразиться, но без опасности для жизни. Все же, доведись мне играть против тебя, я, наверно, без труда взяла бы все твои камешки. Но мы можем сесть рядом...

— А кто сядет напротив?

— Это покажет игра. Ведь иной раз стоит отдать одному игроку камень, чтобы взять у другого три.

— А потом вернуть ему потерю и отобрать у первого целых шесть?

— Именно! Помогай тому, с кем удача, но не прогляди, когда она покинет его. Ну, играем вместе?..

Через пять дней войско достигло края плоскогорья. Перед Ором открылся головокружительный, изрезанный ущельями склон, уходящий в туманную глубину. Не в Нижнюю ли землю вела эта тропа? Внизу угадывалась зеленая равнина, над которой словно нависала темно-синяя стена. Это был океан. Справа ревел водопад, первый из грандиозного каскада, по которому Стикс рвался туда. Бронт показал воинам Анжиер. Отсюда он казался небольшим серым пятном, занявшим угол между сверкающим изгибом Стикса и океанским берегом.

Дорога, петляя по склонам, круто пошла вниз. К концу следующего дня воины подошли к городу. За домиками предместья поднимались высокие темные стены с сужающимися кверху башнями. Таких крепостей еще не встречалось восставшим. Казавшийся грозным Керб был бы по колено Анжиеру. Город был готов к осаде: жители предместий укрылись за стенами, ныряющий под башню канал закрыт решеткой. Время быстрых побед кончалось для Молниеносного.

Но Севз был настроен спокойно и решительно: расставил отряды, послал конных поджечь предместье, треть войска направил к пресноводному каналу.

— Будем засыпать эту вырытую людьми реку, — разъяснил Ору Чаз.

Вновь Ор подивился могуществу атлантов. День за днем воины по указаниям Бронта кидали в канал

землю, но течение уносило почти все, что они сыпали. Воины ворчали — копать землю дело кабана, а не человека. Потом появился широкоплечий приветливый Зогд и предложил скрыть в одном месте часть берега. В тот же день вода канала хлынула в брешь и широким потоком устремилась к Стиксу. В старом русле остался жалкий ручей, который без труда перегородили земляной плотиной.

Севз с вождями пришел на место работ.

— Как видишь, мои знаниягодились тебе, — сказал Зогд.

— Я не просил твоей помощи, — нахмурился Севз.

— Я помог тебе и буду помогать впредь, потому что пока наши тропы совпадают, и я хочу, чтобы ты оценил пользу от союза с Промеатом.

— А что ты еще можешь сделать?

— Дай мне воинов, и я восстановлю мост через Стикс на дороге, ведущей к яптам и гиям.

— На случай бегства? — возмутился Севз. — Запомни, если мне понадобится мост, его построят пленные атланты после взятия Анжиера. Я не собираюсь отступать!

Но тут в разговор вмешалась Даметра.

— Сколько тебе нужно помощников, брат Приносящего? Япты все сделают для тебя.

— Пять-шесть рук.

— Только-то, — процедил сквозь зубы Севз, заметив, что решение может быть принято помимо его воли. — Можешь начинать хоть сейчас.

Севз надеялся, что без канала город сразу покорится, но, наверное, там были большие запасы воды. Потянулись унылые дни. Воинам быстро надоело перебрасываться стрелами и руганью с дозорами врага за высокими зубцами стен.

Через пол-луны с начала осады произошла первая встреча с отборными, тяжело вооруженными силами атлантов. Оказалось — это совсем не то, что охотники за рабами или оплывшие гарнизонные стражи.

Кормчий Италд, по неверной вести из Кербана, отбыл ловить бунтовщика в коттской земле, с тремя челнами лучников и ладьей бронзовогрудых копьеносцев. Получив новый приказ, он повернул к Анжиеру.

Вблизи города на них налетели истосковавшиеся по битве борейцы, затем подоспели котты, гии. Поднятая копытами соленая пыль временами совсем заволакивала сражающихся, и тогда издали казалось, строй атлантов сломан и растоптан волной всадников. Но пыль оседала, и из нее появлялись, поблескивая остриями, словно заговоренные ряды. Италд, поставив лучников в середину, окружил их бронированными воинами со щитами из носорожьей кожи и не торопясь шел к городу. После каждого налета диких на пути атлантов оставались распоротые копьями лошади и олени, насквозь пробитые стрелами люди. После четвертого налета помятого Айда вытащили из-под убитой лошади. Он тряс обломком копья, хрипя проклятия на бронзовые головы и груди врагов. У ворот Италд остановил воинов и, подняв утыканный стрелами щит, помочился на землю перед полукольцом врагов.

Севз со смесью злости и восхищения следил за боем с холма.

— Пусть! — сказал он, когда массивная створка ворот поднялась. — Их стало больше? Тем скорее мы уморим их жаждой.

Бронт с сомнением покачал головой, показав глазами на закат, где за серыми волнами лежала Срединная Земля...

И тут удача еще раз повернулась к Севзу своим прекрасным лицом. Ночью в лагерь пришел пеласг. С тела его стекала вода, глаза были мутны, словно вволю насмотрелись в лицо смерти. После первых же слов раба его спешно увели в шатер Севза.

Лагерь спал. Луна, полная и розовая, как лицо борейки, мягко светила на затоптанные поля, бурые бока холмов. Редкое полукольцо всадников маячило поодаль от стен крепости. За спинами дозорных кривились шалаши, навесы, землянки разных племен. Станный вид был у этих жилищ. Обглоданные Стиком бревна уживались с резными дверями домов, драные шкуры с вышитыми занавесями.

На холме над жилищами возвышался шатер Севза. Рядом стоял шатер поменьше из синей ткани, вышитой звездами, — жилище Майи. Когда в большом шатре утих шум, вызванный появлением пеласга,

из малого скользнула фигура и прокралась к ближайшей кучке шалашей.

Три раза крикнула маленькая земляная жаба. На ее зов из шалаша выбрался мужчина. Укрывшись в тени куста шиповника, двое шептались, замирая, когда под каким-нибудь навесом вскрикивал во сне воин.

— Настало время повернуть игру, — шепнула женщина.

— А что, ты вынула хороший камень?

— К Незаконнорожденному пришел раб из Анжиера. Прыгнул со стены в Стикс и выплыл против течения... Нет, это ветер шелестит вереском. Слушай дальше: рабы в городе готовят бунт. Завтра ночью они зажгут пожары и обрежут ремни на Северных воротах.

— О-о, какой камень для Севза!

— Богатый, но последний! Да, перестань ты умирать от каждого шороха!

— Меня могут хватиться.

— Кому ты нужен! Я рискую больше, если быку вздумается зайти ко мне — почесать язык или размять бедра...

— Но ты уверена, что его удачи кончаются?

— Диким надоело шататься по чужим землям. Еще луна, и они передерутся между собой, а потом разбегутся по вонючим стоянкам. Севз дерзок и хитер, но он невежда и окружен невеждами. Если бы он еще принял союз того беглого знатока... Но решено: извещаем Анжиер!

— Пусть будет по-твоему. Но как передать весть?

— Ты сейчас пойдешь с ней в крепость. Каким путем? Тем же, что и этот пеласг. Но тебе будет легче плыть по течению, а не против. Под башней уцепишься за стену и окликнешь дозорных.

— Думаешь, я безумный?!

— А ты думал — доля в игре это только доля в выигрыше? Я двинула камешек, теперь твоя очередь. Вот мех от некты — надуешь, чтобы легче плыть.

— Нет, Близкая к небу! Мертвому ни к чему выигрыши.

— Я знала, что ты дрянной игрок. Но ты еще не понял, как играю я. Откажешься — я закричу, что ты выманил меня из шатра и посягал на жену вождя. Бык раздавит тебя, не дав сказать ни слова.

— У тебя хватит жестокости?

— Жалостливым нечего братья за камешки. Бери мех и помни — я устрою так, что голову Севза подаришь Наследнику ты.

Ободрившийся Севз тщательно готовил штурм крепости. Лучшие всадники укрылись в засаде под береговым склоном у Северных ворот. Воины с арканами, длинными шестами ждали у других частей стены, когда дозорных отвлекут пожары и бой у Северного входа.

Ночь кончалась, а в городе не было никаких признаков мятежа. Лишь когда небо над океаном стало розоветь, на стене у Северных ворот показались люди, тащившие что-то тяжелое. Всадники замерли, ожидая, что створка с грохотом отвалится. Вместо этого передние раскатали свой груз и кинули в Стикс. Сзади им передали новую ношу, и она полетела в реку. Ничего не понимая, Гонд тихо свистнул. В ответ раздались хохот и ругательства.

Когда совсем рассвело, стало видно, что со стены летят трупы рабов. Река подхватывала их и долго качала в слабеющем течении на пути к океану. Кто-то предупредил атлантов о бунте, и они устроили избиение городских рабов — настолько умелое, что из-за стен не донеслось ни стога. Обнаружилось исчезновение Акеана. Как он исхитрился подслушать разговор с пеласгом?!

А предсказания Майи начали сбываться быстрее, чем она ожидала. Томясь на приморской равнине, без охоты и добрых пастбищ, воины падали духом. Слабело едва возникшее хрупкое чувство общности. Лучшие из захваченных припасов были съедены или беззаботно испорчены; люди с проклятьями жевали твердые зерна или давились гнусной пылью, из которой не умели приготовить съедобных блюд.

Борейские роды вздорили между собой. Оолы в ссоре убили либа, и совет вождей долго спорил о мере возмездия. Решили, что брат убитого метнет копье в каждого из троих обидчиков. Двоих он убил...

Гии из кочевья, отдаленного от рода Гезд, собрались домой. Севз хотел для примера переколоть их, но Мать сказала, что такого не было и не будет. Род сам решает, куда ему кочевать. Всадники на

оленьях двинулись по Умизанской тропе. Чего было больше в провожавших их взглядах — презрения или зависти?

Бронт советовал отойти к Умизану, принять союз Промеата и готовиться к долгой войне. Но Громовержец все еще ждал чуда: буря разметет Тифоновы корабли или мор поразит Анжиер... Зогд с грустью наблюдал, как гаснет пыл восстания.

Отстояв в дозоре, Строп сошел со стены и тяжело сел в тени каменной арки. Мысль, как слепая лошадь, все ходила вокруг того, что хочется пить — полкувшина в день — это не дело! — и что завтра сражение. Тифон прислал с птицей весть, что высадится южнее крепости и подойдет по коттской дороге, отрезая бунтарям путь к бегству. Воинам Анжиера надлежало выйти из крепости после полудня, чтобы отвлечь внимание диких. Строп выпросил разрешение вести в бой отряд Восточных ворот. Если он хорошо сделает дело, в победных торжествах может забыться подозрение в измене, которое тяготеет над ним...

— Привет собрату по ладье!

Строп поднял голову, увидел неслышно подошедшего Акеана, буркнул в ответ что-то неразборчивое.

— Я давно хотел побеседовать с тобой, — продолжал Акеан, не смущаясь холодной встречей, — но Держащий меч не отпускал меня ни на шаг. Ведь никто лучше не мог рассказать ему о самозванце, его повадках и хитростях.

— Да уж! — хмыкнул Строп. — У тебя было время их изучить!

— А иначе мне бы не удалось украсть у него тайну анжиерских рабов. Разве не достоин этот подвиг большой награды?

— Еще бы! — сказал Строп с горечью. — Того, кто, облизывая сапоги врагу, вымолил себе жизнь, осыпают похвалами, а сохранявшему верность грозят вынуть печенку...

— Ну, не будем пререкаться, Строп. Мы с тобой можем и принести друг другу вред и оказать помощь. Вот ты сказал, что я... унижался перед самозванцем. Это была необходимая хитрость, но не все поймут ее как надо. Или бой у этой проклятой речки: ты же

видел, что меч мой сломался от страшного удара, который я нанес.

— Я видел, как ты кинул меч и протянул руки навстречу ремню.

— Зря ты не хочешь понять: для тебя лучше, чтобы мой меч сломался, а Севз почтительно звал меня в соратники.

— Почтительно?! — Строп не удержался от смеха.

— Значит, упорствуешь! — сказал Акеан, желтая от злости. — А я ведь тоже сумею рассказать кое-что. Например, как ты дал отсрочку той гийской колдунье, чтобы погубить Аргола. А потом обещал самозванцу лишить Керб и Умизан бдительности...

С каким бы наслаждением Строп придушил двойного перебежчика! Но перед глазами поплыли пытки, тюремная яма, клювы коршунов — и стойкость покинула стареющего волка. Акеан, шурясь, смотрел, как гнев и страх борются за душу воина.

— Ну, — сказал он, — мы поняли друг друга? Строп опустил голову.

В полдень, когда дозорные на холмах маялись от жары и скуки, за крепостной стеной раздался звон оружия. Щит Южной башни плавно лег на край рва, и по нему двинулись ряды бронированных воинов. По бокам колонны ехали два челна конных, пуская зайчики длинными копьями. Позади качались два мамонта с лучниками на боевых площадках. Бивни огромных зверей были отпилены до половины и кончались бронзовыми остриями; в хоботе у каждого было нечто вроде вязанки из копий с торчащими в стороны остриями.

Когда в шатер Севза вбежали с вестью, там была Майя. В последние дни она стала ласковее с мужем: не насмеялась над его грубыми повадками, а, слушая замыслы о будущем величии, порой отворачивалась, чтобы скрыть вздох.

При словах гонца Севз вскочил и потянулся за доспехами. Один за другим входили вожди. Затягивая панцирь, опоясываясь мечом, он спрашивал, отдавал распоряжения, обдумывал бой. Майя невольно любовалась мужем. Он не бахвалился, но и не трепетал перед решающей схваткой.

О, будь у Быка чуть больше шансов, она решилась бы на другую игру. И как бы она украсила мощь его власти своей красотой, острым умом, рысьим чутьем на все необычное, способное одолеть бездну забвения... Но нет, удача оставила могучего Быка, и волки лижут его следы. Пора отыгрывать самый ценный камень!

— Останься, — сказала она Севзу, — пусть начнут без тебя. Я сегодня еще не насытилась твоей мощью, о Бык Быков!

— Нет, — сказал Севз, натягивая тетиву.

— Ну, выпей чашу перед боем. Последняя некта из запасов храма.

— Женщина, ты не знаешь битвы! — усмехнулся Севз. — Она пьянит сильнее любой некты. А от питья лишь слабеют удары.

— Впервые ты не делаешь то, о чем я прошу...

— А ты думала — буду клевать все, что насыплешь? Что? Плащ с молниями? Не надо — в бою длинная одежда только мешает.

Севз велел пеласгам и оолам медленно отступать, заманивая врагов подальше от ворот. Потом гии и котты должны ударить слева, а борейцы сзади. Либы и япты, оставив заслоны у Северных ворот, подтягивались к месту схватки.

Подбадривая себя криками, сутулые рыбари оолы то подбегали к искрящимся бронзой рядам, швыряя камни и метательные дубинки, то врассыпную кидались назад. Более искушенные в войне пеласги соблюдали нечто вроде строя: когда один ряд с гарпунами бежал на врагов, другой, натянув луки, готовился встретить ответный удар.

Атланты молча медленно разворачивались из колонны в упругий, изогнутый в виде лука строй. Посередине, позади воинов покачивались мамонты, у концов выставили острия конные отряды. Передний край щитами встречал удары, а из-за него лучники метко пускали стрелы. Севз махнул мечом. Котты и гии с ревом бросились на левую сторону лука. Ряды стойко встретили удар, но волны всадников на лошадях и оленях снова и снова бились о бронзовую стену, и она начала медленно прогибаться.

Копье Ора отскакивало от металла. Лишь раз удалось ткнуть острием в незащищенную руку. Раненый, перехватив левой рукой копье, отступил в

задний ряд, а навстречу Ору высунулось граненое острие, и лишь скачок Плясуна спас его от большой раны. Фигурка барса пока что помогала не хуже Палантова амулета!

Гии распаляли себя для новой схватки, когда вождь атлантов — кряжистый, с квадратным лицом, в куртке с красным поясом уже в двух местах разодранной копьями, махнул людям на мамонтах. Середина строя раздвинулась, и две поросшие красным мхом скалы выступили вперед. Вломившись в ряды атакующих, они закружились, давя людей и размахивая вязанками из копий. Иногда пронзенное насквозь тело повисало на остриях. Тогда умный зверь поднимал оружие вверх и легонько стряхивал на землю изувеченную жертву.

Повстанцы в ужасе отхлынули. Летящие в мамонтов стрелы застревали в красной шерсти. Концы атлантского строя стали медленно выпрямляться. Конные отряды теснили дикарей под удары мамонтов.

Тогда в пространство, усеянное раздавленными телами, вынесся Айд. Натягивая свой страшный лук, он помчался сбоку на ближнего мамонта. Зверь замахнулся, но котт внезапно повернул коня. В тот же миг мамонт затряс головой и бросил оружие; в глазу его торчала впившаяся почти до перьев стрела. Он попробовал вытащить ее хоботом. Видимо, это вызвало страшную боль. Пронзительно трубя, гигант вздыбился на задние ноги и рухнул на спину, придавив нескольких атлантов.

Котты и гии с торжествующим воплем вновь кинулись вперед. Второй мамонт стал пятиться. На него помчался Самадр. Но вождю оолов не хватило быстроты и умения править конем — связка копий настигла его и кинула под ноги мамонту. Упрямец и тугодум Самадр остался верен себе: сбитый наземь, проткнутый несколькими остриями, он все же натянул и спустил тетиву. Стрела попала в хобот. Раздавлив оола, мамонт отступил за копыеносцев. Оказавшись в безопасности, он положил смертоносную связку на спину и протянул хобот погонщику, который стал осторожно вытаскивать стрелу.

Справа над шумом битвы взлетел голос Севза, подхваченный гиканьем борейцев. Они пытались отсечь атлантов от ворот. Гонд махнул украшенным перьями копьем, и лавина гиев с новой злобой вкли-

нилась в центр атлантского строя. Ора подхватил азарт решающей схватки. Отбив удар, он ударил сам и, оставив копье в бедре врага, выхватил топорик. Подоспевшие либы и япты протискивались между всадниками. Голос Севза раскатывался над сражением.

И тут за спинами бойцов, пронзая гул боя, раздался другой голос. Коверкая яптские, коттские, гийские слова, кто-то кричал:

— Оглянитесь назад! Спасайтесь! Враг со спины!!

До увлеченного Ора не доходил смысл криков, пока он вдруг не почувствовал, что за ним вместо рвущихся к горлу врага людей — пустота. Тогда, прячась за ветвистые рога, он повернул оленя. Удар секиры разрубил один рог, но Плясун уже рванулся вбок, унося седока от пеших врагов. С холмов над дорогой показались словно с неба сошедшие ряды врагов. Впереди бурыми комями катились медведи. Растерянные повстанцы бежали им навстречу, кидались в стороны, нигде не находя спасения.

Вновь разнесся высокий голос. Ор увидел скачущего через сумятицу посла Промеата. За ним, подхватывая крики, ехали двое с рогатыми прическами и голуболицый япт.

— К реке! На мост! — кричали они, мешая слова разных языков. Масса бегущих повернула к Стиксу. Но туда же спешил свежий отряд атлантов из Западных ворот и спущенные проводниками медведи Тифона. Первыми приняли конец низкорослые япты. Они не могли быстро бежать, и медведи валили их одного за другим. Отмахиваясь копьями, воины старались дать уйти Матери.

В это время с другой стороны подскочил Айд с сотней черных всадников. Он кинул Даметру поперек лошади впереди себя и, не останавливаясь, помчался навстречу врагам. Схватка была короткой и ужасной. Копья со всех сторон отдирали черные тела от кольца вокруг Айда. Но в ближнем бою с коттами дешевели бронза, воинские навыки, обученные звери. Нагрудники вдавливались в тела, шлемы плющились вместе с черепами, медведи уползали, волоча внутренности... Разметав бронзовые ряды, полсотни негров помчались к березовым холмам коттской земли. На прощанье Айд обернулся и пустил

стрелу в кормчего ладьи. Красноодежды, хрипя, схватился за горло. Хохот черного гиганта покрыл атлантские проклятия.

Уцелевшие гии и борейцы скакали за Зогдом к мосту через Стикс. Следом бежали остатки пеласгов и оолов. Оставшиеся близ Стикса заслоны либов уже перебегали мост и скрывались среди камней и кустов на правом берегу. Но Хамма не успела добежать до спасительных бревен: стрела пробила ей бедро.

Севз скакал, то и дело оборачиваясь к догорающему бою, все еще ожидая чуда. Большинство бунтарей-атлантов повалилось на колени, протянув руки победителям. Черные копи Гефеса казались им сияющим счастьем. Один Бронт остался с вождями. Гезд и защищающий ее спину Гонд ехали правее. Вдруг Севз повернул коня вправо. Несколько борейцев повернули вслед.

— Куда! — крикнул Бронт. — Там люди Тифона!

Севз не обернулся. Гехра заколебалась, но, увидев, что муж гонит коня к шатру Майи, с проклятьем поскакала к мосту.

Севз мчался, покалывая коня ножом. Он уже видел у входа в шатер завернутую в желтый плащ фигуру жрицы. Но в это время правее холма появились одетые в бронзу воины. Свистнули стрелы. Конь Севза вздыбился и упал, запрокинувшись назад. Видя, что придавленный всадник силится выбраться, лучник пустил вторую стрелу. Она попала в голову, и руки вождя подломились. Из скакавших за ним борейцев несколько упало под стрелами, остальные повернули назад. Одного раненого лошадь, протаскив, сбросила почти у ног Майи.

Воины Тифона подбежали к шатрам. Передний ударом топора добил борейца и с изумлением опустил оружие перед жрицей. Повелительным жестом она послала воинов вниз, к мосту. По пути им встретился всадник в накидке главы весла, галопом поднимающийся на холм.

Прорыв Айда немного задержал преследователей, но левое крыло Тифона уже опомнилось и нагоняло выбивающихся из сил беглецов. Зиланок, который не поспевал за молодыми, поддерживали под руки сын и еще один из крючконосых. Впереди — вокруг гиев и борейцев, рвущихся к мосту, — смыкались челюс-

ти отряда Северных ворот и правого Тифонова крыла. Вдруг Зиланок остановился:

— Ко мне, кто не может бежать! — крикнул он. — Дадим уйти молодым и сильным, чтобы жило племя!

Вокруг старого вождя стали сбиваться усталые и раненые. Ковыляющий сзади оол с пробитым бедром что-то крикнул своим и с несколькими земляками присоединился к остающимся.

— Беги! — толкнул Зиланок Посдеона.

Нет, Посдеон не был послушным сыном! Вот и теперь он, упрямо закусив бороду, уже высматривал среди набегавших врагов добычу своему мечу.

— Племени нужен вождь! — Зиланок, схватив сына за грудь, хрипло дышал ему в лицо. — Если ты, крикливый и безмозглый неслух, не выполнишь волю отца... — и на Посдеона рухнул град отборных, просоленных морем проклятий. Посдеон выплюнул бороду, ткнулся лицом в грудь отца и кинулся догонять молодых воинов. А старый вождь жилистой рукой поднял гарпун и крикнул своему истекающему кровью отряду древний клич морских воинов:

— Пускай их ко дну! Ко дну!

Атланты и даже медведи на миг запнулись перед непонятной дерзостью идущей им навстречу горсти окровавленных дикарей...

У моста догорала последняя головешка из костра битвы.

— Обороняйте Мать Матерей! — крикнул Гонд.

Десятка два гиев кинулись за ним, навстречу напирającym врагам. Борейский вождь Уртан присоединился с несколькими бойцами. Остальные пробились Матерям путь к мосту.

Навстречу Ору бежал узкомордый, почти черный, медведь. Гий направил на него копые, но зверь, нырнув под острие, впился в горло оленя. Плясун повалился, запрокидывая голову; рог его вдавился в грудь Ора. Какое-то время тот еще слышал истошные крики, топот копыт, рев зверей, а потом потерял сознание. Он не видел, как промчались по мосту Гезд и Гехра с защищающими их спины Гондом и Бронтом, как пеласги и оолы в последний момент вырвались из смертельного кольца.

— Сюда! Сюда! — кричал Зогд с тропы, ведущей в кусты на склоне северного отрога. Возле него, опу-

стившись на колени, несколько воинов выпускали последние стрелы во врагов, вбегающих на мост. Когда атлант наклонился над загородившим путь телом Уртана, тот схватил врага за горло и вместе с ним скатился в Стикс. Один из ибров выбежал из-за кустов и швырнул на мост зажженный факел. Настил, который Зогд успел полить горячей водой, запылал, задержав преследователей.

Солнце, словно досмотрев до конца кровавое зрелище, медленно опускалось в океан. Густеющие сумерки укрывали беглецов от погони.

Бросив лошадь, Акеан подбежал к Майе. Она не сразу заметила его.

— Севз был прав, — сказала жрица, словно просыпаясь, — битва опьяняет сильнее некты. Даже если только смотреть на нее.

— Ты обещала мне его голову.

— Не вышло. Он не захотел остаться и не выпил напиток с ядом.

— Но как же моя доля! За такой подвиг я стал бы Кормчим...

— Погоди визжать, — взгляд Майи задумчиво обжег вокруг, — посмотри на этого борейца: как хорошо изучено его лицо. А волосы и борода совсем как у сына Реи...

— Отрубить ему голову?

— И достань из шатра плащ с молниями.

— А если найдут настоящего?

— Кто станет рыться в трупах, если я признаю голову мужа!

— Не постыдишься признать себя женой самозванца?

— Жрицы, опытные в любви, не одного врага скинули с себя под сапоги титанам. Думаю, моя награда будет не беднее твоей.

— Этот жив! — сказали над Ором по-атлантски. Было темно и тихо. Кто-то отвалил мертвого оленя. Поднявшись, Ор увидел, что это сделал медведь. Света факелами, атланты сбрасывали трупы в Стикс, искали своих раненых... Проводник медведя, звяк-

нув знакомыми крючьями, загнул Ору руки за спину...

Вытерев меч о хвост мертвой лошади, Строп брел к Восточным воротам. Огни факелов выхватывали из тьмы фигуры воинов, обшаривающих трупы. Строп был подавлен бегством вождей. Все шло так хорошо. И откуда взялся проклятый всадник, который своими воплями всполошил дикарей, уже сунувших головы в петлю? Сам Тифон тоже упустил Айда с Даметрой, но разве властные бывают виноваты!

Проходя мимо пленных, Строп скользнул взглядом по скорчившимся на земле фигурам. В его глазах не было злобы — только усталость и горечь. Сидящий с краю Ор узнал тяжелолицего атланта, приходившего с синеодеждами в становище Куропаток в то бесконечно далекое утро... всего пять лун назад. Но Строп, конечно, не узнал гийского щенка, погубившего ладью Аргола.

У Южной башни в окружении доблестных кормчих, мощных телохранителей, стремительных вестников сидел на бронзовом табурете молодой атлант в белой, расшитой золотом одежде. На нем был шлем из непохожего на бронзу, отливающего синью, металла, украшенный большими вспыхивающими камнями. Неподвижное одутловатое лицо было надменно поднято, тонущие в жире глаза со скукой смотрели мимо подходившего Стропа.

Когда тот уже начал сгибать спину, к башне подскакала лошадь, несущая на спине двоих. Стражи выставили копья, но Акеан осадил коня, помог слезть Майе и положил к ногам Наследника меч с насаженной на него головой.

— Чья? — толкнув ее сапогом, спросил Тифон.

— Самозванца, вождя бунтовщиков. Вот плащ нечестивого со знаками молний.

— Я подтверждаю, что это голова сына Реи, который брал меня в жены, — сказала Майя, выступая вперед.

Голова брата не заинтересовала Тифона. При взгляде на жрицу он слегка оживился:

— Это ты выведала тайну о бунте в Анжиере?

— А я принес эту весть, нырнув в Стикс! — напомнил Акеан. — И я поразил Севза! Вот и храбрый подкормчий знал его.

Строп взглянул на изуродованную голову и равнодушно кивнул.

— Это ты упустил вождей? — спросил Тифон со спокойствием, равным приговору.

Строп опустил голову, не пытаясь оправдываться.

— Идите, — отослал их Тифон, — каждый получит свое. А ты... — он обернулся к Майе и приостановился, рассматривая ее. — А ты вскоре расскажешь мне, что узнала полезного для Подпирающего.

— Я исполню все, что пожелает Наследник, — жрица склонилась так, что на миг ее груди открылись глазам Тифона, и тут же выпрямилась — открытое взгляду не заостряет желания. Идя к воротам, она пробормотала: «Младший не стоит клочка из бороды старшего!»

Утром пленных вывели из окруженного кольями загона и, вразумляя плетями, поставили в несколько рядов перед Южными воротами. Жирный атлант в белой одежде и блестящей синей шапке выехал из ворот на черном коне. Несколько человек подскочили к нему и, сняв с коня, усадили на бронзовое сиденье. Ор стоял рядом с Чазом, которого тоже свалил медведь у моста, когда пробивали путь Огненноволосой.

Одетый в снег, глянув на пленных, что-то сказал склонившемуся бронзовогрудому. Тот побежал к воинам, то показывая семь пальцев, то загибая один из них. Атланты пошли по рядам, вытаскивая каждого седьмого и отводя их на утоптанное место перед воротами. Туда же спешили проводники с медведями в поводу.

— Куда их... — начал Ор. В это время воин поравнялся с ними. Против Ора он загнул шестой палец и дернул за ворот стоящего с ним Чаза.

— Ешь досыта! — крикнул тот, в прощальной улыбке растягивая дырявые щеки.

Ор рванулся за другом, но атлант захохотал и ударил его в грудь, загоняя в ряд. Он не знал, что по-гйски выразил высшую похвалу пленному.

Когда седьмых согнали вместе, вождь в белом очнулся и даже встал, чтобы подойти поближе. Водящие зверей окружили полторы сотни пленных. Все поняв, Ор обхватил голову руками, чтобы не видеть гибели товарищей...

— Войди, — Палант оторвался от кожи, на которой писал тонкой палочкой, макая ее в краску. На вошедшем Стропе не было привычного красного пояса — знака главы челна.

— А я сегодня дважды искал тебя в доме воинов! — вскочил Палант.

— Я уже не воин. Вчера за мной пришли гиены Наследника, сорвали меч, пояс, отвели в подземелье. А утром туда явился вестник и, подвывая от торжественности, объявил, что меня не подвешат для коршунов, а милостиво шлют искупать вину на Канал. Не иначе — руки Акеана!

— Думаешь, за тебя просил этот...

— Ну, не из братских чувств. Просто я много знаю, а перед казнью человек хоть раз в жизни говорит, что хочет.

— Да, слава, склеенная слюнями, может рассыпаться от одного крепкого слова. И эта голова: ты заметил, уж больно она изуродована.

— Хороший удар. Не знаю, чья рука его нанесла, только не Акеанова.

— Рука не Акеанова, может быть, и голова не...

— Э, Палант! Оставим чужие головы — свои целей будут. Лучше скажи-ка: ведь ты бывал на Канале? И сама эта затея пошла из рук твоего... кормчего, что ли?

— Учителя, Строп. У знатоков нету кормчих. Да, старый Ферус сумел убедить Подпирающего, что Канал превзойдет подвиги всех прежних повелителей.

— Вот и расскажи, что ждет меня на вашем Канале: смогу ли я там горбом выслужить помилование или подохну через две луны?

— Рассказать о Канале... — Перед глазами Паланта встала огромная рытвина в земле, медленно ползущая от середины перешейка к двум океанам. Горы выброшенной земли по сторонам. Вереницы согнувшихся под корзинами людей несут землю со дна земной раны. Мамонты тянут на канатах каменные глыбы. Пламя горящей нефти — от него трескаются и падают кусками скалы. Визг бронзовых пил — там, куда не подобраться с огнем. Главы участков с вымазанными глиной листами замеряют, считают, перегоняют людей. Вся мощь и знание Атлантиды отданы Каналу — послушные животные, самая твердая

бронза, хитрые приспособления, свитки с чертежами... Но девять десятых работы тяжело легло на плечи сотен тысяч рабов. Строптивные гии и могучие коты, бешеные в ярости борейцы и глубоко таящие злобу либы — роют, долбят, носят проклятую чужую землю, умирают от усталости, от бессмысленности труда; новыми вереницами бредут из восточных гаваней...

Палант из встающего перед глазами старался выбрать то, что может пригодиться Стропу.

— В главы наделов послано много знатных юнцов, — закончил знаток. — Они ненавидят работу. С твоим умением направлять людей ты можешь стать доверенным такого мягкорукого. А в конце Подпирающий по обычаю щедро раздаст награды и помилования.

— Кувшин меду твоей глотке! А сколько еще рыть этот... Подвиг?

— Хроан спешит, ему уже пятьдесят пять. Еще зим десять...

— Я на четыре зимы младше. Дотяну? Старые волки живучи... — Строп взял в углу кувшин и наклонил ко рту. — Все не привыкну, что воды вволю, — усмехнулся он, напившись. — А скажи, на что нужен этот подвиг? Какой толк перегонять рассол из океана в океан?

— Помнишь, на холме у того окаянного стойбища я говорил, что льды все больше покрывают землю? Так вот, если ты бывал на западном берегу Срединной, то, наверно, помнишь, как там тепло.

— Еще бы! Я тогда засунул куртку в мешок и носил красный пояс на голом брюхе! — Глаза воина сощурились от удовольствия.

— А знаешь, отчего это? По Западному океану течет большая теплая река.

— Река по океану? Не может этого быть!

— И все же это так. Она налетает на западный берег Срединной, обогревает его и, сворачивая к югу, рассеивается. А если будет канал...

— Теплая река войдет в него?

— И потечет на северо-восток. Ее теплое дыхание заставит льды отступить от Срединной и других земель.

Строп задумался, пытаясь представить бой тепла и стужи:

— В воинском искусстве, если на тебя бросается сильный отряд врага, можно расступиться перед ним и сжать с боков. Не обойдут ли льды твою теплую реку?

— Ферус думает, что нет. Вот, послушай притчу: бьются медведь и бык. Их силы почти равны. Медведь сильнее, но совсем ненамного, и он одолевает — медленно, почти незаметно. Но вдруг в лапу ему втыкается колючка, заноза, которая в обычное время не страшна зверю. Он выдернет ее зубами и пойдет дальше. Но, если он станет делать это сейчас, бык пропорет его рогами. Значит, сражаться с занозой в лапе? Ведь она совсем немного ослабила его силу...

— Но эта сила и была всего чуть больше, чем у быка!

— Ты понял! Бык и медведь это почти равные силы тепла и холода, а теплая река — маленькая, но острая колючка, которая должна совсем немного ослабить холод — и решить борьбу.

— Ну вот, стало даже как-то веселее...

Знаток и бывший воин обнялись по-атлантски, опустив головы на плечо друг другу,

В высоком зале анжиерского дворца звучал голос Тейи. Добытчик удовольствий Наследника сбил с ног, ища еду и развлечения для пира в честь Великой победы. Тейю за три дня примчали из Умизана. Она пела, стоя лицом к возвышению, на котором в окружении властных восседал обрюзглый Тифон:

У Окруженного моря Стикс, быстроногая дева,
села расчесывать кудри.

Песню поет молодая, волосы — пенные волны
чешет гребенкою молний.

Море заслушалось песней, бросило в берег волною:

Будешь моею женою!

Нет, кораблей пожиратель, знай — я люблю Океана!

В жизни твоею не стану!

Она боялась, что зная, пресыщенная лучшими певцами Атлы, засмеет ее — неизвестную певицу из Умизана. Зря она решилась петь свою новую песню. Но теперь поздно.

Море взревело от гнева, подняло в страшной угрозе гору за волосы сосен.

Прячась от мести ужасной, к берегу дева припала,
скрыли прекрасную скалы.

С удивлением она заметила, как стихают хмельные голоса, осторожно опускаются чаши, оборачиваются к песне новые лица.

«Славная песня! — думал Палант, глядя на певицу из угла, где теснились гости попроще. — Сама она придумала эти изгибы мелодии, или я их уже где-то слышал?»

Деву земля пожалела, камень раскрылся, как рана:
Вот тебе путь к Океану!
Стикс, быстроногая дева, бросилась в темень могилы,
чтобы увидеться с милым.

В памяти знатока почему-то всплыла тундра, землянки, пасущиеся олени. Неужели это дикие гийские напевы освежили песню, сделали волнующей и горящей?

С этой поры молодая путь пробегает суровый
снова и снова и снова:
вечно уходит от Моря, вечно встает из могилы,
чтобы увидеться с милым.

Несколько мгновений все молчали, потом пир одобрительно зашумел. Добытчик удовольствий поднес Тейе чашу пенного сока. Она почти падала — столько сил отняла песня.

Италд сделал Добытчику знак. Тот покосился на Наследника. Тифон задумчиво жевал, похлопывая по бедру жрицу. Тогда Веселитель взял певицу за руку и подвел ее к вождю броненосных. У того было длинное горбоносое лицо с покатым лбом; глаза не такие узкие, как у большинства атлантов, жесткие, прямые губы.

— Сядь, — сказал Италд, — подкрепись едой. Видно, петь не легче, чем сражаться.

По знаку Держащего меч поднялся Акеан, которому на этом пире было доверено вознести хвалу победителю. Нового кормчего шатало, приплюснутый нос и широкие губы блестели от жира, а глаза от верноподданности.

— Слава и хвала Великому Победителю бунтовщиков! Боги, как никогда, радуются, глядя на его величие! — зал угодливо взревел. Тифон благосклонно шевельнул губой. — Мы, верные слуги Наследника, — продолжал Акеан, — несказанно счастливы выполнять его повеления! Мы жадно ждем дня, когда

он примет на свои мощные плечи Небесный Свод!

— Что он плетет! — Глаза Держащего меч полезли на лоб. — Завтра Хроан узнает, что новый кормчий торопит его смерть. И кто же из них умрет раньше?!

А Акеан не унимался:

— И тогда Могучий выберет себе достойный подвиг: не копанье земли, не выдумки знатоков, а великие завоевания. Бронзе опостылело тупиться о камень! Она хочет рвать тела врагов!! Слава и хвала Великому...

Зал снова взвыл.

— Нет, хмельной щенок знает, что вопит! — понял Держатель. — Наследник не даст его в обиду. Видно, Тифон решил показать отцу, что готов возглавить недовольных. А их нынче хватает!..

— Кто умеет добыть богатства и щедро раздарить их? Напиться сам и упоить целое войско? Наловить диких и не тащить на Канаву, а для веселья затравить зверями?! Наш Повелитель! Настоящий Повелитель!!

Обвислые губы Тифона разъехались в улыбке. Он поманил Акеана и ткнул ему свою недопитую чашу. Держащий меч застонал от зависти.

Одним духом осушив чашу Наследника, Акеан из своей с хвалебным возгласом выплеснул нектар под ноги Тифону. Один за другим гости, норовя перерорать друг друга, изливали перед повелителем свою преданность, расплывшуюся пузырячатой пенной лужей.

«Дикари льют прямо на голову», — усмехнулся про себя Палант.

Добытчик удовольствий ввел полуголых танцовщиц. Осипшие от славословий гости с новой силой брались за еду и питье.

— ...У меня был покровитель, но он уехал, оставив меня с маленьким сыном, — ответила Тейя Италду.

Тифон, брезгливо отвернувшись от неумелых, мало округленных танцовщиц, подозвал Главу кораблей:

— Завтра к полудню будь готов развернуть паруса.

Пятерых вождей и сотню разноплеменных воинов — все, что осталось от войска Севза, — привел Зогд в Долину ибров. Не раз по дороге в горное гнездо беглецы вспоминали о страшной битве, гибели Севза, чудесном спасении Айда и Даметры, но старались не думать о своей дальнейшей судьбе. Теперь, когда они оказались в безопасности, такое время настало.

На зеленой площадке перед пещеркой Промеата, где всего две луны назад Зогд прощался с учителем, собрались ученики Приносящего, отдохнувшие вожди, наиболее уважаемые ибрские Матери. Для некоторых Ситтару пришлось пересказывать беседу, шедшую на языке атлантов.

Койр, Мать ибров, предложила спасенным вечное гостеприимство, ведь сейчас им было небезопасно возвращаться в свои земли.

— Навечно остаться здесь! — воскликнула Гезд. — Для меня это равносильно вечному плену.

— Вернусь в Борею и разделю судьбу своего племени, — обреченно сказала Гехра.

— Мы разбиты, — кивнул Посдеон, — боги атлантов оказались сильнее наших. Но все равно я вернусь в свою землю и буду вредить узкоглазым, чем сумею.

— Ваши слова вселяют надежду, — проговорил Промеат. — Вы не сломлены, значит, битву еще можно выиграть. Но путь к этому один — вооружиться знанием и стать подлинными братьями, позабыв старые распри.

— Мы бились вместе, — возразила Гезд, — и либы были с нами, и оолы...

— Это был первый шаг. Ребенок, учась ходить, часто падает. Ведь у него мало сил и умения. Атланты сильны знаниями. Севз пренебрег ими, думая обойтись смелостью и лукавством. Я подарю их вам.

Первое — умение выращивать зерна — восприняли япты Даметры. Оно кормит, но привязывает к земле. Земледелец более уязвим для врагов. Это знание пригодится вам после победы. Но есть три вещи, которые сделают вас сильными. Это — тайна бронзы, искусство письма и наука приручения птиц-вестников.

Я шел к вам, чтобы принести мир, сытость и умение всем племенам. Я хотел научить их выращивать

зерна добра, но мои злобные сородичи не хотят этого! — В глазах и в голосе Промеата угасла боль и зашевелилась ярость. — Пусть так! Я буду учить вас выращивать зерна гнева. Но вновь говорю: долот и мучителен будет путь к победе. Стянет тело голод — стерпи, схватит сердце страх — одолей, ляжет на пути обычай предков — перешагни его.

Будете ли вы заодно? Не отступите от нашей цели из страха, от усталости, из вражды к соседу?

Встала Гезд. Ее обрамленное пламенными волосами лицо поднялось к небу. Вынув из-за пазухи кремневый нож, она воткнула его в левую руку выше запястья. К ней потянулись руки матерей и вождей. Последней острие рассекло бронзовую кожу Промеата, и кровь Принесшего огонь смешалась на каменном клинке с кровью племен, поднявшихся против титанов.

— Но это не все, — сказал Промеат, когда обряд был закончен. — Каждый год Срединная земля проглатывает тысячи юношей разных племен. В Атлантиде сейчас коттов может быть не меньше, чем в земле коттов, а яптов — больше, чем в яптской стране. У этих людей нет ничего, кроме жалкой жизни и ненависти к похитителям. Гнев их, если он вспыхнет, будет неодолим. Но атланты за много веков научились разъединять людей, глушить жажду свободы и вырывать зубы непокорности. Надо соединить и поднять рабов. Если удар извне сольется с ударом изнутри, власть зла рухнет, как источенная ветром скала.

Но кто превратит жалкие забытые толпы в гневных тысячеруких гигантов? Готовящий рабов к битве должен сам стать рабом.

Ужас и отвращение исказили лица вождей и учеников.

— Да, выбравшие этот подвиг добровольно отдадутся в руки охотников за людьми, будут трудиться под плетями и тайно шептать слова братства и гнева. Я не укорю тех, кто не решится ступить на этот путь, ибо слабый не только погибнет сам, но и навлечет беду на остальных. — Промеат замолк.

Юный ибр рванулся вперед, но его остановил, взяв за плечо, Сим из земли яптов. Тихий, рассудительный, он все делал медленно и основательно: постигал знания, упражнялся в навыках, учил других.

— Учитель, — сказал Сим, — из робких никто не пошел за тобой. Этот камень действительно тяжел, но я понесу его.

— А я мог бы стать работорговцем, — предложил Ситтар. — Лавка работорговца стала бы местом встречи и отдыха наших тайных друзей, помогла бы привлекать новых.

— Ты мог бы разыскать и выкупить Хамму, — сказал Зогд, — скорее всего она оказалась среди пленных.

— Вот что, — выступил вперед Бронт, — мне удалось спасти часть денег, захваченных нами в Тарре, Кербе и Умизане. Их хватит и на открытие лавки в Атле, и на покупку небольшого корабля для связи со Срединной и на многое другое. Я передаю их тебе, бывший знаток.

— Благодарю тебя! — воскликнул Промеат. — Твой вклад сделает нас намного сильнее.

До вечера не смолкали горячие речи, обсуждались планы, принимались решения. Все понимали, что впереди долгие годы подготовки и ожидания, но чувствовали, что битва за справедливость уже началась.

Когда большие горные звезды загорелись над Ибрской котловиной, Промеат с Ёмом, дремлющим у ног, сидел на медленно стынущем камне вдали от жилых пещер. Уверенные слова Приносящего свет ободрили, устремили на борьбу вождей и учеников. Но кто скажет такие слова ему самому?

Вдали за океаном лежит Атлантида — земля народа, уверенного в своем праве пить кровь братьев.

На взрытом перешейке, среди груд земли и сдвинутых с места скал кончают еще один день рабы Великого Канала. Где-то по серым волнам плывут корабли Тифона с новыми жертвами — остатками мятежного войска Севза.

Разбросанные по тундрам, горам, разделенные месяцами пути и веками вражды — в землянках, пещерах и чумах, полусытые и голодные — засыпают люди разных племен, — братья, не узнающие друг друга.

И на все это с севера медленно, невидимо для глаза, но неодолимо ползут огромные, посиневшие от собственного холода, пальцы ледников...

Какими узлами свяжется все это между собой, куда приведет Землю и ее детей — к гибели или общему счастью?

Ничего этого не знал Промеат. Он не был богом.

ГЛАВА 4. СРЕДИННАЯ ЗЕМЛЯ

В этот день стражи, пришедшие сменить тройку Одноухого, были необычно оживлены: кричали, махали руками, повторяя незнакомое Ору слово. Он его запомнил и потом узнал, что это — земля, но не всякая, а земля предков. Услышав это слово, Одноухий вскочил, его стянутая шрамом щека дернулась вверх, а на другой, не изуродованной стороне лица получилась половина улыбки. Два воина помоложе заплясали на месте, словно убили жирного лося. Потом все трое поспешили наверх. Пришедшие на смену продолжали смеяться, хлопать друг друга по спинам.

Когда пришла очередь Ора отдышаться на палубе, он увидел, что атланты то и дело поворачивают головы и пристально глядят на какое-то место в океане. Сперва он не видел там ничего, кроме ребристой, как каменный скребок, воды, а потом разглядел три темных острия, словно кто-то проткнул океан снизу трезубцем. Так он впервые увидел Атлантиду.

Оживление врагов передалось пленным: в трюме зашелестели разноязыкие разговоры. Гадали, что ждет их в конце пути. На что годен пленный? Стать пищей людям, или жертвой их богам, или отцом в роде, потерявшем много мужчин. Больше ничего не могли они придумать. Лишь немногие из разговоров с освобожденными рабами начинали смутно догадываться о правде.

Смятение усилилось при появлении корыта разваренных зерен и корзины с сушеной рыбой. Ведь еда полагалась лишь завтра.

Утром над головами пленных раздался топот ног и крики команды. Потом послышался плеск у бортов — в воду опустились весла. Корабль пошел мягкими толчками, а навстречу ему рос странный шум, сперва как комариное гуденье, потом громче, громче... вот он уже как гул весенних ручьев в горах. Левый борт со скрипом ударился обо что-то. Одни из

пленных вскочили, другие забились в самые дальние углы.

Дверь трюма откинулась, вошли все воины охраны со связками звякающих крючьев. Подталкивая пленных, крича на непонятливых, они защелкивали каждому руки за спиной и, связывая по девять, уводили наверх.

Когда Ора вывели на палубу, шум, прежде приглушенный, дубинами замолотил по ушам. Пленные стояли, пошатываясь, не чувствуя пинков. С палубы Ор увидел широкое место, обведенное полукругом отвесных скал. Но скалы были ровно обтесаны какой-то неведомой силой и пробиты ровными рядами отверстий. А за их полукругом шли и шли, поднимающаяся по пологому берегу, все новые ряды каменных утесов — словно стадо мамонтов застыло на пути к соленому водопою.

А площадь... Площади тоже не было! Была сплошная, шевелящаяся масса людей. Она взбухала водоворотами и ревела, как Стикс на порогах. А через узкие щели между скалами все лились и лились человеческие ручьи.

Ремень, натянувшись, дернул за шею. По широкой доске пленных свели с корабля. Береговые стражи в куртках из собачьего меха, дубинками отесняя толпу, расчистили место, куда сгоняли рабов с Тифоновых кораблей. Теперь Ор видел уже не всю толпу, а лишь ближние ряды. Краснолицые мужчины и женщины в ярких одеждах толпились вокруг пленных, тыкали в них пальцами, перекликались с моряками и воинами.

Давно с востока не приходило таких богатых караванов. Немногие приплывшие корабли везли лишь просьбы о помощи да беженцев. Но теперь, слава Праотцу, все уладилось: плывут из корабельных утроб тюки и сосуды, сходят на берег воины с мешками добычи, гонят рабов.

Гнусные, заросшие дикари! Как смели они противиться народу Цатла! Ха, смотрите: черные скалятся! Сожрали бы нас, если бы не ремни! Ничего, им выдерут клыки! А поглядите на этого: до чего глупая рожа! Да, бореицы годны только копать землю. Япты смекалистее. Ха, сосед! Моя собака смекалистее трех яптов!

Ор смотрел на орущую, хохочущую, плюющуюся

стаю, пытаюсь понять, что же это за люди, из какой они жизни? И сколько краснолицых в Срединной, если на этой площади их больше, чем было людей во всем Севзовом войске?

В толпе сновали женщины с бурдюками и расписными чашками. Поднимая толстые лоснящиеся лица, они кричали пронзительно, как загонщицы на большой охоте. Когда кто-нибудь кивал одной из них, она наливала в чашу пенистую нектру и, сияя улыбкой, протягивала просившему. Другие женщины, вопя более низкими голосами, предлагали еду. Странно, что лишь немногие из толпы, да и то после уговоров, соглашались поест и выпить. Неужто здесь все такие сытые?

Неожиданно толпа раздалась, и по одному из ущелий на площадь плавно вышли три мамонта. Ор сжался, ожидая, что гиганты затрубят и кинутся топтать людей. Но звери шли спокойно, легкими взмахами хоботов помогая стражам раздвигать толпу. На спинах у них сидели дети Даметры, но не в яптских лубяных накидках, а в грубых шерстяных балахонах, а сзади за каждым мамонтом двигалось на странных круглых лапах... нечто вроде большой лодки.

Слушаясь палочек, мамонты подошли к пристани и встали возле грузов, вынесенных с кораблей. Япты соскочили, повозились с широкими ремнями, и мамонты начали грузить добычу в свои лодки. Погонщик тыкал в очередной тюк, зверь брал его, а другой япт, в лодке, показывал, куда его положить. Ор так засмотрелся, что не заметил подошедших атлантов, пока ремень не дернул его за шею.

Ор обернулся. Перед ним стоял Одноухий. Юноша попробовал спрятаться за спинами пленников, но ремень, сдавив шею, притянул его обратно. Что-то бурча, Одноухий расцепил крючки на руках гия. Остальные пленные в ужасе шарахнулись от него — несомненно первой жертвы чужим богам.

Ор пробовал упереться, но атлант ударил его по щеке. Скуля от стыда и бессилия, юноша поплелся за ним, как олень на аркане. Они подошли к атланту в зеленом, который возле тюков с добычей рисовал палочкой на листе кожи. Враги коротко по-

говорили, и рисовальщик начертил несколько знаков. Затем Одноухий пинком заставил Ора поднять понуренную голову и, несколько раз хлопнув себя ладонью в грудь, повторил: «Я — Храд! Храд! — потом, ткнув гия: — Ты — мой раб! Мой раб. Говори!»

— Храд... мой... раб, — пробормотал Ор. Старый воин расхохотался. Что развеселило узкоглазого?

Они вернулись на нос корабля. Пол здесь покрывал толстый войлок, у стен лежали постели из шкур. Одноухий взял из угла два мешка, связал и взвалил на Ора. Они прошли по площади, толпа на которой уже поредела, свернули в одно из ущелий и остановились перед каменной стеной. Храд приблизил губы к щели между камнями и крикнул. Ор чуть не уронил мешки, когда кусок стены перед ними медленно сдвинулся. В проходе стоял молодой, изрядно ожиревший атлант.

Храд вытянул из-за пазухи бронзовый знак — искусно сделанный челн. Атланты заспорили. Одноухий кричал, показывая два весла на своем амулете, жирный в ответ хрипел, задыхаясь, и показывал три и четыре пальца. Наконец Храд, недовольно ворча, развязал мешок и вынул шкурку песка. Жирный сразу заулыбался, нежно подул на пышный мех, сунул его за пазуху и мелко, часто дыша, побежал впереди. Проход вел во двор, окруженный стенами.

Пройдя мимо навеса, где несколько атлантов ели из расписных мисок, они остановились возле бревенчатой двери. Жирный, мигнув Храду, потолкал дверь ногой, потом дал ему продолговатый камень. Храд сунул его в дырку между бревен и нажал на дверь ладонью. Та покорно отворилась.

В маленькой комнате на подстилке из войлока лежала шкура медведя, возле стоял кувшин. Храд велел сложить мешки у стены, и все трое вышли. Храд, захлопнув дверь, изо всей силы толкнул ее плечом — бревна даже не дрогнули. С сомнением оборачиваясь, Одноухий повел Ора дальше вдоль стены. Чудо с дверью уже не удивило загнанного Ора. Он брел за Храдом, повторяя про себя: «Раб, раб, раб...»

Из пленного он стал кем-то другим. Но кем? Заскрипела створка люка. Ора толкнули в темноту, и щит гулко захлопнулся за спиной.

Под навесом Храд сел к низкому длинному столу

и крикнул, чтобы принесли еды. Для старого вояки, отдавшего службе тридцать лет, несколько мисок крови и ухо с половиной щеки, настало время отдыха. При уходе на покой Подпирающий небо дарил подпиравшим его самого сотню плащей земли, пять рабов и бронзовый знак: челн о двух веслах. Знак освобождал хозяйство владельца от части податей и от пределов земли в общине — иначе дарованные плащи скоро вновь смешались бы с общинными.

Кроме того, знак давал право бесплатно посещать зрелища, пользоваться во всей Срединной домами для путников, кораблями и повозками, перевозящими людей и грузы из города в город. Завидные привилегии! Но смотрители гостиниц, пристаней, конюшен полагали иначе. Эка невидаль — челн о двух веслах! Бывает, что и владельцу четырехвесельного знака места нету! Впрочем, стоило вытащить шкурку, все отговорки жирного пройдохи как волной смыло.

Рабыня принесла кувшин с пивом и миску мяса с острым соусом. Похоже, что бык, перед тем, как попасть в котел, двадцать лет пахал землю. Но Храд почти не заметил вкуса еды. Непривычное чувство свободы, предвкушение встречи с семьей переполняли его. Наевшись и чуть захмелев, он поднял голову от миски. Душа желала беседы.

Соседи с любопытством смотрели на старого воина. Прибытие флота было в этот день сердцевиной всех разговоров. Плосконосый купец с юга задал положенный вопрос о пути пройденном и пути грядущем, после чего все с должными возгласами слушали рассказы о подвигах, о чудесах и богатствах дальних земель, коварстве диких племен. В битве с Севзом Храд сотнями умерщвлял бунтарей, заменял кормчего, убитого стрелой Айда, чуть ли не брал в плен самого вождя коттов.

— Такого бы раба в хозяйство, — сказал подошедший смотритель, сменив этим направление мыслей Храда.

— Хозяйство! Много нынче надо бронзы, чтобы оно не зашаталось! Но у старого Храда кое-что есть! — Он брякнул кольцами за пазухой. — И два мешка добычи! И награда от Подпирающего.

— Большая? — спросил кто-то.

— Мог взять сто плащей земли и пять рабов, или

триста плащей и одного раба. Я выбрал, — он поднял толстый палец, — триста плащей и раба, и не прогадал. Дикие дохнут, а земля нет! — Он захохотал, довольный шуткой.

— Ты мог выбрать любого раба на корабле? — спросил смотритель.

— Ха, на корабле! Любого из всей своры, взятой Тифоном!

— И взял того щенка, которого привел сюда?

— Взял этого и не прогадал! — оскалился Храд.

— Смотрите, люди! Он взял юнца, тощего, как весло, и притом гия!

Все засмеялись.

— Взял бы котта, — сказал торговец. — Уж эти живучи, так живучи!

— Или япта, — вставил старик, судя по запаху, приручитель волков. — Они хоть малорослы, но трудолюбивы. А гии — нет диких злее и упрямее!

— А я вот взял гия! — Храд вновь треснул тяжелой рукой по столу, и смех умолк. — И не прогадал! Знаю диких! Вот ты, — он ткнул пальцем в торговца, — что смотришь, покупая раба?

— Зубы, конечно, потом плечи...

— А я смотрю глаза! И ни разу не прогадал! У этого щенка живые глаза, и — попомните слово Храда — он принесет мне не одно звонкое колечко! — Отставной воин оглядел пожимающих плечами собеседников и, нашаривая отворяющий камешек, заспешил к своим мешкам.

Когда глаза свыклись с полутьмой, Ор увидел столбы, подпирающие потолок, неясные фигуры у стен. Свет пробивался из узких щелей наверху. Люди сидели и лежали, чутко слушая шаги атлантов за дверью. Едва шаги стихли, все поднялись с мест и разом заговорили.

Ора о чем-то спрашивали, но на странном языке, в котором мелькали атлантские слова, гортанные выкрики чернокожих, шелест яптской речи... Ор различил даже два-три гийских слова. Потом люди поняли, что перед ними свежий пленник, еще незнакомый с ут-ваау — смешанной из разных языков речью рабов. Несколько человек придвинулось вплотную, разглядывая Ора.

— Оэ! Ты гий? — спросил морщинистый раб с коротко подрезанной седой бородкой.

— Оэ! Я из Куропаток! — встрепенулся Ор, услышав речь родины. — Мы кочуем по Оленьей. А ты какого рода, Побелевший?

— Вряд ли ты знаешь мой род. Он идет от Изюбря. Наши места...

— Я знаю Изюбрей! — невежливо перебил старшего Ор. — У Севза было почти пять рук твоих братьев.

— Ты кочевал с Севзом! Севз! Севз! — зашеле-стело по подвалу.

Раздвинув возбужденных рабов, седой гий отвел Ора к стене, усадил на солому и закидал вопросами: верно ли, что Севз ударом дубины проламывает стены? И может вызывать молнии? Верно, что он поклялся освободить всех рабов? Затаив дыхание люди слушали ответы, которые Седой переводил на ут-ваау.

Поддаваясь мольбе в глазах слушателей, Ор по-новому видел и рассказывал прошедшие события. Да, Севз могуч, как десять мамонтов. Тяжкие ворота срываются с ремней, открывая ему путь. Молнии? Его меч быстрее молний! А когда на пути запенился Стикс, он велел... Рабы жадно ловили каждую подробность о битвах, бегстве ненавистных охотников за людьми, подвигах племенных вождей. Шепча проклятия, они слушали, как злобная атлантская колдунья напустила порчу на Могучего Быка. Это из-за нее не рухнули перед Севзом стены Анжиера. А в последней битве она отвела Вождю глаза, и он не увидел, что узкоглазые окружили его войско.

— Но ведь он не погиб? — с мольбой прошептал Побелевший.

— Нет! — Ор уже сам верил в это. — Добрые духи рано бросили на землю черную шкуру ночи, и она скрыла вождей от атлантов.

Рождалась легенда, которая от раба к рабу, из подвала в подвал пойдет по Срединной. И не один отчаявшийся, услышав ее, подождет звать смерть.

Скрипнул люк, люди метнулись к своим местам у стен. Атланты не любили бесед между рабами. За вошедшим стражем двое рабов несли корыто разваренных зерен. Рабы окружили еду, но никто не начинал, пока самый старый — сгорбленный пеласг,

не взял первую горсть. Тогда к корыту со всех сторон потянулись руки. Ор с жадностью наполнил рот теплой кашей. Видя, что все съели первую пригоршню, старейший потянулся за второй. Третья оказалась последней.

Под утро Седой разбудил юношу. Пеласг, который вчера давал знак к еде, сидел рядом, кутая сутулые плечи в бурый балахон.

— Самый Старый хочет говорить тебе! — прошептал гий сонно моргающему Ору. — Вчера ты порадовал его вестями, и он дает тебе слова мудрости, которые помогают рабу сохранить жизнь.

Пеласг тихо заговорил, поблескивая черными глазами из-под спутанных волос. Старый гий переводил:

— Первая мудрость: никогда не перечь атлантам. Кричи: «Сделаю, повелитель!» — даже если веление невыполнимо. Возразишь — накажут за непокорность, не сделаешь — всего только за леность.

Вторая мудрость: на глазах у хозяев не будь спокоен. Делай мало, но двигайся много. Переставай, едва хозяин отвернулся.

Запомни третью мудрость: не ищи доброты от хозяев. Те, кого они награждают, — уже не люди. И рабы и атланты презирают их.

Последняя мудрость: чаще вспоминай свое племя, свою землю. Память ранит душу, беспамятство убивает ее.

Ор не все понял. Уж очень отличались эти правила от обычаев людей.

Люк со скрипом распахнулся. «Выходи! Выходи!» — кричали стражи. Всячески изображая поспешность, рабы суетливо семенили к выходу. Но два стража с дубинками успели изойти проклятиями, пока вереница рабов вытянулась во дворе. Их повели на берег облицованного камнем канала, где стояла ладя — без палубы, лишь с навесом над кормой.

Рабов загнали в середину, на груз из мешков и бревен. Стражи сели на корме, возле моряков. Туда же прошел Храд.

Над покатыми крышами окружающих домов поднимались дымки — видно, узкоглазые готовили еду. В проходе показался идущий к пристани мамонт с яптом на спине. Ор не так испугался, как вчера, но

отодвинулся за большой кожаный тюк. Мамонт подошел к ладье, поднял хоботом конец каната, идущего от мачты, и протянул япту. Раскрыв рот, Ор гадал, что будет дальше.

Пока моряки убирали доску-сходню, погонщик закрепил канат на широком ремне, охватывающем грудь мамонта, тонко крикнул, и огромный зверь навалился на упряжь. Ладья тронулась. Двое моряков взялись за рулевое весло, не давая ей прижаться к берегу.

Долго плыли мимо пристаней со складами, потом вдоль участка, на котором несколько сот рабов вращали каменные плиты. Возле дремало трое стражей с волками.

— Что они делают? — спросил Ор старого гия.

— Новую пещеру, такую, как та, где мы ночевали.

— Разве... Разве не волшебством скалы превращаются в жилье?

— Какое волшебство! Видишь — стены кладут рабы, такие же, как мы.

— И для этого похищают людей из всех племен?

— Для этого и многих других тошных дел.

Ор стал разглядывать окружающее. Станный это был мир! В нем почти не осталось живой земли. Всюду лежали клинья полей, исчерченные канавками. Вместо лесов были ряды деревьев по сторонам каналов и дорог. Блестели пруды, тоже обведенные деревьями. Среди полей поднимались селения, окруженные стенами из глины. А на холмах стояли ступенчатые сооружения, полированные грани которых вспыхивали на солнце. И повсюду на полях копошились люди, занятые непонятным делом. За холмами, склоны которых состояли из извилистых зеленых ступеней, вставал острозубый хребет с могучей горой, увенчанный тремя снежными копиями.

— Эрджах, — сказал седой, видя, что Ор глядит на трезубец*.

Горы были как в земле гиев: зеленый мех лесов, каменные ребра, языки льда. Может быть, горы не подвластны вражьему колдовству?

Они причалили в месте, где канал входил в широкую реку. Рядом у большого каменного корыта с

* Вершины горного массива Эрджах — нынешние Азорские острова.

зелеными ветками стоял мамонт. Два либа поливали зелень в корыте каким-то варевом из глиняного чана. Увидев это, вновь прибывший мамонт захрюкал и стал топтаться от нетерпения. Япт прикрикнул на него, освободил от каната и повел к еде. Встретясь, две красно-бурые скалы тонко взвизгнули, дружелюбно потерлись боками и опустили хоботы в корыто.

— Хозяин зовет! — толкнул Ора Седой, показав на пристань.

— А ты? А другие? — растерялся Ор.

— Мы — рабы Хроана. Ешь досыта и помни мудрые слова!

Дома в городе, куда они приплыли, были ниже, чем в Атле, многие — деревянные. По немощеным улицам бродили короткошерстные коровы. Храд с Ором опять ночевали в доме путников. На этот раз среди рабов не было гиев, и Ор начал постигать разговор ут-ваау.

Утром новая ладья ждала у пристани. Примостившись среди грузов, Ор оглядывался, ища мамонта. Но тут стоящий на носу атлант затрубил в рожок, и судно плавно отошло от причала. Ор завертелся, пытаясь понять, что движет корабль. Уж тут было чистое колдовство!

Выйдя из реки в океан, ладья поплыла направо вдоль берега. Вдруг за бортом послышался громкий вздох. Ор обернулся и увидел дельфина. У берегов гийской земли они тоже любят играть вокруг лодок.

Земля спр: за то удалялась, то каменными обрывами нависала над ладьей. Берег был мало заселен. Лишь селения рыбаков ютились в укромных бухтах. Ладья миновала несколько рыбацких лодок. И вновь Ор заморгал, увидев, как большая чайка выхватила из воды рыбу, подлетела к лодке и уронила туда добычу. Все служит узкоглазым. Знал ли об этом Севз, поднимая копьё на Атлантиду?

Когда солнце достигло небесного перевала, атлант затрубил в рожок, но иначе, чем утром. Словно повинуюсь звуку, судно замедлило ход и остановилось. И тут же вода вокруг закипела. Несколько десятков дельфинов всплыли разом и заплясали у самых бортов. Так это их атлант позвал рожком? Но зачем?

Двое рабов протащили на нос тяжелую корзину. Чуткие ноздри гия поймали запах жареной рыбы.

Разинув рот, он смотрел, как моряк и рабы кидали рыбин в воду. Что тут поднялось! Море вокруг превратилось в пену и брызги, среди которых мелькали острые рыла, черные плавники, раздвоенные хвосты. Дельфины ловили рыб на лету и, громко фыркая, требовали еще.

Опорожнив корзину, «рыбий пастух» — как мысленно назвал его Ор — снова затрубил, и дельфины скрылись под водой. Судно тронулось, плавно набирая скорость. Так это острорылые вели его против ветра? Ор подобрался к борту и заглянул через край. Его тут же отогнали, но любопытный гий успел заметить несколько туго натянутых веревок, ныряющих в волны впереди корабля. Упряжка! — сообразил Ор. Узкоглазые запрягли дельфинов в корабль, как гии оленя в волокушу.

Но чего ради морские звери повинуются атлантам? Из-за рыбы? Будто они сами ее не наловят? Да и много ли досталось каждому: по две-три жареных рыбки. Жареных! Вот оно что. Гии подманивают полудиких оленей соленым камнем, который рогатые любят, но не умеют добыть. Может, и атланты соблазняют зверей особой едой? Вспомнились мамонты, жадно хватающие из корыта политую чем-то зелень. Может быть, в тайнах узкоглазых не так уж много непостижимого?

Плавание продолжалось три дня. На четвертый в в прибрежном городке Ронаде Храд нанял повозку, запряженную рослым бородатым лосем. Теперь, когда дом был совсем рядом, старый воин изнывал от нетерпения. Он заорал на бестолкового, топчущегося гия и за шиворот втащил его в легкую повозку на высоких колесах. Эти удивительные круглые ноги так прыгали по рытвинам, что глазевший по сторонам Ор дважды прикусил язык.

Дорога нависла над сильной рекой, бегущей навстречу из ущелья. Храд ерзал на сиденье. Даже сморщенная шрамом щека у него вроде разгладилась от предвкушения встречи с семьей. Воин то хрипло напевал, то беззлобно покрикивал на возницу-япта.

К середине дня бока ущелья раздались. Дорога спустилась к реке, похожей на Оленью. Но здесь по склонам тянулись террасы полей с ровными рядами растений. Журчала вода в канавках. Там и тут Ор снова видел согнутые фигуры людей, делающих ка-

кую-то работу. Даже в родную для гия жизнь гор вторгся непонятный мир узкоглазых.

Мысли Храда, обгоняя повозку, мчались к дому, где старый воин не был уже три года. Теперь он едет туда не на короткий месяц отдыха, добытый подвигом в сражении, не лечить очередную рану, а на весь остаток дней, отмеренных ему богами. Как она пойдет — жизнь без походов, биваков, боев?..

Новые заботы уже тревожили душу. Как заполучить в счет награды землю получше? Староста обязательно постарается подсунуть сухой ломоть на крутизне, где больше камней, чем земли. Как заставить младшего сына, которого удалось впихнуть на самый краешек круга властных, больше думать о возвышении и меньше об удовольствиях? А для младшей дочери пора искать мужа... И когда впереди знакомо сдвинулись вправо склоны, Храд, задохнувшись от волнения, вдруг пожалел о воинской жизни, состоявшей из команд и бездумного повиновения.

Над рекой раскинулось селение, окруженное стеной из глины и камней. Над домами поднимались заостренные, как копья, тополя. Дома — побогаче из камня, попроще из глины — окружали хлевы, хранилища. На плоских крышах желтело сохнувшее зерно. В стороне вытянулись два длинных, наполовину ушедших в землю строения для общинных запасов. Когда-то сюда сносили половину урожая, и старейшины решали, как ее использовать. Нынче другие времена: после жатвы сюда сносят долю Подпирающего, а остальное время амбары стоят пустые.

От селения тропы вели к желтеющим по склонам полям. Вон те три уступа — Храдовы, и еще два участка у реки. Ого, без него убрали обломки с бурой плиты и наносили земли — хорошее вышло поле, но ограда слаба... Нет, Храд уже не жалел, что возвращается!

Усталый лось, чуя близость жилья, с разгону одолел подъем к селению. У ворот повозку встретила толпа детей. В горном селении приезд война-земляка был большим событием.

Ор с волнением смотрел на стойбище, где ему, возможно, предстояло провести всю жизнь. Оно больше походило на пристанище людей, чем городá с их дырявыми скалами домов, но глухие ограды, вырос-

шие по приказу деревья, поднятые над землей землянки были все же чужды и непонятны.

Храд ткнул возницу, и они свернули в раскрытые ворота одной из оград. Заученно взвалив на плечо мешки, Ор заковылял на затекших ногах к дому из грубо обтесанных камней с узкими щелями окон под крышей.

Предупрежденная детьми, семья воина ждала у входа. Впереди стояла полная женщина в длинном меховом плаще. У нее было плоское лицо с широким, слегка приплюснутым носом; губы — тоже широкие, но не выпуклые, как у коттов, а будто стесанные ножом. За старой Матерью стояли две молодые пары. Ор подумал — ее дочери и их охотники. На самом деле было наоборот. Из третьего ряда выглядывали девушка и несколько любопытных детских голов. Поодаль толпилось с десятков людей разных племен в грубых серых накидках.

С удивлением Ор увидел, что женщина, которую он счел главой семьи, низко склонилась перед Храдом, протянув руки. За Старой то же проделали остальные. Все совершалось молча, с каменными лицами. Только у девушки из заднего ряда в раскосых глазах прыгали радостные огоньки.

Когда ритуал закончился, Мать, впервые разжав губы, произнесла: «Сойди с корабля, войди в дом». Ор понял слова и даже оглянулся, отыскивая корабль. Семья расступилась, и Храд шагнул к двери.

Старший из встречавших мужчин взял у Ора мешки, взвесил их на руках и довольно чмокнул губами. Тонкоусый либиец, взяв Ора за локоть, ввел в низкое, обмазанное глиной строение, где лежали вязанки травы и пахло скотом — не оленями, но тоже приятно. Видя, что Ор не знает ут-ваау, усач послал куда-то молодого соплеменника. Рабы дружелюбно улыбались новичку, один, с кожей еще чернее, чем у Айда, протянул ему горсть орехов.

Запахавшись, вошла пожилая гиянка и заговорила с Ором. Он так давно не видел гийских матерей, что от волнения и радости заплакал. Женщина обняла его, и Ор вдруг почувствовал себя ребенком, которого гладят шершавые руки матери.

До здешних рабов не дошло и слухов о Севзе. Знали, что где-то идет война, но кого с кем? Ор теперь подправлял события еще смелее, чем в подвале

дома путников. Жадные глаза и стиснутые кулаки слушателей вдохновляли его. Сейчас они вместе с рассказчиком и могучим Севзом шли по тропам, пробивали копьями кожаные щиты, вдыхали дым горящих крепостей...

Слушатели менялись: одни убегали, чтобы долгим отсутствием не разъярить хозяев, другие приходили. Ключья волнующих вестей пересказывались в других дворах... Вдруг гиянка смолкла на полуслове. Ор почуял в наступившей тишине запах опасности. В дверях хлева стоял человек в рабской одежде с лицом, в котором смешались черты борейские и яптские. Чужие рабы один за другим выскальзывали из хлева, стараясь не коснуться стоящего у входа. Поднялась и гиянка.

— Чего испугались люди? — спросил у нее Ор.

— Этот сын жабы за огрызок мяса выдает узкоглазым тайны пленников! — ответила женщина и пошла к выходу. Доносчик, ворча что-то угрожающее, вышел вслед за ней.

Рабы Храда взялись за прерванные дела. Одни крутили плоский круглый камень, из-под которого сыпалась в корыто желтая пыль, другие кололи на куски обрубки деревьев, третьи собирали просушенное зерно. А Ора яптянка, одна из рабынь Храда, чирикающая что-то успокоительное, повела в дом и оставила на пороге комнаты, полной людей.

При свете каменных светильников Ор увидел низкое помещение со стенами, завешенными белым вышитым войлоком. Пол тоже устилал войлок, но более темный и грубый. В середине поднималась над полом каменная плита, уставленная кувшинами и мисками. Вокруг на подушках сидели атланты — мужчины и женщины — с лицами не такими каменными, как обычно. Сам Храд стоял, чуть покачиваясь, во главе стола. Губы и щеки его блестели от жира.

Хмельной хозяин, видно, уже забыл, что велел привести гия, и разглагольствовал, то рубя рукой как мечом, то подгребая что-то к себе широкими ладонями. Гости ахали, потирали руки, облизывали широкие губы.

Когда Одноухий прервал рассказ, чтобы выпить чашу, взгляд той девушки, которая при встрече стояла позади, ненароком упал на Ора. Она прыснула и скорчила рожу. Взглянув на нее, потом на гия, Храд

тоже захохотал, поднялся из-за стола и вытянул нового раба на середину комнаты. Похоже, что это приобретение не вызвало восторга семьи и гостей. Атланты заспорили. Тогда упрямый Храд, словно подчеркивая ценность гия, сунул ему большую кость с необгрызенным мясом и вытолкнул из комнаты.

Девятого из Хроанов, Титана над Титанами, Подпирающего Небесный Свод, Повелителя Срединной земли, Восточных и Западных владений, разбудил голос гонга с Небесной башни. Он лежал, не открывая глаз, прислушиваясь к шаркающим шагам и ворчанию Блюстителя Обычая. Старец проковылял к очагу, подбросив дров, и в лицо Хроанудохнул теплый воздух, пахнувший ароматными смолами. Потом шаги прошелестели к ложу, и старик над самым ухом забубнил, что кому же блюсти заветы, если сам Подпирающий...

Пересилив себя, он сел. И впрямь, небо не ждало. Увы, груз его с годами становился все тяжелей! Страхивая остатки сна, Хроанотдался утреннему ритуалу. Прислужники омыли Хроанулицо и грудь водой, настоящей на серебре, поднесли чашу пенисотого сока из ягод. Между тем Блюститель, едва касаясь белых, шитых золотом покрывал, собрал их с ложа и бросил в огонь, ибо ни одна ткань не должна касаться тела Подпирающего дважды. Потом он достал из стенной ниши одежду и передал помощникам.

Согретый хмельным соком, Хроанвыпрямил спину и встал посреди комнаты. Служители накинупа на его плечи три плаща: красный — воинский, желтый — жреческий и синий — цвета знающих. Вечером все это тоже пойдет в огонь. Старец со служителями отступили к стене и замерли, ожидая. Через несколько мгновений с Небесной башни грянул второй удар.

Возглавляемая Хроаном процессия торжественно шла по дворцу, пополняясь высшими сановниками и жрецами, кому Обычай позволял лицезреть предстоящее. У самой лестницы на Башню их догнал Наследник. Тифон зевал и протира л глаза.

На верхней площадке Башни два жреца Времени следили за тенью острия на выбитом в камне узоре.

Утро было солнечное, и чаша с песком стояла в бездействии. Третий жрец готовился ударить серебряной палицей по подвешенному на цепях бронзовому щиту.

Хроан поднялся на каменный куб в центре площадки, расставил ноги, опустил голову, вскинул руки к плечам, и тут гулкий звон в третий раз взлетел над дворцом и поплыл во все стороны, извещая народ Срединной, что небо легло на плечи Подпирающего.

Никто не увидел этого, но все почувствовали по тому, как набухли жилы на шее у Хроана, напряглись руки, согнулись колени. Тень медленно ползла по кругу. Приближенные благоговейно взирали на таинство, благодаря которому Земля не гибнет под рухнувшими Небесами. Прохожие на улицах Атлы, пахари в окрестностях, подняв головы на звук бронзы, видели фигурку на Небесной башне и бормотали хвалу богам.

Блюститель неслышно приблизился к Хроану и птичьим пухом вытер пот с его лба. Как всегда, после первых усилий стало легче. Шевельнув плечами и пристроив небо, чтобы не очень давило на хребет, он стал думать о делах и заботах наступающего дня. Тяжесть на спине не давала мыслям разбегаться по мелочам, помогала выбрать главное. Он думал о сыне, вернувшемся с головой вождя бунтовщиков. Правда ли, что этот Севз был его сыном от той румяной дикарки? Или просто дерзким самозванцем? А голова — действительно Севзова?

Сегодня торжество в честь победы. Надо восхвалить и наградить победителей. Как соблюсти меру в похвалах, чтобы не вышло недостойно, но и не возвысить чересчур Наследника, которому не терпится подставить спину под небесный свод? Хроан покоился на Тифона. Тот внимательно следил за отцом — не шатнется ли под священной тяжестью.

Перебрав слова похвал, он нашел достаточно красивые и осторожные. А награды?.. Может быть, хватит одних похвал? Но при этой мысли Небо перекошилось, больно нажав на плечо. Нет, конечно, нельзя без наград. А если принять хитрый совет Ит-лиски? Небо лежало ровно.

«Так и сделаю», — решил Хроан.

Мысли перешли на то, чему Повелитель посвятил последние двенадцать лет правления. Подвиг! Успеть

закончить его, пока боги не позвали к себе. Но где взять еще рабов, если Тифон под Анжиером больше перебил нечестивцев, чем захватил, и половину пришлось отправить на Восток, отстраивать разрушенные крепости и возобновлять рудники. А сколько диких еще придется раздать в награду воинам! Где взять зерно, животных, бронзу, чтобы ускорить работы? Бронза так быстро стирается о камни! Или ее крадут писцы?

У знатных немало богатств, которые они тратят на пустые забавы. Могли бы... Небо слегка покачнулось, как всегда при этой постоянной возвращающейся мысли, но тут грянул удар по щиту и Хроан ощутил, как тяжесть ушла с плеч. Так было каждое утро, все тридцать лет его правления.

Боги благосклонны к Хроану. Окажись он не в силах подняться на башню, Наследник заодно с Небом перехватит его Подвиг, либо, бросив незаконченным, начнет свой, новый. Тогда — прощай почетное место среди богов. Где окажется в их небесном жилище повелитель, не успевший совершить ничего великого? У порога, с мелкими божествами ручьев и сельских общин! Нет, не такую участь готовил себе Хроан.

Подхваченный под руки, он сошел с возвышения, поманил за собой Тифона и быстро зашагал по лестнице вниз. За ними с ворчанием тащился Блюститель Обычая. Уходить с Башни надо торжественно, а не по-козлиному! Сколько он предупреждал Повелителя, что тот навлекает беды на Срединную. Неурожаи, бунты, гибель кораблей — все, все от несоблюдения Заветов!

— Дай сюда, — Хроан протянул тощую темную руку. Тифон, почтительно склонясь, вложил в нее листы. В зале Малых бесед было жарко, но Хроан не скинул трех плащей. Иначе их пришлось бы сжечь, а Повелитель в старости стал скуп. Он лишь распахнул песцовую куртку. Обрамленные белым мехом костлявая грудь и запавший живот казались особенно темными и тощими.

«Еще высох за три луны, что меня не было», — подумал Наследник, искоса оглядывая отца.

Умей Тифон разбираться в своих чувствах и мыслях, он, наверное, подивился бы царившей там путанице. Без всякого сомнения, он верил, что отец — человек-бог, не дающий упасть Небу. Не далее как

сегодня утром Тифон видел, как невидимая тяжесть легла на плечи Хроана и тот выдержал ее.

И вместе с тем Наследник видел и знал, что Хроан — хилый старик, досадная преграда на его, Тифона, пути, упрямый безумец, швыряющий богатства в бесполезную рывину. Как это совмещается с божественной непогрешимостью? Тифон не замечал противоречия.

Хроан просмотрел знаки, исчисляющие траты карательного похода и привезенную добычу, и — ну конечно! — забрюзжал все о том же: мало рабов, сушеного мяса, кож, почти нет руды. Разве этих объедков хватит, чтобы успешно продолжать Подвиг!

— Божественный отец! — Тифон переступил затекшими под тяжестью тела ногами. — Я забрал все, что было. Из Гефеса прислали птицу: копи залиты водой... «Мог бы позволить сесть!» — подумал он со злобой.

Словно угадав мысли сына, Хроан кивнул ему на покрытое львиной шкурой сиденье:

— Сядь. Расскажи о Севзе.

Как сын верил в божественность отца, так и тот не сомневался, что Тифон в свое время взвалит на себя Небеса. Но для Хроана противоречие между качествами сына и его ролью не оставалось незамеченным. Он даже спросил как-то у жреца, славящегося мудростью, совместимы ли явная глупость и вздорный характер с высшей непогрешимостью. Тот сказал, что, конечно, совместимы: любые самые вздорные поступки божества ведут — не всегда сразу — к благим результатам, а мудрые действия человека не угодного богам вызовут лишь бедствия.

Сейчас Хроан с кислой усмешкой слушал бессвязную речь сына.

— Так Севз правда мертв? — прервал он Тифона.

— Мне принесли его голову.

— А чем доказано, что она Севзова?

— Ее узнала женщина, которая была его женой.

— Разве она не убежала?

— Когда? Еще сегодня ночью она была у меня.

— Гехра у тебя?!

— Да нет же! У Севза была вторая жена — жрица из Умизана.

— Так это она опознала голову? Вели послать за ней.

— За головой?

— Нет, — вздохнул отец, — за жрицей.

В зале Явлений ждали Подпирающего. Придворные, военачальники, жрецы, наместники провинций стояли группами, обсуждая изменения в круге власти, зрелища, достоинства певиц и породистых животных.

— Куницы, выращенные у меня, — хвастался вертлявый старик, судя по зеленой одежде — высокий чиновник, — никогда не упустят куропатку или рябчика.

— А поймав, так издерут дичь, что ее неприлично подать к столу, — прервала его полная жрица. — Вот у нас выучивают ястребов...

— Сорок колец за этот плащ?! — слышалось рядом. — Тебя надули!

— Конечно! — возражал обиженный. — Ты не платишь за одежду больше двенадцати колец. Зато и надето на тебе!..

— А лосося мне готовят так, — проникновенно делился лысый кормчий с семивесельной ладьей на груди. — В брюхо кладут толченые орехи...

— И весь выигрыш ставлю на мамонта с черной спиной! — азартно звучало из кружка высокородных юнцов.

Зал, в дни больших торжеств вмещающий несколько тысяч человек, был облицован полированными плитами из красного гранита. По ним плыли мозаичные ладьи, двигались ряды золотых копьеносцев, летели морские птицы. Вдоль стен, отступая на десять шагов, стояли ряды массивных колонн, тоже из красного камня, но более темного, чем на стенах. Колонны давали опору плитам потолка, покрашенным драгоценной голубой краской.

Большинство колонн имело вид фигур наиболее прославленных повелителей Атлантиды, начиная с легендарных времен. Мощные руки статуй, поднятые к плечам, упирались в голубую кровлю — повелители держали небо. Первым стоял Цатл. К бедру его был прислонен щит с рисунком Великого Пути, которым он привел людей с Запада на новую родину.

В лицо Цатлу глядел Тхар — создатель первых оро-
сительных каналов, а рядом в шлеме с шипами стоял
Энунг, начавший завоевание восточных земель. Сле-
дом по обе стороны зала стояли другие прославлен-
ные правители. И лишь в конце обоих рядов гладкие
колонны ждали свершителей новых великих деяний.
Достоин ли очередной Подпирающий занять место в
зале, решал Совет титанов и жрецов через полвека
после его смерти. «Ибо, — как говорилось в разъяс-
нении этого правила, — зерно надо взвешивать,
когда в нем не осталось влаги».

Узкие окна пропускали мало света, и у ног ста-
туй горели бронзовые светильники. В смешанном
колеблющемся свете темно-красные лица статуй —
скуластые, с подчеркнута узкими глазами, длинными,
плоско стесанными губами, — казалось, презритель-
но морщатся, глядя на толпящихся под ногами по-
томков.

Акеан рассказывал двоим титанам, как он добыл
голову Севза. Высокорожденные слушали с велича-
вой снисходительностью. Минули времена, когда по-
томки тех пятнадцати, что плыли в ладье с самим
Цатлом, вершили судьбами страны вместе с очеред-
ным Повелителем, потомком самого Цатла. Мало ос-
талось от былой силы титанов, да и богатства их не
сравнить с тем, что накопили иные низкородные. Но
на церемониях, пирах, зрелищах титаны по-прежне-
му были первыми после Подпирающего и всячески
берегли свое показное величие.

Вот и сейчас Акеан был удостоен внимания тита-
нов потому, что приходился дальней родней одному
из них. Если же незнатный — будь он как угодно
властен и богат — хотел обратиться к потомку Цат-
ловой команды, он делал это не прямо, а через того,
в ком есть хоть капля крови титанов.

В соседней группе, желтеющей плащами жрецов
и жриц, Майя краем уха ловила обрывки Акеанова
рассказа и чуть заметно морщилась: до чего же
хвастает! Того гляди... Одновременно она слушала
куда более интересный разговор между Приносящи-
ми жертвы — о доходах, знамениях, открытии нового
святилища в Хиоме. Желтые, зная о роли Майи в
подавлении бунта, с интересом присматривались
к ней.

— Скажи, — обратился к Майе простоватый с

виду служитель Тхуа — богини Южных ветров, — все, что рассказывает этот молодой кормчий, — правда?

— А что вызывает у тебя сомнение, близкий к богине? — вкрадчиво спросила Майя, мысленно кляня болтливого Акеана.

— Про Севза говорили, что он могуч в битве. А этот высокорожденный, похоже, лучше всего разит языком...

— Этот кормчий, — Майя пожала плечами, — копье, подвернувшееся небожителям, когда пришло время нанести удар.

— Несильное копье! — хмыкнула жрица — та, что хвалилась ловчими ястребами.

— Вы правы, мудрые, — Майя тонко улыбнулась, — не ему было победить Севза в открытой схватке. Но бог воителей Пта сказал: «Кривое копье бьет слабее, зато из-за угла».

Разговор продолжался, полный недомолвок, инсказаний, обращений к небесам. Майя осторожно убеждала, что не намерена, пользуясь вниманием Наследника, захватить чье-то место. У нее другая цель, полезная всем носящим желтое. Речь идет о походе, сулящем богатую добычу. От их попыток узнать больше Майя уклонялась с ловкостью, удивительной для жрицы из захолустья.

Неожиданно в зал вбежал вестник и крикнул:

— Майя, приносящая жертвы Небу! Спешి за мной — предстать перед Подпирающим Небо.

— Акеан чуть не взвыл от обиды и зависти. Все лучшее достается этой змее! А разве не он переносил главные тяготы и опасности! Кто бесстрашно кинулся в Стикс? И кто положил к ногам Тифона голову... Но тут кормчему вспомнились некоторые подробности, и гнев его несколько ослаб.

Бесшумно жрица шла вслед за провожатым по запутанным переходам огромного дворца. «Сюда!» — показал вестник. Перед тяжелым занавесом из цветных меховых полос стоял сгорбленный старец в желтом. Колючими глазами он обшарил женщину: к Подпирающему нельзя приближаться с чем-либо кислым, с предметами черного цвета, украшениями из зуба и кости, не говоря уже об оружии. Распахнув одежды жрицы, старик проверил чистоту ее тела...

За занавесом слышались голоса: хриплый Тифо-

на и другой — тонкий, резкий, как звук пилы, въедающейся в камень.

— Войди, — сказал наконец старик и скрюченными пальцами ударил по кожаному бубну.

Низко склоняясь, с протянутыми вперед руками, жрица из-под опущенных век разглядывала властелина Атлантиды. Он мало походил на изображения, которыми писцы украшали листы о его повелениях и деяниях. Перед Майей сидел пожилой худощавый человек с лицом, обтянутым сухой бурой кожей. В его облике была властность, но не величавая, самодовольная, а усталая, брюзгливая — привычка к власти, уже не доставляющей удовольствия.

«Не Тифон, но и не Севз, — решила жрица. — Упорен в достижении цели, но не умеет увлечь других».

Она коротко рассказала о событиях, приведших к гибели Севза, не пытаясь выпятить свои заслуги.

— Скажи, — Хроан решил смутить ее неожиданным вопросом, — как думаешь ты: он был моим сыном от Реи или самозванцем?

— Уверена, что он был твоей крови, — ответила Майя, не опуская глаз под жутковатым взглядом Подпирающего.

— Этот дикий — нашей крови?! — презрительно фыркнул Тифон.

— Разве мог бы простой смертный так долго сопротивляться Срединной, захватить почти все восточные владения?.. И потом, если возвестить, что убит не сын Реи, другой может спохватиться: «Конечно! Ведь это я — сын Реи!»

Хроану понравился ответ.

— Боги верно сказали тебе, — кивнул он, — убит нечестивый сын, восставший на отца. Больше никто, — он чуть заметно покосился на Тифона, — не посмеет посягнуть на мою власть. — Хроан поднял глаза на жрицу, склонившуюся под его хмурым взглядом. «Наверное, искусна в любви», — подумал он.

— Идите! — морщась от боли в суставах, Хроан спустил ноги с ложа. — Пора готовиться к Явлению,

— Повелитель идет! Приготовьте себя к лицемерию Подпирающего небо! — Толпа в зале забурилась, затопталась и смолкла. Знатные придвинулись к мра-

морному возвышению с вделанным в плиты узкогорлым Сосудом Жребиев, люди средней силы поместились в середине зала, более низкие теснились между колоннами.

Медленно откинулась тяжелая занавесь, и на возвышение вышел Хроан, а за ним как тень — Блюститель Обычая. Лицезрящие опустились на колени, протянув сложенные руки. Лишь в первом ряду над согнутыми спинами торчало несколько фигур: титаны, — бессмертная команда Цатловой ладьи, — стоя, слегка склонив головы, приветствовала своего Кормчего.

Блюститель поднял ладонь, и зал разразился славословиями. Высшие, средние, низшие, стараясь переорать друг друга, превозносили мудрость, мощь, щедрость Повелителя. Скрюченные пальцы старца опустились, и зал послушно смолк. Хроан медленно, с поднятой, но не чересчур задранной головой шагнул к краю возвышения. Вернувшаяся в зал Майя подивилась его искусству. Куда делись старческая худоба, согнутые плечи, распухшие колени? Над залом стоял Бог — всесильный, чуждый слабостей и сомнений.

Он заговорил, не повышая голоса. Но атлантские умельцы — строители владели тайнами звука: голос четко и мощно разносился по всему залу. Воздав умеренную хвалу Тифону, поразившему нечестивого сына Реи, Хроан заговорил о том, что теперь, когда угодный богам порядок вернулся во вселенную, он, Подпирающий, может вновь все мысли обратить к Подвигу, который согреет Срединную, а ему принесет достойное место среди богов. Он знал, что слова о пользе Канала отскакивают от склоненных голов, но не мог удержаться. Дважды Хранитель Обычая вызывал крикливые похвалы Великому Подвигу.

— Те, кто тайком ропщет на большие траты, — сказал Хроан с угрозой, — кощунствуют против богов и испытывают мое терпение! Сейчас, — закончил он, — Держащий мою правую руку объявит награды достойным и кары нерадивым, что допустили вред от бунта крепостям, ладьям и богатствам Срединной.

Итлиск — высокий узконосый северянин — развернул лист желтой кожи. Наказания звучали одно-

образно: надсмотрщиком, стражем, писцом — на Канал! Зато дары оказались неожиданно обильными — и мехами, и бронзой, и рабами. Переждав похвалы щедрости, Итлиск, важно кашлянув, закончил:

— Зная нетерпение своих подданных увидеть Подвиг завершенным, Повелитель милостиво примет у тех, кто пожелает, половину дара на создание Великого Канала.

На этот раз славословия начались с заминкой, зато звучали особенно громко и искренне.

ГЛАВА 5. ЗНАКИ НЕВЯНУЩЕЙ ЛЮБВИ

— Эй, желтоволосый! — Ор распрямился и отер ладонью пот.

Старший сын Храда, Уфал, сутулый, с вечно хмурым лицом, сидел на обтаявшем черном камне у края поля. Негнувшимися пальцами, в которые въелась земля, Уфал доставал из плетенки еду. Он протянул Ору ломоть ячменной лепешки и копченое баранье ребро. Ели молча, старательно обгрызая присохшее к костям мясо. Который раз Ор подумал, что гням тоже лучше бы коптить оленину, а не сушить на солнце.

— До заката надо кончить, — Уфал кивнул на склон, с которого они сгребали снег на огороженное камнями маленькое поле.

— Да, хозяин, — Ор отбросил обглоданную добычу кость.

Хорошо работать со старшим сыном Храда. Не то что со средним, который, если рядом нет отца, сам почти не работает, а только бестолково помыкает рабами. Уфал не скупится и на лишний кусок еды, и терпеливо покажет, что и как надо делать. А главное, сам трудится не жалея сил, и видно, что со вкусом! От этого малопонятные дела по укреплению оград, возведению уступов, рытью земли внизу и переноске ее на поля казались не такими унылыми.

Сам Храд тоже работал вовсю, но он сильно отвык от труда земледельца и легко приходил в ярость, когда что-нибудь не ладилось.

Зимой работы было немного. Окруженная снегами община дремала как сурок. Но едва под весенним солнцем осел снег, спячки как не бывало! Теперь

землепашцы и рабы с рассвета до темноты возились на полях, готовясь к трудным дням паводка.

Сгребая снег, Ор вспомнил родные места. Сейчас там дети Куропатки готовятся к весенней кочевке. Худые, со свалывшейся шерстью олени нюхают ветер и норовят убежать от пастухов. Охотники стругают древки для стрел, женщины ищут под снегом прошлогодние корни. Чего бы Ор не отдал, чтобы хоть на день вернуться в эту голодную, счастливую, настоящую жизнь! Только отдавать-то ему нечего!

Вот минула его первая зима в Срединной земле. Прошло время, когда удивление и любопытство помогали новому рабу забывать о его жалкой участи. Дальше дни пойдут похожие один на другой, и уж ничего нового не впорхнет в жизнь Ора, быть может, до самой смерти. Тело его закопают на хозяйском поле, а дух — найдет ли он дорогу из чужого далека в тот край Нижней земли, где кочуют гии? Вряд ли. От этой мысли глаза юноши, обращенные на восток, наполнились слезами, и он не сразу заметил две темные точки на дороге. Кто-то едет в общину.

Когда Уфал и Ор, закончив работу, подходили к воротам в общинной ограде, выбежавший навстречу мальчуган крикнул:

— Дядя Уфал! К вам приехали твой брат и еще какие-то.

Странно, но пахарь, похоже, не слишком обрадовался вести.

Приехавших было трое — все молодые, с гладкими лицами, которые казались особенно ухоженными рядом с лицом пахаря. Они первыми приветствовали старшего по возрасту Уфала, но с оттенком пренебрежения. При поклоне они не складывали руки, а широко разводили в стороны. Уфал, усмехаясь, ответил тем же. Дальнейшего Ор не видел. Старая хозяйка, заметив гия без дела, велела ему чистить шкуру резанной овцы.

Вечером у атлантов был пир, а рабы собрались в хлеву. Войдя, Ор увидел среди сотоварищей по неволе троих незнакомых рабов. Все они — два либа и япт — выглядели более сытыми и были одеты лучше сельских рабов, держались непринужденно и немного свысока. Когда принесли вечернюю еду, либиец постарше бесцеремонно сунул нос в общую миску с

похлебкой из костей, хмыкнул и окинул всех значительным взглядом:

— Есть тут такие, что шепчут хозяевам?

— Нету! — мотнул головой борец, старший из рабов Храда.

— Тогда доставай! — мигнул либиец более молодому соплеменнику. Тот вытащил из-за пазухи изрядный кусок вареного мяса и отдал бореццу. Глотая слюну, все смотрели, как Старый истово режет мясо кремневым осколком на равные доли.

— Где добыли? — спросил либиец, раб Храда, у городского земляка.

— Где? У хозяев, где же еще! — гость расхохотался, глядя на испуганные лица. — Не бойтесь! Молодые господа слишком важны, чтобы считать куски. В Эльтоме я подошел к своему и говорю: «Хозяин, запасти еды на дорогу?» Он кидает мне кольцо: «Пойди, купи!»

Я дождался, пока запрягли повозки, прибегаю: «Вовсе нет стыда у торговцев! Все очень дорого, я не решился купить». Тут его хозяин, — рассказчик кивнул на япта, — говорит: «Крепко ты выучил раба бережливости!» А среди молодых господ нет хуже позора, чем прослыть скупым. Мой Агдан как затопал ногами: «Беги, проклятый, купи всего вдоволь!» Вот я и купил — половину им, половину нам.

Сельские рабы восхищенно смотрели на приезжих удалцов. Те, польщенные вниманием, принялись рассказывать о сытой жизни, удачных проделках. Ор глядел на их мягкие руки, добротную, чистую одежду, но не чувствовал зависти. Жить среди каменных домов-утесов, без клочка мягкой земли, по-шакальи красть куски... Уж лучше ворочать камни на поле! Видно, старому бореццу тоже не понравилось хвастовство городских, и он решил сбить с них спесь.

— А вот этому из оленьего народа, — он положил руку на плечо Ора, — тоже есть что рассказать. Он кочевал с Севзом!

— О-о! — Ип (так звали старшего из приезжих) с уважением посмотрел на гия. — В Атле много говорили о Севзе. Жаль, что он погиб!

— Мой хозяин ходил смотреть его голову, воткнутую на шест, — сказал либиец помоложе.

— Голову Севза? — Ор презрительно усмехнулся и начал историю, которую рабы никогда не уставали слушать.

Паводок пришел вслед за гостями. Шесть дней община боролась за свои поля. Хозяева и рабы одинаково мокрые, грязные, шатающиеся от усталости, рыли канавы, громоздили запруды, крепили подмытые уступы. Ни гости, ни их рабы не участвовали в этом. Они бродили по горам — хозяева налегке, рабы, груженные луками, едой, плащами, а вечерами попивали пенный сок. Когда один из гостей подстрелил сурка — тощего, едва очнувшегося от спячки, — шуму и хвастовства было столько, будто это не сурок, а матерый медведь.

После большой воды в работе настала передышка. Каждый день старики мяли мокрую землю, пробовали на язык и говорили, что класть зерна еще рано. Общинники отдыхали, не очень стараясь найти дело рабам. Впереди были трудные дни.

Однажды Ор пошел поискать дикого лука у ручья выше селения. Пожевав хрустких, налитых соком перьев, он прилег среди теплых камней и незаметно уснул. Его разбудил звонкий смех, по которому он сразу узнал дочь Храда Иллу. В ответ что-то забубнил мужской голос. Девушка ответила и опять рассмеялась. Ор скользнул за большую глыбу — ни к чему лишний раз мозолить глаза хозяевам.

Голоса остановились совсем рядом. Подвинув голову, он увидел обоих. Илла стояла на плоском камне посреди подернутой зеленым пухом лужайки, один из гостей топтался возле и говорил подвывая — видимо, для торжественности. Почти все слова были понятны, но звучали нелепо. Атлант сравнивал девушку со стройной собакой, а ее глаза с камнями. Почему-то Илла не обижалась. Потом молодой атлант стал говорить о своих богатствах и о счастливой жизни в городе.

Нахмурившись, девушка прервала его похвальбу и заговорила сама. Как понял Ор, она упрекала этого и других юношей, что они утратили силу и смелость предков, думают только об удовольствиях. Гость пытался возражать, даже схватил девушку за руки, чтобы показать, что не обделен силой. Но она

толкнула его так, что он отлетел на несколько шагов.

— Чего же ты хочешь от меня? — закричал атлант жалобно.

Глаза Иллы смеялись:

— Помнишь старый обычай? Если ты правда храбр и на многое готов для меня, добудь три Знака невянущей любви! Как в старину.

Вечером Ор рассказал пройдохе Ипу о странном разговоре. Глаза либийца лукаво блеснули:

— Теперь я понял, о чем все шепчется этот Тарар с моим Агданом, — хочет взять его сестру в жены. Хорошо бы! Тогда будет немало пиров и нам тоже кое-что перепадет. А что это за три знака, не знаю. Но он их достанет! В земле узкоглазых все можно выменять на бронзовые кольца, а у этого гуся их много.

Земля на уступах подсохла, и вновь вся община высыпала на поля. Мужчины рыхлили почву, женщины прятали в нее зерна, дети отгоняли птиц. Раз, когда Уфал с Ором рыхлили землю на том уступе, с которого видели приезд гостей, с тропы внизу посыпались камни, и на поле, отдуваясь, выбрался Агдан.

— Побеседуем, — сказал он, отдышавшись, — скоро мне уезжать, а я еще не посоветовался с тобой о важном деле.

Ор продолжал ковырять землю. Голоса атлантов доносились до него. Ип верно сказал: богатый друг Агдана просит в жены Иллу. Агдан говорил с отцом, но тот не хочет принуждать дочь. А девчонка не понимает своей удачи, ждет какого-то героя. Где они нынче, да и кому нужны!

— Ну, — сказал Уфал, — девчоночьи мечты пройдут. А что сестра не хочет в мужья столичного слюнтя с мягкими руками и хвастливым языком, тут она права. Найдется крепкий пахарь в своей общине...

— Ладно, — Агдан вновь подавил злость на тупого общинника, — чем спорить, подумай лучше о богатом выкупе, который можно взять за сестру. Тарар, если чего хочет, не скупится! А на добрую связку браслетов можно купить еще и рабов, и скота, и два-три добрых поля из тех, что не идут в передел.

Покосившись на братьев, Ор увидел, что Уфал

установился в землю, а Агдан сидит, отвернувшись, словно боясь спугнуть мысли брата.

— Хорошо, — сказал, поднимаясь, старший, — поговорю с сестрой.

— Вот это дело! — просиял Агдан. — Скажи, семье очень нужно. Она добрая девушка.

Но разговор с Иллой, видно, не состоялся. Вернувшись с поля, Уфал с Ором застали общину в волнении. В двух домах слышались крики и плач, а перед усадьбой Храда толпились кучками соседи, бросая на запертые ворота недобрые взгляды. Перед Уфалом люди расступились, но не уходили. Ворота приоткрыл Храд и, впустив сына с рабом, тут же захлопнул. Из дома выглянул Агдан. Лицо у него было растерянное. Братья заспорили.

Все рабы сидели в хлеву, шепчась и по очереди выглядывая. Ору рассказали, что Тарар утром уехал на лошадях с сельскими юношами в горы. Будто бы он обещал им богатые подарки, если они взлезут на крутые скалы у самых льдов и достанут... что? Даже Ип не знал.

Двое юношей, связавшись ремнями, пытались взлезть на обрыв за «этим» — и сорвались. Одного привезли мертвым, а другой сильно изувечен — выживет ли? Общинники очень злы на горожанина.

— Ух, люблю, когда узкоглазые ссорятся! — потер руки Ип.

— А часто так бывает? — поинтересовался Ор.

— Нередко. Случается, что и убивают друг друга. Но сегодня, — закончил либиец с сожалением, — схватки не будет. Деревенские струсят, ведь у наших на шеях знаки с четырьмя веслами.

Он оказался прав. Храд пошел в комнату, где отсиживался виновник смуты, вынес оттуда две связки желтых колечек, передал их через ворота — и соседи разошлись. Гости уехали, едва рассвело.

Пострадавшего вылечили в храме Цфа. Через одну луну Ор увидел, как юноша, кривясь на левый бок, ковыляет по полям. В хозяйстве его семьи прибавилось три коровы, а у родичей погибшего — целых семь!

Ор пробовал так и сяк соединить между собой происшедшие события и подслушанные разговоры, но ничего не получилось. А в его жизни все осталось по-старому.

Тейя повернулась к нефритовой статуэтке Лоа, покровительницы пения, тронула тетивы звучащего лука и снова пропела: «Я иду к тебе, как к костру: руки согреть или сгореть...»

Нет, мелодия не приходила — та единственная, с которой слова сплавляются, как разные металлы в могучую бронзу. «Я иду к тебе, как...» Правда, Италд с его высокородженными друзьями скорее всего сочтут песню слишком открытой и простой.

Вот «Жалобу клинка, уроненного в море» они одобрили, и Италд просил еще таких же, чтобы были протяжны, заунывны, как древние сказания или храмовые гимны. Ну, она будет петь высокородным то, что им нравится. Но почему ей нельзя петь другие песни — для тех, кто примет и поймет их?

С башни на площади донесся слабый от расстояния вздох бронзы: половина времени от полудня до заката. Скоро соберутся знатные гости. Тейя ощутила, что ее тяготит мысль о предстоящем вечере.

А сначала все казалось таким интересным, утонченным — древние традиции, листы с наставлениями титанов и мудрецов прошлого, медленные, изысканные речи гостей, их знание своих и чужих родословных — настолько подробное, что изумляло — как все это умещается в человеческой памяти. Но больше всего говорили о старинном искусстве приручения животных — могли часами обсуждать достоинства охотничьих гепардов и ястребов, спорить о способах обучения медведей и коз, дельфинов и чаек...

Один из друзей Италда заставил простого скворца-мухолова каждый вечер летать по дому с горящим сучком в клюве и зажигать светильники. Всех превзошел в изощренности обучения старый титан Уцаб: его морской лев исполнял 64 воли! Но Уцаба затмил молодой кормчий, чья горилла верхом на коне подавала копьем команды челну воинов. Пришлось подарить ее Тифону (тогда хозяин и получил красный плащ).

Скоро Тейе стали претить эти беседы. Она заметила, что знатные в погоне за утонченностью и необычностью стремятся принудить животное к тому, что наиболее противно его природе. Вывернуть зверя наизнанку, сломить его волю — ради этого шли в ход самые хитрые наказания и приманки. И вот — волки пасли овец, добродушные дельфины обучались

топить людей, а клыкастый вепрь месил рылом тесто, не смея съесть ни кусочка.

Тейя отложила инструмент и вышла в сад. Ириту шел седьмой год, целыми днями он носился по саду с ровесником — сыном домоправительницы. Сейчас они пускали в ручье игрушечный корабль... «Счастье женщины в ее сыновьях» — сказано самим Праотцем... А где-то в глубине звучит и звучит: «Я иду к тебе, как к костру...»

— Простак перед схваткой поит своего мамонта бешеным соком, — говорил лысеющий управитель столичного рынка, — такой мамонт зол, но быстро слабеет. Мой зверь почти всегда побеждает хмельного противника. Последний раз я взял три связки колец на игрищах в Ломиаде.

— Как ты учишь его? — спросил худой темнолицый полководец Цнам.

Рассказчик заколебался, дорожа секретом, но интерес знатных гостей льстил ему. Сам он был очень сомнительной родней одного из семейств титанов. Изображая рукой движение хобота, он стал объяснять:

— Мамонта надо обучить хватать врага за бивень и вывертывать так, а потом так. Теперь чуть вбок — и он рухнет. У меня есть чучело, на котором я учу своих драчунов. Но есть еще секрет...

— Не скрытничай, — сказал Италд, — ты же с друзьями.

— Хорошо, но поклянитесь молчать!

Гости пробормотали клятву.

— Я приучаю мамонта, что он получает пьяное пойло не до, а после схватки, — зашептал глава торговцев, — и только если он победил!

Гости стали оживленно обсуждать хитрый прием. Тейя слушала, скрывая жалость к животным и неприязнь к их мучителям. Друзья Италда сетовали на упадок священного искусства дрессировки. Почти все, что делали для предков звери, нынче выполняют рабы. Конечно, легче поймать дикого и плетью заставить его взять мотыгу, чем с помощью тонких приемов обучить свинью рыхлить поле. Но разве то, что легче, — обязательно лучше?

Да где уж ждать лучшего, если выскочки без ро-

ду и племени оттеснили от власти тех, кому завещал ее Праотец! Так разговор окончательно перешел ко второй главной теме высокорожденных: «Плохие настали времена!»

Смакуя, перечисляли они несправедливости, которые приходится терпеть людям чистой крови. Богатства у торговцев. Ублюдок Итлиск насоветовал Небодержцу не собирать Совет титанов. А эта недостойная хитрость с возвращением половины даров!

— Нет, так не может продолжаться! Перемены, или гибель! — выкрикнул Тхар, самый молодой из титанов. Он тут же устыдился своей горячности и сделал вид, что заинтересован узором на старой чаше.

— Перемены должны прийти раньше, чем ты думаешь, о, Не встающий на колени, — медленно сказал Италд. Все обернулись к нему.

— Я знаю, на что ты намекаешь, — начал Тхар, незаметно вновь возбуждаясь, — на слухи, что после победы над Севзом Наследник набрал большую силу и небо может зашататься. Но я не верю в Тифона! Хроан заткнул ему рот разрешением напасть на Акор. А добычу, если она будет, опять загребет на Канал.

— Добыча будет, — веско ответил Италд. — Акорцы раз в несколько лет сходятся без оружия на общеплеменной праздник. Мы знаем время и место и возьмем их голыми руками. И знайте, на этот раз Наследник не отдаст добытое, а разделит его достойно, как велят старые обычаи: четверть — Подпирающему, четверть — храмам, четверть — благородным семьям, остальное — участникам похода. Пусть Хроан тратит на Подвиг свою долю и не зарится на чужое.

— Почему же Наследник не потребовал справедливого дележа после победы над Севзом? — ехидно спросил Тхар.

— Он упустил время, — с раздражением ответил Италд, — Хроан с Итлиском сразу запустили когти в добычу. А на этот раз Тифон поделит богатства на месте, сразу после победы: воинскую четверть раздаст в Акоре, а остальные велит записать на листах и объявит сразу по прибытии в Срединную.

— А эти время и место, — покачал головой Цнам, — откуда они?

Италд объяснил, что о праздниках аккорцев известно давно, но только теперь жрецы умизанского

храма Неба разгадали, при каком положении светил его устраивают.

— Значит, опять эта Майя, — сморщился Тхар. — Предала Севза, не предаст ли Тифона?

— Кому? — пожал плечами Италд.

— Тому же Хроану.

— Всему есть мера, Невстающий, Тифон хочет вернуть Срединной справедливость, и мы должны поддержать его. Ждите нашего возвращения и готовьтесь к переменам. А сейчас, — он поманил Тейю, — давайте послушаем добрые песни.

Когда Даметра и Айд вошли в грот, Промеат разглядывал полоску кожи, испещренную знаками. Ым, услышав шаги у входа, угрожающе приподнялся со своего места у ног хозяина.

— Что ты, Мохнатый Брат, не узнал друзей? — сказал Промеат с упреком. — Входите, Мать, и ты, вождь. Есть новости!

— Добрые? — осведомился Айд, широко улыбаясь.

— До добрых еще далеко. Вот весть из Анжиера — прибыл флот Наследника для похода на восток. Есть слух, что хотят идти на Акор. В Кербе готовятся корабли. Надо на всякий случай предостеречь акорцев.

— Акорцы? Где это? — спросила Даметра.

— Далеко, — ответил Айд, — между оолами и восточными либами. Только стоит ли? Ведь они отказались от союза с нами и даже вредили. Да и передать весть очень трудно.

— К тому же, — вмешалась Даметра, — если акорцы отобьются, атланты полезут на оолов, либов, пеласгов и борейцев, а если возьмут добычу, то тихо уплывут домой.

— Вот этого нам и не надо, — сказал Промеат. — Не бойтесь за друзей. Мы условились, что все племена будут избегать открытых сражений. Только убежать, заманивать врага подальше от кораблей, устраивать ловушки мелким отрядам. Никакое войско не способно одолеть кочевников, если они ведут себя разумно и предупреждают соседей об опасности. Что касается предупреждения, то утром я пойду в пещеру, где мы держим голубей, и возьму птицу, родив-

шуюся в гнезде у Посдеона. Через пять дней вождь пеласгов получит весть, а от него до акорцев три дня пути морем.

— Остробородый научился понимать речь знаков? — не поверила Даметра.

— Еще нет. Но у него живут двое моих учеников. Наши люди и птицы есть и у Гезд, Гехры, у Пстала, который после гибели Самадра стал вождем оолов.

— Я вижу, ты за эту зиму сплел крепкие арканы! — восхитился негр.

— Нет, Айд, — покачал головой атлант, — у нас еще мало сил.

— Вот так мало! — загорячился вождь. — Пеласги, борейцы, гии, оолы, теперь еще и котты с яптами. А твой посол, что приехал уговаривать меня на битву — будто Айда надо уговаривать! — негр захохотал, — от нас пошел к либийцам.

— Все это так, — Промеат улыбнулся горячности всжда, — но чтобы победить атлантов, надо много хорошего оружия. Где взять его? Нужны корабли, чтобы достичь Атлантиды.

Гости приуныли. Потом Айд вскинул голову:

— Приносящий свет! — заговорил он убежденно. — Когда Мать яптов рассказывала мне о твоей мудрости, я думал, что она приняла козла за буйвола. Но сейчас я говорю, — он лукаво подмигнул, — Даметра сочла буйволом мамонта! Уж раз ты взялся за дело, значит, сумеешь добыть все, что надо. Разве не правда? — Айд торжествующе оглядел собеседников, довольный, что нашел хороший выход.

Промеат со смехом протянул руки атлантским жестом покорности:

— Ты прав! Я придумаю, как достать и корабли и бронзу. Но делу, кроме головы, нужна могучая рука, которая направит копье в день битвы. Я хочу, чтобы ты, Айд, стал этой рукой.

Котт замотал головой. Лицо его, может быть впервые в жизни, искажил страх.

— Нет, нет, Приносящий! Я не могу быть рукой, направляющей копья; я сам — копье, сильное, но не хитрое.

— Айд прав, — вмешалась Даметра. — Он не может стать вождем, каким был Севз. Севз видел под панцирем врага его замыслы. А Айд — только потроха, которые надо выпустить наружу.

— Но Севз погиб. Кто же будет военным вождем?

— Ты! — в один голос сказали котт и яптянка.

— Я не воин, кровь противна мне.

— Значит, ты стараешься, чтобы ее пролилось меньше, — сказала Даметра.

— Но я человек враждебного вам племени.

— За эти три дня, — улыбнулся Айд, — я уже перестал замечать свою красную кожу и длинные глаза. Все время мне хочется сказать: «Какой хороший котт этот Приносящий свет!»

Даметра ласково посмотрела на негра:

— Айд не силен в замыслах, — сказала она, — но у него большое сердце. Потому он так хорошо сказал. Верно: гии увидят в тебе рыжеволосого, пеласги — крюконосого, либийцы...

— Лупоглазого не хуже Хаммы! — подхватил Айд.

Несколько дней они обсуждали шаги готовящейся борьбы. Айд возвращался на юг, Даметра, много лун прожившая у коттов, теперь решила поселиться в самой восточной из яптских стоянок, откуда в случае опасности можно уйти в ибрскую котловину.

Айд с грустью готовился к разлуке. Мать яптов тоже чувствовала, что будет тосковать без своего черного охотника.

— Ты ведь знаешь, учитель, — говорила она Промеату, — япты народ с тихими голосами и тайными мыслями. Это от многолетнего соседства с атлантами. Поэтому я сперва думала, мне будет плохо среди громогласных коттов. Но за год, что я прожила у Айда, я полюбила их.

— А котты ее! — вставил черный вождь.

— Правда! — улыбнулась Даметра. — Они даже нарисовали меня на скалах белой краской среди черных фигур. Только меня они сделали вот такой, — она вытянула руку к потолку пещеры, — а себя — по пояс мне! *

— Это из уважения, — сказал котт.

— После победы, — Промеат обнял обоих, — ваши племена будут дружить и вы проживете много лет вместе. — Они постояли молча: огромный негр, маленькая бледнолицая колдунья и бронзовокожий атлант-знаток.

* Возможно, речь идет об известных древних фресках, найденных в Сахаре в горном массиве Тасилин-Аджер.

Снова была осень. Уже два года Ор прожил в Срединной земле. В пасмурный день, когда серая пелена то наплывала холодным дождем, то отступала к скалам, он, сидя во дворе под навесом, чинил деревянное ведро. Урожай был убран, община переводила дух после трудных дней жатвы. Но хозяйка не терпела, чтобы кто-то бездельничал. Рабыня она с утра усадила чесать шерсть, рабам велела молотить зерно, а гию, отличавшемуся сноровкой, сунула сточенное бронзовое лезвие и дырявую посуду.

Ор стругал клинышек, чтобы заткнуть щель. Тонкие стружки, завиваясь, падали на землю, мысли то возвращались к работе — проверить, что делают руки, то бродили вдалеке. Ору уже не верилось, что когда-то он не слушался велений краснолицых, а втыкал в них копье. Год назад до общины донеслась весть о каком-то неудачном походе атлантов на восток. Будто их заманили в ловушку и многих убили. Значит, не все покорились узкоглазым?

Все тоньше становились стружки, падающие из-под ножа... Нет, не выполнил Ор наставления Матери, ничего не узнал о тайнах узкоглазых. Вспомнился Чаз — как в Умизане он топтал полоски кожи со знаками. Чаз говорил — в них вся сила врагов.

Тогда почему Ор не видит их ни у Храда, ни у хозяйки? Вот их младшая дочь часто выходит из дома с целой связкой листов. Сидя под старым кленом, она подолгу смотрит в них, и лицо у нее становится то испуганным, то веселым... Но разве это делает ее могущественной? Вот уж нет! Мать кричит на нее, зовет вздорной девчонкой, братья добродушно поддразнивают. Старый Храд любит Иллу. Но и он, увидев ее с листьями, кряхтит от досады.

Ни до чего не додумавшись, Ор заделал щель и поднялся — отнести ведро и нож хозяйке. Проходя мимо клена, он увидел на вросшей в землю глыбе листы Иллы. Видно, кто-то позвал ее, и девушка оставила все под деревом, думая быстро вернуться. Ор метнул взгляд по сторонам — двор был пуст. Три прыжка, и сила атлантов, брошенная легкомысленной девчонкой, может оказаться в его руках. А если увидят? Соседскому рабу всего за кражу овцы отрезали нос! Но тайна ценнее овцы...

Сперва знаки заматались перед глазами.

Потом Ор стал различать отдельные рисунки.

Многие изображали знакомое, другие походили на несколько вещей сразу, третьи — вообще ни на что. Вот несколько знаков подряд как будто складываются в рассказ? Пытаясь схватить то поддающийся, то вновь ускользающий смысл, Ор позабыл об опасности.

Возвращаясь, Илла увидела гия, который, склонив светлую гриву над листьями, что-то бормочет, словно читая. Это было так забавно, что девушка вместо того, чтобы сердиться, рассмеялась. Ор прыжком отлетел на несколько шагов, но тут же понял, что бегство бесполезно. А Иллу его скачок еще больше развеселил. Задыхаясь от смеха, она едва выговорила: «Пойди сюда!»

В черных глазах атлантки прыгали веселые искры. Но старый раб, негр М-Бату со знанием дела говорил, что веселье атланта всегда оборачивается бедой для раба.

— Что ты делал с листьями?

— Хотел понять молчаливую речь, — потупясь буркнул Ор.

— Вот как! Ты знаешь, что письмамена говорят? Что же они сказали тебе, гий?

Ор ткнул пальцем:

— Эти люди-воины сели на корабль и поплыли... А эти птицы, может быть, они показывали путь кораблю?

Илла была изумлена:

— Эту строчку ты угадал. А что тебе говорит следующая?

— Она не хочет говорить, — сознался Ор, глядя на две группы зазубренных палочек. Перед первой стояла фигурка воина, перед второй — может быть, знак Солнца?

— То-то, дикий! Эти знаки показывают число воинов, а эти — число дней пути. Вот, слушай: «Пять раз по двадцать и еще с половиной десяток было в ладье их. А путь продолжался дважды по двадцать и семь дней и ночей непрерывно». — Голос девушки звучал монотонным напевом, как в песнях Тейи, но у той получалось красивее.

— Это что здесь такое?! — широкая тень Храда легла на «Повесть о Юном Кормчем». Ни Ор, ни Илла не заметили, как он, неслышно ступая меховыми сапогами, подобрался к клену.

— Ой, отец! — девушка с обезоруживающей улыбкой глянула в перекошенное шрамом лицо. — Знаешь, наш гий понимает, что листы говорят, и даже угадывает некоторые знаки. Вот не думала, что дикие...

— Глиняная! — заворчал Храд, пытаясь сохранить суровость. — Сама изводишь время на сказки, и раб из-за тебя бездельничает.

— Но я совсем ненадолго... — съезжившись в ожидании кары, гий с удивлением заметил: она не выдавала его, не сказала, что он заглянул в листы без спросу.

— Иди, займись тканью. Я смотрю, ты уже полуны кончаешь один кусок. А ты, — хозяин, протянув длинную руку, ухватил Ора за волосы на затылке, — иди к хозяйке, пусть даст тебе работу.

Довольный, что легко отделался, Ор подхватил нож и ведерко...

— Нет, погоди!

«Все же решил побить», — подумал Ор, медленно возвращаясь. Но хозяин глядел мимо. Наморщив лоб, шевеля толстыми пальцами, он старался ухватить за жабры мелькнувшую мысль.

— Так говоришь, — обратился он к дочери, — этот козел угадывал знаки? — Илла кивнула. — Ну вот что, — Храд решил и теперь говорил тоном, не терпящим возражений. — Хватит твоему умению пропадать зря. Вдолбишь гию знания первого круга.

— Дикому? — удивилась Илла. — Но зачем?

— Грамотный раб дорого стоит. Если надо, помогу тебе плеткой.

Так любопытство опять толкнуло Ора на новую тропу. В глухом селении рукописи были мало в ходу. По-настоящему читала одна Илла.

Она научилась девочкой, когда Храду ценой немалой взятки удалось определить младшего сына в школу, готовящую чиновников. Перед испытаниями учеников отпускали по домам — зубрить очередную порцию знаний. И вот, пока Агдан со стонами и проклятиями десятки раз повторял значения знаков, любопытная Илла вертелась вокруг и запоминала их раньше, чем брат.

Наставления о счете, о том, как командовать рабами, какие применять наказания, не очень ее увле-

кали. Но юношей учили и начаткам истории Срединной с ее могучими героями, мудрыми творцами, славными деяниями. Были и наставления о правилах вежливости, тонкой беседы. Все это было так непохоже на монотонную жизнь в горной общине! Илла приистрастилась к чтению. Поступив на сытную должность в Атле, Агдан купил сестре целую кипу рукописей и время от времени привозил еще.

И вот наконец у Храда возникла надежда извлечь выгоду из вздорного занятия дочери. Каждый вечер Илла раскладывала под кленом листы, полоски березовой коры, тростинки, чашечки с краской. Ор уже не надеялся добыть из знаков заветные секреты. Иначе Храд не подпустил бы к листам раба. Но учиться было интересно. Его память пожирала знаки, как голодная лиса мышей. Даже ночью они вдруг начинали бегать перед глазами.

Когда наступили холода, учебу перенесли в дом. В большой комнате по вечерам собирались семья и рабы Храда. Женщины пряли волокна, кроили кожи для одежды и обуви, мужчины плели веревки, делали утварь для хозяйства. Рабы теснились у двери, хозяева — ближе к большому открытому очагу. Ору с Иллой было отведено самое светлое место. Не всем это нравилось. Старая хозяйка считала затею бесполезной. Средний сын с женой шипели, что тошно видеть раба на хозяйском месте у огня. Но никто не решался открыто перечить Храду.

Молчаливая речь была с хитростями. Один знак обозначал целую фразу, другой — один звук, у некоторых было по несколько значений. И, однако, к концу зимы ученик, на удивление наставницы, знал все символы и правила первого круга, мог читать простые листы повелений и доношений и даже сказания о подвигах. Хорошо давались ему и правила счета: дарение, забирание, удвоение и располовинивание. На двух последних основывались более сложные действия: раздел и выращивание. «Вот 215 колосьев, — читал Ор, — в каждом 33 зерна. Вырасти урожай». Для рращения урожая в знаках не нужно было ни мотыги, ни настоящих зерен. «Запиши число колосьев слева, а число зерен в колосе справа, затем число колосьев удвой, а зерна в колосе располовинь. Если осталось лишнее зерно, на время в сторону отодвинь... Располовиненное число вновь располовинь,

а удвоенное — опять удвой, и так продолжай, пока есть что половинить...» *

Не поверив, что полученное таким странным способом число составит урожай, Ор проверил результат по-своему: набрал камешков и на задах за хлебом, приплясывая на мерзлой земле, раскладывал их в кучки. За три дня он убедился, что число сошлось с тем, которое они с Иллой сосчитали быстрее, чем можно обглодать хорошую кость. Да, в знаках была колдовская сила, но Ор не видел применения ей в жизни родного племени. И все же каждый вечер он нетерпеливо ждал, когда дочь хозяина позовет его учиться.

Илла тоже увлеклась. Сперва приятно было выполнять важное поручение отца, но со временем все больше нравились сами занятия. До сих пор ей не с кем было поговорить о прочитанном. И оказалось вдруг, что с желтоволосым дикарем ей интереснее, чем с родней и односельчанами.

Уже весной, опять под кленом, они прочли, как в давние времена атлантское войско высадилось в устье Стикса и разбило отряды яптов, пытавшихся защитить земли предков. Для закрепления победы в месте, где Стикс вырывается из-под земли, была основана крепость Каменные Ворота — Уми Зан.

— Выходит, раньше это место было яптским! — воскликнул Ор. — Вот почему столько белолицых легло на плоты, чтобы первыми ворваться в крепость!

— О каких плотях ты говоришь?

Ор понял, что сболтнул лишнее. Но было уже поздно.

— Расскажи! — потребовала Илла. Отец не умел рассказывать о походах: «Мы их настигли, разогнали. Наших троих ранило». Дальше шло описание добычи. А насчет Севза вообще все было неясно. В последний приезд Агдан привез сестре наспех составленный лист о подвиге Тифона. Там писалось о диком самозванце, который с ничтожной шайкой мучил восточные земли... А в конце излагалось, как Тифон, напрягая всю мощь, едва одолел грозное войско нечестивого брата. Вот и пойми — где правда!

* Подобный метод умножения использовался в Древнем Египте. Можно предположить, что он восходит к математике атлантов.

— Ну, рассказывай! — повторила Илла, толкая насупленного гия. — Не бойся, никто не узнает.

Ор начал вяло, избегая упоминать о поражениях атлантов. Но Илла не давала ему пропускать дни, и незаметно он увлекся. Девушка слушала с горящими глазами. Она словно видела путь по лесам, горам, тундре, теснины Стикса, грозного бородастого вождя, восставшего на Подпирающего.

— А потом меня привели на корабль, и твой отец взял меня, — закончил он.

Илла тряхнула головой. Рассказ гия получился ярче описаний подвигов на ее любимых листах. А главное, перед ней был живой участник удивительных событий. Вот этот тощий раб, годами не старше ее, прошел половину восточных земель, с копьем мчался навстречу одетым в бронзу воинам, правил плотом, когда остальные лежали лицом вниз, боясь шелохнуться!

Чувствуя, что восхищается его смелостью, Илла нахмурилась:

— Ваша дерзость была еще мало наказана, — сказала она наставительно. — Наследник мог бы казнить всех. Что, не согласен?

— Кому нужно согласие раба! — вздохнул Ор.

— Ну скажи: с чего ваши дикие стаи вздумали бунтовать?

— Каждое племя хочет жить само, по своим обычаям. Хорошо будет, если сосед отнимет землю у твоего отца?

— Сравнил! Отец и сосед — оба атланты. Нас боги создали повелевать миром, а остальные племена — служить нам.

— Почему же боги не сказали об этом остальным племенам?

— Пошел прочь, глупый дикарь! — рассердилась атлантка. — Не зря говорят: «Упрям, как гий!» — пробормотала она, глядя ему вслед.

В сердцах Илла чуть не сказала отцу, что учение окончено — раб усвоил первый круг. Но вместо этого на следующий вечер она, как обычно, кликнула Ора, говоря себе, что надо проверить, прочно ли он запомнил измерение ценности вещей бронзой. Потом нашелся еще какой-то повод... А потом настала очередь Ора пасти общинное стадо в верховьях ущелья.

Семьи по очереди давали для этого рабов из пастушеских племен.

Утром Ор ушел, взвалив на плечо мешок с едой и облезлыми шкурами, а к вечеру Илла почувствовала, что скучает и ждет дня, когда гий вернется, она разложит листы и строго скажет: «Читай».

Прохлада гор, запах цветов, знакомый пастушеский быт напоминали потерянную родину. Старшим над очередными четырьмя пастухами был негр М-Бату. За свою жизнь он сменил много хозяев, бывал на севере и в столице, а среди рабов общины считался мудрецом. Из двоих пастухов-борейцев старший знал уйму сказок и умел их смешно рассказывать. В таком славном обществе Ор не скучал о знаках и только по вечерам почему-то вспоминал свою смешливую и строгую наставницу. А потом его мысли вовсе отвлеклись в сторону.

Как-то недалеко от стада прошли горные бараны. У Ора засосало в животе, память об охоте заставила забиться сердце. Но, вспомнив плачевные попытки поохотиться на соседских гусей, он спросил у М-Бату — кому принадлежит это стадо.

Негр оторопел, а потом расхохотался:

— Это стадо? Оно Горного духа — вот чье! Он доит их там наверху.

— Так они дикие! А почему мы не охотимся на них? Такое мясо!

Тут уж все пастухи развеселились. Атланты с сильными луками не могут подойти на выстрел к тяжелорогим!

— А ты его схватишь за ухо, гий? Или сшибешь со скалы камнем?

Шутник М-Бату был в ударе. Ор смолчал. Три дня он будто для забавы стругал тонкий ствол березки, тер о камни косо расколотую кость, потом, спрятавшись, пригнал наконечник к древку и на пробу метнул копье. Оно полетело ровно и попало в куст, в который он метил. Спрятав копье, Ор продолжал следить за баранами, стараясь найти место для засады.

Однажды ночью он выскользнул из шалаша, потрепал сторожевого пса, вытащил из тайника копье и неслышно затрусил по ущелью, залитому обман-

чивым лунным светом. Скоро он свернул вправо и стал подниматься к гребню. Ор двигался к рыжей скале, у которой бараны ежедневно проходили с ночлега на пастбище.

У скалы он нарвал пахучей полыни и натер тело, а потом залег в укрытии под нависающей глубиной. К утру сильно похолодало. Чтобы не потерять силу удара, Ор, оставаясь неподвижным, напрягал и распускал мускулы рук, спины, бедер. Тьма ночи быстро превращалась в серые лохмотья. Какой-то голос внутри сказал Ору, что время подходит, а через несколько вздохов в ноздри с порывом ветерка попал слабый запах добычи...

Слушая чуть заметное цоканье, Ор знал: вот старый, с огромными рогами вожак подошел первым, втянул воздух. Сзади нетерпеливо топчутся молодые самцы, самки с ягнятами. Вот вожак свернул вправо, осколок из-под его копыт запрыгал вниз. Нет, вожака не донести. К тому же у старого мясо жесткое...

Ор считал время на вздохи. Еще два — и фигура с занесенным назад копьем бесшумно поднялась над камнем. Несколько рогачей уже миновало скалу, молодой самец приостановился, потянувшись за пучком травы. Правое плечо гия еще чуть подалось назад, и брошенное копьё вошло в бок барана за лопаткой. Через миг стадо, грохоча обрушенными камнями, мчалось над кручей. Глупые! У него же нет второго копыя.

Выдернув острие, Ор прижался ртом к ране. Сколько времени он не пил горячей крови! Теперь острым краем камня распороть брюхо и съесть печень — почетную добычу охотника. Остальное — в семью!

В семью? Боль сжала сердце Ора. Разгоряченный охотой, он забыл, что не сможет положить добычу перед старшей из матерей, ожидая похвалы... Ну что же, есть пастухи внизу — люди иных племен, но общей с ним доли. Они так давно не пробовали настоящего мяса!

Когда, сгибаясь под ношей, гий подходил к шалашу, все уже поднялись. М-Бату ворчал, что пора гнать стадо, а козлоногий мальчишка не иначе как лакомится щавелем у реки... При виде охотника с добычей негр остолбенело раскрыл рот, а потом из-

дал пронзительный победный клич своего племени.

Весь день хмельные от сытости пастухи заставляли Ора повторять, как он залег, как подошли бараны, как летело копье, и в глазах их горел огонь поколений охотников. Когда же солнце заскользило к закату, Ор, завернув в шкуру рога, голову и остатки мяса, зашагал к селению. М-Бату объяснил закон атлантов: раб, добыв дичь, может съесть мясо сколько в силах за один раз; остальное принадлежит хозяину. И надо сказать Храду, что все помогали загонять добычу, а то не миновать им колючих прутьев.

Второй раз за день Ор пережил торжество, положив добычу перед хозяйкой и поймав изумленный взгляд Иллы. Храд, глядя густую шкуру, вновь подумал, что не ошибся, выбрав из сотен рабов тощего лохматого щенка. Но как он подкараулил пуганую, давно не достававшуюся охотникам дичь? Одно слово — дикий!

Поворчав, что рабы сожрали уйму мяса, хозяин отпустил Ора отдыхать. Утром он кликнул его и протянул лук с пятью стрелами:

— Пасти вместо тебя пойдет Дранный Заяц. А ты добудь еще барана.

Этой весной Ор мало работал на полях. Он либо бродил в горах, либо сидел с Иллой над листьями кожи. Учить его было уже нечему, но девушка убеждала себя, что раба надо отвратить от вздорных мыслей.

Уже несколько дней Илла, останавливаясь на середине работы, вновь вспоминала свой сон и гадала, что он означает.

Необычные сны часто приходили к ней. В них были воины, одетые в бронзу, красивый кормчий, который брал ее на руки и нес в свою ладью. Они плыли по волнам, бились с врагами, выходили на берега неведомых земель...

Сперва Илла рассказывала сны матери и подругам. Но мать ворчала, что надо меньше глядеть в листы со сказками, а подруги смеялись над ее героем-кормчим. Девушка поняла, что к другим не приходят такие видения, и поверила в свою особую судьбу.

Последний сон был особенно волнующим. Она стояла на берегу океана. Могучие волны с загнутыми гребнями неслись на нее и разбивались о скалу, выплескивая под ноги белую шевелящуюся пену. Вдруг среди волн показалась ладья. Илла могла различить на ее крутом носу человека и знала, что это он — ее избранник. С замиранием сердца она смотрела, как волны швыряют ладью.

Протянув к ней руки, плаватель крикнул:

— Волны не пускают на берег. Но я приду к тебе, приду!

— Но когда же?

— Еще не умрет эта луна... — ладью понесло от берега. — Может быть, ты сначала не узнаешь меня... Но помни, я принесу тебе три Знака невянущей любви! — донеслось удаляясь.

Илла открыла глаза и лежала, прислушиваясь. Грохот волн не ушел вместе со сном, а продолжал доноситься со двора. Медленно просыпаясь, она догадалась: ветер сорвал ворота с ременного запора и теперь бьет створкой по ограде. Потом послышался визгливый голос среднего раба. Выбравшись из-под шкур, он пинками будил рабов. Что проще закрыть ворота самому, ему не приходило в голову.

Вот откликнулись голоса из хлева, створка последний раз грохнула и смолкла. Донесся голос молодого гня:

— Я сплю, слышу гремит — думаю, море! — Рабы рассмеялись.

Илла лежала, улыбаясь. Забавно, что Ору под стук ворот тоже приснилось море. Смешной лохматый гий... Скоро за ней придет любимый, и некому будет учить раба знакам. Но он уже знает первый круг... Обрывки мыслей о герое-кормчем и лохматом гне смешались, расплылись, и девушка ушла в сон без видений.

С той ночи от луны на небе остался совсем тоненький серпик, а ничего не произошло. Когда же? И откуда он придет, долгожданный герой? Агдан говорит: нынче вообще нету ни героев, ни подвигов. Но разве боги могли солгать?!

Во дворе слышались возбужденные голоса. Илла встрепенулась: Ор пришел с охоты, веселый — наверное, с хорошей добычей. Сбросив с колен все еще не дошитый свадебный плащ, девушка подобрала

волосы и вышла на крыльцо. Ор стоял в окружении всех домочадцев и рабов. У ног гия лежала желтая с черными пятнами шкура барса. Мать и сестра, присев на корточки, жадно ощупывали ценную добычу. Ор весело говорил:

— Совсем не знал, что здесь живет этот зверь. Руки уже забыли, как его убивать, и вот. — Он смущенно показал две черные царапины, наискось пересекающие грудь. — Плохо поцарапано, сам не смогу зализать, пойду попрошу собаку.

Мать встряхнула шкуру, любясь искрящимся мехом, и понесла в дом. У двери она обернулась и велела Илле вынести гию поесть.

Илла нашла его за хлевом. Раб полулежал на земле, а огромный свирепый пес, гордость Храда, осторожно вылизывал его раны.

— Помогай, Клыкастый! — приговаривал Ор. — Мать говорила: от раны, которую залижет собака, не остается следа...

Шершавый язык бегал по груди Ора, тот теребил пса, хохотал от щекотки. Заметив Иллу, он вскочил, смущенно закрывая грудь. Охотник стыдится ран, нанесенных таким несерьезным зверем, как снежная кошка.

— Возьми, поешь, — сказала Илла.

Ор принял глиняную миску с кашей, съев горсть, протянул вторую собаке.

— Дочь хозяина, будешь наставлять меня сегодня?

— Ты же ничего не поймешь от боли в ранах.

— Какие это раны. Царапины!

— Тебе посчастливилось. Такой зверь мог и растерзать.

— Что ты, госпожа! Гийские мальчишки убивают его палками.

— Не выдумывай, лохматый! Все знают — этот зверь свиреп и редок. Расскажи, как ты добыл его. И ешь.

— Это было к восходу от двузубой горы в верховьях. Я выслеживал баранов, но кошка опередила меня. Она поймала ягненка и спугнула стадо. Она ела добычу на уступе, а я стоял внизу очень злой. Ну, я подумал: «Хоть кошку добуду. Есть нельзя, но мех пригодится». Я полез на уступ. Нельзя ронять ни камня, а то услышит. Поэтому, когда я поднялся, она

уже доедала ягненка. Я стал так, что ей некуда уйти. Кошка шипела и держала лапой объедки. Гии знают: ее надо прижать к земле и бить ножом. Но я плохо прыгнул — пятнистая сумела освободить одну лапу и поцарапала меня. Я еще больше обозлился и, бросив нож, задушил ее.

Илла улыбнулась, сравнив бесхитростный рассказ гия с шумной похвальбой друзей Агдана, когда они возвращались с охоты на сурка. Ободренный улыбкой, Ор потянулся к своему мешку и достал скрученный трубкой лист борщевника:

— Дочь хозяина, вот... Наши девушки заплетают это в волосы — совсем не вянет. Я думал — принесу, может быть, тебе понравится...

Ор развернул лист, Илла ахнула и отшатнулась. На ладони гия лежали, блестя ворсинками, серебристые цветы — те, что растут над страшными кручами у ледяных вершин. Три Знака невянущей любви!! Дар, которого она ждала от героя, принес раб.

В испуге Ор смотрел на действие своего подарка. Лицо молодой атлантики стало пунцовым, глаза наполнились слезами, губы дрожали и гневно кривились. Потом лицо окаменело, взгляд стал ледяным.

— Такой дар девушка принимает от того, кому станет женой. Если я скажу о твоей дерзости...

— Госпожа, я же не знал.

— Уйди!

Гий сжал кулак, сминая драгоценные лепестки, и пошел к воротам. Там он посторонился, пропуская вернувшийся с пастбища скот. Пять коров и могучий бык медленно вступили во двор. Бык, узнав Ора, шумно вздохнул и потянулся, требуя ласки. Бессознательно гий раскрыл ладонь, и круторогий теплыми губами подобрал сочный лист борщевника вместе со знаками невянущей любви.

До сумерек Ор просидел в кустах у ручья, а потом прокрался в хлев, стараясь не попадаться на глаза молодой хозяйке. Ночью он то засыпал, то просыпался с ощущением крадущейся опасности и вновь принимался клясть свою глупость. Утром он сразу собрался на охоту. Храд молча протянул ему лук, хозяйка сунула пару лепешек и кусок сушеного мяса. Похоже, что они ничего не знали. Иллы не было видно.

Шагая по узкой тропе над рекой, он все еще ру-

гал себя. Надо же: вздумал порадовать дочь хозяина! Раб должен делать только то, что велят. Незнание обычая не уменьшает нанесенной обиды. А ведь он, тупой кабан, читал листы о героях, что приносят любимым серебристые знаки. И тот друг Агдана не иначе как ради них нанимал юношей позапрошлой весной. Но кто мог подумать, что все это из-за пушистых звездочек, которых уйма в верховьях Оленьей!

Тропинка, одолев осыпь, вошла в рощу. На маленьких полянах между копыями стройных лиственниц качались сиреневые колокольцы, белые кисти ревеня, ершистые васильки. Ор со вкусом вдохнул запах хвой и цветов, потрянул головой, отгоняя заботы, и... увидел Иллу. В белом, вышитом цветной шерстью платье она сидела на камне у тропы. Прятаться было поздно, девушка уже заметила его.

— Подойди сюда, Ор!

Странно прозвучало гийское имя, произнесенное атланткой. Хозяева звали его щенком, тощим, лохматым...

«Решила отомстить сама? — подумал Ор. — Эх, жаль не пошел верхней тропой!»

Илла в эту ночь спала еще меньше Ора. Гнев на раба прошел, уступив растерянности. Чего хотят от нее боги? Ведь все сходится со сном: и тающий в небе серпик луны, и три цветка — именно три! Но почему, почему их принес жалкий раб из дикого племени?

Да, полно, простой ли он раб?! За три луны он проглотил знания, над которыми брат кряхтел три года. Ор читает и пишет не хуже ее, а в счете разбирается лучше! И он был бойцом, испытал такое, что выпадало не всякому герою.

Так что же: ей назначено стать женой гия?! От этой внезапной, хотя давно уже бродившей вокруг мысли Иллу охватил ужас, но в ужасе была сладость... И сразу девушка поняла, что душа ее давно уже тянется к лохматому дикарю. Поэтому так не хотелось заканчивать его обучение — единственный способ побыть вдвоем. Что ж! Значит, так хотят боги! Иначе с чего бы они нашептали ему добыть Знаки невянувшей любви!

Если верить листам, в прежние времена ни одна девушка не выходила замуж, пока избранник не приносил ей трех бессмертников с ледяных гор. Нынче от обычая осталась облезлая шкурка: богатые покупают цветы любви из серебра, бедные — из лоскутков кожи. А Илле гий принес настоящие! На рассвете, все для себя решив, девушка отбросила жаркие шкуры, оделась и выбежала на крыльцо. Как раз вовремя: Ор с луком и лепешками в руках шел к хлеву — взять свой кожаный мешок. «Не залечив ран, опять на охоту. Боится меня!» — поняла Илла, и незнакомая щемящая нежность наполнила ее грудь.

Дождавшись, когда Ор зайдет в хлев, она скользнула в ворота и побежала к тропе, ведущей в верховья. Тропа была пологая, но сердце Иллы билось как на страшной крутизне.

Ор шагнул к камню, на котором сидела атлантка.

— Дочь хозяина, ты не простила меня?

— Не бойся. Расскажи, как ты нашел цветы? Почему принес мне? Почему именно три?

— Там больше не было, госпожа. А что рассказывать? — Ор наморщил лоб, припоминая: — Ну, я убил кошку, снял шкуру, доел что осталось от ягненка и хотел спускаться. Но тут я увидел выше эти... пушистые звездочки и подумал — может быть, ты будешь рада им.

— Именно так подумал?

— Да. Выше уступа была скала, и на ней они выросли. До них было два аркана — ну, это как две большие елки. Я полез по трещине. У нее были хорошие края, не ломались.

— Было очень круто?

— Не совсем, — Ор изобразил рукой отвесный обрыв. — На середине я остановился отдохнуть и вдруг подумал: видел бы хозяин, чем занят раб, которого он послал на охоту! Тут мне стало смешно, и я не мог лезть, а только висел и фыркал носом в камень.

Илла представила себе эту картину и поежилась.

— Ну потом я добрался до звездочек и одной рукой держался, а другой рвал их и брал в зубы. И так же я вернулся на уступ. Взял шкуру и пошел домой.

Скончив рассказ, Ор устался в землю. Неожиданно

дапно Илла вплела пальцы в его волосы и повернула к себе:

— Дурной! Ты говоришь так, словно сходил на гряды возле дома и выдернул три репы.

Юноша удивленно взглянул на нее:

— Разве мужчине положено хвастать! И еще... эти цветы дали тебе не радость, а обиду.

— Обида прошла, — рука Иллы соскользнула с волос на тело и отдернулась в испуге. Ор осторожно коснулся пальцами шеи и поднес их к глазам, словно стараясь рассмотреть непонятное чувство, рожденное прикосновением атлантки.

— Госпожа, чего ты хочешь от раба?

— Ты не раб! — воскликнула Илла с силой, поразившей Ора. — Боги на время дали тебе вид раба. Зачем — знают только они. И не зови меня госпожой! Я Илла, и мне, — девушка набрала в грудь воздуха, — мне они велят стать твоей женой!

Ора зашатало. Уже ничего не понимая, он прислонился к лиственнице. Словно с усилием разрывая пути, атлантка шагнула к гию и прижалась к грубой серой одежде раба. Руки Ора поднялись, чуть коснулись тонкой шерсти белого платья.

— Дочь господина, ты ищешь гибели!

— Может быть, — прошептала Илла, закрывая глаза. — Но так решили боги. Иначе они не дали бы тебе три Знака невянущей любви.

— Но ты не приняла их. Их съел рогатый.

Вспомнив, как бык тупо жевал цветы, стоявшие десятка колец, девушка звонко рассмеялась. Перед Ором была прежняя Илла — смешливая и строгая, мечтательная и любопытная.

— Все равно! — тряхнула она головой. — Знак был.

— Нет, — в голосе Ора звякнуло прославленное гийское упрямство, — если боги так сказали тебе, я буду твоим охотником. Но сначала я найду еще три этих... невянущих.

— Пусть так, — вздохнула Илла, — но будь осторожен, не упави с обрыва.

Теперь уже рассмеялся Ор: сказать этакое гию!

— Подожди! — крикнула Илла, когда Ор повернулся уходить. — Скажи, — она испытующе посмотрела ему в лицо, — ты будешь мне мужем только потому, что я так велела?

— Но, Илла, у гнев девушка всегда первой зовет молодого охотника.

— И он соглашается, даже если совсем холоден к ней?

— Так не бывает. Разве девушка не чувствует, кто хочет ее!

Ободряемый взглядом Иллы, Ор робко обнял ее. Несколько мгновений они стояли, слушая учащающийся стук сердец друг друга. Потом Ор подхватил лук, мешок и опрометью кинулся вверх по тропе. Он бежал, ощущая прикосновение рук Иллы. Внезапно ему вспомнились другие руки, такие же смуглые, но тоньше, с длинными пальцами, перебирающими тетивы звучащего лука. Где теперь маленькая умизанская певица, впервые позвавшая его стать отцом? Наверное, никогда их тропы не встретятся. Но вот другая, атлантка... На миг Ора охватил холод, но тут же растаял от поднимающегося в сердце тепла.

— Так хотят боги! — повторил он слова Иллы сгорачивая в теснину, где в прошлый раз нашел серебристые цветы.

Оставшись одна, Илла постояла, охлаждая ладонями щеки.

— Девушка зовет первой, — пробормотала она задумчиво. — У диких, а не такой уж дикий обычай.

Снова под лучами солнца оседал снег на горных полях. Ишла третья весна Ора в Срединной. Прошедшая зима выдалась холодной, малоснежной, и земледельцы с тревогой поглядывали на верхние уступы. Трудно будет напоить их. Хмуро чесал затылок Уфал, вздыхали женщины, Храд в сердцах раздавал оплеухи подвернувшимся рабам.

У Иллы с Ором были свои заботы. Осень и зиму они прожили в зыбком тайном мире, где радость чередовалась со страхом, дерзкие мечты с беспросветным отчаянием. Но они не жалели о безмятежных днях.

Илла, раз решившись, была готова ко всему. Порой ее бесила осторожность Ора. Через день после встречи на тропе, взяв из рук гия три пушистых бесмертника, она сказала:

— Теперь уведи меня в лес и стань моим мужем.

Но Ор, мягкий и уступчивый до грани, за которой просыпалось гийское упрямство, сказал «нет».

— Боишься наказания! — вспыхнула атлантка.

— Если ты станешь матерью, казнят всех троих. Гии говорят: «Убьют охотника — мать родит нового, убьют мать — вырастут дети, убьют детей — род погиб!»

— Прости! — сказала Илла, глядя худые руки юноши. — Ты умнее и добрее меня.

— Не говори так! — Ор прижался лицом к ее мокрой щеке. — Лучше спроси у своих богов, какую тропу они готовят нам.

Но боги молчали. В снах Иллы Ор уносил ее туда, где много, много счастья и нет опасностей. Но где это удивительное место, боги не говорили.

Пытаясь подсказать им, влюбленные строили замыслы один прекраснее и несбыточнее другого. В листах Иллы было сказание о рабе-пеласге на корабле, ушедшем на поиски новых стран. Кормчий и подкормчий умерли от болезней и с ними многие мореходы. Из живых только пеласг знал правила кораблевождения. Они обогнули южный конец земли котлов и достигли далекого края мира, привезли много богатств, рисунок пути, записи о ветрах и течениях. И тогда, исправляя ошибку, боги сделали отличившегося раба атлантом. Было это три сотни лет назад.

Были и другие замыслы, например, подкупить торговца и бежать на корабль в Восточные земли. Но где взять бронзу? Храд так прячет накопленные кольца, что в жизни не найдешь! Да и много ли их.

Зимой им почти не удавалось побыть вдвоем. Сидя над листьями у очага, они писали друг другу, словно издалека. В посланиях было много бессмертников, связанных по три, но мало надежды. А нетерпеливой девушке становилось все труднее сдерживаться. Каждый новый день гий начинал со страхом, что она словом, взглядом, движением выдаст себя.

Наконец, сжавшись, боги дали знак, что одобряют один из замыслов. Так во всяком случае толковала свой сон Илла. Во сне она увидела себя в уединенной долине, у входа в уютную пещеру, где горел маленький костер. Ор появился среди скал с добытой козой. Здесь сон оборвался, но Илла считала, что боги высказались ясно: надо бежать в горы

и поселиться в недоступном месте. Ор неуверенно кивнул: пусть будет так.

В поисках баранов и коз он переваливал гребень в истоках Рониома и спускался в сплетение хребтов и долин, где не было человеческих следов. Проживут ли они там одной охотой, как перенесут зимнюю стужу? Неизвестно. И все же это лучше, чем каждый день ждать гибели. Они начали готовиться. Уходя на охоту, Ор прятал в тайнике взятую в доме еду. Там же он вялил часть добытого мяса, отказывая себе в охотничьей доле, от чего еще больше отошал. Оставалось дожидаться, чтобы нависший снег в верховьях рухнул, освободив путь через хребет. Но солнце не спешило, словно проверяя твердость их решения.

Однажды под клсном они шептались над листом с давным-давно решенной задачей. Когда кто-нибудь приближался, Ор начинал бубнить: «Для измерения постели треугольного поля вырасти зерна локтей его короткой стороны на колосьях локтей длинной; урожай располовинь между двумя братьями и одного прогони...»

— Не бойся, я сильная! — шептала девушка, когда опасность удалялась. — Ты не услышишь от меня ни одной жалобы, мой охотник! А потом боги покажут тебе путь к Великому Подвигу... — Ор жестом остановил ее, вслушиваясь. Далеко в верховьях раздался протяжный гулкий вздох, словно великан, кончив путь, сбросил с плеч тяжесть и распрямился, переводя дух.

— Снег упал, — сказал Ор, — если ты не отступилась, завтра нам надо уходить.

— Отступилась! — вспыхнула Илла. — Я думала: умру от нетерпения!

— Убери руки, отчаянная!

— Ор, — зашептала девушка, — давай убежим сегодня ночью! Завтра мы будем уже далеко...

— Нельзя, Илла. За ночь далеко не уйдешь, а утром нас хватятся. Сделаем так: я на рассвете возьму у твоего отца лук и уйду, а ты поешь со всеми и скажешь матери, что идешь за ягодами. Встретимся у камня, где ты впервые меня позвала.

— Ладно. И знай: если нам суждена гибель, все равно я не жалею, что боги дали мне тебя!

— Не надо думать с плохом. А теперь злее скажи: «Убирайся, лохматый, хватит на сегодня».

— Убирайся, лохматый! — Голос Иллы так зазвенел, что проходящий по двору Храд оглянулся. При виде гия он скривился от мысли, которая все настойчивее одолевала его этой весной: «Нет, видно, придется везти лохматого в Атлу».

Илла и Ор этой ночью почти не спали, волнуясь перед побегом. Не спал и Храд. Зудели старые раны и новые заботы. Вновь и вновь обдумывал старый вояка дела семьи. До сих пор все шло удачно. Подкупом и угрозой он получил в счет воинской награды землю из лучших наделов, да еще прикупил два поля. И лося купил — теперь может продавать продукты в Ронаде.

Неплохи дела и у Агдана: из загребного стал подкормчим, послан служить Подвигу Подпирающего. Правда, сын клянет тяжкий труд и унылую жизнь на Канале. Ничего, потерпит! А завершат Подвиг — будут щедрые награды. Тоший щенок, над приобретением которого все насмеялись, тоже не обманул надежд. Два барсовых меха, много рогов и шкур лежат в кладовой, семья ест мясо, не трогая стада. Но вот выпала сухая весна, и мигом со всех сторон вцепились заботы.

Больше половины земли Храда может остаться без воды. Надо прокладывать новые каналы, тянуть их по изрезанным склонам к реке. Это тяжкий труд. Семье не справиться при нынешних восьми рабах. Нужны еще четверо — не меньше. Где взять колец? Продать скот? В плохое лето никто не даст хорошую цену... И всякий раз мысли приводили к одному — выгодно продать гия.

Конечно, жаль лишиться такого охотника. Но ведь и то подумать: свалится раб со скалы, или от вольной жизни додумается бежать — гий есть гий! Прощайте тогда, звонкие колечки! А дочь как-то хвастала, что он выучил весь первый круг. Правда, теперь говорит, что некоторые правила гию никак не даются. Говорил — бери плетъ! А она сидит с лохматым целыми днями и хоть бы замахнулась. Нет, видно, не ей доучивать раба!

Сама дочь тоже беспокоила Храда. То ходит унылая, то скачет, словно хлебнула некты. Замуж пора! Но и на это нужны кольца.

На рассвете Храд пришел к решению: не трогать скот, сохранить всю землю, продать гия. «Не продешевить!» — пробормотал он напоследок и заснул на мягкой бараньей шкуре.

Утром Ор пришел за луком, но хозяин не снял со стены оружия.

— Все, гий! — сказал он, сильной рукой взяв Ора за плечо. — Кончилась твоя охота. Запрягай лося, поедem в Атлу, искать тебе нового хозяина.

Ор забормотал было, что выследил хорошего зверя, и жаль если... Храд усмехнулся:

— Понравилось шататься по горам? Нет, не проси! Еще сбежишь напоследок!

Ошеломленный Ор вывел лося, выкатил легкую повозку. Голос хозяина рокотал в доме: торопил женщин с едой, сердито оборвал Уфала... Вот слышался взволнованный голос Иллы. Ор замер, прислушиваясь. По-медвежьи рявкнул в ответ Храд.

— Эй, гий! — девушка выскочила на крыльцо со смятым листом в руке. — Иди, повтори правило выращивания, чтобы не осрамить нас в Атле! Ор! — зашептала она, наклоняясь над листом. — Значит, боги передумали. Они хотят, чтобы в Атле ты нашел путь к Подвигу.

— Или вообще решили не соединять нас.

— Не смей говорить так! Я буду ждать хоть всю жизнь...

— Эй, лохматый, хлыст тебе в глотку! — рявкнул с крыльца Храд.

Атлантка и гий поднялись, не касаясь друг друга. Только взгляды их в тоске обнимались перед долгой, может быть, вечной разлукой.

— Я сделаю, что могу, чтобы помочь твоим богам, — хрипло сказал Ор.

Пофыркивая от пыли, лось рысью уносил молодого гия все дальше от общины, где прошли три года его жизни, от гор, от Иллы.

— Что нахохлился! — Храд добродушно хлопнул раба по шее. — Не горюй, жизнь писца пожирнее жизни раба пахарей. А то и самих пахарей, — добавил он, помолчав.

— Я привык тут, хозяин, — ответил Ор, вздыхая.

— Ха! Я и сам привык к твоей дурацкой роже! — Храд потряхнул вожжами и вдруг, взглянув в глаза

Ору, сказал доверительно, словно не рабу, а человеку: — Поверь, не отдал бы тебя, если бы не проклятая засуха. Но, видно, так хотят боги.

ГЛАВА 6. ВЕЛИКИЙ КАНАЛ

Агдан проснулся поздно и лежал, пытаясь обмануть боль, долбившую затылок. После дней, наполненных пудной возней с записями и подсчетами, попуканием надсмотрщиков, битьем рабов, луна отдыха пронеслась стрелой. Через два дня назад, на Канал. Правда, будет, что вспомнить — пышные зрелища, шумные пиры, красивые плясуньи... Прикрыв глаза, Агдан вспоминал вчерашний пир у Тарара. Хозяин расщедрился: добыл настоящей некты из лошадиного молока, а не поддельного пойла, нанял петь Тейю, о которой нынче шумит вся Атла.

Она и вправду хорошо поет. Только песни странные, беспокоящие. Особенно эта — про тропу над жерлом вулкана. Как же там...

Но тут по мостовой перед домом загрохотали колеса повозки.

В дверь заглянул Ип, желтый пройдоха из Либы, незаменимый, когда надо разнюхать о тайном зрелище, передать красный цветок жене какого-нибудь старого болвана, раздобыть в долг питья.

— Господин, вставай! — Ип говорил по-атлантски свободно, но с чмокающим акцентом. — Твой отец приехал!

Агдан вскочил с постели и схватился за голову. Мало было печалей! Опять начнутся нравоучения: «Вы, молодые, нарушаете устои предков, напиток больших празднеств хлещете в обычные дни. И куда вам столько женщин! Надо жить скромно, копить браслет к браслету...» Охая и ворча, Агдан протягивал руки и ноги Ипу, который ловко одевал его. Подкормчий палил на ладонь душистой воды из кувшина, мазнул по лицу, пригладил прямые черные волосы и заторопился вниз по лестнице. Какой он там ни есть отец — грубый рубака, провинциал, а прояви непочтение: отхлещет носорожьим ремнем так, что неделю не сядешь!

Склоняясь, Агдан протянул отцу сложенные руки. Ип суетился, выставляя миски с мясом и рыбой, кувшины напитков.

— Долго спишь, — проворчал Храд. — Я с утра проехал сотню стадий, а ты только еще протер глаза!

— Отец, через два дня на Канал. Надо напоследок отдохнуть...

— Отдохнуть? — Храд с усмешкой глянул на заплавленное лицо сына.

Похоже, старик был настроен мирно.

— Отец, соизволь выпить чашу некты.

— А разве сегодня Рождение Солнца или День Отплытия?

— Давший мне жизнь, наша встреча — сама праздник. Эй, желтый, налей нам!

Покачав головой, Храд выпил. Агдан начал рассказывать столичные сплетни. Храд ухмылялся — приятно узнавать плохое про богатых и властных.

— Ну, хватит забав! — сказал он вдруг и нахмурился, чтобы подчеркнуть серьезность разговора. Давя зевоту, Агдан слушал о плохой весне, трудном лете, грозящих семье бедах. Выкарабкавшись на красшек круга власти, он считал все это копанье в земле и возню со скотом тупым и неприличным занятием. И совсем уж глупа затея с гиём, якобы выучившимся грамоте. Небось выдолбил полста знаков...

— Проверь его и назови цену, — закончил отец.

— Ладно, — вздохнул Агдан, — давай лохматого. «Повезешь назад, если не пришибешь со злости», — подумал он, усмехаясь.

Вслед за Ипом Ор вошел в комнату, убранством сильно отличающуюся от деревенской. Резные скамьи, фигурные светильники, ниши, прикрытые занавесками. Стены ярко расписаны. Вон охотник стреляет в оленя. А оленей гии рисуют лучше!

— Лохматый, поди сюда! — младший сын хозяина достал из плоского раскрашенного ящика измятый лист: — Прочти это.

— Плохо исполнишь — побью! — добавил Храд.

Не совсем понимая смысл, Ор произносил значения знаков: «Подкормчий Агдан доносит: на неделе из земли камень выступил. Сдвинуть с места ярое старание проявлял, но не удалось. Ремень порвался, пять лопат убило. Помощи прошу — расколоть на части...»

— Хватит, — сказал Агдан, подивясь бойкости чтения, — теперь пиши ненадолго. — Ор взял из красок ту, что легко смывается.

— Пиши: Повеление. За луну Восточных ветров вынуть земли 2000 толстых локтей Подпирающего...

Дорисовав фигурку Небодержца, Ор протянул лист Агдану.

— Все верно! — ответил тот на взгляд Храда. — Чудеса! Пишущий гий! Ну, посмотрим, как он считает. Убери, что написал, скотина!

Ор вылизал лист.

— Считаю: вырыть круглую яму поперечником в сорок локтей и глубиной восемь. Один раб в день можетスコпать четыре охвата локтей. Сколько пригнать рабов, чтобы кончить работу в четыре дня.

Задача была сложной. Следовало найти постель круглого поля, охват ямы и устроить раздел локтей между днями. Ор погрузился в вычисления, бормоча правила, разворачивая воображаемые плащи. Закончив, он стал разглядывать рисунки на стенах. Особенно ему понравились корабли, плывущие вслед низко летящим птицам. С описания такого плавания началось его обучение знакам. Перед глазами возникла Илла...

— Остроносая скотина! — взревел Агдан, обернувшись. — Ты что зеваешь по сторонам? Не можешь решить? Видишь, отец, я сразу...

— Я решил, — сказал Ор, глядя в лицо Агдана, — а ты не сказал, что делать еще.

— Решил? — Агдан изумленно уставился на верный ответ. Над этой задачей он когда-то бился три дня и запомнил на всю жизнь. — Отец, Илла совершила чудо! Можно продать его хоть сегодня и не меньше чем за 15 браслетов! Хотя... — от неожиданной мысли Агдан поперхнулся, — зачем выпускать такую ценность из семьи!

— Браслеты как раз и придут в семью, — не понял Храд.

Агдан стал жаловаться на работу. Ну разве дело для властных — возиться с числами и вязнуть в грязи? Их дело руководить! Имея писца, легче выслужиться.

Храд задумался:

— Конечно, хорошо бы тебе скорее стать кормчим. Но пятнадцать браслетов! И эта проклятая засуха...

Агдан застонал: отказаться от такой находки, да

еще второй раз слушать про нудные сельские заботы! Вдруг лицо его прояснилось:

— Значит, ты хочешь купить четырех рабов?

— Лучше пятерых, — поправил Храд, — и по сильнее.

— Может быть, мы это уладим. Ты позволишь тебя оставить?

— Иди, — махнул рукой Храд. — Я и сам пойду, навещу друга. А ты, если достанешь мне пяток крепких рабов, гий твой.

Ип помог хозяевам одеться, угодливо кланяясь, проводил за дверь.

— Садись, ешь. На Канале такой еды не будет! — хлебнув из кувшина, протянул его гию: — Пей, да смотри не проболтайся. А то у-у! — Ип схватился за нос, словно проверяя, на месте ли он.

Некта обожгла горло, разлилась теплом в желудке.

Болтая, Ип успевал прихлебывать, есть, потчевать Ора, у которого голова шла кругом от хмеля и поворотов судьбы.

Когда Храд вернулся, покачиваясь и фальшиво насвистывая боевую песню, сына еще не было. Он пришел близко к полуночи и тоже далеко не трезвый. С размаху брякнувшись на ложе, Агдан протянул Ипу ногу.

— Удача, отец! Завтра пойдем за рабами. Платим два браслета за всех пятерых! — Агдан захихикал, довольный изумлением отца.

— Хватит болтать! А то сейчас... — Храд потянулся к поясу.

— погоди! — Агдан поднялся. — Зачем горячишься! Сейчас все объясню. Один мой приятель служит в подземельях Подпирающего. Туда сгоняют рабов для Канала — и свежих, и перекупленных у хозяев. Ну, бывает, в дороге раб заболевает. Куда его на Канал, там и здоровые дохнут. Негодных продают задешево. Вот я и купил пятерых.

— Да на что мне падалы! — возмутился Храд.

— То-то, что дадут, каких выберем! Вчера больше пяти сотен новых пригнали: кто проверит, сколько там больных. Лишь бы счет сходился.

— Но ведь это, — Храд понизил голос, — обман Повелителя!

— А тебе не приходилось сбыть наконечник, а потом божиться, что потерял в бою?

— Наконечник! — полбраслета, а не пятнадцать.

— Так ведь на то я и долбил знания, чтобы рвать пожирнее!

На это Храд не нашел возражений и только поинтересовался: неужто приятель устроил все это даром?

— Ну не совсем, — хмыкнул Агдан. — Мы, властные из молодых, часто оказываем друг другу услуги, — он не стал объяснять сложных счетов по обмену женщинами, собаками, секретами о шансах боевых петухов и мамонтов. Старику все равно не понять благородной жизни!

На следующее утро они привели троих рослых коттов, коренастого борейца и длиннорукого оола. Ор подумал, что через несколько дней эти люди увидят Иллу, кто-то из них займет его место в хлеве, справа от двери...

— Ну, лохматый, — он ткнул Ора в живот, — двадцать браслетов ты мне сберег! Пойдем покупать подарки.

Илле, за то, что выучила тебя, — рассуждал он, — надо сыскать что-нибудь получше. Что же она любит?

— Листы со сказаниями, — пробормотал гий. Храд запнулся на полуслове и в ужасе воздел руки:

— Боги, вы слышали? Раб учит меня, что нужно моей дочери!

Ухватив Ора за одежду на груди и мерно потряхивая, он сказал:

— За выгоду, которую ты мне принес, вот тебе добрый совет: учись помалкивать! Запомни, ты не в селении, где пахарь с рабом гребут кашу из одной миски. Держи голову вниз, хоть и грамотный. Иначе вся спина у тебя будет в занозах. Ну, чего молчишь?

— Ты велел помалкивать, — буркнул Ор.

— То-то! — И Храд повернулся к продавцу, сидящему перед целой поляной цветастых шалей.

Повозка, запряженная двумя лосями, катилась к северной окраине столицы. Агдан и Тарар сидели на скамье сзади, Ип с Ором разместились у них в ногах, япт, раб Тарара, держал вожжи. Впереди лежал путь к подвигу Подпирающего. Найдется ли там

место для подвига Ора, на который так надеялась Илла?

Они ехали на север по мощеным дорогам мимо бесчисленных аккуратных селений и городков по ухоженной, возделанной земле. Теперь Ор уже знал, чего стоят врезанные в склоны холмов поля — террасы, какая бездна труда была потрачена, чтобы сделать этот край жилищем несчетного множества людей.

Шесть дней они двигались по предгорьям, ночуя в домах приезжих и меняя лосей в конюшнях Подпирающего. Несколько раз обгоняли окруженные стражами и волками вереницы рабов, бредущих на Канал.

На седьмой день въехали в широкую, идущую вверх долину. Справа высилась равнобокая, как борейский чум, гора. Над ее срезанной снежной вершиной поднималась подсвеченная снизу клокочущая туча черного дыма. Изредка оттуда доносилось низкое рычание, словно длиннозубый тигр проснулся и потягивается, собираясь на охоту.

— Джиер, гора огня, — объяснил Ип.

Дорога подножием вулкана поднималась к перевалу. Лоси, тяжело дыша, одолевали подъем, рабы подталкивали повозку. К вечеру достигли перевальной седловины, в лица путникам ударил теплый сырой ветер Западного океана.

Через несколько дней, когда повозка катилась по берегу моря, Ор узнал высокий ступенчатый храм, который видел на рисунках Иллы. Это было святилище Пта, воздвигнутое на месте, где ладьи Цатла причалили, переплыв Западный океан.

— Как они могли тут причалить? — не поверил япт. — Смотри: от храма до берега три раза пролетит стрела.

— Волны достигали стен храма, — пояснил Ор, — а потом океан отступил. Вот на скале метки. Их делали каждые двадцать лет — все ниже и ниже.

— Ты много знаешь, — сказал япт уважительно.

— А к чему такое знание? — сморщил нос Ип. — Не накормит и от плетки не спасет.

Дорога шла дальше на север по густо заселенному краю. Города и селения почти сливались окраинами. Ветер с моря дышал влажным теплом. За оградой росли деревья, увешанные плодами, неизвест-

ными ни в долине Рониома, ни в Гийской земле.

Возле далеко уходящего в море мыса дорога свернула к проходу между прибрежными холмами.

— Помню этот поворот, — шепнул Ип. — К концу дня будем на месте.

Путь шел по широкой плоской долине, опускающейся к северу. Ор с удивлением смотрел на опустошенную местность вокруг. Лес на склонах был срублен; лишь местами торчали мертвые обрубки стволов. По сторонам дороги все выше поднимались груды земли и каменных обломков. Из наспех зарытых ям сочилось зловоние. Впереди нарастал непонятный шум, словно двигалось огромное стадо оленей: топот бесчисленных копыт, треск сталкивающихся рогов, храп...

— Что это там? — шепотом спросил Ор.

— Как что! — усмехнулся Ип. — Канал.

Дорога поднялась на пологую грядку и подошла к краю ущелья — чудовищно ровного, словно выбитого одним ударом гигантской кирки. Слева оно почти подступило к морю, справа уходило за стесанные бока холмов. Поразивший Ора шум заполнял теперь все вокруг. Он сплетался из тысяч голосов и ударов по камню, шороха обсыпавшейся земли, треска падающих глыб, ржания лошадей. Сквозь клубы пыли на дне и покатых склонах виднелись копошащиеся фигурки людей. Они долбили скалу, вереницами несли корзины с землей, грузили глыбы в повозки, запряженные мамонтами.

Около места, куда они выехали, русло было глубже, и там блестело озерко, из которого поднималась огромная башня. Широкая стена тянулась вдоль берега Канала по краю перемычки и соединялась с другой такой же башней, выступавшей из моря. Ор видел, что вода в озерке стоит намного ниже уровня моря. Из башни доносились какие-то странные звуки — чудовищные вздохи, стоны, бульканье...

— Что это? — ужаснулся Ор.

— Водососные башни, — Ип пренебрежительно махнул рукой. — Говорят, туда посажены великанские мамонты, которых заставили осушать канал. Но никто не видел, чтобы их кормили. Колдовство!

Они ехали по обезображенной земле мимо часто-

колов с невысокими башнями на углах, конюшен, складов, медвежьих загонов. Быстро темнело. Из-за холмов донесся слабый протяжный голос трубы, и тут же справа и слева по всей долине зарокотали барабаны. День кончился.

В оседающих клубах пыли люди сбивались вереницами на дне русла. Вокруг вспыхивали факелы. Под щелканье бичей и рычанье волков рабы брели вверх, к огороженным частоколами дворам.

Вперед на гребне пологой гряды поднималась высокая башня, ступенчатая со стороны дороги и отвесной стеной обращенная к руслу. Это была резиденция Исполнителя Подвига титана Ацтара. Там наверху он принял у писца полоску кожи, покрытую знаками:

«Исполнитель Подвига доносит: к началу луны Западных ветров с южной стороны семь стадий полностью прокопали и восемнадцать — на полглубины. На северной стороне... На средних наделах...» Просмотрев числа, Ацтар вернул доношение.

«Хроан будет доволен, — подумал он, подходя к окну башни, — сделали много». Титан отдернул занавес на окне, и на него поплыл снизу тяжелый гул. На дне гигантской рывтины, видной из края в край, копошились несчетные массы людей. Слева, отделенный от канала перемычкой, простирался Западный океан, справа через холмы проглядывал Восточный. Скоро свершится невиданное: океаны соединит сделанная людьми река.

— Справедливо ли? — пробормотал он. — Боги зачтут этот подвиг Хроану. А ведь совершаю его я!

Тех, кто копошились в клубах пыли под его ногами, титан в расчет не принимал.

Агдан и Тарар старались не глядеть на окружающее. Опять постылая работа, грубая еда, жалкое жилье, жизнь, лишенная всех удовольствий, которые придают ей вкус! Повозка остановилась у низкого строения. Агдан пнул дверь, ведущую в длинную низкую комнату. За луну, что приятели провели в Атле, ничего не изменилось в жилище двенадцати подкормчих седьмой ладьи Восточного края. Как прежде, дым мешался с запахом бараньего жира и

грязных тел. В середине кривился дощатый стол с мытыми листами повелений и доношений, у порога валялись циновки и облезлые шкуры — постели рабов.

У дальней законченной стены громоздился очаг. Сгорбленный раб раздувал в нем огонь. В длинных стенах справа и слева были завешанные кошмой входы в спальни подкормчих. Тарар, откинув кошму, вошел в каморку, которую они делили с Агданом. Тот, зацепившись за порог, хрипло выругался и шагнул вперед. Рабы внесли вещи.

— Живей, скот! — Агдан пнул либийца, развязывающего тюк.

— Мигом, хозяин! — рванув зубами ремень, Ип развернул на дощатом ложе меховую постель. Агдан повалился на нее, не снимая сапог.

Тарар поморщился: подкормчий, а так и остался мужланом! Сам он уже переоделся в чистое и мыл руки в поданной яптом миске.

Вернувшись в большую комнату, рабы подошли к очагу, у которого дряхлый япт кидал в котел куски мяса.

— Не будь бит! — приветствовал повара Ип. — Давай другой котел: сегодня наши угощают господ столичной едой.

Старик поднял слезящиеся от дыма глаза:

— Возьми посуду под навесом. А это, — он кивнул на мясо, — сами съедим! — и его серое от старости лицо сморщилось в улыбке.

У входа раздался топот, хриплые голоса, в комнату ввалились пыльные подкормчие. Столпившись у чана с фруктовым наваром, они хватали друг у друга чашу и пили, громко глотая. Один, с худым и белесым северным лицом, сделав пару глотков, плюнул и разразился проклятием:

— Чтобы брюхо разорвало тому, кто это варил! До чего опротивело проклятое пойло! Я успел забыть даже вкус некты... А-а, кажется, сегодня вспомню! — воскликнул он при виде вернувшихся. — Ну, рассказывайте, счастливы, как позвенели кольцами.

— Мы счастливы! — возмутился Агдан. — Кто может быть несчастнее тех, у кого отдых только что кончился!

Помогая готовить еду, Ор ловил обрывки разговора атлантов, которые у стола принохивались к за-

паху столичных приправ. Тарар с Агданом рассказывали о боях зверей и о танцующих женщинах. Слушатели завистливо ахали.

Когда ароматный ишлох был разложен по мискам, появился бурдюк запретной некты. Каждому досталось всего по чаше, но с непривычки подкормчие захмелели. Голоса стали громче, посыпались грубые шутки, встречаемые общим хохотом.

— Вот писец, о котором я тебе говорил, — показал Агдан соседу по столу, губастому южанину, на Ора. — Пусть дня три попасется при твоём пеласге, а? Чего не поймет, я уж сам вобью плеткой.

— Ладно! — кивнул размягченный нектой и вкусными блюдами губастый. — Я скажу пеласгу.

Когда атланты разбрелись по комнатам, полтора десятка рабов сели на полу вокруг котла. Насытившись, они тихо заговорили на ут-ваау. Здесь были свои новости, свои печали и шутки.

Рокот барабанов за стеной перекачивался из края в край, словно сзывая на битву. Ор вскочил, спросонья нашаривая копье. Через приоткрытую дверь сочился бледный свет раннего утра. Рядом вылезали из-под облезлых шкур рабы подкормчих.

— Чтоб все краснорожие утонули в своем канале! — простонал Ип.

— В нем же нету воды, — возразил Ор.

— Ну, пусть пылью подавятся! — уступил либиец и заспешил на злобный рык проснувшегося Агдана.

— Надень это и не снимай, иначе пришибут стражи, — хозяин, зевнув, протянул Ору деревянный круг на ремне. На круге были большие красные знаки «Собственный раб подкормчего Агдана». У стола повар раскладывал жирную кашу по мискам атлантов. В углу дымилось корыто с зернами для рабов.

Один за другим атланты поднимались из-за стола и, вытирая руки о волосы, шли к двери. За некоторыми следовали рабы с кругами на шее. К растерянно топчущемуся Ору подошел беззубый пеласг:

— Идем. Хозяин велел показать тебе дело писца.

Жилище стояло совсем рядом с руслом. В клочьях утреннего тумана Ор увидел, как тысячи рабов вереницами сходят вниз по тропинкам, косо пересекающим борт канала. Спереди и сзади шли стрел-

ки с волками. Уже звенели первые удары по камню. Вслед за молчаливым пеласгом Ор спустился до дна, к участку, отделенному от соседних веревками на колышках.

Рабы, ежась от утреннего холода, брали с повозки деревянные лопаты и кирки, окованные бронзой. Другие разбирали плетеные корзины из груды посреди участка. Пеласг толкнул озирающегося Ора.

— Надел, — коротко сказал он, показав на землю между веревками, — у твоего хозяина такой же там, — он махнул рукой влево. — Вот урок на поллуны, — ткнул он в верхнюю строку знаков на широкой, грубо оструганной дощечке. — Кончится срок, придут мерщики. Сделано больше — хозяину бронза, тебе — пара кусков мяса; не сделали — ему попреки, а тебе плеть. Понятно?

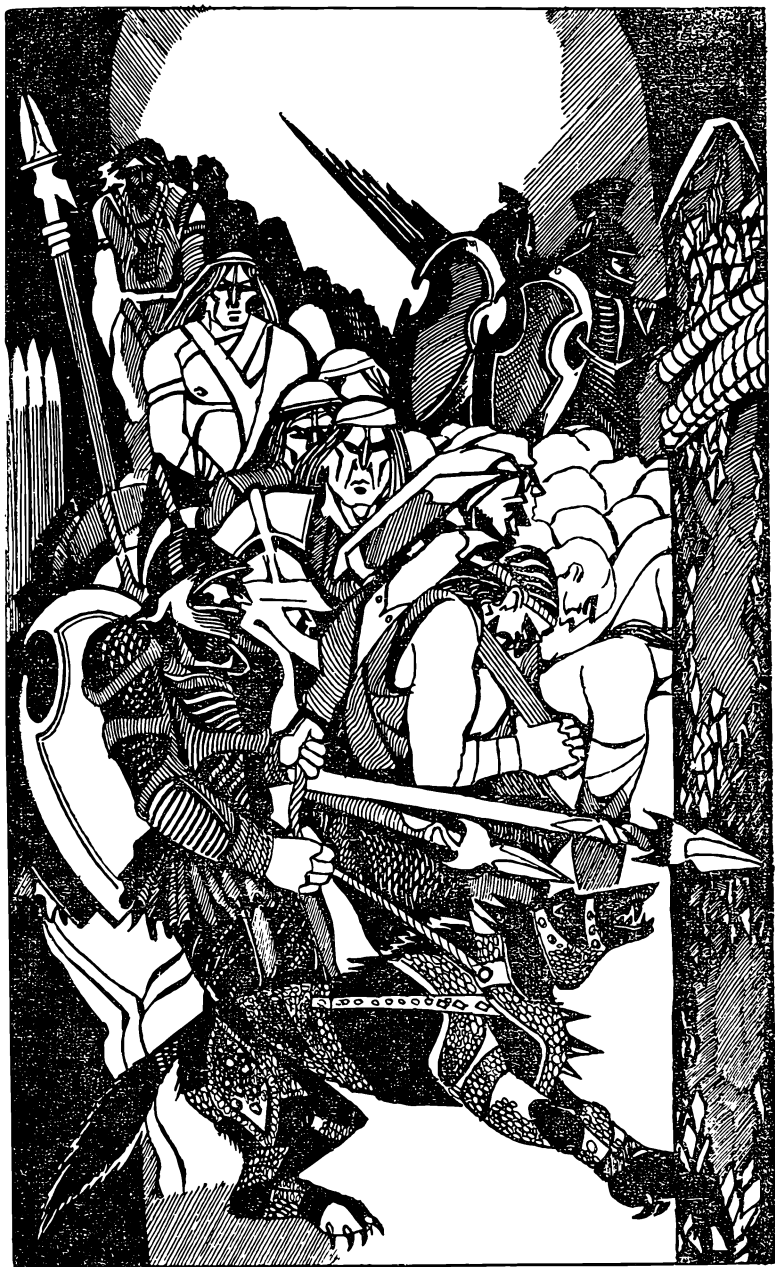
Потом пеласг показал, как делить урок на дневные ломти, а каждый ломоть на доли для сотников. Весь день Ор ходил за немногословным наставником, постигая тошное дело писца. Пеласг замерял сделанное, передвигал работающие сотни; когда набиралась вырытая земля, выделял людей носить ее наверх корзинами. Несколько раз он улаживал ссоры между надсмотрщиками — каждый старался присвоить часть сделанного соседней сотней.

Наконец загремели барабаны. Рабы, шатаясь, потянулись вверх по тропе; писцы при свете воткнутого в землю факела замерыли ремнем с узлами сделанное за день, разместили ломти на завтра.

Плетясь к жилью, Ор со страхом и омерзением думал о деле, которым ему суждено заниматься. Ругань хозяина, злоба надсмотрщиков, оскорбленных тем, что ими командует дикарь, презрение рабов... В сравнении с этим, счастьем казался труд на полях тихой горной общины. И ведь там была Илла. Как не похож на сестру вздорный, хвастливый Агдан!

Охрипнув от ругани, с рукой, ноющей от работы плетью, подкормчий сидел у стола над листами своего надела. За эту луну заменявший его вестник — болтун и лентяй — запустил все дела. В записях ничего не сходится, землю рыли где полегче, сотники распустились — огрызаются как волки...

Заскрипела дверь. Пеласг свернул в угол, к мис-

ке с едой, а Ор, еле волоча от усталости ноги, подошел к Агдану, ожидая повелений.

— Понял, как делить уроки? Тогда возьми, — подкормчий кинул новому писцу листы, — проверь, исправь и перепиши.

— Куда переписать?

— Туп-пая скотина! Не видишь — одна сторона чистая! На нее перепишешь, потом с этой слижешь!

Ор склонился над листами, а Агдан, скрипя половицами, вышел подышать вечерней прохладой. Звезды густо выпали над Каналом, перемигиваясь с кострами вокруг частоколов. Где-то тихо выл волк, жалуясь на унылую судьбу сторожевого зверя.

— Ну, — сказал Агдан. — С этим скотом, глядишь, проживу как человек. Надо только соблюсти меру: не разбаловать, но и не забить до смерти.

Сотни тысяч людей, выполняющих для Небодержца его подвиг, были сбиты в простую, грубую, но надежную систему. Великий Кормчий Канала Ацтар, озирая работы со своей Башни, раздавал повеления и угрозы кормчим краев. Каждый из них делил задания и проклятия между двумя десятками кормчих ладей. Те передавали урок и заряд злобы подкормчим наделов, подкормчие — надсмотрщикам. Набрав силу, волна заданий и злобы обрушивалась на рабов. Беспомощные перед копьями стражей и клыками зверей, они могли отдать эту злобу лишь земле и камню. Так локоть за локтем росла вширь и вглубь гигантская рана на теле Срединной земли.

Поэтому каждое утро Ор под ругань Агдана и свист плетей нарезал землю для сотен, считал сложенные лопаты и писал прошения о новых, вызывал мамонтов убирать глыбы, мерил локти и охваты.

— Еще! Еще! — тряс кулаком Агдан. — Еще! — грудью лез на Агдана кормчий лады. — Еще! — с тихой угрозой говорил кормчему Глава края...

С горьким смехом вспоминал Ор надежды Иллы, что здесь он совершит подвиг, который соединит его с любимой. Нет, здесь было место лишь Подвигу Подпирающего. Для остальных Канал был проклятой, бессмысленной, иссушающей ум и силы погоней за охватами и локтями, погоней, которой, казалось, никогда не придет конец.

Вскоре хозяин перестал проверять, как Ор считает охваты, делит урок между днями и сотнями. Он мазал краской свой бронзовый знак и прикладывал к листу, после чего тот становился повелением или доношением. А у Ора подсчеты, замеры, споры с сотниками, придирки хозяина пожирали дни, не оставляя ни времени, ни сил думать, чувствовать, мечтать. Лишь ранним утром, когда он шел размечать ломти, душа его чуть оживала.

Никогда в жизни Ор не был так одинок. Атланты и рабы смотрели на него с презрением и ненавистью. Писцы и прислужники подкормчих, казалось, были ему ближе других. Но гию претило их раболепство перед хозяевами, похвальба украденными кусками и хозяйскими обносками. Сам он считал, что лишняя оплеуха лучше лишнего поклона, и в ответ на проклятия и удары хмуρο молчал.

Единственным, кто отнесся к нему дружелюбно, оказался, как ни странно, Сангав — умелец при кормчем лады. Этот круглолицый весельчак следил за работой на всех наделах, ведал починкой инструмента. Впервые увидев Ора с листами и щепками, он хлопнул себя по бокам и долго заливисто смеялся. Ор уже привык к такому веселью при виде гия-писца и спокойно ждал, когда атлант утихнет. Они обошли надел, и Сангав долго объяснял, как копать сточные канавы, чтобы осушить раскисшую от дождя землю.

Ор, научившийся делать водяные тропы в общине на Ронимое, переминался с ноги на ногу возле говорливого атланта.

— Ты что не слушаешь, гий?! — рассердился умелец. — Непонятно, что ли?

— Почему непонятно? Вода всегда бежит вниз. Помочь ей легко.

— Всегда? — прищурился атлант. — Не скажи, писец. Умеючи ее можно заставить бежать и вверх.

Как-то Ор понес сдавать сломанные наконечники лопат и ломов. В сопровождении стража он вошел в огороженный двор, где под навесами рабы мастерили корзины и лопаты. Из приземистой постройки слышался звонкий стук, а отверстие в крыше извергало удивительный зеленый дым. Сдав бронзу хранителю, Ор собрался уходить, когда во двор трусцой вбежал Сангав. Заметив Ора, он на бегу махнул

ему рукой, но в дверях дымящей землянки обернулся:

— Хочешь, гий, посмотреть, как плавят бронзу?

У Ора загорелись глаза. Они вошли в дымное помещение, в конце которого играло удивительно белое пламя и слышалось громкое сопение. Ор очень удивился, когда вместо неведомого чудовища увидел двух потных либов, которые сжимали и растягивали бурдюки, зажатые между качающимися досками. Воздух со свистом выходил из глиняных трубок, погруженных в очаг. Над ним в толстой каменной чаше морщилась огненная жидкость, подернутая зеленоватым паром. Это было полно тайны и явно связано с колдовством...

— Да! — вспомнил Сангав. — Я же обещал тебе показать, как вода бежит вверх. Ну-ка пойдем!

Спотыкаясь о куски запекшейся глины, Ор прошел в угол к большому чану с водой. К нему было прислонено непонятное орудие — кожаный мешок с трубкой и двумя дощечками. Сунув камышину в воду, умелец стал растягивать дощечки. Сплюснутая кожа расправилась, атлант вытащил трубку из воды и... Застигнутый врасплох, Ор подскочил, когда в лицо ему ударила струя из трубки. Атлант хохотал:

— Это не забава, — пояснил он. — При работе с бронзой рабов надо обливать, иначе упадут от жары и все испортят. А то и подохнут! — добавил он для ясности.

На сей раз гийское упрямство оказалось сильнее первого правила рабской жизни:

— Вода не сама побежала наверх, — сказал Ор, отряхиваясь, — ты ее сосал как мамонт, когда он хочет полить себе спину.

— Строптивый козел! — в голове атланта звучало одобрение. — Ну, поглядим, что ты скажешь на это...

Умелец распахнул куртку и расстегнул пояс на кожаных штанах. Пряжка была бронзовая, в виде змеиной головы с глазами из синих камешков, а поясом служила цельная змеиная кожа.

— Что скажешь: может эта змейка сама сосать воду, как мамонт?

— Я думаю, не может, — осторожно ответил Ор.

— Смотри! — Сангав опустил пояс в чан, пере-

жал пальцами конец, потом наполовину вытянул змею из воды и перекинул через край. Из обрезанного хвоста выпрыгнула струйка воды и полилась, растекаясь по глиняному полу. Насладившись изумлением гия, умелец вынул змею из воды.

— Ну, — сказал он, — видел? Сосала не хуже мамонта.

— Она, наверное, заколдованная! — сказал Ор, с уважением взирая на змейку. Сангав пожал плечами.

— Любая будет сосать. Можно взять кишку или сшить из кожи. Так сказано в листе о тайнах воды!

— Листы о тайнах! И ты все их читал?

— Не-ет, — засмеялся умелец, — все прочесть пяти зим не хватит. Да многих и нет нигде, кроме Долины Древа. Я там был, — продолжал он с гордостью, — у самого Феруса. Вот человек! Ведь это он придумал водососные башни, а Кеатл только построил. Это тебе не змея. Знаешь, как убирается из канала вода? Силой морских волн и приливов. А без них пришлось бы тысяч сорок поставить отчерпывать... Однако тебе о них знать ни к чему! — спохватился он, к огорчению Ора. — Беги, Соломенная Грива, а то тебе хозяин таких тайн на спине нарисует!

Минула пора жары, настала осень и незаметно переползла в зиму. Ледяной восточный ветер покрывал израненную землю снегом. Когда его сменял сырой ветер с запада, все тонуло в холодной скользкой грязи. Много закоченелых трупов уволокли за зиму к звериным загонам. Когда под весенним солнцем вода стала прорезать морщинки в боках канала, Ор едва поверил, что целый год, луна за луной прошел с тех пор, как он впервые услышал отдаленный гул Подвига.

Тейя спела колыбельную Ириту и сидела в своей комнате, обдумывая, с чем выйдет завтра на пир, куда ее пригласили.

— Госпожа, — приподнял занавесь либиец, — тебя хочет посетить мужчина. — Тейя поморщилась: еще один будет предлагать покровительство. — Его имя Палант из Долины Знания.

— Палант! — Тейя радостно ахнула. — Введи его скорее!

— Вот мы и встретились, — проговорил Палант, разглядывая Тейю. — Но я вижу, став большой певицей, ты за эти годы так и не выросла.

— А ты не округлился, как полагалось бы усидчивому мыслителю. Все такой же тощий.

— Прости, что я так поздно. С утра в Атле полдня болтал со своим приятелем Ситтаром, но только к концу дня он упомянул о тебе, потом рассказал о твоей жизни и даже объяснил, как найти. Конечно, в ответ на мои просьбы.

— Ситтар? Не знаю такого.

— Разве знаменитость может знать всех своих поклонников? Ситтар интересный человек, кстати, тоже из Умизана. Он был купцом, торговал с яптами, потом служил переводчиком во время путешествия Промеата по их земле. А теперь имеет в Атле лавку — покупает смышленных рабов, учит их ремеслам и продает за высокую цену. Я заказывал у него товар...

— А зачем тебе рабы? — перебила Тейя.

— Готовимся в путь на оленях за Ледяную стену и решили взять несколько гиев. Знаешь, я о тебе всегда помнил с тех пор, как услышал твою песню в Анжиере, но, посуди сама, искать встреч с подругой Италда не очень-то хотелось...

Тейя кликнула либийца:

— Принеси нам пенного сока и приготовь иш-лох. Как ты умеешь, — добавила она значительно. Раб ушел, польщенно улыбаясь.

Тейя поднялась, взяла в руки лук, провела мизинцем по струнам.

— Хочешь, я спою тебе песню? Новую. Я пела ее только раз, для немногих. Она... но зачем рассказывать! — Пальцы побежали по струнам; мелодия резкая, напоминающая переключку коттских барабанов, словно раздвинула стены комнаты. Море, порывы ветра, удары весел — и над всем этим ритм волн, приходящих издалека и убегающих вдаль...

Мудрый Цатл стоял на корме ладьи,
Уводя народ в морскую даль
Неизвестность ждала впереди, впереди,
А кругом колыхалась вода, вода.

Уплывали дни и за днями дни,
Люди в страхе глядели в глаза волнам
И молили: «Богиня, не обмани,
Подари долгожданную Землю нам».

Цатлу жрец сказал: «Впереди беда!
Видишь — нет еды, видишь — ветер стих.
Надо ценную жертву богам отдать.
Не помогут, пока не насытим их».

Что же требуют боги? Закрыв глаза,
Долго слушал жрец, как море поет,
Потом иссохшей рукой показал
На Цатлову дочь и сказал: «Ее!»

А девчонке было ссминадцать лет.
Пела песни она, как никто другой.
Для нее напевом вставал рассвет.
Напевом ветер играл с водой.

Как прожить без нее? Пожалей, о жрец!
Все молили, а тот качал головой.
И сказала она: «Не грусти, отец,
Боги верно сделали выбор свой.

Не вкусна победа без вкуса слез,
Не согреет лето без злой зимы.
Кто запел, тот в жертву себя принес.
Не горюй, отец!» И шагнула с кормы.

Казалось людям, что жизнь пуста,
Что навеки из жизни песни ушли.
Боги приняли жертву. Наутро встал
Над волнами край Срединной земли.

Тейя опустила голову, успокаиваясь, потом вопро-
сительно взглянула на Паланта.

— Интересная мелодия, — сказал он, проглотив
что-то подступившее к горлу.

Либ принес кувшин и миски дымящегося ишлоха.

— В твоих песнях, — продолжал знаток, — есть
нечто дикарское. Не пойми это как упрек. Еще в
«Деве Стикс» я услышал интонации гийских напе-
вов, но не это главное. Мы отвыкли доверять чув-
ству. Все вокруг и самих себя все время оцениваем,
словно хотим продать. А дикие верят, и ты, по-мо-
ему, смогла научиться этому.

— Еще бы, — улыбнулась певица, — половину
луны я прожила среди них в Умизане. И даже... у
меня среди них был друг, совсем юный гий. От него
я и услышала напевы, которые ты угадал в моей
песне.

— И он жил у тебя, оставив собратьев? Это про-
тив их обычаев.

— Значит, ради меня он нарушил обычай!

И Палант услышал рассказ о молодом дикаре,

его смешном любопытстве, неожиданной доброте и странных песнях.

— Уходя, он дал мне вот это... — Тейя сняла с шеи ремешок с амулетом. — Что с тобой, знаток?

— Посмотри на обороте справа. Там должна быть трещинка наискосок.

Тейя перевернула камешек.

— Ну, ну, не бойся! — Палант засмеялся, глядя на побледневшую певицу. — Я не колдун. Просто эту игрушку я дал одному гийскому юнцу накануне появления Севза. Значит, он дошел с мятежниками до Умизана и явился к тебе!

— Расскажи, — потребовала Тейя, и настала ее очередь услышать рассказ о нескладном мальчишке, не прошедшем Посвящение и перехитрившем самонадеянного искателя истины.

— Он считал твой подарок защитником от всех бед. И отдал мне — дикий мальчишка, который был смелее и добрее всех моих почитателей. Выходит, я лишила его защиты! — певица отвернулась, пряча слезы.

— Ты же знаешь, что это простая побрякушка.

— Нет! Твой камешек не раз помогал мне, а теперь, когда я узнала его историю, он стал мне еще дороже. — Тейя спрятала амулет на груди. — Узнать бы, где сейчас его бывший владелец, — вздохнула она.

— Мальчик ушел своей тропой, — проговорил Палант. — Вряд ли мы когда-нибудь услышим о нем. Но Расскажи мне лучше, как ты решилась покинуть Италда?

— Сейчас я сама удивляюсь, — развела ладонями певица. — Я совершала дерзкие, безумные поступки, и все мне сходило с рук. Страшно вспомнить, как, едва дождавшись, чтобы Италд отплыл, я взяла в одну руку бубен, в другую — ладошку Ирита и пошла на главный рынок, зная, что назад пути нет. У рыночного храма часто поют бродячие певцы. Один как раз стоял перед небольшой кучкой народа. Он пел плохо; когда кончил, никто не поднес ему чашу. Он обошел людей, и кое-кто кинул ему в мешок горсть зерна, кусок лепешки или бусину.

— И тогда ты решилась?

— А что мне оставалось? Я запела самую смешную из песен, сочиненную тайком от Италда. Сын сто-

ял, прижавшись ко мне. Я так давно не пела простым людям, что не сразу нашла верный тон. Но скоро толпа вокруг стала расти, а после песни все стали кричать: «Еще, еще!» Я спела еще две песни и показала на горло — что больше не могу. Тогда люди с похвалами положили передо мной груды даров, и я опять растерялась, не имея ни мешка, ни силы взять заработанное. Тут пожилой пахарь помог мне собрать дары и спросил, не поеду ли я в его общину — там завтра празднество...

Вести бегают быстрее ног. Две луны нас с Иритом возили из села в село. Сыну очень нравилось путешествовать. Люди были добры к нам.

— А однажды тебя услышал какой-нибудь устроитель пиров...

— Ты все так же догадлив, Палант. И опять мне повезло: этот добрый человек сказал: «Заплатят щедро. Но не отпускай от себя мальчика. Пусть держит струны».

— Обидеть ребенка не решится самый проклятый из гуляк!

— Я убедилась в этом. Но сейчас мне уже не нужно прибегать к его защите. Сейчас у меня все хорошо. Ириту скоро девять, он мечтает стать мореходом. Но знаешь, Палант, только не смейся, меня иногда тяготит независимость, которой я так добивалась.

— Тебе, наверное, предлагали покровительство.

— Многие. Но, видно, я стала слишком разборчива, — усмехнулась Тейя.

— А Италд? Ты его не видела с тех пор?

— Видела два раза. После неудачного похода на Акор он вернулся раненый, разыскал меня и обещал простить, если я поклянусь больше не петь людям. Было жаль его, но как я могла дать такую клятву!

Они помолчали.

— А зачем вы идете к Ледяной стене? — спросила Тейя.

Палант стал рассказывать ей о битве духов тепла и холода, о стремлении знатоков помочь силам тепла, которое поддержал сам Подпирающий, и о том, что поход на север позволит лучше оценить силы холода.

— Счастливый, — вздохнула Тейя, когда гость умолк, — ты разгадываешь замыслы богов, как рав-

ный, участвуешь в их битвах, а я... я мучаюсь над каждой песней. Почему?..

— Может быть, я знаю, — медленно заговорил Палант, — ведь песни хотят говорить о благородстве, доброте, самопожертвовании. Прежде ты верила в высокие чувства, но вот ты увидела жизнь такой, как она есть. Атлантида больна, и чем дальше, тем глубже становится ее болезнь. Ты чувствуешь это.

— Да, ты прав.

— Еще четыре столетия назад Срединная не знала рабства. Земледельцы сами выращивали хлеб, умельцы сами показывали чудеса мастерства, все были сыты, и у Подпирающего всегда имелись запасы на случай неурожая. Хватало сил и на расширение полей, и на постройку храмов. Это Энунг своими завоеваниями и доставкой первых тысяч пленных дикарей увел страну с пути Цатла. С тех пор с каждым веком, с каждым годом все больше людей хотят жить за чужой счет...

— А что же нам делать, чтобы жизнь стала чище?

— Кто что может. Мое дело — Канал. Без него будущее для людей может вообще не наступить. А твои песни — разве они не приближают людей к братству, хоть ненамного?

— Скажи, знаток, — Тейя пристально посмотрела в лицо собеседнику, — твое дело поглощает человека целиком?

— Ну, зачем так! Оно же не людоед!

— Не смейся. Вот моя жизнь принадлежит песням. И все же хочется еще... хоть немного. Доброго друга... доставить радость одному... Но у меня хоть есть Ирит.

— Мой учитель, Ферус, — улыбнулся Палант, — во всем, кроме знаний, не взрослее твоего сына. Забота о нем греет сердце, хотя он этой заботы вовсе не замечает.

— Женщина заметила бы...

На лицо знатока набежала тень грусти, но тут же спряталась за привычную усмешку.

— Ферус их не терпит. Молодые ученики, заводя подруг в селении вешнего круга, становятся сонливыми и рассеянными.

— В нижнем селении?

— Там живет община, дающая в наши пещеры еду, кожу для листов и немногое другое, что нам нужно. В самой Долине Знаний нет ни одной женщины. Но знаток может поселить в нижнем селении подругу и даже семью. Правда, не многие так делают. Почему? Женщины не ценят тех, кто приходит поздно, уходит неожиданно, а главным богатством считает исписанные листы. Моя подруга была добрая, спокойная женщина. Она терпела целых полгода!

Тейя рассмеялась.

— А ты попробуй взять беспокойную, — сказала она, придвигаясь.

В разгар лета на надел Агдана и соседние нагрянуло десятка два начальников в красном, в сопровождении толпы мерщиков. Властные стояли наверху, брезгливо отряхиваясь от пыли, а мерщики с длинными ремнями ползали по склонам, втыкали в землю линейки, глядели в миски с поплавками, пронзительно выкрикивали числа. За ужином подкормчие гадали: что сулит посещение — кары или награды.

Дело оказалось проще. На их наделах русло достигло нужной глубины, и всю ладью переместили на восток. Сперва подкормчие радовались — не так высоко носить землю. Но работа на новом месте не заладилась. Земля оказалась густо набитой обломками камней. Потом из-под отдельных обломков вылезла каменная гряда. Она тянулась вдоль всех наделов вблизи от середины русла. Камень был прочный — кирки тупились, почти ничего не отломав.

Позвали Сангава, тот привел каких-то властных. После долгих споров умелец сказал: рыть, где мягко, а камень оставить до зимы, чтобы ломать замерзающей водой. Но в гряде надо сделать один пролом, чтобы за ней не могла скопиться вода.

Конечно, никто из подкормчих не стал пробивать гряду, считая это делом соседа. Прошла луна. Гряда уже возвышалась над наделами на десяток локтей. Ор как-то спросил Сангава, почему не делается пролом. Умелец сказал, что ладья из-за камней сильно отстала. Надо нагонять охваты к дню замера.

— А если дождь придет раньше мерщиков?

— Не должен бы, — сказал Сангав, глянув на небо.

Ночью полил дождь. В одной из темных душных землянок рабов под топот капель по дерну крыши шел тихий разговор борейца по кличке Бык и маленького япта Сима.

— Как ты попал сюда? — спросил Бык. — К нам не присылали новых.

— Подменил одного из ваших, пока шли наверх. Для атлантов все япты на одно лицо. Утром мы поменяемся снова.

— Однако ты не трус.

— Я давно наблюдаю за тобой и кое-что узнал, чего не знают другие.

— Продолжай, — скрипнул зубами Бык, — только учти, живым ты отсюда не выйдешь.

— Успокойся и выслушай. Я не торгую тайнами. Я пришел рассказать тебе, что битва не кончена.

— Как ты узнал меня?

— Мы встречались под Анжиером. Я приходил вместе с Зогдом, послем Приносящего.

— Но вам же удалось бежать. Или ты отстал?

— Нет, я приплыл сюда свободным и стал рабом, чтобы дать свободу остальным.

Сим рассказал о спасении вождей, о тайной подготовке битвы с Атлантидой. Севз, имя которого не было произнесено, затаив дыхание слушал его.

— Наш план — захват кораблей в Анжиере и высадка в Срединной. Крепости Востока почти все продовольствие получают отсюда и без помощи долго не продержатся. Но большое войско через океан не переправишь. Наше главное войско здесь. Если рабы на Канале и по всей стране поднимутся, атлантам не устоять.

— Верно, — прошептал Севз. — Твой Приносящий хитер. Но чего вы хотите от меня?

— Тебе мы устроим побег на Восток. Там ты будешь готовить воинов.

— Когда? — Глаза Севза загорелись.

— Не знаю. Жди. Может быть, к тебе приду не я. Если кто-нибудь скажет: «Смени лопату, твоя затупилась» — и сделает пальцы вот так — верь ему. — Сим в темноте нащупал огромную руку Севза и соединил его пальцы.

— Ладно, — буркнул гигант, остывая, — ждать я научился. Знаешь, — сказал он доверительно, — во многом я не согласен с твоим учителем, но в одном я ошибался, а он был прав. Рабство надо вырвать с корнем и выжечь поле, на котором оно проросло! — по ненависти в голосе Севза Сим понял, чего стоили неукротимому вождю годы, прожитые в шкуре раба.

— Еще одно, — сказал он, — может быть, ты слышал о новой вере, появившейся среди рабов? О боге, который велел терпеть и ждать, который придет и освободит их.

— Слышал, — усмехнулся Севз, — не иначе, это атланты морочат рабов, чтобы не бунтовали.

— Нет, эту веру внушали мы. Пусть никому не будет известно, кто и где готовит избавление. Но пусть люди ждут и будут готовы помочь избавителям, когда они явятся.

— Еще раз скажу, что твой учитель хитер. Хорошо, я буду помогать новой вере.

— Нет, ты не скажешь ни слова. — Севз удивился силе, прозвучавшей в словах маленького заговорщика. — Затаись сильнее прежнего и жди. Ты нужен для битвы.

Ор проснулся от шума дождя. Он представил, что сейчас творится на наделе, и спину его обожгло, словно по ней уже прошла плеть.

Отсыревшие барабаны били глухо. Писцы, первыми прибежавшие к месту работ, торчали по краям. А в середине плескалось грязное озеро, кое-где разделенное раскисшими грядками. Изредка подмытый пласт сползал с откоса, с плеском падая в рыжую глинистую воду. Подходившие атланты, отвисив челюсти, застывали рядом с писцами...

Ору на плечо легла тяжелая рука Агдана:

— Если ты, дикая падаль, лохматый выродец, к полудню не осушишь надел... — дальше шли сто раз слышанные и от того потерявшие вкус угрозы слова.

День прошел в бестолковой, изнуряющей борьбе с водой. Ее черпали корзинами, загребали лопатами, пытались перегнуть с надела на надел — и тогда на грядках возникали потасовки надсмотрщиков. Дождь, словно преследуемый охотником зверь, то

слабел, то вновь набирал силу. Прибежал измазанный глиной Сангав, приехал кормчий. Какие-то вестники трясли грозными листами от Главы края и чуть ли не самого Ацтара. Начали бить брешь в гряде, но это была работа на пол-луны, а мерщиков ждали через три дня.

К вечерним барабанам атланты охрипли, рабы валились от изнеможения, а вода местами поднялась людям по грудь. Ввалившись в дом, подкормчие, даже не смыв глину, наспех поели и уныло сидели у стола, гадая, что с ними будет. Кормчий, словно забыв, что сам не велел трогать гряду, теперь клялся, что если они не разделяются с водой, всем быть надсмотрщиками.

— Пугает, — сказал Тарар. — Мы, что ли, виноваты, что дождь пошел.

— Всю бы воду с наделов в глотку тому синему ублюдку, что насоветовал Хроану Подвиг! — прорвало Агдана.

— И повесить вниз головой, а пасть заткнуть, чтобы вода лилась через уши! — прошипел Танпил. Кормчие оживились, наперебой придумывая изощренные казни Ферусу.

Второй день после начала дождя был еще хуже первого. За ночь вода поднялась выше человеческого роста. Она сочилась из земли по всему склону. Подкормчие и сотники, потеряв головы и голоса, металась по наделам, нещадно избивая рабов. Опять приезжали какие-то властные, отдавали повеления одно нелепее другого. Ор поставил рабов вычерпывать воду обмазанными глиной корзинами. К вечеру уровень опустился едва на две ладони. Сбив писца с ног, Агдан тыкал его лицом в глиняную жижу, приговаривая:

— Не сумел вычерпать, пей, проклятый! Завтра не осушишь — утоплю! — Ор ощущал, как слепое бешенство распирает грудь. В последний миг мысль об Илле остановила его.

В эту ночь, несмотря на тяжкую усталость, он не мог заснуть. Если завтра хозяин продолжит издеваться, Ор не вытерпит, вцепится ему в глотку. За бунт раба казнят. Что ж, все-таки способ расстаться с Агданом! И опять он подумал об Илле. Девушка

сказала, что, если Ор погибнет, она откажется жить. Нет, он не смеет губить ту, которая верит, что ее любимый на Канале совершит подвиг.

Эх, какой там подвиг, если не хватает ума осушить грязную лужу!

Вот синеодеждый, написавший эти листы, наверное, придумал бы что-нибудь хитрое, вроде пьющей змеи... Пьющая змея? Мысль насторожилась, как собака, почуявшая слабый запах дичи. А что, если... такую змею перекинуть через грядку и заставить сосать воду?

Стараясь не скрипнуть дверью, Ор выбрался из дома. В куче отбросов он отыскал кусок бараньей кишки, на краю отвала выбрал лужу, похожую на уменьшенный Агданов надел. С третьей попытки ему удалось заставить кишку сосать воду через грядку из камешков. Правда, трубка все время норовила сплющиться. Приходилось придерживать ее с боков пальцами. Но вода, хоть и тонкой струйкой, текла...

Едва начало светать, он сунул голову в спальню:

— Хозяин, я придумал, как осушить надел.

— Проклятый дикарь, как смел будить! — рявкнул Агдан спросонья. — Не мог барабанов подождать?

— погоди! — вмешался Тарар. — Лохматый правильно сделал. Если есть способ, надо обсудить, пока остальные не пронюхали. Говори, гий.

— Вот, — Ор протянул баранью кишку. — Такая змея может сосать воду, а выливать будет из хвоста...

Агдан затрясся от бешенства:

— Издеваешься, гийское отродье! Эту вонючую кишку я...

— Пусть доскажет, — вновь утихомирил приятеля Тарар. — Ну ка, образина: как ты думаешь этой тощей трубкой осушить надел?

— Не этой. Надо сшить большую, из шкур, с ребрами...

Роня скамьи, они пробрались к выходу, где стоял чан с фруктовым отваром. Ор окунул кишку, зажал конец пальцами, перекинул через край. Подкормчие стояли, тупо глядя, как кишка льет жидкость им под ноги, на глиняный пол.

Тарар, опомнившись, выдернул трубку из чана.

— Когда сделаешь большую змею? — быстро спросил он.

— Послезавтра, — прикинул Ор.

— Завтра, — отрезал Тарар.

— Не верю я, что она будет пить, — уперся Агдан. — Опозоримся и еще за шкуры взыщут.

— Надо попробовать. Не осушим наделы — со змеей, без змеи ли, все равно в сотники скинут! Ты не хочешь, я у себя испытаю. Дашь гия?

— Э-э нет! — окрысился Агдан. — Мой раб придумал, а ты на этом в кормчие выехать хочешь? А ну, лохматый, пиши, что нужно.

Весь день в укромном месте за грудами земли Ор с десятком либов шил из шкур огромную кишку. Он выбрал детей Хаммы, потому что в их земле шитьем занимаются мужчины. Стражник с волком сидел рядом, тупо глядя на нелепый мешок.

Хвост змеи зашили, нутро забили ивовыми корзинами без днищ. На переднем конце Ор для верности нарисовал глаза и зубы.

Задолго до барабанов Ор разбудил Агдана и Тарара. Хозяин почти не ругался и даже сам побежал к частоколу за рабами. Кожаную змею вытащили из землянки с инструментами. Рабы с опаской взялись за ремни по бокам страшилища и, скользя, понесли к наделу. Ор остановился, соображая, где лучше перекинуть кишку через каменный горб. Агдан орал, чтобы шевелились, махал плетью. Ор не обернулся. Пусть шумит, лишь бы не лез! Вот тут и надо класть: сверху ложбинка, с другой стороны хороший сток.

После ночного дождя вода опять поднялась, но это не огорчило, а обрадовало Ора: легче будет окунать змеиную голову. Пока что четверо рабов держали ее задранной вверх, а двое заливали воду в пасть.

Оглянувшись, Ор увидел, что у границ надела толпится много людей. Вода, корзина за корзиной, исчезала в пасти змеи. Хвост ее вспух, исчезли ребра, обозначенные краями корзин. Отяжелев, змея норовила сползти вниз. Ор под ругань Агдана прервал заливку воды и стал прикреплять ремни к каменным выступам и забитым в трещины кольям.

Прогремели барабаны. Пришли рабы и стали молчаливой серой стенкой по раскисшим берегам

озера. Агдан велел было им выливать воду через гряды корзинами — чего бездельничать проклятым! — но Ор сказал:

— погоди, хозяин, мешать будут, — и тот, налившись кровью, отошел. К зрителям прибавились подкормчие соседних наделов, сотники, умельцы. Над толпой возвышалась пара верховых в красном. Подошел Сангав.

Наконец вода заплескалась в змеиной глотке, вровень с краями верхней корзины. Рот змеи туго перетянули ремнем, для тяжести привязали камень. Наступил решающий момент: Ор махнул рукой, и передняя часть кишки тяжело плюхнулась в воду.

— Не сосет! — хрипло прошептал Агдан Тарару. — Опозорились! Теперь уж не в стражники...

— погоди! — сам ничего не понимая, Тарар смотрел на умельца и гия, которые совещались возле змеиной шен. Вот Сангав вытянул из ножен бронзовый клинок. Ор осторожно взял его в зубы и шагнул в воду. «Не утонул бы! — подумал Тарар. — Попробуй тогда угадай, что делать дальше».

От волнения Ор не почувствовал холода. Ухватившись за стянутый ремнем край, он стал наотмашь отсекал кожу вокруг обода корзины. С последним взмахом он вдруг подумал, что теперь, когда пасть змеи открыта, сделанное им чудовище проглотит его. В страхе он метнулся к поверхности, поднялся на гряду и махнул Сангаву. Тот полоснул по хвосту змеи взятым у кого-то ножом и отскочил, едва не сбитый с ног широкой желтой струей.

Невольный то ли крик, то ли вздох вырвался у людей, столпившихся вокруг. Струя била и била. Змея урчала, всхлипывала, словно живая. Первые растекающиеся ручьи подбирались к сточной канаве.

Про Ора забыли. Одни атланты толпились у змеи, другие окружили Агдана, который важно разглагольствовал, помахивая руками. Ор подошел к своим помощникам-либам.

— Раб тоже заслужил награду, — произнес чей-то надменный голос. Ор вскочил. Несколько властных стояло на гребне у змеиной глотки. Агдан с Тараром склонились перед красноодеждым — тем, который сказал о награде — в позах, искусно сочетающих почтительность с законной гордостью.

— Конечно, Глава края! — говорил Агдан, кланяясь. — Раб хорошо выполнил мои повеления. За это он получит... — Жаркая, сумасшедшая надежда обожгла Ора: вот оно — то, о чем мечтали они с Иллой! Свобода, любовь, новая светлая тропа!.. — Получит мой старый плащ и еще совсем хорошие сапоги! — договорил Агдан, сам умиляясь своей щедрости. Еще не понимая, Ор взглянул на свои босые, облепленные грязью ноги...

— Благодари! — ткнул его Тарар. — От радости онемел?

— Пусть боги осчастливят тебя, хозяин, как ты меня, — прохрипел Ор и, шатаясь, побрел прочь. Кончилась увлекательная охота, продолжалась постылая жизнь раба-писца.

Разъехались властные, ушли, окружив Сангава, подкормчие.

Лишь один атлант в синем плаще остался на гряде. Он поглядывал на змею, на Ора, потом окликнул гня и поманил к себе.

— Ну, выдумщик, давай поговорим! — Атлант подмигнул настороженному Ору. — Тебя как зовут? Ор? Хорошее имя. А скажи, нравится тебе твой хозяин?

— Как овод оленю! — вырвалось у писца.

— Ясно! — кивнул атлант, и его зыбкая усмешка что-то напомнила Ору. — Так вот, слушай: я могу забрать тебя. Мы отправляемся на Зирутан. Это далекая земля среди льдов. С нами будут олени, при них шестеро гиев. Путь трудный и опасный. А когда вернемся, ты останешься у нас — рисовать знаки и считать числа. Будешь сыт, узнаешь много хитростей вроде пьющей змеи.

Опасный путь! Не этот ли подвиг имели в виду боги Иллы? Надежда робко шевельнулась в душе молодого гня. Синий ждал.

— А где мы найдем во льдах мох для оленей? — спросил Ор.

— Ого! — засмеялся атлант. — Я вижу, ты уже взялся за дело! Ну, об оленьей пище мы еще поговорим. А сейчас мне надо столкнуться с твоим подкормчим. Будь сыт, охотник!

Последние слова он произнес по-гийски. И словно туман рассеялся перед глазами Ора! Тропа к мо-

рю, связанные за рога оленя, которыми Оз купила день свободы для племени. Ор ведет их к стоянке узкоглазых, а рядом по-журавлиному вышагивает синеодежды и пристает, чтобы Ор помог ему увидеть священные гийские обряды...

Что-то отвечая знатоку, Ор обдумывал, как быть: напомнить о той давней встрече? Разъярится! А сам узнает — еще хуже будет! Однако, прикинув, много ли осталось от беззаботного гийского мальчишки в хмуром, обросшем клочковатой бородой писце, Ор решил молчать.

ГЛАВА 7. ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

Солнце выглянуло из-за гребня. Свет широко лег на белый склон, поросший стройными елями, на зеленоватый лед озера, с которого недавняя метель слизала снег. Перебежав озеро, утро осветило выбитые в мягком камне гроты Внутреннего Круга, сверкнули полированные плиты Дома Древа — хранилища сокровенных тайн Срединной земли.

Один за другим откидывались меховые пологи у входов в гроты. Знающие и ученики, кутаясь в синие и черные плащи, шли к озеру. Ферус и Палант с тремя учениками тоже сошли к месту, где незамерзающая речка прыгала со скалы шумным водопадом. Каждое утро перед трапезой ищущие тайн обтирали тело ледяной водой.

Дорогой Ферус, как всегда, делился новыми мыслями, обсуждал мнения учеников. Ор любил эти утренние прогулки. С увлечением он следил, как мысль ворочается, показывая разные стороны, становится ясной и сильной, или рассыпается в прах под ударами возражений.

Они вошли в просторный грот для общих бесед и трапез. Вырубленные в горе своды поддерживались мощными колоннами. Здесь по утрам собирались все растящие Древо: синеодежды знатоки и ученики в черном. Вошел Фар, Хранитель Сокровенного, — высокий тощий старик, и обратился к главам школ с вопросом об их нуждах. Сегодня знающие были настроены мирно, даже Умгал, глава Сомневающих. Тогда Фар объявил, что после трапезы состоится испытание ученика Фитала, составившего новый лист

для ветви о камнях. Если весы покажут, что лист прирос к ветви, ученик получит синий плащ.

Юноши из Внешнего Круга расставили по столам миски с гжалой. Ор ел спокойно, стараясь опускать пальцы в еду красивыми плавными движениями. Он уже не ощущал жадности и жгучего стыда первых дней, когда не мог насытиться, а часть еды ронял на колени, вызывая усмешки соседей.

Ферус отер руки и губы сухими листьями из большой каменной чаши и, недовольно ворча, побрел к возвышению у задней стены грота. Туда поднимались главы школ, чтобы следить за правильностью испытания. Перед мудрейшими поставили весы решений — две каменные чаши на коромысле. Рядом лежала горсть камешков-гирек: знатоки, подарившие Срединной бронзу, в своих ритуалах оставались верны доброму старому камню.

В обширном, с множеством ниш гроте Феруса Ору отвели обитую войлоком каморку с меховой постелью, кувшином для воды и письменным ящиком. Тхан и Сцлунг жили в комнатах таких же, как у Ора, Ферус — в самом теплом помещении, в середине грота, Палант — рядом с ним. Большинство ниш пустовало.

Немного освоюсь в Долине Древа, Ор спросил у Паланта, почему в Ферусовой школе Тепла и Холода так мало людей, а в других — по полтора-два десятка знатоков и помощников.

— Разбежались! — весело ответил Палант. — Когда у старика созрел замысел Канала, он пошел стучаться с ним ко всем держащим власть. А когда те погнали его прочь, стал обзывать их тупыми баранами и еще по красивее. Тут от него и побежали!

Потом, когда Подпирающий одобрил замысел, все, конечно, на коленках поползли обратно, но Ферус на них и смотреть не захотел. Тхана и Сцлунга он недавно взял.

— А ты?

— Что я? — знаток хохотал. — Не догадался удрать вовремя!

Первое время ученики пренебрегали погонщиком оленей, взятым для путешествия. Но постепенно положение его изменилось, хотя Ферус и ученики это

не сразу заметили. Один Палант порой с невинным видом бормотал про некоего рыжего лиса, без которого один старый волк скоро не сможет жить.

Сначала Ор сблизился с Тханом — серьезным, плохо понимающим шутки. У него была могучая память. Подняв глаза вверх, Тхан мог пересказать сотни листов с разных ветвей Древа, либо, подумав несколько дыханий, вспомнить, где записано редко употребляемое правило или описание. Ферус принимал это свойство ученика как должное, Палант подтрунивал над «живым древом», а горячий Сцлунг заявлял, что перегруженный корабль медленно плывет к цели и того гляди пойдет ко дну. Тут и появился Ор, готовый слушать Тхана целыми днями в немом восхищении от его великой учености.

Сцлунг был иного покроя. Юноша из знатной семьи, он испробовал и дела властных, и забавы юных бездельников, но быстро разочаровался. Он готовился стать мореходом, когда случай свел его с Ферусом. Юноша загорелся величавым замыслом Канала и, рассорясь с семьей, пошел в ученики к старому знатоку.

Сцлунг был вспыльчив, легко увлекался, то и дело выдвигал великие идеи, большинство которых Ферус разрушал несколькими словами или числами. Но некоторые мысли Сцлунга, пройдя придирчивую проверку, оказывались удачными. Сам он к этому времени терял к ним интерес, увлеченный новым дерзким замыслом. У него не хватало терпения что-либо проверять, особенно подсчитывать. Ор готовно брался за любое дело, включая работу Сцлунга, и этим завоевал его снисходительное расположение.

А кропотливой работы хватало! Ферус среди прочих дел поручил ученикам разобрать листы своего учителя, Эрама, о втором путешествии на Зирутан*.

Эрам открыл Зирутан в молодости. Восемьдесят пять лет назад он углубился во льды дальше, чем кто-либо до него. Когда разум подсказал, что пора повернуть назад, путники увидели на северо-западе дым и направились туда. Через два дня отряд подошел к острову, обогретому подземным теплом. Дым шел из вулкана. В долинах росла трава и карлико-

* Зирутан — остров Исландия, в ту эпоху возвышенность в глубине ледникового массива.

вые деревца, на озерах плавало множество гусей и уток. И это в сердце ледяной пустыни!

Сорок лет спустя Эрам повторил путешествие. Рассказ о первом походе был хорошо известен. На Древе были листы с описанием пути, зарисовками острова, измерениями вершин. Но никто не знал про записи второго путешествия, пока их не нашел Палант, разбирая сваленное в дальней нише снаряжение. Среди облезлых малиц, изодранных об лед сапог в тючке из собачьей шкуры были полосы и обрывки кожи, исписанные кое-как, обгоревшие на краях. Палант рассказал Ору, что через несколько дней после возвращения в Долину Эрам покончил с собой.

Всю жизнь он посвятил изучению борьбы холода и тепла. Он пришел к выводу, что холод движется как лавина: чем больше льда, тем меньше тепла берет Земля у Солнца. Последний поход на Зирутан убедил Эрама в неотвратимости беды, постигшей Землю. Атлантиде осталось жить всего три-четыре сотни лет, а всей Земле немногим больше.

Забывая дышать, Ор слушал эту историю. Палант, обычно насмешливый, волновался, и рассказ его походил на листы о подвигах древних героев, которые Ор читал когда-то с Иллой.

Двадцать лет Ферус искал оружие против Белой Смерти. Палант пришел к нему на середине пути. О многом он стал догадываться и был менее других поражен, когда Ферус рассказал ученикам о тайне Эрама и замысле Великого Канала. И тут выяснилось, что великие знатоки, Эрам и Ферус, были никудышными знатоками людей. Ледяная угроза никого не испугала, а возможность избавления — не порадовала. Узнав, что гибель грозит не им, а внукам внуков, люди теряли интерес к делу и возвращались к заботам ближних дней.

И вдруг Каналом заинтересовался Хроан, только что принявший тяжесть Неба и искавший себе Подвиг. Повелителя привлекло величие идеи: разрубив Срединную, соединить океаны. Семнадцать лет назад первые тысячи рабов вынули первые охваты земли.

Ферус отказался стать советником при Великом Кормчем Канала, не использовал возможность возвеличить и расширить свою школу. Годы борьбы

пошатнули его веру в людей, сделали замкнутым. Когда-то он представлял себе Канал как великое дело, за которое горячо возьмутся люди Срединной, может быть, даже в союзе с другими племенами. Вместо этого Канал стал ненавистной обузой для атлантов и могилой десятков тысяч рабов.

Тогда все силы могучего ума Ферус отдал тому, чтобы облегчить и ускорить работы. Сейчас он занят уточнением необходимой глубины русла. Записи Эрама и поход на Зирутан должны помочь этому.

Шла к концу зима. Жизнь была полна как горный поток, но тоска по Илле, то дремлющая, то острая, как копье, не отпускала Ора. Он долго обдумывал, как бы подать ей весть о себе. Опять помог Палант. Ор как-то сказал, что хотел бы поблагодарить дочь хозяина, выучившую его знакам, и знаток согласился написать ей, что Ор хорошо выучен, приносит немалую пользу...

— И что я ничего, ничего не забыл! — просплетельно добавил Ор.

Через луну пришел ответ. Дочь Храда благодарила знатока за похвалу и очень, очень радовалась, что гий ничего не забыл.

Палант удивленно хмыкнул: чего это они — и раб и хозяйка — упирают на память? Речь ведь не о Тхане.

К весне записи Эрама были разобраны и красиво переписаны. Теперь Палант и Ор все время отдавали подготовке к пути на Зирутан: считали стадии, дни, пищу для людей и оленей, прокладывали путь на рисунке. Настал день, когда Паланта вызвали во Внешний Круг. Там ждал работоровец Ситтар с обещанными рабами.

— Возьми лошадей, — сказал Палант Ору, протягивая ему свой знак, — поедem за твоими братьями.

Знатоки свободно ездили во Внешний Круг, ученики — с разрешения наставников. Ниже домиков селения в узкой теснине была стена с воротами, охраняемыми знатоками из школы воинских хитростей. Они выпускали во внешний мир лишь тех, кто имел разрешение Фара. Зато и приезжавшим извне, будь это титан с десятью веслами на знаке, приходилось ждать у ворот, пока за ним не приезжал пригласивший.

Ситтар, высокий атлант с длинным лицом, напоминающим морду лося, ждал Паланта с Ором у приземистого сарая. Ор зашел к пятерым гиям. Рабы в обычных накидках из грубой шерсти настороженно смотрели на соплеменника в добротной господской одежде. Среди гиев были — юноша, трое мужчин в лучшем охотничьем возрасте и рослый жилистый Старший Отец с седеющей бородкой.

— Чей ты? — спросил старик, окинув Ора взглядом широко расставленных голубых глаз.

— Сын Лебеда, — ответил Ор, вовремя вспомнив, что так назвался Паланту, чтобы не будить недобрую память о Куропатках.

— Лебеда? — переспросил самый молодой. — А почему я не знаю тебя? Кто твоя мать? — Ор растерянно молчал. — Для чего ты... — начал юноша, но старый гий положил ему на плечо тяжелую руку.

— О предках потом, — сказал он. — Лучше объясни: вот мы идем во льды с узкоглазыми. Они будут приказывать, мы — выполнять. А у тебя какое дело будет в этом пути?

— Я... я буду делать и гийскую работу и рисовать знаки, как они...

— Значит, один глаз у тебя будет косой, а другой гийский? — насмешливо сказал сын Лебеда. — Жалкая жизнь!

Палант обратился к гиям на их языке. Здесь они будут жить и делать все для ледяного пути. Ор будет доставлять необходимое и пояснять неясное. Через луну начнется путь. По возвращении Палант вернет их прежнему хозяину и оплатит луну отдыха, если будет доволен ими. Все ли добровольно идут на опасное дело? Во льдах негоже понуждать спутников хлыстом.

— Мы согласны, — за всех ответил седой. — Тебе не придется упрекать гиев в слабости и трусости.

Ор занялся делом: в хранилище, показав знак Паланта, взял войлоки для постелей, ремни, кожи и меха для работы. Прежде всего надо было сделать чум, в каких живут пастухи на зимних пастбищах — кожаный, с меховым пологом внутри, достаточный для десяти человек. Старый гий, Тиво, сам отобрал кожи, нити из жил, несколько игл и ножей. Попросив у духов помощи, начали кроить шкуры. Гии по-

прежнему относились к Ору холодно. Но к этому он уже притерпелся на Канале.

На следующее утро Ора удивило и обрадовало дружелюбие соплеменников. За работой гии вспоминали родные места, пели охотничьи и пастушьи песни. Ор сказал, что его предок — Куропатка и объяснил, почему скрывает это от атлантов. Рассказ о пути с Севзом еще прибавил ему уважения охотников, а молодой сын Лебеда перешел от неприязни чуть ли не к поклонению.

Скоро Ор совсем переселился к гиям. Часто приезжал Палант с учениками. Знаток советовался с Тиво о еде и дорожных вещах. Дотошный Тхан все записывал на листе, отмечал сделанное. Был готов чум и легкие сани, сплетены из ремней и прутьев снегоступы; рабыни из Внешнего Круга по указаниям Тиво сшили парки и унты.

Перед отъездом Палант исчез на четыре дня и вернулся тихий, с шальными глазами, напевая вполголоса.

Прощальное слово Феруса было коротко.

— Пусть все помнят, — сказал он, — что успех задуманного может приблизить завершение Канала. А если они, ослабев духом, или из-за неразумной горючести, — тут он покосился на Сцлунга, — погибнут, то следом за ними, возможно, покинут жизнь тысячи людей, без нужды углубляя Канал.

— Ученики, — сказал Ферус, помолчав, — вернувшись, получают синюю одежду. Пусть-ка кто-нибудь, — он ехидно усмехнулся, — поднимет голос против листов на ветвь о Подвиге Подпирающего небо!

— Для тебя, — он повернулся к Паланту, — у меня, увы, нет награды.

— Ну и не надо! — знаток скорчил такую обиженную гримасу, что даже Ферус рассмеялся.

Все осталось позади — бесконечный путь по сверкающей снежной равнине, гряды торосов, коварные трещины, незаходящее солнце и горячие озера Зирутана, лазанье по склонам и ледяным обрывам с мерными шнурами. Суровым испытанием стало возвращение. Погиб сын Лебеда, под ним провалился снежный мост, и охотник вместе с оленем рухнул в

бездонную пропасть. Путников пзнуляли бесконечные метели, а совсем недалеко от моря путь преградила свежая трещина. Вдоль нее шли четыре дня, надеясь найти переход. Спас отряд отчаянный поступок Ора, переползшего через провал по застрявшей между стенками ледяной глыбе. Ему удалось натянуть арканы и переправить спутников на южную сторону (олени к этому времени были уже съедены). Потом был трехдневный голодный путь к морю и встреча с корабельщиком, который уже потерял надежду на их возвращение.

Все осталось позади, теперь, в Долине Древа, невзгоды и трудности вспоминались с гордым ощущением победы. Отдых был недолгим, Ситтар приехал за рабами, с которыми Ор успел сродниться.

— Скажи, Ор, — спросил на прощание Тиво, — что бы ты выбрал себе и своим детям: жизнь рабов на теплой земле или свободу в снежной тундре?

— Ты спрашиваешь так, будто я могу выбирать. Кто мне предложит выбор? Ты, что ли, стал всесильным богом?

— Не я. Но есть такой человек. А может быть, он бог. Что бы ты ответил, если бы он позвал биться за свободу?

— Ты же знаешь, как я поступил пять лет назад, — ответил Ор.

Он долго обдумывал слова Тиво. Неужели там, под Анжиром, не все было кончено? И есть кто-то, например, Айд или этот, Приносящий, от которого в войско приходил посланец-атлант...

Но неожиданно выбор, о котором они говорили с Тиво, грозной тенью встал перед Ором. Как-то ночью, заметив, что Ор не спит, Палант зашел в его каморку и сказал, что обдумывает план возвращения гия на родину. Для этого можно было бы устроить путешествие наподобие зирутанского, но на этот раз поближе к Оленьей.

Ор долго молчал. При слабом свете плавающего в сале фитиля атлант всматривался в лицо молодого гия. Сперва на нем вспыхнула радость, но тут же сменилась растерянностью; губы задрожали, на глазах блеснули слезы. Потом лицо его застыло в выражении грустной решимости.

— Спасибо тебе, брат матери! — сказал он медленно. — Это великая награда, но я не смогу ее

принять. Послушай, что я тебе расскажу, но поклянись хранить тайну.

— Чудеса! — протянул Палапт, выслушав рассказ об удивительной любви дочери почтенного общинника и молодого раба дикого племени. — И ты думаешь, она все еще ждет тебя?

— Она дала клятву.

— Что ж! После всего, что ты о ней рассказал, я ничему не удивлюсь... — Вдруг, вспомнив о чем-то, Палапт фыркнул. — Вот теперь я понял, почему она так радовалась, что ты ничего не забыл! А я, тупой кабан, думал, что речь идет о правилах счета! Странный у тебя путь, — задумчиво продолжал знаток. — Наши плешивые мудрецы уверяют, что дикарь не может постичь знания, данные избранным, что любовь доступна лишь имеющему изысканное воспитание. Ты опроверг и то, и другое.

— Наверное, потому, что я плохой гий, — печально улыбнулся Ор.

— Ну, видно, я еще худший атлант! Я попытаюсь помочь тебе. Для начала посоветуюсь с... одним хорошим человеком.

— Это не принесет вреда Илле?

— Нет, она... Этот человек не способен на зло.

Когда Ор вспомнил, что не рассказал другу об их первой встрече в устье Оленьей, гот уже спал. А Ор все не мог заснуть. Вздуродраженные мысли метались в голове, сталкиваясь рогами, как весенние олени. Постепенно они разделились на три стада, каждое — со своим пастухом. И каждый из пастухов был вроде бы Ор, но все три Ора — разные.

Один — ученик Феруса, помогающий в добром деле битвы с холодом. А другой — раб, исхлестанный Агданом, видевший смерть сотен братьев на проклятом Канале. А между этими Орами, враждебно косящими друг на друга, переминался третий и гадал, кто же соединит его с Иллой? Одно Ор знал — если начнется бой, он не сможет стоять в стороне.

Жизнь быстро входила в обычную колею. Как прежде, они спускались по утрам к ручью, оставляли в трапезной миски с недоеденной гжалой, сидели над листьями в уютных гротах. словно не было голода и стужи, горячих фонтанов и бездонных трещин.

Но они были! Перед Ферусом лежал ворох листьев — бесценная добыча похода. Разобрав их, Учи-

тель немедля навьючил всех грудами огромных чисел, которые надо было превращать в еще более огромные. Они трудились над этим, подгоняемые неистовым стариком, поднявшим руку на духов холода. Он раскричался на Паланта, когда тому понадобилось куда-то отлучиться. Знаток сокрушенно кивал, принимая упреки в суетности и нерадивости, потом взгромоздился на лохматую лошадку и ускорился.

Возвратясь через три дня, он глянул на Ора, словно видит его впервые, и пробурчал нечто насчет гиев, хитрых, как лисы, и скрытных, как Чаа — бог с рыбьей головой. Остаток дня Палант путал числа, напевал себе под нос, виновато косясь на утонувших в подсчетах собратьев.

Певица купила дом в одном дне пути от Долины Древа. Здесь она отдыхала, сюда приезжал Палант — добрый, все понимающий и все еще не верящий в поздно пришедшее счастье.

Получив весть о его возвращении с Зирутана, Тейя примчалась туда, обогнав своего ответного голубя. В первый день Палант отказался говорить о путешествии. Он сыт льдами, вулканами, подсчетами! Но мало-помалу пришло время рассказов, в которых немалое место занял Ор, а через несколько дней и связанные с ним тайные планы.

— Послушай! — однажды перебила его певица. — Ведь моего защитника тоже звали Ором. А вдруг это он?

— Вряд ли, — возразил Палант, — Ор частое имя у гиев. И потом, твой был из рода Куропатки, а этот из Лебеда...

— Это он, он! — закричала певица. — Ну, конечно, он узнал тебя — и боялся. Ведь тогда эти Куропатки...

— Да, — согласился потрясенный Палант, — скорее всего это действительно он.

— Это как песня! — прошептала Тейя.

— Только ее нельзя петь, если не хочешь накормить коршунов!

— Я спою ее для четверых. Но сперва надо дать ей хороший конец! Скажи, если я привезу эту девушку, ты сможешь ее укрыть?

— Это легче всего. Сделаем ее переписчицей ли-

стов во Внешнем Круге. Искать ее там никто не додумается.

— Отлично! К следующей встрече разузнай у Ора все что можно о ней, ее семье, общине. Дальше — моя забота!

Почти луну они считали числа, несли их Ферусу, получали другие. Как-то вечером старик собрал у всех законченные подсчеты и не дал новых. Утром он, опоздав к омовению, вышел с красными глазами и помахал перед ожидающими Палантом и учениками листом, на котором не просохла краска: «На десять локтей мельче можно делать Канал!»

— Всего-то! — огорчился Сцлунг.

— Это год работы! — сказал старик. — Это значит, в конце второго лета Канал может быть завершен.

После утренней трапезы он созвал всех и вместо привычных упреков в медлительности и бестолковости произнес хвалу:

— Вы совершили подвиг! — сказал он. — Подвиг терпения, преданности и силы духа. Я горд, что у меня такие ученики. У Сцлунга есть дерзость, у Тхана — упорство, у Ора — тонкий нюх. Опытный волк, Палант не дает стае сбиться на ложный след. Я думаю, настало время для этих троих, — он непривычно ласково взглянул на учеников, — пора сменить черную одежду на синюю.

Ферус поделил между учениками темы их листов Испытаний. Усидчивому Тхану досталось описать грозное наступление сил холода, увлекающемуся Сцлунгу — восхвалить будущую победу тепла. Ору Ферус поручил заняться способом поднятия тяжестей водой.

Он показал гию бурдючок с отверстием, в котором закреплялась камышинка. В нее вставлялась вторая, третья, так что получалась высокая трубка. Когда в трубку заливали воду, бурдюк раздувался и поднимал груз из камней. Чем выше делали трубку, тем сильнее становились духи воды. Ферус велел Ору найти правило определения силы бурдюка.

Ор сшил бурдючки разных размеров и занялся измерением их силы в зависимости от уровня воды в камышинках. Для отдыха он уходил в горы: караб-

кался по скалам, наблюдая за козами, которые тут вовсе не боялись человека. Однажды он сделал странную находку — в изломе белой скалы торчала крупная раковина. Поковыряв мягкий камень, он добыл еще ракушек и окаменевшую клешню краба. Год назад Ор не придал бы значения находке, но сейчас, полный рассуждениями знатоков, он задумался.

Находя во льдах кости южных зверей, мы заключаем, что когда-то там было жарко. А эти ракушки? Выходит, что здесь было море? Ор попытался представить себе, что все вокруг залито водой, и только вершины скалистыми островками торчат над океаном. От этого мир сделался зыбким и ненадежным.

Он принес ракушки Учителю и заикнулся насчет своего предположения. Ферус пристально посмотрел на Ора.

— Я согласен, что когда-то эта скала была под водой. Но не обязательно думать, что море стояло так высоко. Ведь земля дышит. Возьми Джиер — он весь состоит из застывшей лавы, которая течет и течет из-под земли. А бывает, во время землетрясений целые острова исчезают в море. Не думай об этом. Лучше скажи, как дела с духами воды.

Ор рассказал о своих опытах, и Ферус наводящими вопросами осторожно подвел его к составлению правил.

— Пора готовиться к Испытанию, — заключил Ферус. — Мы устроим его снаружи. Выбери под склоном валун потяжелее и подними его водой на глазах у знающих. Сошьешь два бурдюка из мамонтовой кожи тройным швом на клею. Трубки закажем медные. Здесь, Ор, нужно не только решить задачу, но и устроить зрелище. Как тогда, с пьющей змеей, — улыбнулся он.

Зима выдалась сухая, снег едва забелил землю.

По мощенной плитами дороге быстро катилась крытая повозка, запряженная двумя лошадьми. Возница съезжился на передке, пряча лицо в бараний мех. Сзади ехало трое всадников с низко надвинутыми капюшонами. Внутри повозки было теплее, но две женщины, прижавшиеся друг к другу, постукивали зубами — от холода или от волнения.

Одна из женщин перемолвилась с возницей.

— Миновали Ронад, — сказала она, опуская войлок. — Не верится?

— Теперь почти верю! — шепотом ответила Илла, крепче прижимаясь к Тейе. — От этого еще страшнее. Сколько раз мне снилось, что я бегу к Ору — ближе, ближе, и вдруг сон прерывается. Неужели и сейчас...

— А не было, чтобы во сне тебя кто-то щипал? — таинственно прошептала Тейя.

— Не-ет. А разве... Ай!

— Ну, теперь ты убедилась, что это не сон?

Обе рассмеялись.

— А хорошо я изображала важную царедворицу! — Тейя сморщила нос, брюзгливо опустила губу: — Ка-ак вы можете жить в этих низких хижинах! — протянула она гнусаво. Илла закатилась смехом.

— Я тогда подумала: что надо от меня этой столичной обезьяне? Небось ищет наложниц ленивому мужу, чтобы дом был пышнее.

— А как завидовали все девчонки вашей деревни!

— Мне жаль только отца. Он все время ворчит, но я знаю, он любит меня. И еще я боюсь за тебя. Ведь если найдут...

— Пусть ищут! — улыбнулась Тейя. — Смотри!

Откинув занавес, чтобы было светлее, она захватила пальцами густые, почти сросшиеся на переносице брови, и сдернула их с лица, потом, сунув пальцы в рот, что-то отклеила с зубов, скovyрнула ногтем родинку со щеки.

На изумленную Иллу смотрела женщина вовсе не похожая на чванливую особу, приехавшую по совету целителей в горную общину лечиться от какой-то высокорожденной хвори.

— Что тарашись глаза, девушка? Певицы должны уметь изменять внешность. Есть песни с грустным лицом, со злым и даже с уродливым.

К вечеру повозка догнала громоздкую колымагу и стала осторожно объезжать ее. Любопытная певица выглянула и, увидев на шесте над колымагой полосатый лоскут — знак бродячего торговца, решила отпраздновать удачу. Она крикнула вознице, чтобы тот остановил торговца. Обе повозки съехали на обочину. Тейя выбралась наружу и, подпрыгивая, разминала ноги. Илла лишь робко выглядывала из повозки. Ей казалось, что любой, увидев ее, сразу все поймет.

Конные спутники Тейи ничуть не удивились пере-

менам в облике хозяйки. Ежась от ветра, все столпились у колымаги.

— Доброй дороги, меняющий! — весело крикнула Тейя высунувшемуся торговцу. — У тебя есть пенистый сок и сладости?

— Конечно, высокорожденная! Сок из лучших яблок и свежие душистые хлебцы и орехи в меду. Сколько ты хочешь?

— Мы замерзли. Пусти нас в повозку и налей каждому по чаше.

Атлант как будто смутился, но тут же гостеприимно распахнул полость и потянулся зажигать масляный светильник. Тейя, Илла и четверо мужчин расположились на покрытых войлоком скамьях в задней части повозки, которая служила и лавкой и харчевней.

Светильник медленно разгорался. Атлант в передке звякал чашами. Его раб, либиец, развязывал шнурок на бурдюке. В колымаге был еще один человек. Возле мешков с товарами скрючилась женская фигура в рабской серой накидке. Лицо было повернуто к стене, но желтоватая кожа рук выдавала либийку.

Из спутников Тейи один был атлант, а возница и два всадника — рабы. Налив три чаши, торговец подал их женщинам и атланту.

— Что же ты? Наливай еще! — сказала Тейя.

— Рабам тоже?

— Разве они замерзли меньше нашего?

— Ты права, — атлант чуть улыбнулся, — стужа не разбирает между хозяином и рабом.

— Выпей и ты с нами и налей своим людям. У меня сегодня большая удача! — Тейя подмигнула Илле.

— Хорошо продала или дешево купила?

— Бери выше! Я помогла другу, который когда-то помог мне.

— Освободиться от долга приятно, — хозяин отхлебнул сока.

Когда либиец подошел к забившейся в угол соплеменнице, та еще теснее прижалась к стене. Раб что-то тихо сказал, женщина покорно взяла чашу. Присутствующие на миг увидели заостренное книзу лицо с выпуклыми темными глазами. Сумеречный взгляд либийки скользнул по веселым лицам и тут же спрятался. Тейе показалось, что когда-то давно

она видела это лицо, но не придавленное тупой покорностью судьбе. Где это могло быть? В Умизане, во время нашествия диких?..

А, стоит ли вспоминать! Согревшиеся люди, перекидываясь шутками, допивали чаши, разноцветные руки тянулись к блюду со сладостями.

Не хотелось выходить из теплой колымаги на пронизывающий ветер, но пора было продолжать путь. Тейя сняла со шнурка кольцо, получила несколько бусин сдачи. Вскоре стук колес легкой повозки затих вдалеке.

— Поедем и мы? — встрепнулся торговец.

— Брат. — обратился к нему либиец, — может быть, сначала...

— Ты прав, — атлант и ухом не повел на неслышанно дерзкое обращение. — Матери либов пора узнать правду.

При этих словах женщина вздрогнула и подняла голову, затравленно озираясь. Проклятый узкоглазый, купивший ее утром у владельца ткацкой мастерской! Откуда он узнал, кто она? Что теперь будет? Не с ней — с племенем!

В густеющей тьме, по выбоинам одной дороги катились две повозки. В легкой, убежавшей вперед, спали обнявшись две атлантики, выбравшие счастье, не понятное другим женщинам: наемная певица и будущая жена раба. В тяжелой колымаге далеко позади атлант и либиец убеждали потрясенную Хамму, что она среди друзей и скоро увидит свой народ. Никто из людей в повозках не знал, что недавно они отпраздновали два похищения вместо одного.

— Опять жуешь листы? — Ор вздрогнул. В дверях стоял Палант с грозным лицом и подергивающимися от улыбки губами. — Ты отощал еще больше, чем той весной, на Оленьей. Смотри, не доживешь до синего платья!

— Силы хватит! — Ор потянулся, хрустнув костями.

— К ней бы хорошее копье, чтобы размяться, протыкая узкоглазых?

— Палант, довольно! — взмолился Ор. Несколько дней назад знаток, соскучась по шутке, разыграл сце-

ну «узнавания» и теперь то и дело конфузил гия воспоминаниями о их первой встрече.

— Ну-ну, не тявкай, гийский лис. Сейчас ты поедешь с болтливым шакалом во Внешний Круг. За чем? Там увидишь.

Полдороги Палант высмеивал заумные места древних поучений и толкования, которые им дают иные мудрецы. Потом вдруг стал умиляться завидной судьбе тех, кто весь ушел в поиск, освободясь от пустых удовольствий обычной жизни. Ор никак не мог уловить, где серьезная речь переходит в насмешку.

У одного из домиков селения Палант спешился и махнул Ору, чтобы тот шел за ним. У входа молодая гиянка пристально посмотрела на земляка в одежде узкоглазых. Ор почтительно приветствовал ее, опустив руки к коленям. Женщина растерянно потупилась, не зная, отвечать ему, как хозяину или как соплеменнику.

Дом мало чем отличался от жилища Храда. Сердце Ора заняло, когда Палант толкнул его в боковую комнату — такую же, в какой жила Илла. А потом сердце провалилось в живот и прыгнуло оттуда в горло, потому что сама Илла кинулась Ору навстречу.

Пятясь, он пытался пробормотать гийское заклинание от оборотней. Не помогло. Хуже того: дух заговорил!

— Ор! Мой охотник! Мой воин! Ты не узнал меня? Видишь, я знала, что мы ссединимся. Или ты не рад этому?

И тогда Ор неловко обхватил девушку и окостенел в отчаянной надежде, что если держать видение изо всех сил, оно не исчезнет. Тихий смех раздался за спиной гия:

— Я же говорил тебе, девушка, что сперва он примет тебя за духа, а потом вцепится, как рысь. А теперь тихо! Слушайте!

За занавесью запел звучащий лук. Мелодию, задумчивую и нежную, поддержал глос, поющий о маленьких невянущих цветах — знаках нерушимой любви. Узнав голос, Ор вновь стал склоняться к тому, что все это — затянувшееся наваждение. Но тут Тейя вышла из-за занавеси и, потянув за руку Паланта, обняла Иллу. Знаток обхватил шею Ора. Несколько дыханий четверо стояли, не произнося ни

слова. Потом Тейя окинула гия внимательным взглядом:

— Хорошо, что борода сбрита. Лицо тоже годится — загорелое. Однако волосы!.. Ну, обвяжем цветным платком. На севере есть такой обычай. Да отпусти ты Иллу, никуда она не денется. Палант, зови жреца! А вы запомните: Палант — отец Ора, я — мать Иллы. — Она насупилась, сразу став на десяток лет старше.

Знаток ввел подслеповатого старичка в желтой одежде, внес жаровню с углями. Старичок бросил в нее порошка, и комната наполнилась ароматным дымом, забившим кислый запах некты, идущий от жреца.

— Ра-адуйся, Цфа Плодоносящий! — затянул жрец голосом неожиданно сильным и пронзительным. — Ты, соединивший в себе начала мужское и женское, прими этих двоих в ладони свои и сделай из них семью подобную тебе! И наполни дом их зерном и рыбой, и скотом, и детьми их!

Палант сложил неловко топчущемуся гию руки перед грудью и толкнул его к Илле.

— Сойди с корабля, войди в дом! — сказала девушка прерывающимся голосом, принимая руки Ора в свои. Тейя надела на шею жрецу шнурок с десятком колец, и тот ушел, пошатываясь, бормоча благословения.

Напевая песню Тейи, Илла убирала краски и листы. Сегодняшний урок закончен: правило определения красной и белой долей в бронзе четырежды переписано красивыми, четкими знаками, чтобы в нем разобрался и не особо грамотный умелец или мерщик.

Илла потянулась и засмеялась — просто от радости. Не верится, что все так хорошо получилось. Уже пятую луну она во Внешнем Круге. Ее приняли в общину рисовальщицей знаков. Ор приезжает часто. Соседям сказано, что ему за старание дали в жены гиянку Алх, прислуживающую Илле. Отцу она послала весть, что надолго покидает Срединную. Мужу покровительницы дали сытное место в Борее. К письму была приложена добрая связка колец — Тейя не жалела бронзы. Илла могла бы понемногу возвращать ей траты, но певица приходила в ярость при намеке на это. «Разве мы не сестры! Разве Палант

и Ор не спасли друг друга! Чего стоит в сравнении с этим вся бронза Срединной!..»

Да, Ор заслужил счастье — и преданную жену, и доступ к самым сокровенным листам, и доверие сурового Феруса. А когда Ор придет сюда, она ему скажет еще одну новость. О боги! Скорее бы! И словно откликаясь на мольбу, за ворстами простучали копыта коня. Илла кинулась к двери, но тут же отпрянула. Нельзя выбегать навстречу! Шаги Ора заскрипели по снегу, потом он заговорил по-гийски с Алх.

«Сразу не скажу! — решила Илла. — Подразню, заставлю отгадывать».

Но все получилось не так. Ор приехал хмурый. В Долине многим не нравилось, что Ферус затащил во Внутренний Круг дикаря. И вот сегодня утром обнаружилось, что кто-то изрезал один из бурдюков, которые Ор с таким трудом сделал, готовясь к Испытанию.

— Что же теперь будет? — ахнула Илла.

— Ферус велел делать новый и не оставлять без присмотра. А с Испытанием подождать. Всю жизнь не везет мне с Посвящениями, — усмехнулся Ор. — В гийской земле трижды не удалось из мальчика превратиться в охотника!

— Ну и пусть! — Илла обняла мужа. — Все равно ты смелее всех охотников и мудрее всех знатоков! И еще я скажу тебе такое, что ты будешь скакать, как козел! Через шесть лун ты станешь отцом.

— Правда? — на миг лицо гия осветило торжество. Но тут же он помрачнел, словно радостная весть легла на его плечи новой заботой.

— Ты не рад?! — обиделась Илла.

— А что, если ребенок будет похож на меня?

— Мы с Тейей все обдумали. Скажем, что его мать — Алх.

— И он станет рабом или рабыней своей настоящей матери?

— Если сын — будет учеником в вашей школе, а если дочь — станет со мной рисовать знаки...

— Полно, Илла! Два гия в Круге знаний? Меня терпят только из-за Феруса. А ведь он стар. Ну, а если дочь, что с ней станет, когда ты уйдешь к предкам? Ее отдадут твоей родне или продадут на рынке.

— Что же делать? — Илла прижала руки к животу, словно защищая будущее дитя.

— Мать Оз уже приняла в род Куропатки несколько твоих сородичей.

— Конечно! Как я не подумала об этом. Мы убежим на твою родину, и там наши дети положат начало могучему роду, соединившему достоинства атлантов и гиев! — Илла оставалась Иллой: решась на что-нибудь, она отшвыривала робость, колебания и устремлялась вперед, как голубь со счастливой вестью! Ор слушал ее и чувствовал, как отступают раздирающие душу тревоги, будущее начинает казаться радостным и простым.

Пришел день Посвящения Тхана и Сцлунга. Поскольку листы были о Подвиге Повелителя, самые заядлые спорщики в основном кивали и поддакивали. Тхан дотошно пересказал свидетельства о наступлении холода: замеры льдов, падение урожаев, записи мореходов и жрецов. Сцлунг, дав волю фантазии, расписал блага, которые Подвиг принесет Срединной и ее владениям. Одна из торжественных фраз почему-то привлекла внимание Ора: «Шаг за шагом отступит Ледяная Стена, и похищенная ею вода вернется в океан, став теплой и ласковой...»

Вернется? Ор обвел глазами зал трапез, мудрецов, согласно кивавших в такт завываниям Сцлунга. Ну да: ведь когда-то океан стоял на уровне верхней метки у храма Пта. Если льды растают, он вернется к ней или даже станет выше. Интересно, насколько?

Все, что дальше говорил посвящаемый, не достигало ушей Ора. Почему-то казалось, что у этого «насколько» есть простое решение... Когда холод прятался на севере, вода стояла выше. Значит, когда растают льды, она вернется к прежнему уровню. Какому? Вот если бы вода оставляла следы... И тут перед глазами сверкнула молния: раковины и окаменевшая клешня на скале высоко над Долиной!

Когда не было льдов, океан плескался выше этой скалы. Значит, вся Срединная была тогда под водой! И снова утонет, когда Канал растопит льды.

Закрыв глаза, Ор вновь, шаг за шагом, прошел тропку рассуждений, ища ошибку. Но все было правильно. Сцлунг продолжал живописать счастье и

изобилие, которые принесет Атлантиде Великий Канал. Ор отыскал глазами Феруса: углы рта горько опущены, костлявые руки вцепились в колени, словно помогая пересилить боль. Ор понял — старик знает! Знает давно. Вот почему словами «не думай об этом» он хотел оттолкнуть Ора от мыслей о ракушках на высокой скале.

— Что же ты! — Палант тряхнул Ора. — Не рад за наших?!

Знатоки расходились из зала. Бледный Сцлунг и надутый важностью Тхан в новеньких синих плащах сходили с возвышения.

Три дня Ор так и этак обдумывал открытие, а потом пришел к Паланту. Выслушав его, знаток развел руками:

— Ты оказался догадливее всех этих жующих листы. Только мы с Ферусом знали. Теперь нас трое. Но больше не должен знать никто, иначе — конец Каналу!

— Я завяжу на языке узел. Но как вы решились?!

— А что? — Палант пожал плечами. — Срединная — уже вторая родина атлантов. Найдется и третья. Может быть, на новом месте они заживут по обычаям более справедливым...

Теперь, сшивая кожи, Ор все время кружил мыслью вокруг одного: что сулит эта тайна племенам Окруженного моря. Иногда казалось, что, помогая делу Канала, он предаёт родичей. Толпы узкоглазых ринутся со своей тонущей земли, неся гибель другим племенам. А потом мысли поворачивались иначе: сейчас атланты жиреют в безопасности, защищенные океаном. А когда этой защиты не станет! Разве будут рабы так же покорны, зная, что вольные родичи находятся в нескольких днях оленьего бега по твердой земле!

А еще Ор иногда думал: может, права Илла, что боги выбрали его для выполнения каких-то своих замыслов. Вдруг ему, оленьему пастуху из рода Куропатки, суждено найти общую тропу для двух великих дел: борьбы с холодом и битвы за освобождение? Но для этого надо найти вождей готовящегося восстания и сказать: «До начала битвы дайте завершить Канал. Тогда, даже если узкоглазые вновь одолеют, их проклятая земля утонет, а к остальным землям вернется тепло».

Но где искать этих неизвестных вождей? Да уже не в тихой Долине Древа, а там, где много рабов — самых истерзанных...

Однажды в Долине появился важный гость, сам Кеатл, девятивесельный глава умельцев Канала, правая рука титана Ацтара.

Во Внутреннем Круге Кеатл не пожелал занять отдельный грот, посетить торжественную трапезу, а, увидев Феруса, поспешил к нему, бросив на дороге растерянного Фара с десятком приближенных.

Кеатл был невысокого роста, но могучего сложения. Его мощные плечи казались еще шире под широким красным плащом. Тяжелые руки осторожно держали свиток листов, словно боясь невзначай смять их. И еще другая, более скрытая, но и более мощная сила виднелась в пронизывающих глазах.

На Канале Ор мельком видел Кеатла, слышал от Сангава, что всемогущий глава умельцев сам был умельцем одной из ладей. Его поднял Ацтар, когда умелец взялся осуществить водососные башни и действительно сумел построить эти невиданные сооружения.

Сейчас он почтительно стоял возле Феруса, водя толстым пальцем по листам с рисунками.

Речь шла о сооружении защитных стен, которые позволят скрыть перемишки перед пуском Канала. Тысячи огромных бревен предстояло вбить в дно моря, щели между ними законопатить и залить смолой.

Они говорили о специальных кораблях для заколачивания свай, установке подпорок для упрочения стен. Кеатл спорил, соглашался, тут же исправлял рисунки. Ор дивился, как ловко широкие, мозолистые пальцы гостя управляют с хрупкой рисующей палочкой, скупыми линиями перекраивая чертеж.

Потом Глава Умельцев рассказал о текущих заботах. На восточном краю пошла плохая земля — то и дело обвалы. А на западе много крупных глыб. Иной раз по три дня уходит, чтоб вытащить.

— Говоришь, много глыб? — оживился Ферус. — Может быть, мы сумеем помочь управиться с ними. Как полагаешь, Ор?

— Не знаю, — растерялся тот. — Ведь еще не проверили.

— А вот завтра и проверим. Норы под глыбой закончил?

— О чем вы? Расскажите, — попросил Кеатл.

— Завтра увидишь! — усмехнулся старик, напущая таинственность.

Наутро у глыбы собрались знатоки всех школ. Большинство не из интереса к затее Феруса, а чтобы поглазеть на могущественного гостя.

Когда Ор со Сцлунгом стали закидывать под камень пустой мешок, в толпе захихикали. Еще больше веселья вызвало наращивание трубок до уступа, где ждали кувшины с водой. Ор поднялся на уступ.

«А вдруг не подымет? — думал он, заливая воду в воронку. — Одно дело — подсчеты, а другое — духи. Кто знает, как они сегодня настроены!»

Но тут снизу послышались шум, изумленные, даже испуганные крики. Спустившись, Ор увидел, что камень, выданный из глины, висит на двух бурдюках, показывая влажное брюхо. Кеатл, пачкая колени, ползал вокруг, щупал закаменевшую от напряжения кожу. Потом он забрался с Ором на склон и осторожно трогал трубки, ища, где прячется неслыханная мощь, ворожающая скалами.

— погоди! — буркнул Ор в ответ на расспросы. — Сперва надо подложить камни, чтобы освободить бурдюк. — И тогда Глава Умельцев, правая рука Ацтара, ухватил увесистый осколок гранита и поволок к зависшей глыбе. Она так и осталась жить на весу — чудище о шести каменных ногах. А пока Кеатл чистил алый плащ, Палант шепнул Ору о другом, синем плаще. Разве мудрые рискнут отказать в нем дикарю, для которого девятивесельный повелитель таскает камни!

Кеатл условился, что пришлет в Долину умельцев — учиться у гия шить бурдюки и обращаться с ними.

— А может быть, отдашь его мне? — Кеатл с вожделением покосился на гия.

— Ну, ну, не жадничай! — засмеялся Ферус. — В толковых людях не у тебя одного нехватка. Да он и сам не захочет.

Когда Ор с Палантом вошли в дом, Алх задернула занавеси на окнах и зажгла светильник. Велев

Илле следить, чтобы мужчины не шумели, гиянка вышла.

С тех пор как ожидающая ребенка Илла перебралась в дом Тейи, в этом жилище, прежде вольном и беззаботном, настал строгий порядок: Алх все взяла в свои руки. Для начала, скептически оглядев рабов Тейи — двух яптов и либа, — она заявила, что для безопасности и благополучия дома нужны по меньшей мере два гия, — и поставила на своем.

Хозяйку дома Алх ни в грош не ставила, хотя очень любила слушать ее песни, на Ора покрикивала, Паланта уличала в неверном произнесении гийских слов. Зато Иллу она, вопреки всякой очевидности, считала гиянкой и Матерью того разношерстного рода, который собирался в доме Тейи. Дом этот стоял над рекой, в десятке стадий от дозора, закрывающего вход в Долину Древа. Двухэтажное каменное строение окружал одичавший сад.

— Ор, как давно ты не приезжал! — Илла прижалась к мужу располневшим телом.

— Что делать, сестренка! — вздохнула Тейя, искоса глянув на Паланта. — Женам знатоков достаются лишь остатки от охоты за тайнами!

— Ты же сама сказала, что так безопаснее, — стал оправдываться Ор.

— Помолчи! — топнула ногой певица. — И когда Алх отучит тебя спорить с Матерями! Надолго вы к нам? Всего на три дня? Что ж! Проведем их так, чтобы вспоминать три луны! — тряхнула она празднично убранными волосами.

«А может быть, и три зимы», — подумал Ор. Но он не хотел сразу говорить о своем решении.

Лишь вечером второго дня, когда все, умиротворенные, немного хмельные, расположились вокруг очага, Ор решил, что пришло время.

— Родичи, мне надо вернуться на Канал.

— Ты сошел с ума! — первой опомнилась Тейя. — Добровольно вернуться к мучениям, от которых спасся чудом!

— Теперь будет по-другому! — ухмыльнулся Ор. — Кеатл дает мне знак о семи веслах, выше, чем у кормчего ладыи.

— Но к чему это тебе? — допытывался Палант.

— Так будет безопаснее для всех нас, особенно для Иллы.

— А, пожалуй, он прав, — тихо сказала Тейя.

— Конечно, прав! — обрадовался Ор. — Ведь когда Илла станет матерью, будет еще труднее скрывать тайну. Завистники в Долине хоть и притихли, но без усталости следят, где я споткнусь. А когда я уеду, все сразу кончится.

— И мы легко выдадим новорожденного за ребенка Алх, — закончила Тейя.

— А атлантские черты в нем...

— Припишем тебе! — Тейя хлопнула Паланта по спине. — Я даже устрою на радость соседям маленькое представление с криком и слезами.

— Как-нибудь вытерплю, — пробурчал знаток. — Но все равно мне это не нравится. А ты чего молчишь? — налетел он на Иллу. — Скажи ему...

Илла поджала губы.

— Ор делает так, — ответила она, — как шепчут ему боги. Я всегда говорила, ему предстоит большое деяние. Если его влечет на Канал, значит, это должно произойти там.

— Насчет деяний вряд ли, — усмехнулся Ор. — Но чего-то боги от меня ждут. Может быть, это будет один удар киркой в нужное время, в нужном месте, или совет, вовремя поданный кому-то из властных...

— Ну, — махнул рукой Палант, — если гий что-то забил в голову!..

ГЛАВА 8. ДВА ВОЖДЯ

— Все ти-ихо! — заунывный голос стража колыхнул ночную тишину. — Все ти-ихо! — ответил соседний. — Все ти-ихо! — уходящая вдаль перекличка заглохла в земляных отвалах. Ор перевернулся на левый бок и натянул на голову баранью шкуру. Вздуродившийся встречей с Агданом, он никак не мог заснуть.

Как побагровел крикун, насчитав у своего бывшего раба на два весла больше, чем у него самого! Оскалился... и молча отвернулся — даже выругаться не посмел! Да, был лохматый писец, гийская скотина, а нынче Большой Умелец в куртке с широким зеленым поясом. Кеатл доволен Ферусовым гием с его волшебными бурдюками. Сейчас он старший над челном из пяти умельцев, трех искусников и пяти десят-

ков отборных рабов. Гонцы с наделов прибегают к их жилищу: «Глыба выступила». «Кусок скалы отвалился». Ор смотрит, посылает рабов — рыть норы, умельцев — заложить бурдюки, самое сложное берет себе.

Приятно видеть изумленные лица, слышать крики, когда неподъемная глыба лезет из земли, отряхивая с себя песок и глину. Ор улыбнулся в темноте, но тут же устыдился своего мелкого торжества.

Не для этого он возвращался на Канал. Надо найти путь к богу — человеку, который готовит битву, отдать ему секрет, связывающий окончание Канала с гибелью Атлантиды. Убедить его, что людям надо вернуть и свободу и тепло. А что сумел сделать для этого Ор?

Полгода он вглядывается в лица рабов, пытается угадать причастных к заговору. Ему отвечают сотни взглядов: равнодушных, завистливых, чаще ненавидящих... Почему не подает вестей Тиво? Разуверился, потерял его из виду? А может быть, разоблачен и казнен?

Две луны назад Кеатл посылал его в Долину. Нужен был совет Феруса. Проезжая мимо дома Тейи, Ор не удержался. Приперев дверь всеми подпорками, Алх провела его наверх. Илла вскрикнула, повисла на муже, потом подвела его к колыбели Зиры. Привлеченная блеском бронзового знака на шее Ора, дочка протянула руки. Ор осторожно дотронулся до ее ладошек загрубелыми пальцами. Когда он поднял глаза на Иллу, по его улыбающемуся лицу текли слезы. Алх вытолкала его, не дав им с Иллой сказать десяти слов.

Паланта в Долине не было. Взяв с собой Ирита, он отправился в далекое путешествие на юго-запад — искать землю для новой Атлантиды.

Утром, поделив работу между умельцами, Ор вышел в промозглую мглу сырого утра. Надо было осмотреть две глыбы на наделах Левого Края. Конюх, старый борец, вывел лохматого конька и, низко поклонившись, подал повод. Глянув в глаза старику, Ор не увидел ничего, кроме страха. Кто же знает тайну заговора?

Он ехал по дну гигантской рывины. Вокруг стоял знакомый лязг, орали сотники, свистели бичи. Все как вчера, как три зимы назад. Лишь глубже стала рана

в груди Земли. Впрочем, пытливый взгляд мог заметить и другие изменения.

Как прежде, высосанный работой, полуголодный, с обмороженными пальцами и ушами, человек нес опостылевшую ношу жизни среди свистящих плетей и рычания волков. Но временами на сером от усталости и грязи лице, в запавших глазах мелькала чуть заметная улыбка. Или двое в миг краткой передышки обменивались коротким взглядом, тихими словами на ут-ваау — и лица их светлели... словно в бессмысленной жизни появился какой-то смысл.

Нет, это не было ожидание завершения работ. Кончится одно мучение — узкоглазые придумают другое. Рабов поддерживало смутное ожидание чего-то связанного с тем богом, Несущим Свет, о котором говорил Тиво.

Почти никто не знал, что должно произойти. Бог говорил: «Ждите, я приду!» Говорил: «Не умирай и не давай умереть другому. Скоро вы оба будете нужны!» — и рабы ждали. Как прежде в сотнях были смешаны люди разных племен, но это уже не разделяло их. И атланты молча смирились с этим.

Обе глыбы на Левом Крае оказались простыми. Ор быстро посчитал, сколько бурдюков и трубок понадобится, показал писцам, где вырыть норы. Возвращаться было рано. За Западной перемычкой слышались глухие удары. Ор тронул коня и въехал на перемычку.

В заливе было оживленно. Сюда доставили плоты из огромных бревен, выбранных во всех лесах Срединной. Пеласги, балансируя на скользких стволах, толкали их к песчаной косе. Там их обвязывали канатами и с криками волокли наверх. На выровненном склоне над берегом уже лежали рядами сотни могучих стволов.

Удары неслись с другой стороны залива. Подъехав туда, Ор увидел сооружение вроде ворот из толстых бревен. Полтысячи рабов вытягивали канат, перекинутый через перекладину и по команде разом опускали. Тогда тяжелая каменная гиря падала, ударяя по концу воткнутого в землю бревна. С каждым ударом оно глубже уходило в прибрежный песок.

— Ведь стену решили начать следующей весной? — спросил Ор знакомого умельца.

— Велено забить самые короткие сваи — те, что

по краям, — ответил атлант. — Это сбережет время весной, — снова Ор подивился дотошности Кеатла. Каждый замысел он по десять раз примеривал, отыскивая, что можно улучшить и сберечь. «Как хорошая гийская мать!» — подумал Ор.

Он ехал назад, раздумывая, почему большинство атлантов на Канале работает равнодушно или с отвращением, и лишь немногие, вроде Кеатла или Сангава, проявляют к своему делу интерес.

— Эй, умелец! — окликнул кто-то по-атлантски. У дороги стояла крытая колымага. Известный всему Каналу бродячий торговец Хиаб махал Ору рукой.

— Что ты кольца из-за пазухи не выпускаешь? — сказал он с веселым упреком, когда Ор подъехал. — В такой облезлой шапке едешь!

— Э, еще эта не развалилась! — отмахнулся Ор.

— Не упрямысь, посмотри. Может быть, еще что купишь.

Торговец раскинул перед ним одежду, цветные ткани, узорные покрывала из разноцветных шкур.

— Говорят, ты ходил на край земли? — завел беседу Хиаб, пока Ор перебирал товары.

— Было, — кивнул гий.

— А помнишь ли соплеменника по имени Тиво?

Ор выронил меховую накидку, которую выбрал для Иллы:

— Не знаю, о чем ты говоришь. — Ор выдержал взгляд атланта.

— Ты недоверчив! — хмыкнул торговец. — Это хорошо. Ну, я скажу те самые слова, что говорил Тиво: «Есть бог-человек, Приносящий свет. Он готовит битву с рабством...»

— Тиво мог сказать и мог не сказать эти слова. Но почему ты, атлант, говоришь их?

— Потому что рабство губит и твоих и моих братьев. — Круглое, всегда улыбающееся лицо торговца вытянулось. — Ты же видишь, как жадность и злоба всех превращает в бешеных волков. Все еще не веришь?

— Верю! — решился Ор. Слишком долго он ждал этой встречи. — Слушай, торгующий, я должен увидеть вожда! У меня есть важная тайна.

— Ты слишком спешишь, — сказал атлант с подозрением.

— Тайна не ждет. Может оказаться поздно!

— Ладно, — сказал торговец, — я узнаю. Пока иди, мы и так слишком долго торговались. Погоди, ты забыл подарок.

— Сколько бронзы за нее?

— Я бы отдал тебе даром, но бронза нужна для дела. Два браслета не много будет?

— Возьми десять. Все равно мне не на что их тратить.

Через несколько дней колымага торговца вновь встретила Ор.

— Эй, умелец! Ты просил песцовую шапку — я привез.

В повозке с Хиабом сидел низкорослый раб из племени яптов. Ор подавил разочарование. Он ждал встречи с богом или великим вождем, а не с гололицым сыном Даметры. Япт окинул гия внимательным взглядом.

— Давно ты в Срединной? — спросил он, чисто выговаривая атлантские слова.

— Шесть зим прошло.

— Хочешь и остальную жизнь прожить тут?

— Кабана доить или дело говорить будем? — обиделся Ор.

— Ты же старался заслужить сытное место и этот знак. — Япт ткнул в бронзовую ладью на груди гия. — Не жаль будет расстаться?

— Я старался не для власти, а ради знаний. Тебе не понять этого.

— Погоди, — поднял ладонь япт. — Ты сказал, что не пожалеешь этого знака и зеленого пояса. А ту краснолицую женщину, к которой ты пошел в охотники?

На несколько дыханий Ор онемел от изумления и испуга.

— Как ты узнал? — пробормотал он наконец.

— Я всегда знаю то, что мне нужно. Не бойся, не выдам. Но если ты предашь меня...

— Запугивать? — кровь прилила к глазам Ора. — Голомордый выродок! Если у вас все вожди такие, дело не стоит обглоданной кости. А если нет, то, придушив тебя, я только помогу...

— Погоди! Ну погоди же! — Ор отпустил обидчика и стряхнул с плеч руки торговца, пришедшего на помощь товарищу.

— Теперь я вижу, что ты остался гием! — сказал япт, потирая шею.

— Ладно, — сказал Ор, остывая.

— Лучше зови Симом, — усмехнулся япт.

— Слушай, Сим: одну мою тайну ты узнал сам. Но есть другая, куда более важная...

Во время рассказа Ора торговец тихими возгласами выражал изумление, огорчение, один раз даже вскочил. Сим слушал молча.

— Что же! — сказал он медленно, когда Ор кончил. — Только Приносящий свет может решить, что делать с твоей тайной.

— Так отведи меня к нему!

— Это очень далеко, — покачал головой япт. — Одно могу сказать: нельзя откладывать битву до завершения Канала. Едва его кончат, рабов разгонят по всей Срединной.

— Это правда, — удрученно согласился Ор.

— Но не унывай! Если Приносящий решит, что Канал нужен, он сумеет его закончить. Даже после битвы. — В голосе Симы была такая вера в этого таинственного бога или вождя, что Ор приободрился.

— Теперь о более близком деле: на Канале есть один... раб. Надо, чтобы он бежал на восток. Ты свободно едешь всюду с этими... пузырями. Под ними можно спрятать человека.

— Его достаточно увезти подальше от надела, — вставил торговец. — Там я буду ждать его с повозкой.

— На вечернем пересчете беглеца хватятся, — возразил Ор, — и будут искать с волками. Ты не успеешь миновать внешних стражей!

— Но этот человек нужен Приносящему свет! — настаивал Сим. — Надо что-то придумать. Устроить, чтобы его сочли погибшим.

— Это лучше! — оживился Ор. — На чьем он наделе? — Хиаб назвал имя подкормчего.

— Завтра съезжу туда, посмотрю. Как узнать этого раба?

— Я в полдень проеду и покажу тебе, — сказал Хиаб.

— Если понадобится помощь, — добавил Сим, — с нами Кривоносый и Львиный Коготь. — Он назвал двоих из рабов, работающих с бурдюками.

— Чтобы доверяли, скажешь им: «Смените лопаты, ваши затупились», и сделаешь пальцы вот так, — он соединил большой палец с мизинцем.

Подбоченясь и сколько можно выпятив тощий живот, Ор оглядывал надел. Все складывалось удачно. Место скверное, неудобное. Подкормчий, наверное, каждый день клянет судьбу. На склоне вылезла растресканная базальтовая скала. Ее ковыряли кирками, раздирали клиньями. Сверху то и дело раздавались предупреждающие крики, и летел очередной обломок, поднимая тучи пыли. Большая угловатая глыба, видимо, упала давно и лежала чуть поодаль.

Показалась повозка Хиаба. Ор попросил сладкого сока. Подавая питье, торговец показал заросшего бородой борейца, который на голову возвышался над другими рабами. Выпив чашу, Ор вразвалку направился к подкормчему, который давно косился на гияумельца, известного своей необычной судьбой и властью над водяными духами. Глава надела первым приветствовал дикаря.

— Будь богат! — небрежно кивнул тот. — А скажи, подкормчий, почему не шлешь прошение о том вон камне, чтобы поднять и увезти.

— Да мы хотели... на части расколоть... — забормotal пожилой атлант с отвислой кожей на тощей от забот и страхов шее.

— На ча-асти! Это сколько времени терять, бронзу губить! Плохо стараешься, подкормчий! — атлант переминался, желтея от злобы и страха, по лицу его стекал пот. — Ла-адно! — подобрел Ор. — Завтра приеду к тебе с водяными духами. А сейчас надо очистить норы для них. Дай-ка мне пару рабов... или вон того одного хватит. Вроде сильный?

— Отличный раб! — угодливо захихикал властный и сам побежал за борейцем.

Борец шел за Ором, горбясь, глядя в землю. Спутанные волосы падали на глаза, борода почти скрывала лицо. Лишь на левой скуле волосы расступались, приоткрывая глубокий шрам.

Ор показал рабу, что делать, и тот стал выгребать из-под глыбы землю и обломки. «Э-эй!» — крикнули сверху. Посыпались камни, туча пыли поднялась над наделом. Ор удовлетворенно крикнул.

— Смени лопату — твоя затупилась, — проговорил он. Борец вздрогнул и метнул взгляд на руку гия, потом перевел загоревшиеся глаза на его лицо. Ор чуть не вскрикнул, узнав Севза.

— Я буду рыть, а ты говори. — Молниеносный подsunул лопату под камень. Ор присел на край глыбы.

— Меня прислали помочь тебе бежать, — по плечам гиганта прошла дрожь. — Среди рабов есть такие, на которых можно положиться?

— Вся моя сотня, — ответил Севз глухо. — Продажных и трусов мы убиваем.

— Сможешь сделать, чтобы твои люди завтра работали здесь? — Ор кивнул на скалу. — Тогда дело может удаться. Слушай и запоминай. С утра отбивайте обломки, но не скидывайте вниз. Кладите так, чтобы столкнуть, когда надо.

— Сделаем! — Севз подцепил на лопату камень величиной с барана и откинул в сторону.

— К полудню я приеду с повозкой и двумя верными людьми. Опять затребую тебя. Будете втроем рыть норы сперва отсюда, потом перейдете на ту сторону. Это будет сигнал для твоих людей — валить вниз все, что наломали.

— Понимаю! — хрипло сказал Севз.

— Когда поднимется пыль, мы все отбежим к повозке и ты спрячешься под кожи. А сверху пусть валят все более крупные глыбы и чтобы долетали сюда.

— Верно! Пусть думают, что меня завалило.

— Спасайтесь! — истошный крик потонул в громе катящихся камней.

Рабы постарались! Кашляя от пыли, Ор вскочил на передок повозки. Кривоносый и Львиный Коготь, сидя на взгорбившихся бурдюках, корчили веселые рожи. Острым обломком Ор хватил себя по щеке. Либиец, выхватив у него камень, разодрал себе руку, полоснул по спине Кривоносого — котта с лицом, изувеченным ударом сапога.

Ор хлестнул коня, и повозка выкатилась из-под скалы. Грохот продолжался. В редеющей туче пыли показался испуганный подкормчий.

— Что творится на твоем наделе? — завопил пла-

чушим голосом Ор. — Вот я донесу Главе Умельцев... — Подкормчий умоляюще воздел руки:

— Не сердись! И так у меня беда — наверное, много рабов покалечило. Не говори властному. Я отблагодарю.

— Ладно уж! — смягчился Ор, размазывая по лицу кровь. — Завтра вернусь поднимать камень.

В сумерках они подъехали к повозке Хиаба, темневшей у дороги на краю поселка, окружавшего башню Ацтара.

— Выходи, — шепнул Ор, приподнимая край бурдюка. Могучая фигура, пригнувшись, метнулась к колымаге.

— Слушай, гий! — зашептал Севз, приоткрыв занавес. — Я не забуду твоей помощи! Ты не знаешь, кто я, но скоро...

— Всё знаю! — оборвал его Ор. — Прячься скорей!

Утром он явился с повозкой на лишившийся Севза надел.

— Ну как, подкормчий, велики ли убытки?

— Дешево отделались! — хихикнул тот. — Спасибо тебе, что не донес. Вот, возьми.

— Не надо! — Ор отстранил кольца. — Мне Кеатл наград не жалеет. Ну, давай поднимать твой камень. Где тот здоровенный борец?

— Нету! — развел руками атлант. — Все другие, как на диво, целы, а этого, видать, завалило. Такой хороший раб был! — подкормчий вздохнул. — И до сих пор откопать не можем. — Он кивнул на рабов, растаскивавших под скалой обломки. — Может, волки ночью отрыли да сожрали.

— И так бывает, — кивнул Ор. — Ну, давай пару других. Покрепче.

Маленький отряд пробирался тайными тропками через яптские леса. Среди яптов и гибких, как прутья ивы, ибров Севз казался особенно громоздким. Отвыкший от долгой ходьбы, простора, он первые дни шел, тяжело дыша, неловко ступая по теплой, укрытой хвоей земле. Спутники укоризненно качали головами, когда он с шумом ломился там, где они скользили неслышными тенями. Ничего, сила и ловкость вернутся!

На ночлегах Севз слушал разговоры спутников о Промеате, дивился любви, которую тот внушал сообщникам. Еще поразительнее, что они совсем его не боялись!

Сам Севз избегал разговоров. Страх преследования утих. Теперь новые сомнения томили душу вождя. Вот он, бессильный, растерявший воинов, получил свободу из рук нового предводителя племен и рабов. Севз заранее содрогался от унижения, представляя себе попреки и насмешки знатока. Разве не так встретил бы он сам того, кто спесиво отказался от союза, а потом, битый, затравленный, приполз искать помощи?

На десятый день пути поднялись по осыпям и снегу к перевалу Семи Козлов. Севз услышал вдали тонкие звуки рогов.

— Учителю дают знать, что мы идем, — пояснил проводник.

Опытным глазом Севз оценивал подходы к обители Промеата. Легкие мосты через пропасти можно вмиг убрать, груды камней над тропой готовы рухнуть на головы врагов. Всюду искусные засады воинов с волосами, заплетенными в виде рожек.

Два десятка человек стояли у поворота тропы, глядя, как приближается Севз. Ибры и япты окружили троих атлантов. Который Промеат? Вон тот — Зогд, что приезжал в Умизан. А этот? Да это же Бронт! Боги, как постарел! Значит, крайний слева.

С острым любопытством и недоумением Севз смотрел на невысокого, худощавого человека с узким, высоколобым лицом цвета светлой бронзы. В чем сила его, которого люди зовут Подарившим огонь, Приносящим свет, Сыном земли? Он даже не носит меча...

Глаза Промеата тоже ошупывали гостя. Да, за таким пойдут воины! Но куда он их поведет? По пути ли этому великану, считающему себя законным властелином Срединной, с племенами, решившими скинуть ее гнет?

— Привет тебе, храбрый вождь! — первым заговорил Промеат. — Войди гостем в нашу долину. Мы уже послали птицу Гехре.

— Молниеносный! — Бронт протянул Севзу сложенные руки.

Они шли по широкой тропе мимо пещер. Из закопченных входов глядели ибрские матери, ребятишки, старики.

— Вы вернули мне свободу, — пробормотал Севз. — Не знаю, чем я смогу отплатить за это.

— Сделай то же для других, — ответил Промеат. — Но сейчас не станем говорить о делах. Отдохни с дороги.

Первые лучи осветили красную каменную стену на западе, и сразу ожила, зазвучала пронзительными голосами горцев Ибрская Котловина. Севз вскочил с козьих шкур. Как хорош воздух гор! Барабаны Канала ушли из его снов. Сегодня ему снилась битва под Анжиером, но на этот раз он победил! Хороший сон — добрый знак богов!

Севз сошел по тропке к ручью. Смеясь, пробежали на озеро ибрские юноши с сетями. Стадо коз, подгоняемое ребятишками, карабкалось на почти отвесный склон. Окунув лицо в ледяную воду, он отряхнулся и стал разглядывать картину, нарисованную на скале над тропой. Фигуры людей, более тонкие, чем в жизни, и от этого стремительные, сошлись в битве.

— Смотришь будущую битву? — К Севзу подошел Промеат.

— Что-то не видно здесь борейцев и гиев с пеласгами.

— Художник мало знает их. Япты — соседи, люди Айда часто приезжают. Остальных, видно, придется дорисовать после сражения. Так же как и вождя! — Промеат подмигнул собеседнику. Тот весь напрягся: вот он, разговор о главном!

— Ты хочешь, чтобы я стал вождем всех воинов? А кем будешь ты?

— Останусь учителем, — Промеат посерьезнел. — Севз, нам надо многое решить. Пойдем в мой грот.

Затаившись в углу, Ым следил за Большим Чужаком. Мохнатому не нравился пришелец, который словно двоился в глазах: он сразу и такой и какой-то другой... От этого смутного ощущения волосы на шее Ыма вставали дыбом.

— Судьба свела нас против общего врага, — говорил Промеат. — Но, начиная битву, каждый думает о ее конце. У меня нет тайн: я хочу, чтобы

Атлантида не могла угнетать племена, таить от них знания и навыки. А чего хочешь ты?

— Не рано ли об этом? — попробовал уйти от ответа Севз.

— Нет, не рано! — твердо сказал Промеат. — Иначе в бою мы больше будем коситься друг на друга, чем следить за врагом.

— Чего хочет тот, кого десять лет хлестали бичами? Мстить!

— Мечь только разрушает. Утолишь ее, что дальше?

Севз молчал.

— Хорошо, я помогу тебе. Ты хотел власти над Атлантидой. Когда мы вырвем у нее жало и лишим рабов, она достанется тебе. Хочешь?

— Атлантида? — Севз вскочил, чуть не ударившись о потолок грота. — Будь проклята эта гадина, тянущая в свою вонючую пасть все, что увидит! Не выдрать жало, а растоптать и сжечь ее надо! Без остатка!

Промеат с удивлением смотрел на желтого от ярости гиганта.

— Приносящий свет, — заговорил Севз, успокаиваясь, — ты добр и благороден. Ты ни словом не упомянул о моем отказе от предложенного тобой союза.

— К чему вспоминать старое?

— погоди, дай закончить. Когда твой посланец говорил об уничтожении рабства, я смеялся. А теперь я говорю — надо искоренить самую причину рабства. Вот ты, опытный в рассуждениях, скажи: в чем она?

— Атланты не признают других людей своими братьями, — начал Промеат.

— Э-э! Слова! Испокон веков борец не считал гия братом. А делал он его рабом?! Рабов завели наши с тобой родичи. Что у них есть такое, чего нет у других племен? Бронза, обученные звери, хитрости твоих братьев-знатоков. И вот — нарушен великий закон: слабый стал сильнее сильного, трусливый — смелее бесстрашного!

— Полно, вождь! Несправедливость не в бронзе и не в знаниях, а в том, что одно племя владеет ими. Если отдать тайны всем...

— Не могут люди жить не враждуя! — набычился Севз.

— Разве сейчас племена не забыли свои распри?

— В половодье заяц, лиса и рысь сидят на одной кочке, не трогая друг друга. Но дай только схлынуть воде!

— Люди же отличаются от зверей!

— Еще как! — оскалился Севз. — Лиса и рысь убивают, когда голодны, а люди — всегда!

— Но если к ним идти с добром...

— Чего ты хочешь от меня? — Севз явно устал от спора. — Чтобы я поверил, что люди могут жить, не сражаясь? Ну я скажу, что согласен. Ты поверишь?

— Ладно, воитель! — Промеат развел руками. — Каждый из нас много лет вынашивал замыслы. Где же за одно утро уговорить друг друга! К тому же, — он усмехнулся, — издали мы казались друг другу совсем другими. Верно? Ты думал встретить болтливого колдуна, который, ловя людей на добром слове, норовит пролезть в боги?

— А ты, — подхватил Севз, — ублюдка, который рвется занять место Хроана, чтобы всласть хлестать рабов?

— Выходит, мы оба оказались лучше, чем думали друг о друге. И в главном мы согласны — надо уничтожить рабство. До этого места у нас одна тропа, — Севз кивнул. — Затем она расходится. Ты хочешь, чтобы атланты забыли бронзу, ремесла и вернулись к бесхитростной жизни своих предков. Я хочу раздать знания и умение всем племенам. Каждый считает, что его замысел принесет счастье людям. Так пусть люди выберут сами! Ты говори им свою правду, а я — свою. Но поклянемся, что ни один не погонит их копьями и не потащит за собой на аркане.

— Славная игра! — Глаза Севза блеснули азартом.

— Значит, согласен?

— Промеат! — сказал Севз растроганно. — Зная, что я одинок и бессилен, ты ни к чему меня не принудил и ничем не унизил. Поверь слову Севза: ты никогда об этом не пожалеешь!

Ым удивленно заерзал в углу: Большой Чужак перестал двоиться!

— Ловко мы поделили непойманную рыбу! — сказал Промеат. Новые союзники рассмеялись.

ГЛАВА 9. БОГ ИДЕТ

За зиму Канал почти всюду довели до нужной глубины. Теперь большинство стен укрепляло ненадежные участки склонов. Много рабов ровняло место на берегу недалеко от башни Ацтара, там должно было строиться Святилище Канала.

Однажды, выехав осмотреть очередную глыбу, Ор увидел расхаживающую по площадке женщину в желтом плаще. За ней следовали кормчие, умельцы с рисунками, поясняя и выслушивая указания. В движениях женщины Ору почудилось что-то знакомое. Он свернул с нижней дороги на верхнюю, проходящую рядом с площадкой. Вглядевшись в золотистое, словно точенное из ценного камня лицо, Ор изумился — это была колдунья из умизанского храма, ставшая женой Севза! Люди, которых он считал навсегда ушедшими, появлялись вновь. Что за предзнаменование? Пока все было тихо. Сим не показывался. Хиаб, проезжая мимо, подмигивал Ору, как и всем своим бесчисленным приятелям.

Незаметно подобралась весна. Заслезились и поползли склоны. Все захлебнулось в грязи: ступени, по которым выносили землю, жилища, дороги с повозками — вся работа, как неуклюжая колымага, застряла в раскисшей глине.

Едва подсохла земля, в Западной бухте задвигались под тысячами рук огромные бревна. Сюда согнали самых сильных рабов, поставили во главе лучших умельцев.

Бревна обтесывали до равной толщины, потом в одном конце долбилась дыра, куда загоняли увесистый каменный наконечник. Уже были готовы скрепленные попарно корабли, над которыми возвышались ворота со свисающей каменной гирей.

Перед вечерними барабанами всех умельцев призывали к Кеатлу. Он сидел у раскладного кожаного стола, заваленного рисунками. Когда все собрались, Кеатл, оторвавшись от листов, встал и сделал знак подойти ближе.

— Вырыл землю не на месте, — заговорил он, — можно принести обратно. Рычаг под камнем сломался — подсунь новый. Так было. Теперь настает другая работа. Одно бревно треснувшее или плохо забитое погубит всю стену. Рухнет стена — конец

Каналу! Новое дело нельзя делать быстро и плохо.

Собравшиеся зашевелились, откашлялись и вновь застыли.

— Время кормчих кончилось! — Кеатл обвел глазами коричневые куртки. — Настает время умельцев. Красные плащи больше не будут подгонять вас. Ни один даже не сунется в бухту! — В толпе за-улыбались.

— Но новую работу нельзя делать медленно. Если через две луны не кончим обе стены, не хватит теплых дней, чтобы срыть перемычки. Осенние бури и льды свалят стену — конец Каналу! Слушайте сами и передайте всем в бухте, — Кеатл поднял тяжелую ладонь. — Если успеем, каждый умелец станет кормчим, ремесленник — подкормчим, раб — свободным. Не успеем — всем казнь! — Толпа вздохнула одной грудью, потом зашелестела изумленно. Дав людям проглотить сказанное, Кеатл закончил: — Еще два дня привыкайте, потом разделю вас надвое — будем работать днем и ночью. Через пол-луны стает лед на востоке — часть перейдет туда. Кто придумает, как что-то сделать быстрее и лучше, пусть идет прямо ко мне. За удачные замыслы особая награда. Идите.

В Канале, как прежде, свистели бичи, рычали волки, исходили проклятиями властные. А в бухтах за перемычками шла совсем иная жизнь. Люди работали как бешеные. Рабы по первому знаку кидались исполнять повеления умельцев. И ни одного надсмотрщика. Лишь поодаль маячила цепочка серых фигурок — стражей с волками.

Боги тепла помогали восставшим. Юго-восточные ветры за короткий срок перенесли флот повстанцев от Анжиера к берегам Срединной.

Годы подготовки к борьбе не прошли даром, Анжиер вместе со стоявшими в бухте кораблями удалось захватить за полдня. Сперва был пущен слух о войне яптов с коттами. В Анжиере узнали о готовящемся сражении и движении отрядов противников. Оба отряда были окружены атлантами, шесть тысяч отборных коттов и яптов стали рабами и томились в подвалах крепости в ожидании прихода кораблей. И вот в условленный час во время погрузки они бросились на стражей. Одновременно конные отряды

борейцев и гнев ворвались в город. Обученные искусству соколиной охоты, либы следили за тем, чтобы ни один голубь не вылетел из города. Высокомерные атланты были застигнуты врасплох.

Пятьдесят кораблей с четырьмя тысячами разноплеменных воинов отправились к земле врагов. В Анжиере была оставлена армия для противостояния атлантам Востока. Пеласги и пленные атлантские моряки повели суда вслед за кораблем Зогда, на котором плыли вожди. Зогд вел эскадру на север, пока «Глаз ночи» * не поднялся над безбрежными водами на нужную высоту, потом повернул на запад. И вот в середине девятнадцатого дня пути с кораблей увидели невысокий в этом месте берег Атлантиды.

— Где мы? — спросил Промеат Зогда.

— Видишь тот двугорбый холм? — ответил моряк. — Это вход в бухту мертвого города Умиада. Все идет, как задумано, высаживаемся севернее Канала, в двух днях пути.

— Если нас не задержат, — пробурчал Бронт.

— Пора пускать птицу, — заторопился Севз.

— Теперь можно, — Промеат принял у Инада голубя и подбросил его. Взмахнув крыльями, птица сделала круг и полетела на юго-запад, к Каналу.

Корабли входили в бухту мертвого города. Его стены заросли скрюченными березками, улицы тонули в зарослях крапивы. Некогда центр плодородной области — город захирел и был брошен, когда дыхание льдов обесплодило окрестные земли. Теперь лишь изредка в бухту заплывали рыболовы, да охотники устраивали стоянки в развалинах.

Сейчас берег был пуст. Едва нос головного корабля вылез на песок, Севз тяжело спрыгнул на берег.

— Будь ты пр-роклята! — прорычал он, погружая конец меча в песчаную землю бухты.

Котты и борейцы тащили по мосткам ошалевших от качки коней. Топча крапиву, строились пешие отряды.

Гехра, Гезд, Посдеон, Хамма, мать ибров Койр и другие вожди окружили Севза и Промеата. Вот они сели на коней. Хлестнув золотистого жеребца, Севз

* «Глаз ночи» — звезда (Вега α Лиры). 13 000 лет назад, в эпоху действия романа, находилась в районе Полюса мира и играла роль Полярной звезды.

возглавил кавалькаду и двинулся вдоль неровных, колышущихся копьями рядов.

— Будь проклята, Атлантида! — выкрикивал он на языках всех племен.

— Свободу братьям! — кричал ехавший следом Промеат.

«Проклята! Свободу!» — подхватывали воины. Вдруг по рядам прокатился смех: вслед за предводителями, переваливаясь и скуля от волнения, бежал Ым. Промеат придержал коня. Радостно оскалившись, волосатый ловко вспрыгнул на круп за спиной атланта.

С передовыми конниками Севз и Промеат поднялись на невысокую гряду западнее бухты. Знаток показал на рисунке идущую на Юг дорогу.

— Сегодня нам встретится только три небольших селения, — сказал он.

— А эта башенка? — Севз ткнул пальцем в рисунок.

— Город Хиом. Туда мы придем завтра утром.

— Плохо! — поморщился Севз. — Весть успеет обогнать нас.

Подбадривая себя криками, разноплеменное войско двинулось по заброшенной дороге на Юг. Эстипог с частью пеласгов остался охранять корабли.

Весна выдалась поздняя. Пахари маленькой северной общины топтались на своих полях, обсуждая, не пора ли сеять ячмень. Больше ничего не родила их постылая земля.

— Вечером комары вились высоко, — сказал старик, с чахлой бородашкой. — К теплу?

— Не знаю про комаров, — возразил другой, — а вот рана у меня на бедре всю ночь ныла. Не дунуло бы оттуда. — Он кивнул на уходящие к северу холмы. Вдруг пахарь замер, уставясь на сходящую с холма дорогу. По ней спускалась, качая копьями, змея из тысяч воинов.

— Что там? — спросил седобородый.

— Дикие! — прохрипел бывший воин, прижимая руку к бедру.

— Обезумел? Откуда здесь быть диким? — От змей отделились всадники и поскакали к кучке людей, топчущихся посреди мокрого поля.

— Спасайтесь!

Нагнав бегущего позади всех старика, борец ударил его копьем в шею. Выдернув острие, он провел по нему рукой и, глядя на ладонь, рассмеялся. Первая за тысячу лет кровь с копья чужеземца упала на землю Атлантиды.

— Безоружных! Зачем? — Промеат с болью смотрел, как один за другим падают пробитые копьями пахари.

— А что: ждать, пока они вооружатся? — засмеялся Севз. — Жалеешь? — Лицо его отвердело. — Пробыв шесть лет на Канале, ты забыл бы, что такое жалость!

— На Канале! — Глаза Промеата прищурились, словно пытаюсь заглянуть за гряды холмов. — Знать бы, что там сейчас.

— Половина времени до полудня, — сказал ехавший рядом Инад. — Сим, должно быть, уже получил весть.

— Эй, голощекий! Где отец?

Сим, помешивавший похлебку на очаге, поднял голову.

— Будь богат, молодой хозяин! Господин пошел к главе точильщиков. Пояс ему продает. Третий день торгуются...

— Быстро беги за ним! В город товары привезли — не знаю, брать ли. Весть от Промеата! — шепнул юноша, наклоняясь с седла, и снова заорал: — Ну, живей, беломордый!

— Мигом, сын господина! — Япт опрометью побежал мимо мастерских и складов к низкому строению, где ремесленники затачивали наконечники кирок и лопат. Юноша-атлант, соскочив с коня, нетерпеливо ждал возле колымаги. Она стояла на обычном месте — у края поселка, окружающего башню Ацтара. Наконец между домами показались бегущие рысью Сим и Хиаб.

Забравшись внутрь колымаги, торговец и раб склонились над узкой полоской бересты. Юноша глядел в щелку занавеса, чтобы случайный прохожий не застал их врасплох.

— Дождались! — тихо сказал Сим, подняв голову от листка. Все трое вылезли из колымаги. Юноша, понутив голову, шагнул к своему коню. Начинается

самое интересное, а его отсылают в Атлу! Когда еще восстание дойдет до столицы!

— Пока гнев дойдет до Атлы, может быть, немного стихнет? — задумчиво сказал Хиаб, глядя вслед сыну.

— Вряд ли, — покачал головой Сим.

Они отвязали лошадей. Каждый взял по мешку с товарами. Забытая похлебка стыла на потухшем огне. Сим поехал на Запад, Хиаб — на Восток. И по их следам, возникая из чуть заметных знаков, мельком кинутых слов, потекло невидимыми струйками по сухому руслу: «Бог идет! Дождались! Завтра, после утренних барабанов».

Хиаб вернулся первым. Он развел огонь под похлебкой, но не мог есть. Волнение стягивало горло. Сим приехал в сумерках, перед самыми барабанами, кинул на дно повозки похудевшие мешки, снял с шеи деревянный знак и тяжело опустился на войлочную скамью.

— Все успел? — спросил торговец, придвигая япту еду.

— Почти. В Западную бухту не пустили.

— Ладно, — сказал Хиаб, — я сам съезжу туда на рассвете.

Проводив Хиаба, Сим уже не ложился. До утреннего сигнала он не смел отойти от колымаги. Первые же встречные стражи, ничего не спрашивая, затравили бы его волками.

Вот из серой мглы проступила Башня — девять сужающихся кверху ступеней, каждая в три человеческих роста. Она походила на зазубренное копьё с обломанным острием. Рассвет по ступеням башни спускался вниз. Из мглы проступали окружающие постройки. Когда из редющей тьмы выступили стены медвежьего загона, Сим сжал кулаки и подался вперед, словно пытаясь сквозь частокол разглядеть, как медленно просыпаются бурые звери, — зевают, встряхивают цепями, нюхая, не несут ли утренний корм.

Каждый из сотни бурых получал утром по большой рыбине — подслащенной медом, в меру тухлой. Такой не добудешь на воле! Стиснув руки, Сим провожал глазами фигуры медвежатников с корзинами. Вчера он передал котту, рабу хранилища, горсть ко-

мочков из аппетитно пахнущего сала. Их делала Даметра, Зогд вез через океан, Ситтар — на Канал. Съев такой шарик, зверь не вставал с ревом на дыбы, как от грубой бореической отравы, не катался по земле, как от костяных иголок, что кладут в приманку гии. Нет, медведь облизывался и умиротворенно засыпал, подложив лапу под голову. И не просыпался.

Скрипели двери, вспыхивали огни светильников и костров: повара грели оставленную с вечера еду. Пробегали первые вестники. Звери за частоколом затихли. И тут же донеслись испуганные понукания, растерянная перебранка. Кто-то, выбежав из ворот, метнулся в одну, в другую сторону... Сим глубоко вздохнул — кажется, удалось! В это время с вершины башни донесся тоскливый голос трубы, и в ответ вдоль всего Канала загревели барабаны.

Придерживая болтающийся на груди деревянный знак, Сим побежал к руслу.

— Что-о?! — Кормчий охраны схватил за шиворот голову медвежьего челна.

— П-передохли! — дрожа от ужаса, повторил тот. — Когда я прибежал...

Не дослушав, кормчий рванул за шиворот лязгающего зубами голову зверей и поволок к лестнице, ведущей на верх башни. На каждом этаже слуги, стражи, писцы с удовольствием смотрели, как сухощавый охранник пинками гонит впереди себя полного, бледно-желтого голову медведей. Приятно, когда кого-то ждет кара. За что, интересно?

Ацтар жил на седьмой ступени башни. Выше были голубятня, хранилище времени и площадка с каменными перилами.

— Где... Не встающий на колени?

— Уже поднялся наверх. А что...

Внизу еще не видели солнца, а для титана оно уже приподнялось над краем Восточного океана. Стоя у перил, он смотрел, как темные вереницы рабов растекаются по огромному ущелью, заткнутому пробками перемычек.

«Ну вот, — подумал он, — дно почти везде готово. Почистить бока, укрепить камнем где нужно...»

— Всесильный, дозвожь! — Ацтар скривился. Он не любил, чтобы являлись без зова. Но кормчий уже вытолкнул на площадку голову зверей. Тот шагнул к титану и повалился на каменные плиты.

— Вот! — охранник пнул его ногой. — Уморил всех медведей!

— Всесильный! — медвежатник завыл, не смея поднять голову. — Кто-то отравил их! Еще вчера ни один не болел...

«Вот оно!» — мелькнуло в голове Ацтара.

— Встань! — Он ногой поддел опущенное лицо. — Говори, кто мог... — не договорив, титан обернулся на странные звуки, взлетающие над руслом Кана-ла. — Неужели... — пробормотал он, вглядываясь в поднимающуюся пыль.

Глава медведей задом полз к лестнице, шепотом молясь: пусть эта какая-то новая беда будет достаточно велика, чтобы отвлечь титана от передохших зверей. Боги неожиданно щедро откликнулись на его моление.

Смолкла последняя раскатистая дробь барабанов. Вереницы рабов выходили из-за частоколов, в окружении волков и людей в волчьих шкурах, понуро брели к руслу. Лишь немногие — один из тысячи — знали, что сегодня голоса барабанов кричат совсем о другом, кричат в последний раз.

Вереницы разошлись по наделам. Надсмотрщики, пощелкивая бичами, направляли сотни к размеченным веревками ломтям. Подкормчие и писцы затеяли обычную перебранку на границах наделов. Стражи присматривали местечко — подремать на утреннем солнышке. Волки брели за ними, брезгливо отряхивая лапы от росы... И тут кто-то первый крикнул протяжно:

— Бог идет! Наш бог идет! Бей узкоглазых! — и опустил окованный бронзой конец лопаты на голову надсмотрщика.

— Идет! Бей! — откликнулось с соседнего надела. — Убивайте проклятых! Бог близко! — донеслось с другого склона.

— Дождали-ись! — Пеласг с наполовину выдранной бородой вскочил на глыбу, потряс киркой и прыгнул к растерянному поднимающемуся с перевернутой корзины стражу...

Волки опомнились первыми. Они всегда чуяли, сколько злобы таится под внешней безропотностью рабов. Щелкая зубами, звери без команды кинулись на запах просыпающегося гнева. Но в этот миг уже

не десятки, а десятки тысяч знали, что час настал. Пока волк успевал рвануть одного, четверо уже тащили зверя за лапы, а пятый бил ломом по хребту.

Стражи кинулись на помощь зверям. Но теперь знали уже сотни тысяч! Тощие руки хватались за острия, зубы впивались в кожаные куртки, скрежета-ли, натыкаясь на защитные полосы бронзы. В атлан-тов, успевших отступить, летел град камней. Один за другим краснолицые тонули в безмерном, выкормлен-ном тяжкими муками и бесконечным ожиданием гне-ве. «Бог идет! Бей узкоглазых!» — ревел Канал.

Поднятая рука Агдана замерла с зажатыми в ней камешками. Увлечшись игрой, властные не услышали первых криков. Но когда внизу взвыли тысячи голо-сов, игроки повскакивали с расстеленных на солнце шкур.

— Что они вопят? Обвал? — неизвестно кого спросил Тарар.

— Вряд ли! — Агдан прислушался. — Может, вода перемычку прорвала?

— Ой, тогда всех казнят! — захныкал Танпил.

Переговариваясь на бегу, они достигли берега Ка-нала и заглянули вниз. Через миг все бежали в раз-ные стороны. Танпила тупой страх перед карой погнал к его наделу, где уже не было ни одного живого атланта. Двое метнулись к торчащей на востоке баш-не. Тарар юркнул между кучами земли и помчался прочь от Канала.

Агдан два дыхания стоял, озираясь, увидел поодаль торопливо строящихся воинов дозорной лады и побежал к ним, правой рукой выдергивая из ножен меч, а в левой все еще сжимая игральные ка-мешки. Он не видел, что Ип — верный раб, великий проныра, любитель сплетен и вкусных обедков — бежит следом. В руке у либийца был каменный пест — тот, которым он истово отбивал мясо, чтобы нежно таяло во рту у хозяина.

Вот Ип настиг Агдана, но не ударил, а схватил за край плаща, как воины на его родине хватают за хвост льва, уклоняющегося от схватки. Споткнувшись, хозяин обернулся:

— Ты что, скотина... — рык Агдана не очень по-ходил на львиный. Пест в руке Ипа крутанулся, на-бирая силу, и ударил Агдана в висок. Нагнувшись над упавшим, Ип вырвал у него меч. Другая ладонь

кормчего раскрылась сама, уронив горсть пестрых камешков.

Дозорная ладья, отшвыривая кучки вылезших наверх рабов, подступила к откосу русла. Навстречу рабам, карабкающимся по склону, полетели стрелы. Убитые, катясь вниз, сбивали с ног еще нескольких. Кормчий быстро окинул взглядом лежащее внизу русло. Справа десяток наделов был пуст. Слева сквозь пыль виднелись окруженные толпами рабов кучки надсмотрщиков и стражей.

«Столкнута проклятое стадо вниз, — прикинул кормчий, — и идти, выручая всех, кто еще бьется, к Башне титана...»

По команде первый ряд, покачивая мечами, ступил на косогор. Из-за его плеч высунулись наконечники копий. Лучники, двигаясь сзади, били через головы первых рядов. Бронза — рубящая, колющая, летящая — впиалась в вал человеческих тел, качнулась, давая упасть сраженным, вновь ударила. Обливаясь кровью, хрипя от бессильной ярости, вал пополз вниз.

— Ко-опья! — пропел кормчий и захрипел, задыхаясь. Чьи-то костлявые руки сдавили сытую шею.

— Берегись! Они сзади! — взвизгнул кто-то из загребных.

Поздно! С откоса на попавшую в ловушку ладью валились, прыгали, летели невесть откуда взявшиеся рабы. Покрытая пылью и кровью груды тел несколько дыханий судорожно билась на дне русла, потом рассыпалась на живых и мертвых. Никого из атлантов не было среди живых. Лишь их оружие яркими искрами поблескивало над головами одетых в лохмотья людей.

— Бра-атья! — Рыжий гий, похожий на наскальный рисунок — одни плечи и ноги, соединенные совсем тонкой полоской живота, — вскочил на опрокинутую повозку. — Братья! К логову главного зверя, к Башне!

— Бейтесь, дети Цатла! Подмога идет! — размахивая мечом перед орущими лицами, Строп успевал следить за движением дозорной ладьи, сталкивающей рабов на дно русла. Горсть атлантов образовала полукруг, опирающийся на отвесную скалу.

Сосланный на Канал, разжалованный в надсмотрщики кормчий во всех своих бедах винил коварных дикарей. Изо дня в день он вымещал кипевшую в душе ненависть на рабах своей сотни. Примерный и ревностный слугитель плети удостоился похвалы самого Ацтара. Теперь он оказался во главе десятка атлантов надела.

Строп хорошо выбрал место для защиты. Груды убитых мешали рабам голыми руками вцепиться в разящую бронзу. Волки, просовываясь между воинами, насккивали на сбившихся вокруг врагов и тут же отскакивали под защиту окровавленных лезвий.

— Бейтесь, дети Цатла! Ладья идет к нам! — рослый котт кинулся на Стропа с поднятой лопатой. Мягким движением бывший воин отвел удар и ткнул острием в раскрытый криком рот.

— Доорался, собака! Ага, теперь твоя очередь? — Длинноголовый оол схватился за грудь и упал под ноги нападающим. — Бейтесь, атланты! Помощь уже... — Строп покосился влево и запнулся, увидев, как ладья, смешавшись с врагами, катится на дно русла. — Эх, кормчий! Надо было идти верхним краем.

— Бейтесь, воины!.. — Строп озираясь, пытаясь отыскать новую надежду на помощь или хоть горсть своих, не захлестнутых этой бешеной волной. Но нигде не было видно ни одной кожаной брони, ни одной волчьей куртки или волчьей пасти, не проткнутой копьем.

— Бейтесь, де... — тяжелый обломок камня ударил в грудь Стропа. Старый воин, примерный сотник, зашатался и выронил меч. Управившиеся на своих наделах рабы набегали справа и слева, придавливая к скале горсть краснолицых.

Сангав, как всегда бормоча что-то поощрительное, следил, как четверо отличных рабов — за любого не жаль семи браслетов — деревянными кувалдами вгоняют наконечник в конец бревна. В восточной стене заканчивали третий ряд бревен.

— Хорошо стукнул! — Сангав мигнул бугристому от мускулов либу. — Теперь ударь правее.

Это каменное острие было на сегодня последним. От шалашей уже спешили к местам своих работ све-

жие люди. Вот и барабаны! Канал начинал и кончал по ним работу, а в бухтах одна смена замещала другую.

— Что же ты? — Сангав окликнул либа, замершего с поднятой кувалдой. Раб прислушивался: что кричит какой-то борец на куче бревен у середины бухты.

— Ну что же ты! — повторил Сангав, уже сердясь. Тяжкая, избитая о камни кувалда качнулась над головой раба и, пролетев в двух пальцах от каменного острия, рухнула на Сангава.

Бухта словно ждала этого. Один за другим люди отряхивались от гнета обещанной свободы и кидались в бой за другую свободу — вырванную у врага, свободу не только себе, а всему племени, всей земле, стонущей под сапогом меднолицых повелителей.

Когда забили барабаны, Хиаб, втянув голову в плечи, ударил пятками коня, хотя знал, что не успеет. Ретивый стражник задержал расспросами, и время было потеряно. Три или четыре надела Хиаб миновал, пока слова «Бог идет!» от единиц передавались к тысячам, еще два проскользнул в пыли загорающих схваток. А потом навстречу выкатился сверкающий зубами и бронзой вал.

— К Башне! К Ба-ашне! — взлетало над хмельными от ярости и полузабытой свободы людьми. Хиаб рванул коня в сторону.

— Вот! Еще один! — покрытый язвами оол повис на поводьях.

— Братья! Я друг Принося... — Япт, похожий на Сима, ловко метнул камень. Разбитые губы не смогли докричать спасительных слов. Да и кто бы их услышал!

Через несколько дыханий толпа вновь устремилась к Башне. Впереди на Хиабовом коне скакал япт, так ловко метнувший камень. Атлантский торговец — болтун и весельчак, приятель всех подкормчих Канала, господин и самый дерзкий помощник Сима — лежал, уткнувшись в комья засохшей глины.

Ацтар наблюдал гибель Канала. Он видел, как надел за наделом расправляются с двуногими и четвероногими стражами, как билась и, опрокинувшись на

дно, погибла ладья западного края. Восточная ладья пошла к Башне верхней дорогой. Сперва она легко отбивала наскоки вылезавших из русла рабов. Потом ей наперерез кинулась толпа; другая выбралась из Канала за спиной. Кто-то направлял действия диких.

Стиснутая ладья остановилась, вразнобой замахала копиями и... рассыпалась на горсти беглецов. Ацтар отвернулся: помощи ждать неоткуда. Кликнув вестника, он продиктовал послание в Атлу. Больше никто не прибегал с вестями, не спрашивал повелений. Глава охраны внизу распоряжался защитой Башни, расставлял людей на крышах воинских домов и у окон. Пока они без труда отгоняли рабов поселка и ближних наделов. Но Ацтар видел, как с обеих сторон, по руслу и верхним дорогам, текут к Башне новые толпы.

В Западной бухте кипела работа. Свежая смена накинута на нее, как голодные на дымящееся мясо. Здесь, как и на Востоке, заканчивали третий ряд свай, устанавливали последние подпорки. Их крепили к сваям огромными бронзовыми гвоздями. Атланты тяжким вздохом провожали каждый забитый гвоздь — богатство весом в три десятка браслетов.

Ор поднял голову на странный шум за перемычкой. В нем не было ударов бронзы о камень, стонущего крика людей, не прорезались злобные вопли надсмотрщиков.

Кривоносый и Львиный Коготь, катившие бревно, тоже замерли, ловя странные звуки. словно огромный зверь, выкопанный людьми из-под земли, ревет, колеблясь между радостью и гневом...

Один за другим рабы бросали работу. На край ямы, где месили глину, вылезли покрытые грязью желтые фигуры. У шатра возле берега показался Кеатл. Вверх побежал гонец, скрылся за перемычкой и не вернулся. А странный шум на Канале становился все громче.

Из шалашей высовывались головы отдохавших после смены. Знакомый грохот работ их не разбудил бы. Но эти непонятные звуки... Забеспокоилась цепочка стражей. И тут над дальним краем перемычки показался всадник. На высоком коне, покрытом алой попоной, сидел запыленный гий. Растерзанная рубаха раба едва держалась на костлявом теле. Несколько-

ми скачками всадник достиг бухты и вдруг завопил на ут-ваау:

— Что же вы? Уснули? Бог идет! Бей узкоглазых!

— Бо-ог! Бе-ей! — откликнулись голоса в разных местах бухты.

— Бей! — заревел Кривоносый, хватая бронзовое тесло.

А Ор за рисованием знаков, видно, отвык на крик о добыче или опасности отвечать мгновенным прыжком. Бухта уже билась клубками яростных схваток, а он сидел, приоткрыв рот, держа никому уже не нужный лист кожи.

— Господин!.. Брат! — поправился Львиный Коготь. — Сними скорее это! — Он дернул бронзовый знак о семи веслах. Тонкий ремешок лопнул.

— Бог идет! Бей! — опомнившись, завопил Ор. Схватив попавшуюся жердь, он озирался, ища жертву. Вблизи бить было уже некого. Часть рабов побежала к стражам, остальные — к шатру, где вокруг Кеатла сбилась горсть воинов, умельцев и ремесленников. Ор помчался туда.

— Проклятые безумцы! — кричал Кеатл, отмахиваясь мечом. — Я же подарил вам свободу!

— Подавись ей! — Раб из ямы с глиной швырнул ему в лицо горсть жидкой грязи. Ослепленный Кеатл замотал головой. Рабы захохотали. Ору так и не удалось пустить в ход жердь. Когда он добежал до шатра, на берегу уже плясали над трупами, метались в поисках оружия, рвали Кеатлов шатер и листы с повелениями и рисунками.

— Что вы наделали! — закричал пораженный Ор. — Убили величайшего из умельцев, знатока тайн, мудреца...

— Нам его мудрости... — крикнул кто-то.

— Бейте прихвостня! — заорал здоровенный котт, надвигаясь на Ора.

Только заступничество Львиного Когтя спасло гия. Вместе, увлекая за собой толпу рабов, они побежали на южный край перемычки, где была конюшня.

— Братья! К Башне! — кричал Кривоносый.

Ор взял Кеатлова коня борейской породы. Желтогривый, мохнатый, незавидной бурой масти, он на дальних расстояниях легко обходил тонконогих коттских жеребцов.

Всадники быстро обогнали пешую толпу. Неза-

метно Ор оказался вождем трех десятков конных. Собственно, решили кони: Кеатлов Бурый не давал обгонять себя. Странно, дико выглядело в дневном свете умолкшее, почти пустое русло. Лишь кое-где лежали трупы, да брели наугад раненые. По берегам горели частоколы, рабы толпились у хранилищ еды. На одном из наделов два мамонта, довольные передышкой, набирая в хоботы пыль, посыпали друг друга.

Когда Ор со своими всадниками прискакал к Башне, вокруг нее остывал неудавшийся приступ. Видимо, уже не первый. Перед воинскими домами лежали трупы. Живые отбегали, прячась за стены складов и мастерских. Отползали раненые. Атланты, стоящие в два ряда на плоских крышах, не добивали их, сберегая стрелы.

За одним из домов Ор увидел Сима с несколькими людьми разных племен. К ним шли отряды, сумевшие раздобыть оружие, и отсюда бежали занять места среди осаждающих.

Ор подвел воинов к Симу.

— О! Ты из Западной бухты! — обрадовался тот. — Значит, Хиаб успел?

— Не знаю. Нас известил какой-то гий... — Лицо Сима омрачилось. В это время пеласг из толпы кинулся на Ора:

— Я знаю этого! Он служил узкоглазым! Повелевал нами... — Кривоносый оттолкнул пеласга. К тому на помощь кинулись два либа...

— Стойте! — Сим поднял руку. — Знайте и скажите другим: этот охотник, обманув врагов, освободил могучего вождя, который сейчас вместе с Дающим Огонь идет к нам на помощь. — Либы попятись, недоверчиво бурча.

Снова начался штурм. На этот раз частокол рухнул под ударами бревен, и вал орущих людей, прыгая через обломки, прорвался к Башне.

Невидимая за каменными стенами битва медленно ползла вверх. Вот из окна третьей ступени выбросили труп атланта. Потом с пятого этажа сам кинулся ошалевший от ужаса вестник...

Ацтар прислушался к лезущей со ступени на ступень схватке, еще раз окинул взглядом холмы вокруг Канала. Никакой надежды на подмогу. Кто-то очень

умный и ненавидящий готовил этот заговор. И, конечно, не только на Канале. Может быть, уже сейчас в городах и общинах, на кораблях и в храмах рабы кидаются на убаюканных безнаказанностью хозяев.

«Пускай! — подумал Ацтар. — Некому будет судить побежденного титана. И хорошо, что Канал не доделан. Не эти твари, так их правнуки сдохнут от стужи!»

Лязг оружия и крики зазвучали на последнем повороте лестницы. Повелитель Канала влез на барьер, окружающий площадку. Пустое и мертвое лежало внизу русло, вырытое, чтобы принести Хроану бессмертие, Ацтару власть и богатство, Земле — тепло.

— Подлые скоты! — крикнул Ацтар. Толпа притихла, увидев наверху фигуру в сияющем белом плаще. — Подлые скоты! — Ацтар любил знать все, даже ут-ваау. — Слабоумные обезьяны! Вы посягнули на власть народа, выбранного богами. Вы погубили великое деяние! Так пусть страшная кара падет на вас! Пусть ваши щенки окоченеют от холода! Вместе со всей Землей! — Фигура отделилась от перил и с поднятыми в проклятии руками полетела в Канал. Вздвухшийся плащ делал титана похожим на диковинный белый цветок. Толпа проводила падение радостным ревом.

— Братья! — тощий плечистый гий вскочил на перила, распахнул руки, как крылья. — Идем навстречу Богу!

— Навстречу! — Масса людей закачалась, раздался голоса: — На Холод! Большой дорогой на Холод!

Ор со своими всадниками ехал справа от главной толпы. Воины за спиной оживленно вспоминали события этого удивительного дня.

— А про что кричал с Башни этот Белый? — спросил молодой котт.

— Заклинание своим богам, чтобы мы все окочнели, — ответил его земляк постарше. — Ничего! Наш бог сильнее. Он не даст Земле замерзнуть.

Ор тоже на это надеялся.

Защищенная морями Атлантида не была готова к вторжению. Глинобитные стены Хиома и небольшой гарнизон могли противостоять разбойничьей шайке,

но не спасли самого северного города Срединной, когда войско повстанцев окружило его. Пока гии и пеласги вели перестрелку, бореицы, вооружившись бревнами из разрушенных домов предместья, проломили стену и ворвались в город.

Дорога к Каналу была открыта, до него оставалось полдня пути. Войско расположилось на ночевку за городом недалеко от дороги. Дергая за полы Гехру, Бронт уговорил ее выслать конные дозоры южнее лагеря. Мать бореицев состроила недовольную гримасу:

— Езжай, Чурмат. Только зря это! Кто может прийти ночью?

Едва отъехав от города, вождь бореицев послал назад двоих. Примчавшись в лагерь, они закричали, что с юга идут огни, много огней! Поднявшись на пригорок, вожди увидели в темном русле уходящей к югу долины капли огня, вытягивающиеся в длинную вереницу. Все новые огни выползали из-за холмов.

Севз послал вперед всех конных. Ускакал с котами Айд, уехал Гонд с сотней гиев, вооружились вымотанные битвой пешие воины. «Если там хоть три лады, они издерут в клочья нашу растрепанную стаю», — подумал Бронт с грустью, но не без злорадства.

Севз нетерпеливо топал ногой. Медленно собираются отряды! Надолго ли задержат врага три горсти всадников!

Вот! Началось! Передние огни закачались, рассыпая искры. Взлетели крики... Странно! В бою кричат не так... Промеат понял первым.

— Братья! — завопил он и бросился навстречу огням.

— Бог пришел! Он с нами! — раздалось в ответ.

— Коня мне! — гаркнул Севз.

Бронт остался один. Толпы наплывали из темноты. Факелы освещали тысячи изможденных, безумных от восторга лиц — смуглых, белых, черных. Огромная волна, как малую каплю, растворила четырехтысячное войско пришельцев. Теперь Бронт знал: что бы ни замышлял Севз, ему не обойтись ни сменой власти, ни даже уничтожением рабства. Этого не хватит, чтобы насытить выросший в подвалах и за частоколами гнев.

— Атлантиде конец! — пробормотал Бронт и не расслышал своих слов.

Тифон швырнул умывальную чашу, пнул ногами прислужников, изругал Акеана: мол, утренний кувшин сока плохо согрет. Будь они все прокляты: придворные льстецы с камнями за пазухой, отец, совсем было собравшийся к богам и вдруг окрепший, Майя и Акеан с их интригами, от которых нет толку! А теперь еще Урун — сушеный святоша, лезущий под Небо!

Вместо этих трусливых перешептываний вызвать бы десяток боевых мамонтов! Или выпустить во дворец всех зверей, приготовленных для зрелищ! Тифон захохотал, представив, какая вышла бы славная шутка! Прихлебатели отшатнулись. Скорей бы зазвонили на Башне, а то Боров того гляди опять что-нибудь выкинет.

Наконец с Башни поплыл над дворцом голос бронзы: Небо звало Подпирающего. Тифон пнул сапогом любимого пса и, переваливаясь, зашагал к лестнице. Акеан на вытянутых руках нес за ним знак о десяти веслах — одиннадцатое отнял проклятый Урун!

У подъема на Башню они столкнулись с двумя людьми. Передний в белом, как у Тифона, плаще, был худ, узкоплеч, высок для атланта. По бледно-желтому лицу с вогнутым лбом, длинным плоским носом, сморщенными губами трудно было угадать возраст. Во всяком случае, он выглядел старше краснолицего Тифона, хотя был моложе на шесть зим.

Сзади следовал старик в необычной одежде. Его алый плащ воителя украшали полосы желтого цвета. На ладонях воина-жреца лежала ладья об одиннадцати веслах.

Глаза Тифона стали совсем узкими. Через силу поклонившись, он пропустил встреченных вперед. Урун с гримасой брезгливости кивнул брату.

Сегодня Небо хорошо лежало на плечах, не качаясь и не давя на костлявый хребет. Уравновесив тяжесть, Хроан отдался привычным мыслям о Канале, малых и больших заговорах, богатствах и тратах.

...Меньше двух лун осталось до дня, когда он пустит стрелу в облитую нефтью стену. А потом — раздать рабов — по три за каждого взятого у владельцев займы, перековать на кольца тысячи кирок и лопат — и по Срединной покатятся хвалы щедрости Подпирающего. Пусть тогда Тифон попробует...

Вдруг Хроан краем глаза уловил шевеление. Вестник подал Итлиску листок — очень спешный, раз не дождался конца церемонии. Хроан сморщился: Небо больно надавило на левую лопатку.

Итлиск удивленно осмотрел весть: печать со знаком Хиома, а рядом на желтоватой коже три красные лошадиные фигурки: «Трижды спеши!» Что такого может сообщить глава захолустной Северной крепости? Читая послание, Держащий правую руку пару раз недоуменно моргнул, потом, мигом оценив, кого возвышает новость, протянул полоску Тифону.

«Наконец-то!» — опальный наследник поднял загоревшийся взгляд от торопливо нарисованных знаков. Хватит сетей, приманок, шепота! Пришло время мечей и мамонтов! Схватив за плечо Акеана, он горячодохнул ему в ухо:

— Гонцов к Италду и Цнаму! Чтобы немедля мчались сюда, — и со злорадной ухмылкой сунул весть Уруну.

Хроан изнывал под Небом, которое покрылось вдруг острыми, режущими спину выступами. Что за весть? Почему Итлиск отдал ее Тифону? Почему тот скалится, словно глядит на голую плясунью, а не на отца, едва удерживающего небесный свод? Что такое шепчет Урун, закатив рыбы глаза?

Наконец заныла бронза под рукой хранителя времени. Хроан неприлично прыгнул с возвышения, схватил листок. Он дочитывал весть, когда по ступеням вновь затопали сапоги.

— Держащий руку! — задыхаясь, вестник подал Итлиску новое послание. — Опять «Трижды спеши!» — оттолкнув Итлиску, Тифон схватил весть, запечатанную знаком Ацтара.

— Севз? Откуда Севз? Ты привез мне его голову! — кричал Хроан, встряхивая тощими кулаками.

— Севз или не Севз! — заорал Тифон в лицо отцу. — Я не считал ублюдков, которых ты плодил с

кругломордыми рабынями! И не я собрал полтысячи тысяч в одном месте копать проклятую канаву! Докопались! А теперь винишь меня, который бил диких и опять побьет. Или за них возьмется этот нюхатель благовоний? — Он, туго ворочая шеей, повернулся к Уруну.

— Не смей указывать мне! — взвизгнул Хроан. — Вот оставляю под Небом Уруна, а сам поведу войско.

Взглянув на чахлого, встревоженного отца, Тифон гулко захохотал. В проходе раздалось звяканье подкованных сапог по каменным плитам. Не спрашивая позволения, в зал Тайных бесед вошли Италд и Цнам. В шепоте, ползущем по дворцу, они уже уловили весть о вторжении и бунте.

— Куда! Не отряхнув пыли, с оружием!

Широкий, налитой силой Италд молча отодвинул старца. Следом шел Цнам. Наспех склонившись перед Хроаном, оба повернулись к Тифону.

Хроан выпрямился. Его лицо окаменело, выражая спокойную волю.

— Достань рисунок Срединной, — бросил он Ит-лиску.

Тот метнулся к стенной нише, развернул на столе длинный лист кожи. Еще несколько вздохов назад, пораженный вестью о восстании на Канале, Хроан, казалось, впал в отчаянье. Теперь он владел собой, и Тифон уже не решался возражать ему.

— В одном я вижу заступничество богов, — медленно проговорил Подпирающий. — Наше счастье, что ветер с юго-востока задержал в Срединной войско, готовое плыть в Анжиер. А теперь, воители, подойдите сюда и скажите, какова, по-вашему, может быть сила бунтовщиков и как они собираются действовать. Начнем с Италда.

— Ты что, с мамонта свалился? — приветствовала будущая жрица Канала пыльного растрепанного Акеана.

— Севз... идет на Атлу! — выдохнул Акеан. — Канал взбунтовался!

«Вот оно!» — Майя прикрыла глаза, вызывая в памяти те едва уловимые знаки, которые давно не давали ей покоя. Сейчас казалось странным: как можно было не угадать их значения? Она почувство-

вала отчаяние, желание разбить голову о полированные камни стены. Потом злоба перекинулась на Севза: живучий Бык! Надо было ему вломиться, когда до исполнения заветных замыслов оставалось меньше двух лун!

— Рассказывай! — Майя обернула к кормчему точенное из прохладного камня лицо.

Акеан, путаясь, пересказал вести с севера.

— Пойми, кормчий Хиома узнал Севза, — причитал он, — как нам теперь оправдаться с этой проклятой головой?

— Никак! — Майя достала чистый лист кожи. — Повинимся во всем. Помолчи! — хмуря брови, жрица покусывала тростинку. Потом быстро нарисовала три строчки знаков и протянула лист Акеану: — Ставь свое имя рядом с моим.

По мере чтения глаза Акеана стекленели, а рот открывался.

— Нет! — крикнул он, отбросив лист, словно змею. — Добровольно принять смерть! Ни за что!

— Болван! — Майя ткнула палочку в дрожащие пальцы кормчего. — Разве Севз не показал, как выгодно сколько-то времени побыть мертвым?!

ГЛАВА 10. БИТВА ПРИ ВУЛКАНЕ

Повстанцы двигались на юг, отмечая путь горящими селами и городами. Невиданных размеров войско, вернее разноплеменная орда, вооруженная необычным, но грозным оружием — лопатами, кирками, топорами — широко растеклась по Западной равнине, от моря до Главного хребта. На ее пути вспыхивали дома, рабы кидались на хозяев. Кое-где возникали очаги сопротивления, но быстро захлебывались в волнах гнева. На место одного погибшего раба вставало десять освобожденных. Атланты прятались и бежали, смятение охватило Срединную.

Вожди с войсками, приплывшими с востока и во много раз выросшими за счет принятых воинов, шли по дороге. На ходу формировались отряды, назначались командиры и вестники для передачи приказов.

Севза не радовала легкость побед. Чутье говорило, что враг собирает силы для удара. Где и когда он нанесет его? Севз слал во все стороны дозорных,

подолгу сидел с Бронтом над рисунком Срединной, стараясь угадать планы врага.

— Будет вам колдовать! — кричал Айд, блестя зубами и белками глаз. — У Даметры лучше получается.

Шестьдесят тысяч воинов Италда на двухстах кораблях уплыли на север. Войска, которые должны были вести Тифон и Цнам, спешно стягивались к Атле. В ожидании выступления Тифон пировал и развлекался, возмещая предстоящие походные тяготы. Иногда после доброй чаши или особенно острого зрелища он протягивал руку — похлопать по бедру Майю, или делал жест, который Акеан понял бы без слов. И тут же досадливо морщился.

Вместо них во дворец был доставлен лист с тремя строчками: «Приносящая жертвы Майя и кормчий при Наследнике Акеан с раскаянием доносят: когда Божественный у Анжиера бунтарей сокрушил, мы, гнусного Севза настигнуть не сумев, чужую голову за Севзову выдали. Нет нам прощения. В стыде и горести у алтаря Ушшар-усыпительницы добровольную смерть принимаем. Рисовано в Атле в год с Приплыва 1264-й, луны Перемежающихся ветров на седьмой день».

Показывая сыну лист, Хроан не попрекнул его злосчастной головой. Передоверив судьбу страны полководцам, он замкнулся и предался молитвам. Тифон чувствовал жалость к отцу.

— Не отчаивайся! — сказал он, повинувшись порыву. — Я подавлю бунт, и ты закончишь Подвиг. Ведь осталось немного?

— Всего половина луны, — вздохнул Хроан.

— Ну вот! Возглавишь дело сам. А я останусь держать Небо.

На двенадцатую ночь, перевалив хребет, войско бунтовщиков остановилось на плоском, поросшем кустами возвышении между двумя реками. После обычного препирательства с вождями Бронт добился, чтобы стоянку окружили дозорами. Тысячи огней рассыпались по равнине: отряды у костров готовили пищу, затачивали острия, беседуя о мести и возвра-

щении домой. С одного края доносилось тонкоголосое пение либов, на другом били коттские барабаны. На севере медленно опадали языки пламени — догорали два разрушенных днем селения. И словно ночи еще не хватало огней, на юге изредка приподнималось багровое зарево и доносился рокочущий вздох: шевелился в полусне вулкан Джиер.

Перед полночью к дозорам приблизились двое атлантов — мужчина и женщина. Под наставленными копьями они громко кричали: «Севз! Севз!»

— Эге-ге! Старые друзья! — Молниеносный долго хохотал, глядя на съжившиеся фигуры Майи и Акеана.

— О! Красная змея! — Гехра вспрыгнула со skóry возле Севза и выдернула из-за пояса нож.

— погоди! — остановил ее муж. — Позабавимся.

— Верно! — поддержал Айд. — Пусть споют, станцуют. А потом Даметра погадает о победе на их потрохах.

— Только не давай им есть с нами, — сказала памятливая Хамма.

— Кто такие? — Промеат недоуменно переводил взгляд с понурых атлантов на развеселившихся вождей.

— О-о! Ты не знаешь! Эта была мне женой, а потом перепрыгнула на ложе к моему братцу. А этот удрал от нас под Анжиером и погубил бунт городских рабов.

Акеан забормотал оправдания, но Майя ткнула его локтем.

— Ну что ж, птички! — Севз откинулся на меховые подушки. — Рассказывайте, откуда прилетели, что принесли на крылышках?

— Твою победу! — сказала жрица. Теперь хохотали все.

— Разве узнать замысел врага не значит победить?

— Погодите! — Промеат шикнул на веселых вождей. — Ты вправду что-то знаешь, женщина?

— Италд придумал, как раздавить ваше войско.

— А кто нас убедит, что ты не лжешь? — спросила Хамма.

— Предаст! Опять предаст! — крикнула Гехра.

— Мы в ваших руках, — сказала Майя, — если солжем, казните нас.

— Две головы — не слишком ли дешево за поражение? — оскалился Посдеон.

— По мне, — Майя вздернула подбородок, — жизни всех ваших воинов не стоят моей левой руки. А Акеан не отдал бы за них и мизинца!

— Она верно говорит, — кивнула Гезд. — Нам не понять этого, но собственная жизнь каждому из узкоглазых дороже всего. Поэтому они — племя предателей.

— Ладно! — Майя шагнула в центр шатра, в перекрестие злых, недоверчивых, насмешливых взглядов. — Я шла сюда, повинуюсь воле богов. И я покажу вам, что не торгую тайнами. Слушайте замысел Италда, а потом делайте с нами, что вам скажут боги!

Воины уже спали, когда на краю гийской стоянки возникло беспокойство. «Охотника Ора к вождям, скорее! Где охотник Ор?»

— Начальник, зовут! — толкнул Ора Львиный Коготь.

Ор сбросил с себя меховую накидку и заспешил к костру, где сидели воины, охранявшие коней.

Сразу после встречи высадившегося войска с восставшими рабами Канала Бронт решил создать отряд для сооружения переправ и рытья подкопов. Сим указал ему на Ора, и гий отобрал три сотни умелых работников. С тех пор его отряд то и дело посылали то прорубать дорогу в завалах, то строить мосты, пуская в дело стропила и балки с соседних домов. На всякий случай приказав своим людям быть наготове, Ор поскакал к шатру вождей.

По дороге он увидел, что лагерь задвигался. Старшие поднимали сонных воинов. Стремительные группы конных ныряли во тьму.

— Ого! — воскликнул Севз, когда гий вошел в шатер, щурясь от пламени десятков светильников. — День богат встречами! Сим, что же ты не сказал?

— Хотел посмотреть, вспомнишь ли сам, — процедил япт с непонятной улыбкой.

Ор впервые стоял перед вождями, обычно он имел дело с Бронтом. Но сейчас его внимание приковали не Молниеносный и рыжеволосая Мать гнев, а стоявшие перед ними атланты — умизанская колдунья и

предатель, когда-то нападавший на род Куропатки.

— Вспомнила! — услышал он голос Гезд. — Это ты заарканил весла на плотях! Подойди, я тебя ударю.

— Подожди, сестра! — остановил ее Севз. — Время наград еще не пришло. А сейчас, воин, скажи: понимаешь ли ты этот рисунок?

Ор подошел к Акеану, державшему кожу. Бывший кормчий сбивчиво объяснял планы атлантов. Ор понял, что основные силы врага во главе с Тифоном и Цнамом встретят повстанцев в долине у подножия Джиера, а Италд с одетыми в бронзу должен завтра высадиться в тылу войска, войдя с кораблями в русло, пробитое севернее долины.

— Если много кораблей войдет сюда, можно запереть их с обеих сторон? — спросил Севз.

— Запереть нетрудно, — сказал Ор, прочитав числа на рисунке, — канал узкий. Поставить крайние суда поперек и потопить...

— Понятно! — воскликнул Псдеон, не дослушав. — Гий закроет вход в канал, а я выход.

— Хорошо! — кивнул Севз. — А этих, — он показал на Майю и Акеана, — связать и не сводить с них глаз.

Во тьме по лесным дорогам Севз увел к спрямляющему руслу лучшие отряды. Остальное войско во главе с Промеатом утром продолжило путь на юг. С ним шли: хромая Хамма, неповоротливый умом Пстал, мало понимающая в войне Даметра, Койр с ибрами, поклявшимися никогда не оставлять Приносящего свет, а из опытных воителей только Гонд, которому и было поручено командование. Приказав пешим двигаться по дороге, Гонд с конными гиями и яптами устремился вперед, чтобы не дать врагам занять выгодную позицию. Воины Промеата старались двигаться быстро, к вечеру нужно было достичь подножия Джиера, а утром быть готовыми вступить в бой. Позади организованного войска, растянувшись на десятки стадий, тянулись несметные толпы освобожденных рабов, вооруженных или безоружных, верящих в возвращение на родину или проклинающих освободителей, нарушивших привычное существование, готовых отдать жизнь за Приносящего Свет или думающих только о том, чтобы утолить голод.

Пробравшись на рассвете к началу канала, Ор увидел, что перекрыть его будет просто. У берега стоял длинный корабль с ровной палубой. К нему с берега сбегала дорога, напротив, на том берегу виднелась другая. Гий понял, что это плавучий мост, который для переезда поворачивают поперек русла. Сейчас в ожидании кораблей стражники причалили его к берегу. Ор вернулся к засевшим в лесу воинам, объяснил, что надо будет делать, и вернулся на место, откуда был виден вход в канал. Около бревенчатой башни сидели несколько стражей. Запуганные вестями о вторжении, они держались вместе, не отходили от укрепления.

Вот дежурный на башне что-то крикнул, замахал руками. Ор перевел взгляд на море и заметил приближающиеся суда. Войдя в залив, корабли уронили паруса и один за другим на веслах начали вползать в узкое русло. Это продолжалось немисливо долго, солнце уже перевалило за полдень, когда последний корабль прошел мимо башенки.

Едва он отошел на пару полетов стрелы, Ор пронзительно свистнул. Тут же по всему склону с юга на север ударили коттские барабаны, подавая сигнал к началу атаки. Через несколько вздохов разноплеменный отряд Ора, обогнав командира, скатился к каналу. Стражи бросились наутек вдоль берега бухты, несколько пеласгов обрубил задний причальный канат плавучего моста, переплыли канал и развернули судно поперек русла. Другие, цепляясь за борт, крушили топорами днище. Корабль начал погружаться и застрял между откосами. Выход был перекрыт.

А на берег с яростными криками уже выбегали борейцы и котты. Атланты забились в ловушке. Каждая стрела, каждый дротик находили цель среди сбившихся на палубах воинов. Застигнутые врасплох, не успевшие надеть доспехов воины растерялись. Корабли один за другим прижимались к восточному берегу, чтобы защититься хотя бы полосой открытой воды.

— Руби деревья! — крикнул Ор своим.

Вдоль канала застучали топоры. Прибрежные сосны падали на палубы судов, калеча воинов; по качающимся стволам, как кошки, хлынули на корабли котты. Бросая оружие, атланты выбирались на берег и пускались в бегство.

Италд на засыпанной стрелами палубе оказался отрезанным от своего войска, рассеянного по попавшим в ловушку кораблям. Ему удалось вывести свой отряд на берег. Воины подожгли корабль, засели в кустарнике и начали отстреливаться. Но перешедших канал диких становилось все больше. Часть из них тушила огонь на корабле, другие стали обходить отряд справа. Неожиданно плотной толпой налетели котты, и воины Италда, лишенные панцирей, были смяты. Оставшиеся в живых скрылись в лесу. Италд убил троих нападавших и, раненный, заполз в заросли. Он слышал шум боя, который вспыхивал то справа, то слева, то далеко позади, иногда ему казалось, что кто-нибудь из кормчих сумеет сплотить воинов и дать отпор бунтовщикам, но все больше военачальником овладевало ощущение бессилья и сознание поражения не только в этом бою, а в чем-то большем, о котором даже страшно было подумать.

Ор со своими людьми связал два корабля и поставил поперек русла в виде моста. По ним, преследуя бегущих, поскакали борейские конники. Немного поодаль пеласги наводили вторую переправу. Берег был выше, и кони упрямылись, не желая прыгать на палубу.

— Стой! — закричал подоспевший Ор. — Делай деревянную тропу! — Он спрыгнул на корабль и схватился за широкую доску сходней.

Пеласги помогли подтащить и перекинуть сходни на берег. Борейцы начали переводить коней. Вдруг на Ора налетел огромный волосатый оол:

— Что делаешь, проклятый! Корабли! — Копьебородые едва оторвали от Ора осатанелого рыбака. Тот внезапно ослаб, лег на палубу и заплакал. Вокруг столпились, глаза на непонятную сцену.

— Он сломал корабли! — кричал оол неожиданно тонким голосом, стучаясь головой о настил. — На чем вернемся домой? Сдохнем в этой проклятой земле!

— Верно! — забормотали в толпе. — Он вынул из них силу!

— Неправда! — объяснял Ор. — Эти доски сделаны, чтобы сходить на берег! — Пеласги загалдели, подтверждая.

— Он обманывает! Он на Канале ходил в одежде врагов! — крикнул кто-то. — Предатель!

— Что здесь происходит? О чем спор?! — Два голоса грохнули, заставив разгоряченные головы втянуться в плечи. Севз и Айд, сердясь на заминку, спустились к каналу. — О, это ты, хитроумный гий! И мостки отыскал? Скорее, скорее ведите коней! Что? Кто ломал корабли?! — Севз нахмурился. — А-а! Эти доски!

Айд хохотал, согнувшись, держась за живот.

— Ты поплывешь домой на самом большом корабле! — сказал Ор, поднимая плачущего рыбака.

— Правда? — оол засиял, как ребенок.

Оставив тысячу пеласгов охранять корабли от остатков разбитого войска Италда, Севз и Айд выступили на рассвете на запад, рассчитывая обойти войско Тифона. Ор со своим отрядом двигался позади борейцев. Несмотря на то, что с Севзом шли только конные, лишь около полудня воины оказались на опушке над просторной долиной, по которой проходила главная дорога Срединной.

Впереди поднимался серо-красный Джииер с вершиной, окутанной дымом, два широких отрога спускались в долину, один навстречу воинам, за ним стояли бесчисленные шатры атлантов, суеились воины в кожаных шлемах, двигались мамонты. Второй отрог проходил правее, за ним угадывались силы восставших, а между отрогами раскинулось поле, где разразилось и еще продолжало разыгрываться невиданное сражение. Трупы павших рабов и атлантов покрывали дно долины, поднимались буграми десятки убитых мамонтов, пестрели заколотые кони. Сейчас бой шел у дальнего отрога, было видно, что атланты одолевают.

На подмогу атлантам катились высокие повозки, запряженные тройками коней. Они пронеслись через ряды расступившихся воинов, развернулись, хлестнули жидким огнем по ошетиленной копьями толпе рабов и понеслись назад. А к центру атлантского отряда против обожженных смешавшихся повстанцев уже спешили проводники с медведями.

Ор, наверное, благодаря своему Бурому оказался недалеко от Севза и видел, как вождь напряженно

оглядывается, принимая решение, от которого будет зависеть исход боя. Вот он обернулся к вождям, вытащил меч и, указывая им направление, крикнул:

— Чурмат, налево, разорая лагерь! Айд, прямо, в бок коннице! Я ударю правее! Будь проклята-а!.. — Севз пустил коня в карьер.

— А-а! — подхватили двадцать тысяч, гоня коней вниз по склону.

— А-а! — вопил Ор, освобожденный хмелем битвы от дум, сомнений, тревог — дикий всадник на диком, едва задевающим землю коне.

— Ага-а-а! — разглядев белый плащ, Севз погнал коня к телохранителям Наследника. Но котты уже смяли одетых в бронзу конников.

Любитель пиров и зрелищ, вздорный Тифон не был трусом. Крепко ухватив меч толстой рукой, он толкнул коня навстречу вождю негров. Первый удар принял неуклюжий в услужении новый кормчий Наследника. Сколько раз, кляня его, Тифон вспоминал проворного, угодливого Акеана!

— Спасибо, воин! — отбив меч, Тифон полоснул по черной груди.

— Молодец! — одобрил Айд и обрушил на врага такой удар, что шлем Тифона — из бесценной, синей, упавшей с неба бронзы — раскололся пополам.

— Уже прикончил? Эх! — Севз с досадой ткнул меч в ножны.

— Жирный, а хорошо дрался! — Айд кивнул на труп в белом.

— Все-таки мой брат! — хмыкнул Севз.

— Ну?! — негр заморгал. — Это и был Тифон? Сердишься, что я его убил?

— Еще бы. Хотелось сделать это самому.

Врезавшись в отступающих атлантов, Ор лишь одного достал мечом. Через миг он увидел, что каждого бегущего уже преследуют двое или трое.

— Эй, писец Агдана! — вздрогнув, Ор узнал Ипа. Желтое лицо либа еще подергивалось от ярости, но длинные губы уже улыбались.

— Ого! Какой конь! — затараторил он, совсем как в былые времена. — Где добыл?

— У самого Кеатла! — Ор потрепал гриву Бурого.

— Повезло! А зато у меня меч — во! — Он гордо показал окровавленное лезвие. — Не узнаешь?

— Агданов?

— А как же! — Ип хихикнул. — Я его — пестиком! Которым мясо отбивал. Он любил, чтобы понежнее!

Вот и Агдан мертв. Брат Иллы. А что с ней самой? С дочкой, Ферусом? До смерти захотелось еще хоть ненадолго забыться.

Наискосок вверх отходили атланты.

— Я туда! — заторопился Ор. — Будь жив!

— Сытной мести! — крикнул вслед либиец. — В Атле встретимся!

Собрав остатки войска, Цнам пытался уйти по склону вулкана в ущелье. Конники Севза скакали наперерез, но усталые лошади спотыкались на каменистом склоне. Уходят! Севз вздыбил коня и, потрясая кулаками над головой, взревел:

— Трусые проклятые! Стойте, р-разрази вас гром!

И тут произошло дивное, о чем из года в год, из века в век пойдут легенды, ширясь, расцвечиваясь величавыми подробностями: вдруг земля задрожала так, что у людей лязгнули зубы. Над кратером взвилась туча дыма, подсвеченного снизу пламенем. Мгновение Севз оторопело смотрел на свои воздетые в проклятии руки, потом затряс кулаками: «Р-рази-и!»

В ответ тяжко грохнуло, полетели раскаленные камни. Дымящимся градом они осыпали людей, не разбирая атлантов и бунтовщиков. Но ведь побеждающий во всем готов видеть поддержку свыше, а тот, кого бьют, — небесную кару.

— Гии! — крикнула Гезд. — Духи огня с нами!

— Рази их, Молниеносный! — взревели борейцы.

Обезумев от ужаса, атланты кинулись во все стороны. Гонясь за ними, повстанцы не заметили одинокую фигуру Цнама. Покинутый полководец вытащил меч. Осторожно, чтобы не порезать руки, он воткнул рукоять в трещину и отступил на шаг.

— С богами не поспоришь! — пробормотал он в горькой обиде на вмешательство высших сил в честное состязание воинов и упал на острие.

Раз за разом, постепенно стихая, грохал вулкан. Опустив меч, Ор огляделся. Битва кончилась. Уцелевшие атланты тянули руки навстречу ремням. Жалкие горстки убегали за южный отрог. Их не преследовали.

Воины, пошатываясь, собирались вокруг вождей. Инад со знахарками переворачивал тела, отыскивая те, в которых не угасла жизнь. Вот янты с жалобными криками столпились вокруг чьего-то тела. Видно, большой вождь погиб!

Вдруг, выкатившись из ложины, через поле понеслась пылающая колесница. Вzbесившиеся кони мчались, волоча за собой костер на колесах. «Тейя сказала бы, что вся Атлантида сейчас как эта колесница!» — подумал Ор, и сердце его вновь сжала боль: семья, Тейя, Ферус, Канал — что будет с ними в охваченной пламенем Срединной?

Задумавшись, он не сразу понял, что его окликает Гезд.

— Завтра весь день отдыхаем, — сказала она. — На закате приходи ко мне. Расскажешь о своей тропе.

Оплакали убитых, собрали раненых. Зазвучали разноплеменные песни. Наверху умиротворенно вздыхал Джииер. Ор шел через поле к шатру Гезд. Там и тут его окликали знакомцы с Канала. «Будь жив! Доброй мести!» — махал рукой Ор. Люди словно превратились в огромный род, где племена были семьями. Род человеческий! Не было еще этих слов ни в одном языке. Но Промеат уже сказал: все племена — братья!

— Садись, — улыбнулась Ору Гезд, когда он подошел к костру, — я поговорю с духами, а потом с тобой.

— Мать, лучше я отойду, — Ор потупился. — Я ведь непосвященный. — Гийские старшины удивленно уставились на него.

— погоди. — Гезд пристально посмотрела в пламя. — Останься, духи приняли тебя.

Впервые в жизни он сидел у священного костра, видел беседу Матери с духами и совсем было почувствовал себя настоящим гнем. Увы, ненадолго! Вожди разошлись, и Гезд стала расспрашивать Ора. Запинаясь, он рассказывал об Илле, служении знатокам, труде на Канале и о многом другом, чего никогда не сделал бы настоящий гий. К его удивлению, Гезд не гневалась.

— Значит, ты стал охотником узкоглазой и отцом ее дочери? — сказала она медленно. — Что ж! Возможно, духи захотели так на пользу племени. Ведь и в Севзе есть атлантская кровь.

— А Приносящий огонь — вовсе атлант! — подхватил Ор.

— Да, — лицо Гезд посветлело, — узнав его, я поняла: не все атланты плохи. А если отнять у них рабов и гнусные обычаи, может быть, они станут хорошим племенем.

— Много ли их останется в живых!

— Промеат не хочет лишней крови. Его люди идут со всеми отрядами, и у них есть вот такие знаки. — Гезд достала шиферную плитку. На ней были искусно нарисованы четыре фигурки людей: белая, желтая и черная, взявшись за руки, окружали красную, сидящую с протянутыми вперед руками. — Если узкоглазый имеет такой знак, значит, он не злобен, и пусть не тронут его, его семью и всех, кого он приютит в своем доме. На, возьми!

Ор схватил плитку:

— Можно мне сейчас поехать к своим?!

— Не спеши. Промеат уже послал своего брата, Инада, с таким знаком в долину синеодежд, а когда убьем Подпорку, он сам поедет туда. Он говорит: знание надо не убить, а раздарить.

— Мать гнев! — Ор вскочил с горящими глазами. — Помоги мне встретиться с ним! Ему надо узнать одну важную тайну!

— Она поможет битве? Нет? Тогда обожди. К тому же Приносящий ранен. В страшный момент битвы перед вашим приходом он повел яптов вместо убитого Чила и чуть не погиб. Его спас волосатый Ым, заслонил собой от ударов трех копий.

Утром Промеат велел собрать пленных атлантов. Севз и еще кое-кто из главарей предлагали жестоко покарать их, но Промеат настоял на своем. Да и у многих ли поднялась бы рука на эту унылую толпу!

— Слушайте! — Промеат с перевязанным плечом обратился к понурым соплеменникам. — Вот вы считали этих людей, — он показал на повстанцев, — тупыми и злобными зверями. А они дарят вам жизнь и свободу. Перед лицом богов поклянитесь не поднимать оружие и идите по домам. Говорите встречным, родне, соседям: брось копье, отпусти рабов, пока они не вырвали свободу зубами. Говорите: того, кто не был жесток, помилуют, хотя все виновны в

бедах, которые причинила Атлантида Матери Земле. Говорите: еще до холодов освобожденные уплывут в свои земли. Думай, как будешь жить, чтобы кара не повторилась.

А сейчас те, кто в душе произнес клятву, — идите!

Понурая толпа шатнулась, забормотала: сосед советовался с соседом, воины по привычке ждали слова загребных. Потом тонкие струйки людей потекли во все стороны. От толпы, как осадок на дне котла, осталось десятка три человек.

— Предпочитаете смерть смирению? — спросил Промеат.

— Храни нас Пта от такой дури! — вперед шагнул щекастый южанин в драном плаще кормчего. — Мы хотим служить истинному повелителю, который сразил громом нечестивого Тифона. Будем делать все, что повелят.

— Пусть остаются, — благосклонно мотнул бородой Громовержец.

Повстанцы шли на Атлу, не встречая сопротивления. На их пути стояли обезлюдевшие города и селения, атланты разбегались, никто больше не решался защищать Срединную с оружием в руках.

Отряд Ора двигался вблизи головы колонны, Бронт ожидал, что в Атле с ее каналами и мостами людям Ора достанется много работы. Но он ошибся. Перед самым приходом войска «рабы» Ситтара перерубили ремни всех главных подъемных мостов, и стража, не сумев поднять их, разбежалась.

Войско, заполнив улицы, двинулось к холму, сверкавшему бронзовыми крышами, тысячи копыт гремели по бревенчатым мостам. Наконец передовые отряды оказались на площади перед полированными гранитными стенами дворца. Несколько борейцев приблизились к воротам и были встречены стрелами.

— Бревно сюда, потяжелее! — крикнул Севз Ору. — Будем ворота ломать.

Но тут окованные створки распахнулись сами. Из ворот со склоненными головами стали выходить узкоглазые в белых, красных, желтых плащах. Впереди на поддрагивающих ногах семенил длинноносый человек в красном.

— Законный Повелитель! — затянул он, подвывая

от торжественности и страха. — Наконец ты спас нас от безумца Хроана! Возьми же Небо на мощные плечи и прими знак великой власти! — На вытянутых руках Итлиск держал ладью о тринадцати веслах. При первых слухах о поражении Тифона он велел доверенному чеканщику изготовить знак, а доверенным слугам — придушить мастера.

— Дождались, говоришь? — Севз спешился, вырвал ладью из рук носатого, швырнул на плиты и придавил сапогом. — Веди к Хроану! — рванул он царедворца за расшитый воротник. Итлиск повиновался.

Следом, расшвыривая атлантов, хлынули воины. Властные из властных Атлантиды — титаны, жрецы, держатели рук, туфель, богатств Подпирающего, путаясь в дорогих одеждах, расползались из-под ног вчерашних рабов.

Айд, Гонд, Чурмат пошли за Молниеносным. Сунув повод юноше, держащему коня Гонда, Ор побежал догонять вождей.

Шелестели под ногами гладкие плиты, неслышные тени кидались прочь или вдавливались в стены. Гулко откликнулся шагам огромный зал с двумя рядами краснокаменных статуй, подпирающих синий потолок. Так и не станет в их ряды девятый из Хроанов. В комнате у подножия Небесной башни он слушает шаги возмездия, прикидывая второпях: от кого чем можно еще откупиться:

— Пыльные! С оружием! Нельзя! — иссохшая фигура в желтом, раскорячившись, загородила вход.

— Безумный? — спросил Айд. — Не убивай. Они безвредные.

Отшвырнув плечом Блюстителя, Севз ступил в священный покой.

Чуть не плача от разочарования, Ор смотрел на Хроана. Вот этому общипанному, трясущемуся шакалу принадлежала власть над тысячами тысяч людей! По его воле губили и порабощали племена! Как же глупа Срединная со всеми ее мудрыми тайнами!

— Чего ты хочешь? — кричал Повелитель, сжавшись в дальнем углу ложа. — Хорошо, я верю, что ты мой сын. Дождись моей смерти — она уже близка. А пока я отдам тебе Восточные земли.

— Нельзя отдать то, чего уже не имеешь! — Севз шагнул к отцу.

— Возьми Небо сейчас, а мне дай окончить Канал!

— Будь он проклят, твой Канал! Восемь лет я ковырял там землю, и только ненависть к тебе не дала мне сдохнуть!

— Остановись! — Хроан вытянул руки навстречу Севзу. — Если ты убьешь меня, Небо рухнет и придавит всех!

— Фу, какой плохой старик! — огорчился Айд. — Когда тебя убивают, надо петь и смеяться, чтобы испортить врагу удовольствие...

— Э-э-й! Смотрите все!

На площадке Небесной башни, где Атла каждое утро видела Повелителя с Небом на плечах, стоял Севз. Но он не согнул руки ритуальным жестом, вставая под невидимую тяжесть, а поднял над головой тело в белой одежде и швырнул его с Башни. Труп последнего Повелителя Атлантиды, трепыхая плащом, устремился к земле.

Торжествующе заревели воины всех племен. Атланты съежились и закрыли головы руками в ожидании всеобщей гибели.

Но Небо не рухнуло.

Каждое утро Севз в сопровождении вождей объезжал захваченный город. Воины приветствовали Молниеносного. Столичные рабы, более воспитанные, чем землекопы с Канала, падали перед освободителем на колени, кричали пышные хвалы.

Никто из воинов не пожелал жить в каменных берлогах узкоглазых. На площадях и улицах стояли чумы и шалаши из облезлых шкур и драгоценных тканей. Едкий чад пожарищ смешивался с аппетитным дымком костров. Лишь в домах возле гавани не угасла жизнь. Здесь Зогд собирал атлантских мореходов, умельцев, купцов, знающих пути. На берегу бухты атлант с длинным лосиным лицом распоряжался переносом запасов из обгорелых складов.

— Ух, краснорожих сколько! — сморщилась Даметра. — Чила убили. Видеть их живыми не хочу!

— А домой доплыть хочешь? — поддел ее Посдеон.

Занятые люди скупилась на шумные приветствия.

Севз завернул коня. И вновь толпы бежали следом, сбивались на площадях:

— Севз! Потрясающий едет! Сла-ався, Молниеносный!

Когда вопли поутихли, Бронт решил попытаться еще раз.

— Повелитель, — сказал он, оттерев конем Чурмат, — Срединная уже на коленях. Не добивай ее!

— Значит, принять Небо? — осклабился Севз.

— Все высокорожденные просят!

— Постарел ты! — Севз хлопнул воителя по согнутой спине. — К чему мне эта полудохлая земля? Силу ей уже не вернешь. Сила уходит на Восток, Бронт!

— Хочешь уплыть с дикими и править ими?

— А так ли это плохо?

— Опомнись! Придя в свои земли, они разбегутся по своим землянкам, один род в десяти днях от другого. Дикие не терпят ничьей власти!

— Слушай, Бронт, — заговорил Севз, — все только начинается! Ты еще увидишь, как весь мир: земли южнее коттов и севернее лелегов, лягут мне под ноги. А Срединную надо прикончить, чтобы она не ткнула бронзовый нож в спину.

— Хочешь сделать из борейцев народ повелителей? — покачал головой Бронт. — Запомни, погубив Атлантиду, ты погубишь себя.

— Хватит! — взревел Севз, багровея. — Надоело твоё карканье!

— Больше не услышишь, — Бронт повернул коня и поехал прочь. В войске он больше не появлялся.

Птицы прилетали в дворцовую голубятню. Пришли вести о падении Умизана и Керба, о том, что Эстипог ведет из Анжиера полтораста кораблей. Новые слухи, путаясь и раздуваясь, летели по Атле: «Молниеносец знает такое слово: из одного корабля делается два!» «Боевые мамонты пришли и пали на колени перед Севзом!» Слава Потрясающего ширилась.

О Промеате говорили реже. Он задержался по пути в Атлу, чтобы овладеть Баадом. Город славился изготовлением кораблей. Если даже готовые успели уйти в океан, можно захватить недостроенные, нала-

дить постройку новых. Это было нужно для общего дела. Только... не пропустил ли он тот миг, когда дело перестало быть общим?

— Мне так не хватало тебя, о Бык Быков! — шептала Майя. Впервые за много лет она не лгала на ложе.

Гехра махнула рукой на примирение Севза с атлантской колдуньей. Прежде всего она — мать борейцев. И у нее теперь тысячи новых детей. Они перебыли обычаи предков, искали родичей, заново учились жить.

Рождались семьи. Но хорошо ли, что каждая мать может выбрать два, а то и три десятка лучших охотников? И какому племени принадлежат те, что родились в Срединной, смешав в себе кровь разных племен? Все это требовало крепкой женской руки, ласкового или строгого материнского слова.

Гезд тоже целыми днями разъезжала между отрядами, разрешая споры, охлаждая нетерпеливых. Вот приедет Приносящий свет, и все станет ясно: где еще добывать врагов, когда пойдут корабли домой, можно ли усыновлять мужчин-узкоглазых или только женщин и детей.

Ор тоже с нетерпением ждал Промеата. Ведь если Канал не завершить до холодов, он погибнет.

Отряды Промеата вошли в столицу через десяток дней после Севза. Воины шумно приветствовали друг друга, хвалились победами, добычей, новостями. Вожди встретились на дворцовой площади, посреди которой стояли два шатра: красный с молниями и синий со звездами.

Громовержец и Приносящий свет обнялись. Потом все пошли к большому шатру.

— Говорите новости! — Промеат, улыбаясь, оглядывал веселые лица.

— Новости говорит пришедший, — возразила Хамма, устраиваясь поудобнее.

— Хорошо, слушайте! Мы взяли три города и много селений. В городе Баад мы захватили тридцать готовых кораблей и почти семь десятков незаконченных. Часть наших осталась там — следить за работой корабельных умельцев.

Весть о кораблях встретили радостными возгласами.

— Чтобы они охотнее работали, — продолжал Промеат, — я повесил в воротах города защитный знак.

— Это неправильно! — нахмурился Севз. — Один знак защищает один дом. Так мы решили.

— Но, братья, — Промеат оглядел недовольные лица, — нам нужно очень много мореходов и кораблей, чтобы уплыть домой. Знаков не хватит.

— Все равно неправильно! — проворчал Пстал из Оолы.

— Разве Приносящий когда-нибудь делал неправильно? — приподнялась Гезд.

— Значит, ты думаешь, что не прав Потрясающий? — ехидно спросил Посдеон.

— Ну чего вы ссоритесь! — пожал плечами Айд. — Сотней узкоглазых больше или меньше — какая разница?

— Я всегда склонялся перед мудростью моего соратника, — заговорил Севз раздраженно, — но в одном мы не согласны, и я не хочу тайных раздоров. Вот здесь вожди и Матери племен: они знают, как надо жить людям. Пусть они решат, кто прав!

— Я соглашусь с их решением, — кивнул Промеат, пряча улыбку.

Севз говорил яростно, помогая себе широкими жестами. Он клял противные природе хитрости, которыми атланты призвели на край гибели племена Земли. А самая гнусная из этих хитростей — бронза! Ею слабый побеждал сильного, ею рыли каналы, сковывали руки рабам. И вот ее и все другие мерзости Промеат хочет не уничтожить, а раздать племенам.

— Скажите, мудрые Матери и вожди: правильно ли это?

— Бронзу убить, каналы убить! Зверей тоже! — яростно выкрикнул Пстал. — А каменный дом — хорошо. У оолов нету леса.

— Атлантские тайны гнусны и бесчеловечны! — сказала настрадавшаяся в рабстве Хамма. — Но, — деловито добавила она, — я научу своих делать крепкие ткани. Только у либов этим займутся мужчины.

— Хе, ткани! — сплюнул Посдеон. — Одежда из

кожи лучше! Но ладьи мы теперь тоже будем делать с палубами.

Чем яростнее вожди кляли атлантские хитрости, тем мрачнее становилось лицо Молниеносного.

— Что же случилось? — Промеат подмигнул Севзу. — Каждый взял то, что ему нравится — и вот уже почти нечего убивать?

Вожди засмеялись. Севз тоже улыбнулся, прикрыв тяжелыми веками глаза.

Через два дня Ор и Гезд поехали к Промеату, который поставил шатер возле гавани, чтобы следить за подготовкой кораблей. (Кое-кто шипел: «Чтобы быть поближе к краснолицым, которых отовсюду стаскивает туда Зогд!»)

— Не верю, что Севз так легко согласился с Приносящим! — говорила Мать. — И духи в огне дают тревожные знаки.

Когда Промеат поднял глаза на Гезд, его лицо осветилось, и Ор увидел, как этот свет отразился на лице огневолосой.

— Будьте сыты, Мать гиев и ты, охотник. Хороши ли вести?

— Вот сын Куропатки, о котором я тебе говорила. — Гезд подтолкнула Ора. — Он обучался у ваших хитроумцев. У него есть какая-то тайна. Выслушай его. Может быть, это и вправду важно.

— Это о Канале, — начал Ор, запинаясь. — Его все ненавидят. Но он должен поразить силы холода и при этом затопить Срединную.

— погоди! — Промеат откинулся, потирая лоб. — Я помню: была весть с Канала... Так это ты писал? — Приносящий посмотрел на гия с новым интересом. — Я тогда дивился: что за странная сказка?

— Это не сказка, — ответил Ор и стал рассказывать Промеату об открытии Эрама, расчетах Феруса и тайне Канала, известной только троем.

— Значит, ты считаешь, Канал надо завершать? — Лицо Промеата помрачнело в предвидении новой ноши.

— Там совсем мало осталось! — заспешил Ор. — Две перемишки по четверть стадин, а потом стены поджечь...

— Ферус — дикарь, — покачал головой Промеат и пояснил: — Давно в одном племени я встретил

колдунью, которая каждое утро вызывала Солнце и утверждала, что может сделать это хоть среди ночи. Таковы были ее наивность и невежество. Атланты давно уже поняли могущество богов и не приказывают им, а обращаются с мольбами. Этцар даже имеет учение о едином божестве, устанавливающим гармонию, между борющимися духами.

И вот появляется человек, который решает вмешаться в войну богов! С помощью неких действий дать победу силам тепла. Меня не удивляла затея с Каналом — Хроан хотел поразить всех грандиозностью работ, это в духе правителей. Но я думал, речь идет о небольшом потеплении на севере Срединной. А выходит, Ферус замахнулся на изменение судеб мира! Может быть, он безумен?

— Нет, — покачал головой Ор, — если у твоей колдуньи вера в свое могущество шла от незнания, то у Феруса — от высшего знания. Во дворце должны быть все листы о Канале, прочти — и ты убедишься.

— Они не во дворце, — сказал Промеат. — Мы дворцовое древо перетащили сюда. Подальше от Севза. Хорошо, охотник, подбери мне основное, что считаешь нужным. Инад поможет тебе.

Весь вечер и половину ночи Промеат читал, одолевая дерзкие доказательства и невероятные числа. Ор давал пояснения, Гезд обороняла шатер от уймы людей, имевших или выдумавших дело к Приносящему свет. Ей было хорошо — от гордости за соплеменника и близости к Промеату.

Наутро Промеат собрал самых преданных: тех, что плели разговор, готовили племена к битве; из племенных вождей — только Гезд и Икта, который после гибели Чила стал копьем Даметры. Кроме Приносящего, среди собравшихся было еще два атланта. В одном Ор узнал Зогда, спасшего остатки бунтарей под Анжиером, в другом, к немалому изумлению, — работоторговца, который давал Паланту гнев для пути на Зирутан. Кривоносый и Львиный Коготь вошли вместе и шутливо согнули колени перед бывшим главой слоновых бурдюков.

В простых словах Промеат развернул перед притихшими соратниками великий замысел Феруса. Зогд слушал увлеченно, как в далекие дни, при обсуждении чьего-нибудь смелого поиска. Лоб Икта морщило недоверие. Молодые ибры поблескивали глазами. Их

руки уже тянулись к лопатам. Торговец сперва радостно кивал, а когда дошло до затопления Срединной, его лосяное лицо стало испуганным. Только глядя на Сима, нельзя было понять его чувств. За годы, проведенные на Канале, к его лицу прочно приклеилось выражение туповатой покорности. Сколько раз эта маска спасала вождя заговора и все дело от гибели!

— Как же мы поступим, братья? — закончил Промеат.

Собравшиеся молчали. Некоторые думали, другие озирались, надеясь подсмотреть ответ на лицах соседей, третьи смотрели на Промеата.

— Три года я рыл землю на Канале, — заговорил пеласг с искривленной шеей, — и каждый день растил в людях гнев на Хроана и его проклятый подвиг. Какими словами уговорить их вернуться туда?

— Гии давно знают, что духи стужи бьются с духами огня, — сказала Гезд. — Мы поддерживаем горячих духов песнями и лучшими оленями из наших стад. Но правда ли, что эта страшная канава поможет им?

— Да, — кивнул Промеат. — Ферус верно угадал желание духов.

— Тогда чего же размышлять! — вскинулся один из ибров и тут же покраснел под взглядами старших.

— Не верю я, что от этой ямы земля согреется! — сказал хмурый Икт. — А вот люди отшатнутся от нас.

— К Севзу, — кивнул Сим.

— Про тепло и мне не верится. — Кривоносый смущенно глянул на Учителя. — Но, — он сжал кулаки, — если вода вправду зальет эту землю, то канаву лучше бы закончить.

— Учитель, ты вел нас на два подвига, — заговорил Сим, — освободить людей от рабства и вернуть их на родину. Первый близится к концу. Впереди второй, не менее трудный. И вот тебе говорят: «Возьми третье дело — еще более тяжелое». Люди ненавидят Канал. Сумеешь ты их переубедить? Севз ждет, чтобы ты споткнулся. Сумеешь устоять? Решай один — выполнять будем все.

— Выполнять? — Промеат пристально посмотрел на япта.

— Ну вот! Впервые за десять лет проговорился! — развел руками Сим.

На следующий день Промеат собрал Совет Вождей. К удивлению многих, Севз не кинулся в схватку. Он сказал спокойно, что не верит в эти сказки. Но он, Севз, помнит уговор: пусть люди сами выбирают!

Так и решили: кто хочет идти с Промеатом на Канал, пусть идет!

— А что, эти стены, которые надо поджечь, высокие? — заинтересовался вдруг Айд, громче всех плевавший вначале.

— Десять рослых коттов один на другом до верху не достанут.

— Эх! — махнул рукой негр. — Пойду с тобой! Люблю хорошие пожары!

— Ф-фух! — вздохнул Промеат, выходя из шатра. — Осталось совсем немного: собрать людей да срыть перемычки.

— Мне лучше остаться здесь, — тихо сказал Сим, глядя на Севза, широко шагающего к шатру Майи.

— Зря ты ему не доверяешь, — укорил япта Промеат. — Но, если считаешь, что так лучше, оставайся. Поможешь снаряжать корабли. А ты, — Промеат обернулся к Ору, — скачи в Долину Древа, бери Феруса, других, кто согласится, и веди на Канал.

Гезд настояла, чтобы Ор взял шестерых воинов.

— Видишь, как Приносящий все устроил: через три ночи увидишь жену, потом достроим твой Канал. Чего хмуришься?

— У жены на Юге родичи. Боюсь, худо им приходится.

— Хорошие люди?

— Не злые. Отец ее меня заставил знаки учить, с братом мы из одной чашки ели. Малолетки есть...

— Надо помочь! — кивнула Мать. — Я на юг как раз крепкую стаю шлю. Дадут твоим защитный знак.

— Ловко Бык обошел Промеата! — засмеялась Майя. Они сидели с Акеаном у входа в синий шатер.

— Но Промеат добился своего!

— Себе на беду! Порывшись в земле, дикие быстро остынут и сразу вспомнят, что Севз был против этой затеи. А мы тем временем оттолкнем от Промеата диких, которые останутся в Атле.

— А надо ли губить Промеата? — Акеан задум-

чиво почесался. — Севз хочет спалить Срединную, а Промеат — спасти, что можно. Ты что, предпочитаешь ходить в шкурах и жрать сырое мясо из деревянной плошки?

Майя рассмеялась, представив себе такую жизнь. Проходившие мимо борейцы покосились на развеселившуюся колдунью. И чего нашел Молниеносец в этой краснорожей? Причуда Бога!

— Вот ты говоришь, — Майя переждала, чтобы бородачи прошли, — Промеат хочет спасти Атлантиду. А к чему она нам? На этой земле три поколения будут рождаться бессильные трусы! Сила уходит на Восток. Бык чует это и рвется вслед. Знаешь, в чем сила Быка, та, что делает его вождем? — Она приостановилась, подбирая слова. — Нужно ему он умеет изобразить как великое дело для общей пользы. И, главное, — сам верит этому! А когда прежнее объяснение становится невыгодным, он, отшвырнув его, как рваную тряпку, находит новое. И опять верит ему и заставляет верить других. Понимаешь?

— Что-то слишком мудрено, — покачал головой Акеан.

— А вот смотри: в рабстве он возненавидел бронзу, которая сильного делает слабым, а слабого сильным. В слабых-то оказался он! Значит, убей бронзу!

— Но сейчас мощь вернулась к нему.

— И он хочет ее сохранить. Значит, нельзя дать тайну бронзы всем племенам. Поэтому сейчас лучше никому, чем всем! А потом, когда понадобится прижать непокорных, найдутся другие слова. — Майя наклонилась к собеседнику. — Бык послал тысячу кудлатых разорить главное гнездо знатоков.

ГЛАВА 11. ПОДВИГ

Чувствуя нетерпение хозяина, Бурый то и дело переходил в короткий галоп. Шестеро детей Лисы — рода самой Гезд — едва поспевали следом. Ору было радостно и тревожно. Завтра он увидит Иллу, дочь, расскажет Ферусу о решении Промеата.

— Старший! Впереди много воинов проехало, — окликнул Ора один из детей Лисы.

Мощенный плитами путь кончился. На пыльной дороге впереди тянулись свежие следы конских копыт.

В груди у Ора заскреблась беспокойная мышь: что за воины, куда едут? Выше по ущелью маленькое селение, где дом Тейи, а потом Долина Древа. Что там делать воинам?

Ор, спешившись, пощупал конский навоз. Чуть теплый!

— Скорее, Бурый! — бормотал он, взбираясь на коня. — Боюсь, это недобрые следы!

Время близилось к закату, когда гни нагнали бореЙцев.

— Что ищете на этой тропе? — приветствовал их старший задней сотни.

— Говорят, тут в селе есть рабы из нашего рода.

— У-у! Наверху не простое село! — ухмыльнулся бореец. — Там живут самые зловредные из узкоглазых, те, что обучили медведей, придумали бронзу и горящую воду. Чурмат сказал, что они даже некоторых наших околдовали. Знаешь, тех, рогатых, что Промеат с собой привел.

— Как это околдовали?

— А вот так! Заставили себя охранять. Ничего! — Бождь подбросил и поймал копье. — Мы их быстро расколдуем. Езжайте и вы с нами! Наверное, ваши земляки в рабстве у этих колдунов.

В сумерках Севзовы каратели остановились у выхода из ущелья, где весной пасли скот пастухи из Внешнего Круга. Ор со своими гиями стал выше по склону, поодаль от бореЙских костров.

Едва стемнело, семеро гиев тихо повели коней в обход и выбрались на дорогу выше лагеря бореЙцев.

Назад уходили башни скал, на поворотах кусты цеплялись за одежду. Впереди показался синий от луны дом Тейи. Не слезая с коня, Ор забарабанил в дверь. Дом ответил гулкой пустотой. Значит, укрылись в Долине.

Странной жизнью жила Долина Древа. По утрам мудрые спускались к озеру; умывшись, шли к трапезной, потом принимались за привычные занятия. Но во время еды или работы руки людей вдруг замирали, глаза становились пустыми. Никто не знал, продолжать ли завещанное Цатлом, и кому достанутся знания, если вообще уцелеют? Через пол-луны после птицы, прилетевшей с вестью о бунте, к входу в До-

лину подошел отряд ибров. Стражи из Воинской Школы зажгли факелы у бурдюков с нефтью, поставили на стену корзины со змеями. Но от пришельцев подъехал к воротам атлант и сказал, что воины присланы охранять Древо. Знатоки постарше узнали Инада, бежавшего с Промеатом пятнадцать лет назад. Инад пожелал говорить с Хранителем Сокровенного.

К вечеру из ворот выбежали к ибрам рабы Внешнего Круга. Стражи на стене хмуро наблюдали встречу, прислушивались к веселому гомону в лагере дикарей. Фар в трапезной сказал, что Промеат собирается, одолев Срединную, приехать в Долину, говорить с бывшими собратьями. Знатоки затеяли по этому поводу бестолковый спор и разошлись по гротам, ничего не решив. А что они могли решить?

Илла, как и все, жила, не зная, чему верить, каким богам и о чем молиться; то ждала живого Ора, то вести о его гибели. А если он придет — победитель, покрытый кровью ее народа, как она встретит его?

Счастливая Тейя! У нее сын и муж самое злое время переживут в дальнем плавании. «Если переживут!» — вздыхала певица. Теперь уже она нашла приют в доме Иллы.

Стражи Долины прислушались: что за суета у диких — бегают дозорные, загораются факелы... Может быть, Хроан, разметав грязные орды, послал ладью славных копьеносцев на выручку своим знатокам?

От шалашей отделились двое и пошли к стене. Просить пощады?

— Эй! Идет Ор, ученик Феруса. Опустите луки — у нас нет оружия. — В свете факела глава стражей узнал гия. После недолгого спора его и Инада впустили внутрь.

В трапезной пахло горящим маслом. Знатоки слушали Ора.

— Их больше тысячи, и они полны ярости. Всем надо уйти отсюда до рассвета, — закончил он.

— Чем ты докажешь, что не надумал выманить нас, чтобы перерезать? — прокрипел Умгал, глава Сомневающихся.

— Ничем, — просто сказал Ор. — У меня на это нет ни времени, ни желания. Хочешь — останься и убедись. А кто верит, выходите к шалашам у стены.

Мы пройдем немного вниз и свернем к Двойному перевалу, чтобы избежать встречи с бореццами.

— Уйдем от этих — прирежут другие! — буркнул Умгал.

— Я уже сказал, можешь оставаться. Сейчас не до споров!

— Ах, ты хочешь, чтобы я остался? Тогда я иду!

— Умгал, Умгал! Ты все тот же! — покачал головой Ор, и многие знатоки не удержались от улыбки. — А тебя, Ферус, я прошу уйти со мной на Канал. Промеат хочет завершить его.

— Неужели это возможно? — встрепенулся Ферус.

— Ор! — Илла отшатнулась, но тут же кинулась вперед и обхватила застывшего в дверях гия. — Ты жив!

Увидев его, она тут же забыла раздумья о муже — бунтаре и убийце. С ней был Ор — добрый, сильный, не способный на низость. Она пойдет с ним всюду, и его враги будут ее врагами.

Зира, дичась, пряталась за мать. Тейя стояла у двери с немим вопросом в глазах. Ор осторожно высвободился и заговорил хрипло:

— Собирайтесь! Берите еду, теплую одежду, постели. Сейчас мы уходим.

— Куда? — Бронзовое лицо Иллы стало медленно желтеть... — Ор, они идут? Титаны разбили вас?

— Совсем не то! — Ор мотнул головой, набивая в мешок полосы сушеного мяса. — Мы побеждаем всюду.

— Зачем же тогда...

— У восстания два вождя. Промеат хочет помиловать смилившихся. Севз — перебить всех. Тейя, скажи соседям: кто хочет спастись, пусть идет к шаламам у стены...

Солнце уже поднялось над горами, когда Инад дал сигнал остановиться. В заросшей буковым лесом ложине распевали дрозды. Зимородок синим зигзагом промелькнул над ручьем и метнулся от припавших к воде людей.

Словно зная, что опасность миновала, захныкали дети. Матери торопливо совали им еду, опасливо ко-

сясь на дикарей. Прискакал десяток ибров из засады у поворота. Старший, жестикулируя, рассказал, что бореицы проехали, не заметив тщательно замеченных следов. Потом из теснины донеслись боевые вопли. Около сотни знающих и служителей не пошли с Инадом. Они решили дать врагам Атлантиды бой в теснине, а ночью уйти по скалам.

Инад представил стену в ущелье и знатоков Воинской Школы, решивших на прощание блеснуть мастерством. Ероша редкие волосы над лбом, он с беспокойством смотрел на растекшуюся по поляне толпу знатоков и жителей Внешнего Круга с женами и детьми. Что ему делать с ними?

Вот Ор у ручья в чем-то горячо убеждает Феруса и еще несколько знатоков. Рядом сидят две атлантички, а под деревом на расстеленной шкуре спит девчушка — скуластая, но с соломенными волосами. Инад вспомнил свою подругу — тонконогую плечистую горянку на голову выше его, сыновей, черные волосы которых заплетены рожками. Сейчас матери там, в котловине, смотрят на небо: не летит ли голубь от Промеата. А Промеат, наверное, объезжает отряды — зовет людей вернуться к проклятым лопатам.

Когда беглецы немного отдохнули, на середину поляны вышел Ферус и объявил, что у него есть слово к тем, кто захочет его слушать. Три сотни растерянных знатоков окружили главу школы.

— Слушайте, люди Долины, — начал старик, — сейчас я буду пророчествовать. Знание судьбы — великая ценность. Я открою вам будущее настолько, насколько сам сумел проникнуть в него. Учтите, что оно не предрешено и в чем-то зависит от вас, кстати, и от того, услышите ли вы меня.

Пророчество первое, — объявил Ферус. — Если Канал не будет окончен, через пятьдесят лет море станет зимой замерзать у Атлы. Через столетие ледники Эрджаха опустятся в плодородные долины Эльтома, даже на западе у Птаада не будет вызревать хлеб. Еще через два столетия вмерзшая в море Срединная уже никого не сможет прокормить. Через пять тысяч лет льдом покроются все моря и океаны, земля окоченеет, наступит великий холод и великая сушь. И если силы тепла когда-нибудь вновь одолеют льды, то богам жизни придется создавать все живые существа заново.

Ученые, поеживаясь, слушали это мрачное предсказание.

— Пророчество второе, — Ферус, нахмурясь, посмотрел на Ора. — Если мы закончим Канал. Уже через год-два огромное пространство Северо-Восточного моря очистится ото льдов. Теплые ветры двинутся на восток и к ледяной стене, растапливая льды. Тепло придет и в Срединную. По два урожая можно будет собирать на юге, станут снова плодородными области севернее Канала. Но, — Ферус поднял руку, — талые воды хлынут в океан, он начнет подниматься, и к тому времени, когда растают все льды, Атлантида окажется полностью затопленной.

Слушатели зашумели, стали переглядываться.

— Не думайте, что я придумал это сейчас, — продолжал знаток. — Это знание я имел, затеяв Канал, и хранил в тайне. Да, я обманул Хроана, обманул всех, не раскрыв до конца последствий Подвига. Только два человека — Палант и тот гий, что спас вас, — узнали ее, узнали сами, без моей помощи. Но не содрогайтесь — Срединная будет затоплена не за одни сутки. И все же главные земледельческие равнины Атлантиды и Анжиера окажутся под водой через сотню-другую лет. В это время море zalьет перешеек, где мы строили Канал. В широкий пролив хлынут теплые воды, и потепление пойдет быстрее. Через триста лет уйдут под воду почти все города Атлантиды и только Главный хребет, неудобный и крутой, будет возвышаться среди океана. Через половину тысячелетия океан подступит к Умизану. Сперва Стикс потечет вспять, потом и весь Умизанский перешеек будет залит, и Окруженное море станет огромным заливом.

Ведь оно когда-то и было заливом, иначе как объяснить, что вода в нем соленая? Просто за то время, когда море отделилось от океана, реки не успели полностью опреснить его. Тогда беда придет к людям востока. И у них будут залиты почти все пригодные для жизни земли.

— Что же ты наделал со своим Каналом! — воскликнул Сцлунг.

— Тебе больше по душе первое пророчество? — остановил его Ферус. — Да, я предвижу трудное время для всех людей. Но не навеки. Вместо затоплен-

ных земель очистятся от льда невиданные просторы, согретые солнцем, орошаемые дождями и реками. За несколько столетий они покроются степями и лесами, и мир станет намного уютней и ласковей нынешнего.

— Если останется кто-нибудь, способный это оценить, — проворчал Умгал.

— Все это будет происходить постепенно, — закончил Ферус, — от поколения к поколению. У меня нет сомнений, что дикие переживут трудную эпоху. Что касается атлантов — ваша судьба в ваших руках. У вас есть все, что накопили наши предшественники, есть умение думать, а теперь еще и знание будущего. Если вы сможете убедить людей Срединной подчиниться разуму, Атлантида возродится на новом месте — южнее Земли коттов или в Стране предков. Знайте, Паланта я послал не для изучения течений, а на поиски земли для новой Атлантиды.

Ферус замолчал, утомленный длинной речью.

Долго не утихали на поляне споры. В конце концов спасенные разделились. Десятка четыре отошли к Ору, остальные к Неалу, главе школы Звериных тайн, который предлагал уйти в горы и переждать, пока дикие не покинут Срединной. К удивлению Ора, Умгал примкнул к строителям Канала, а Тхан к сторонникам Неала.

Прощанье было торопливым. Люди не смотрели в глаза друг другу, то ли стыдясь своего решения, то ли боясь передумать.

Неал повел людей вверх, отряд Инада и Ора повернул вправо.

— Погодите! — раздалось позади. — Нас не берут! — сказал, задыхаясь, пахарь с пучками седых волосков на подбородке. Он вел за руки двоих детей. Следом бежала жена с сосунком на руках.

— Говорят, не сможем идти быстро, — добавил ремесленник, за которого цеплялась девчушка лет пяти.

Инад беспомощно смотрел на новую обузу. Но ему не пришлось решать. Горбоносый ибр, перегнувшись с коня, взял пухлого темнолицего мальчугана, рыжий сын Лисы, расстегнув парку, сунул за пазуху сосунка.

На третий день пути тропа поднялась на южный склон ущелья, ведущего к Двойному перевалу. Впереди возвышался рыжий склон Джiera. Правее в небе виднелось несколько точек: коршуны еще не сняли дозоры над долиной, где недавно для них было устроено невиданно щедрое пиршество.

Когда тропа пересекала лесистый отрог, из кустов на голоса вышел мамонт и, радостно махая хоботом, направился к людям. Передние всадники попятились, хватаясь за копыя.

— Не бойтесь! — крикнул, проталкиваясь вперед, япт из Внешнего Круга. — Без повеления он не воюет! — Япт свистнул. Зверь тонко затрубил и повернулся к человеку боком.

— Вон оно что! — ремень на боку мамонта растегнулся, и плетенная из прутьев площадка съехала на шею. Ласково приговаривая, япт растегнул второй ремень и хлопнул зверя по хоботу. Мамонт выровнял площадку, помог затянуть оба ремня, а затем, обхватив за бедра, поднял человека к себе на спину.

— Эй, давайте слабых! — велел япт. Мамонт принял на спину матерей с детьми и разбитого верховой ездой Феруса.

Ор обычно ехал рядом с мамонтом. Бурый, видно, признал Красно-бурого равным себе и не рвался обгонять. Гий весело перекликался с молодой атланткой, сидящей возле Феруса, иногда брал у нее забавную девчушку, и та со счастливым визгом вцеплялась в гриву коня.

У Ора — жена-атлантка! А та, тонколицая, что едет, держась за пояс Инада, — жена Паланта. А у Феруса не было ни времени, ни желания завести семью. Канал был его женой и единственным детищем. Смогут ли дикие без бичей и кормчих закончить его?

Плавно покачивался мамонт, стучали копыта коней. Бурый всхрапывал, ставил уши торчком, прислушиваясь к лепету Зиры. В жизни не возил таких всадников!

Ор тоже думал о Канале: целы ли бревенчатые стены, сколько найдется лопат, кто будет их затачивать? Первым делом обшарить хранилища — собрать всю уцелевшую еду...

Стучали копыта. Рогатая голова ибра качалась впереди. Держась за дикаря, Сцлунг уносился мыс-

лями вдаль. Нет, закончив Канал, он не пойдет с Промеатом и не попросится сыном к Куропаткам, как уговаривает Ор. Зиму придется переждать в Срединной. Тяжкая будет зима: города сожжены, урожай не собран... А весной новый Цатл поведет тех, кто не пал духом, искать третью родину. Вдруг он, Сцлунг, станет Цатлом? Тогда Ферус будет Хранителем Сокровенного. А Умгал?..

Стучали копыта. Звонче, чем олени, но тоже приятно. Обхватив за пояс старшего из своих охотников, Алх мирно подремывала. Остальные мужья — уже шестеро — ехали рядом, тоже на конях.

«Хороший зверь — конь! Надо взять на развод в гийскую землю. Или выменять у борейцев? Впрочем, с ними, видно, придется воевать, а не меняться! У-у, кудлатые: Иллу и Тейю убить хотели! Чем они хуже гиянок! Разве что не хотят устроить одну семью с ней и ее гиями. Одна Ора заарканила, другая ждет того тощего насмешника... Пусть! — благодушно решила Алх. — Найду себе в сестры еще гиянок».

— К вечеру будем на месте, — сказал Ор Инаду. — Боюсь, мало лопат найдем.

— Не беда! Шапками выроем! — хохотнул Умгал.

Еще издали увидели, что стена Западной бухты стоит прочно. В Канале почти не осталось следов бунта. Лишь белели кое-где кости, обглоданные одичавшими волками. Они съели и кожаный шатер Кеатла, подобрали листы повелений и подсчетов.

От перемычки до Башни почти все русло было закончено. Местами земля со склонов осыпалась на дно. Ферус сказал — это ничего. Течение будет быстрым и все вычистит.

— А если медленным? — поинтересовался Инад.

— Тогда весь Канал ни к чему, — ответил старик.

— Вода в него вовсе не потечет! — успокоил Умгал.

— Ты не Сомневающийся, а просто невежда! — напустился на него Сцлунг. — Сто раз измерено, что уровень океана у западного берега Срединной намного выше, чем у восточного.

— Что, прижали тебя? — усмехнулся Ферус. Он все больше оживлялся, в глазах появился горячий блеск. Стараясь не выдать крепнувшей надежды, он ворчал при виде сломанных лопат, дырявых корзин;

накинулся на Ора, что у того нет рисунка Канала, забыв, что сам не захватил его из Долины. Ор улыбался: старик еще всем покажет!

У Башни Ацтара уже дымились костры, люди Инада строили шалаши и навесы из обгорелых досок, обшаривали хранилища. Поддерживаемый Ором Ферус одолел восемь этажей Башни и, задохнувшись от спешки и волнения, остановился на предпоследней площадке.

— Восточная стена стоит! — крикнул сверху обогнавший их Сцлунг.

Четыре дня рыскали вокруг, собирая инструменты, разведывая уцелевшие склады. Но главную добычу привозили Ор и Сцлунг. С мерными ремнями они карабкались по перемышкам, склонам, добывая числа. Заглядывая в рисунки Канала, которых в Башне Ацтара нашлось множество, Ферус делал из простых локтей широкие, а из тех — толстые, делил полученное на дневные уроки для сотен. Сколько людей приведет Промеат?

На пятый день дозорный с Башни крикнул, что с запада идет много людей. Поднялась радостная суета. Одни хватали коней — скакать навстречу, другие просто метались от нетерпения: «Бог! Наш бог пришел!» Алх вытащила растерявшихся Иллу с Тейей из ошалелой толпы, забрала Зиру и повела женщин на второй этаж Башни.

— Фух, эти охотники! — ворчала гиянка, сажая на плечи девочку. — Бороды отрастят, а еще хуже детей! Бог идет? Готовь ему жертву. Братья едут — готовь угощение. А зачем скакать и вопить, будто тебя оводы заели? Думаете, отчего ваше племя в беде? — Алх обернулась к атланткам. — Да потому, что у вас мужчины над матерями силу взяли. Срам какой!

— Смотрите, вон они! — воскликнула Тейя.

Из-за окружающих дорогу груд земли показалась голова длинной вереницы. Впереди ехали разноплеменные всадники. За ними виднелись четыре косматых мамонта. Следом двигались навьюченные лоси и толпы пеших людей. Тейя смотрела на троих передних всадников. Она узнала огненную гиянку и огромного котта — когда-то в Умизане они сидели в круге вождей. Между ними ехал атлант.

Ибрская накидка из козьих шкур приоткрывала

мускулистую, неширокую грудь и поджарый живот. Завернутые рукава обнажали руки с тонкими запястьями и длинными пальцами. В лице атланта смешались южные и северные черты: высокие скулы, нос не сплюснутый, но без горбинки, широко раздвинутые, но по-южному темные глаза, длинный рот. Негустые волосы были подвязаны ремешком над высоким лбом. Ничем не примечательные черты.

И в то же время Тейя чувствовала, что лицо необыкновенно. Не чертами, а чем-то еще. Она навидалась в жизни всякого рода властных. Но ни в одном из тех, кто брался вести за собой людей, не чувствовала она такого скрытого напряжения, которое нес в себе Приносящий свет. Власть бога и вождя была для него не желанной долей, не утолением гордости, а тяжким грузом, углы которого раздирают спину.

«Он не для нас! — подумала Тейя. — Еще не родились люди, достойные такого вождя».

Ферус с измятым листом в руке ждал у входа в Башню. Спешившись, Промеат подошел с почтительно сложенными руками:

— Привет тебе, мудрый! Я рад, что ты не отверг мою помощь.

— Сойди с корабля, войди в дом, — скороговоркой пробурчал старик. — Сколько людей ты привел?

— Пятьдесят три десятка тысяч с небольшим.

— Ну?! — посветлел Ферус. — Вот не думал! Пожалуй, — он заглянул в свой лист, — за полторы луны успеем. Если только они... будут работать.

Дело наладилось не сразу. Не хватало кирок и лопат, разваливались подгнившие корзины. Мамонты не слушались, требуя привычной пищи. Боевые кони не хотели таскать повозки; догадались возить землю в мешках, перекинутых через круп коня. Труднее всего было дать каждому из пришедших место и дело. Бывшим старшинам рабских сотен пришлось управляться с целыми наделами. Привычные к мудрым листам и тонким спорам, знатоки терялись среди груд развороченной земли. Но, к недоумению Умгала, неудачи не вызывали уныния, отступали перед веселой яростью, с которой победители Хроана накинудись на его подвиг.

После неразберихи первых дней работа поделилась на три части. Гезд увела гнев в Восточную бухту. С ними ушел Сцлунг.

— Возьми пол-лепешки, воткни восемь соломинок и повесь на грудь, — посоветовал ехидный Умгал. — Ты ведь теперь Кормчий Края!

— У меня и двенадцати весел будет! — огрызнулся Сцлунг. — А ты со своими сомнениями так и проплаваешь в челне.

— Так ли? — ухмыльнулся Умгал. — Вождь черных, — кивнул он Айду, — бери меня в Западную бухту: покажем гиям, как надо рыгть!

— Еще как покажем! — сверкнул зубами Айд.

Люди, оставшиеся у Башни, занялись доделками русла. Их возглавили Львиный Коготь и хромой пахарь из Внешнего Круга. Бывший вояка оказался на редкость спокойным и дельным вождем. Старейшины племен наперебой предлагали ему усыновление. Старик кряхтел, боялся продешевить.

С легкой руки Умгала у всех появились шуточные звания. Ферусу поднесли пол-лепешки с десятью палочками. Старик, задумавшись, съел свой знак, но так и остался Титаном. Инада, ведавшего едой и лечением, прозвали Великой Матерью Канала, самого Умгала — Ехидным Кормчим. А Ор стал Кеатлом. — Бурый добился своего!

С утра до темноты они мотались по всему руслу, замеряя, советуя, разрешая споры. Станные споры, вся работа странная: без петлей, красных плащей и волчьих курток. А дело шло: таяли перемычки, вода стекала в русло и откачивалась водоносными башнями, обнажались осклизлые бревна стен. С неустанным изумлением смотрел Ор на людей, отпихивающих друг друга от места, куда можно воткнуть лопату.

Иногда Промеат и Ор, оба с красными от пыли глазами, вместе возвращались к Башне. Полутьма прятала изодранную землю. Станный гий и странный атлант говорили о путях племен, судьбе знаний, битвах и добра и зла.

«Люди не достойны такого вождя, — вспоминал Ор слова Тейи, — ему бы прийти через сто сотен лет...»

Но на долгие размышления не хватало ни времени, ни сил. Вернувшись к шалашу у Башни, Ор брал на колени Зиру, начинал рассказывать сказку и про-

сыпался от того, что дочка, дергая его за волосы, требует продолжения.

По ночам на холмах выли одичавшие волки. То ли оплакивали Атлантиду, то ли воспевали обретенную свободу. Где уж понять зверей, если люди стали непонятны! Вопящие и пляшущие сотни выполняют за день по три прежних рабских урока, знатоки в драных плащах наперебой придумывают, как ускорить работу, которая погубит их землю. Люди разных племен поют свои песни тонколицей атлантке и затихают, когда она берет кожаный бубен... Ферус, подняв запавшие глаза от листов, холощет над шутками Гезд и Айда. Сцлунг орет на гнев, они на него, а потом все спят вповалку, не дожевав кусок мяса. И тот же Сцлунг, откопав в Ацтаровом жилье плащ титана, нацепил его и горделиво разглядывает в луже свое отражение.

Чудо за чудом! Умгал попросил усыновления у коттов. Либы, отрыв хранилище копченой рыбы, позвали на пир пеласгов и яптов. Все наперебой баловали атлантских детей из Внешнего Круга... Как-то к вечерним кострам вышел полубезумный от одиночества страж с облезлым волком. Обоих накормили. Наутро атлант бегал с мерным ремнем, а зверь гонял ворон от вялящегося мяса.

Какой-то вихрь дружелюбия, доверия, веселья закружил всех вокруг невысокого человека, на лице которого великая радость боролась с непомерной заботой, пока обе не отступали перед усталостью. Тогда он валился у первого попавшегося костра, и люди — даже пеласги! — затихали, оберегая его краткий сон.

— Он заразил всех безумием! — воскликнула Майя, когда гонец-борец вышел из шатра. Вести с Канала обескураживали. Не было недовольства и усталости; люди с песнями рыли землю, устраивая из ненавистой работы азартное состязание.

— Ничего! — отмахнулся Севз. — Люди одумаются и покинут его.

— Боги хотят, чтобы мы помогли этому. Здесь мы рассказываем о его преступных притязаниях, а те, кто на Канале, ничего не знают. Я думала, вести дойдут туда сами. Но, видно, придется послать людей.

— А где их взять? — Севз сплюнул. — Ты слышала этого борейца!

— Нужные люди есть. Они трутся возле твоего шатра.

— Шакалы? — скривился Громовержец.

— Для такого дела они как раз.

Ип тосковал. Миновали сладость мести и пьянящее волнение битв. Возвращалась жизнь, из которой он был вырван почти на два десятка зим. Почти все рабы легко вернулись к прежним обычаям, а к Ипу все чаще приходила темная тоска, от которой хотелось выть.

Он — личный раб богатого и сильного господина — привык свысока смотреть на толпу оборванных пленников. Думалось, что и среди освобожденных он будет командовать, поучать, согретый общим уважением. Как-никак, он знал многое, о чем не слыхивали жалкие рабы-строители, пахари и даже ремесленники. Увы, когда Ип хвастал былой умелостью, сородичи над ним насмехались. Что они понимали в умении хорошо отбить мясо, добыть в долг некты, выбрать для хозяина наложницу!

Ип тосковал по Господину, который оценит, который повелит — и летишь стрелой! А либийские матери? Да любую он мог получить на ночь, как следует угодив хозяину. А они учат его жить. Тоска!

Текли дни. Дымились остывающими головешками Атла. На корабли стаскивали мешки зерна и сушеного мяса. С восторженными воплями тысячи людей подались за Приносящим свет на Канал. Ип чуть не пошел с ними. Но, взглянув на опаленное заботами лицо Промеата, понял: нет, это не Господин!

А потом Ип почуял. И не только он. Один за другим отравленные рабством сползались к шатру Севза. Нюх собирал их к тому, кто, единственный из вождей бунта, был Господином или мог стать им. Поднявшись до рассвета, они встречали выходящего из шатра Громовержца восторженными воплями: «Бог! Бог идет!!»

Севз презирал, но не разгонял шакалов. Не находилось то времени, то желания. В грозные дни, когда гибли и возрождались племена, холуев нашлось совсем немного. Ведь их никто не заставлял. Но именно

поэтому они были отборные, как всякие добровольцы.

Ип спал, славно нажравшись обедами Севзова пиршества, когда вокруг дворца разнеслись крики борейцев:

— Эй, безродные! Шака-алы! Громовержец зовет!!

В стуке лопат, шуме осыпающейся земли мелькали дни. Промеат по несколько дней не появлялся у Башни. Почему-то к вечеру он чаще всего оказывался в Восточной бухте и, еле волоча ноги от усталости, приходил к костру Гезд. Доругиваясь со Сцлунгом, гийские вожди расходились к своим отрядам. Берегущая огонь и Приносящий свет оставались вдвоем.

Обычно они сидели молча, слушая ночь и тихий шепот костра, изредка встречались взглядами и тут же смущенно отворачивались. Потом Промеат шел к шалашу Сцлунга, уверяя себя, что завтра обязательно заночует у Айда. А Гезд еще смотрела в огонь, ища в его красных глазах гнев или одобрение.

Илла, Тейя и Алх тоже любили посидеть у костра, хотя и уставали за день. Атлантки вместе с яптскими знахарками лечили больных и поранившихся. Строгая гиянка стала помощницей Инада в хранении и раздаче еды. У Зиры тоже была уйма дел. Она либо сидела возле Феруса, рисуя воинов, либо крутилась возле хранилищ, болтая на ут-ваау с людьми разных племен, пришедшими за едой для отрядов. Когда она, прижав к животу тяжелый кувшин, появлялась у шалашей с больными, всем сразу хотелось пить. Но больше всего радости было, когда отец, посадив ее впереди себя, ездил по руслу и рассказывал, как тепло победит холод.

— Вода побежит, и сразу будет тепло? — уточняла Зира.

— Нет, тепло придет, когда ты уже будешь большая.

— Вода побежит, и я сразу стану большая? Как Алх?

Ор смеялся. Потом он слезал с коня и что-то говорил воинам, роющим землю. А девочка толкала коня пятками, и тот, горделиво выступая, возил почти невесомую всадницу между улыбающимися землекопами.

Когда отец и дочь засыпали, женщины садились у костра и беседовали или молча слушали ночь. Ветер

свистел в пустых окнах Башни, сонно похрюкивали мамонты за оградой. Порой в Канале с шорохом осыпался подкопанный пласт. Вдали были волки.

Кривоносый привел из Атлы еще шесть тысяч людей разных племен. С утра вновь прибывшие разошлись по наделам, а вечером оказалось, что за день сделано меньше, чем обычно. Что ж, всем хотелось поговорить со свежими людьми. Но на следующий день пошло еще хуже. Землекопы то яростно спорили, то застывали, устремив глаза вдаль. Они зло косились на атлантов, умолкали при их приближении и начинали вяло ковырять землю.

При появлении Промеата люди стыдливо прятали глаза, бормотали невнятицу. Ора стеснялись меньше. Вечером он прискакал к Башне со своими догадками, но Промеата не застал. Ферус, сгорбясь, сидел над листом. Земли за день было скопано меньше половины обычного.

В Восточной бухте случилась неприятная ссора. Когда Сцлунг по обыкновению заорал на гиев, ответом вместо беззлобных криков было такое молчание, что новоявленный Кормчий Края поперхнулся. Над надвигающейся толпой взлетели кирки и лопаты.

— Вот как! — тихо сказал Сцлунг. — Сотней на безоружного? Ну, кто самый смелый! — и распахнул на груди плащ, давно ставший из белого серым.

Дерзость спасла его. Начался бестолковый разбор происшествия, причем о Сцлунге скоро забыли. Подумаешь — недобитый атлант! Он оказался просто поводом выплеснуть затаенное раздражение. А там пошли вспоминаться обиды при дележе добычи, давние счеты между родами. Уже темнело, когда Гезд и Промеат кое-как уладили дело.

— Не пойму, что с ними? — Промеат устало опустил голову на ладони. — Может быть, это из Атлы?

— Да, — Гезд, обойдя костер, села рядом с ним. — Матери рассказали мне о слухах, которые смутили воинов. Будто корабли не станут ждать, пока Приносящий со своими безумцами дороет канаву. Воины говорят: «Все уплывут, а мы останемся здесь подыхать с голоду или утонем, когда вода пойдет в канаву». Еще говорят — ты хочешь задержать людей, чтобы вновь сделать рабами...

— Значит, пришло то, чего я боялся. — Промеат вздрогнул, словно от холода, и теснее прислонился к плечу Гезд.

— Оно не само пришло. Его прислали, — сказала гиянка.

— Не может быть!

— Ты доверчив, как сыны Айда! — Лицо Гезд светилось суровой нежностью. — А матери сразу учуяли среди пришедших лгунов с мягкими руками и языками. Надо выловить и убить их!

— Нет! — Промеат тряхнул головой. — От этого слухи только окрепнут. Завтра соберем всех людей, и я буду говорить с ними.

— Правильно. Но сперва досыта накорми. И знай — матери во всех племенах за тебя. Жаль, что здесь их мало.

— Почему ты думаешь, что они поддержат?

— Охотник готов всю добычу слопать в один день. А мать думает, что дети будут есть завтра. И что будут есть дети ее детей. Поэтому женщинам понятнее битва с холодом.

— Ты ободрила меня! — Промеат благодарно сжал узкую ладонь, потом, поднявшись, шагнул к темневшему поодаль шатру Сцлунга.

— Останься, — сказала Гезд, отрывая глаза от пламени. В этот миг Приносящий свет ощутил простое счастье гийского охотника, которого позвала лучшая из матерей. Но навьюченный ношей чужих судеб, он еще не решался, бормоча:

— Обычай гнев... я не смею обидеть твое племя...

— Духи хотят этого! — Гезд раздвинула полог шатра. — Прежде они сомневались, а теперь... то-ропят.

— Спасибо им, — прошептал Промеат, пряча лицо в огненных волосах.

На следующее утро Ор столкнулся с ним в русле. Промеат скакал, откинувшись назад, бросив поводья. Вокруг вскипали споры, кучки людей бродили от толпы к толпе. Промеат словно не замечал этого. По его лицу бродила шалая улыбка.

— Знаю! — прервал он рассказ Ора о слухах. — Сегодня дадим им бой!

Инаду было сказано — не скупиться. Над костра-

ми жарились туши, из подвалов тащили корзины рыбы. Кипя спорами, мрачней от раздумий, отряды текли к Башне Ацтара. Когда вкусные запахи долетали до них, воины замирали, расширив ноздри, а потом ускоряли шаги.

А Промеат сидел с Ферусом и Ором над грязными, много раз слизанными и вновь исписанными листами.

«Седьмой надел Запада, — читал Ор, — на Юге выступ в семьдесят сотен толстых локтей».

— Надо скрыть! — вздыхал Ферус. — Заилится, полканала закроет. «Горб каменный высотой в тридцать, длиной в двести, шириной в сорок локтей».

— Вычеркни. Он узкий — не будет мешать...

— Сколько? — торопил Промеат Феруса, пересчитывающего локти в дни.

— Тринадцать дней, если все останутся.

— Ясно! — Промеат поднялся. — Будем биться за десять дней.

— Но почему? — недоуменно начал Ферус. — Два-три дня...

— Для многих людей пальцы на двух руках — высшее число. Все, что идет больше, — просто «много».

— Ты веришь, что он уговорит их? — спросил Ферус, когда Промеат ушел. Ор вспомнил резкое веселье, то и дело вспыхивающее сегодня в глазах великого бунтаря, и кивнул.

— Что же, — сказал старик задумчиво, — наверно, ты лучше знаешь их. Постой, еще одно: когда умру, обещаю похоронить меня в Канале.

Десятки тысяч глаз смотрели на невысокого бронзовокожего человека, стоящего на повозке. Сытая теплота в желудках ослабила страх и раздражение. Но это ненадолго. Главное должны сделать слова. Есть ли слова такой силы в кое-как слеппленном рабском языке?

Промеат верил, что есть. Он говорил медленно, часто останавливался, и тогда шепот пробегал к задним рядам, куда не долетал его голос. А Промеат в это время прикрывал глаза, и перед ним возникало лицо огневолосой гиянки, прекрасное от осветившей его нежности. Он открывал глаза и смотрел на тыся-

чи других лиц. Никогда они не были так понятны и дороги ему. И вновь он говорил — с веселым, яростным задором, заставляя людей стыдиться, хохотать, хвататься за ножи.

— Смотрите! — Промеат поднял ладони. — Две руки дней, и пойдем на корабли! Клянусь Огнем: без нас не отплывет ни одна ладья! Кто слаб духом, пусть уйдет сейчас. Но если кто-то, оставшись, опять будет шептать трусливые слова, убейте его! А теперь пусть каждый выберет: десять дней или позор на всю жизнь? Десять дней или стужа на всей Земле? Решайте!

Толпа вздохнула, зашелестела разговорами. Сотни две по одиночке и малыми стайками выбрались на верхнюю дорогу. Айд смачно плюнул им вслед и поднял свою огромную лопату. «Пошли!» — махнул он коттам.

Больше не звучали песни над Каналом, по вечерам люди не плясали у огней, не хохотали над побасенками стариков. На работу кидались, как на заклятого врага. Ярость подавляла затаившийся в темных уголках души страх, усталость спасала от снов. С треском разваливались камни, вздыхая, осыпалась земля. В мастерских едва успевали затачивать бронзу, менять сломанные рукоятки кирок и лопат. Люди не желали отдыхать. Лишь изредка кто-нибудь втыкал в землю лопату и принимался, пришепывая, загнать пальцы на руках.

Смолкли песни, но смолкли и слухи. С десятков изувеченных трупов досталось бродившим вокруг волкам. Остальные шакалы удрали или притихли. Умгал не смел вслух высказывать сомнения.

Ферус недоверчиво глядел на числа, привозимые мерщиками. Старик совсем иссох. Ночи не давали ему сна, тело почти не брало пищи, страх и надежда жгли попеременно. Промеат тоже отошал, как весенний олень, но весь лучился весельем. Айд возмущался, почему Приносящий никогда не ночует на его краю? Потом Кривоносый шепнул ему что-то, от чего губы гиганта растянулись в широчайшей улыбке.

— Пусть хранят их самые добрые боги! — сказал он необычно тихим голосом. — И не разлучают! — добавил он, вспомнив Даметру.

К концу восьмого дня все было кончено. Последние сотни толстых локтей земли громоздились на бе-

регах, лежали рыхлыми кучками на дне, ожидая, когда их смоет вода. В Восточной бухте Сцлунг выбрался из русла и принялся выбивать пыль из дражного белого плаща — одежды титанов. На другом краю Канала Айд поднял огромную лопату и переломил о колено. Сжигаемый тревогой Ферус смотрел на медленно оседающие клубы пыли. Почему перестали рыть? Ведь еще не стемнело.

Всадники с обоих краев поскакали к Башне. Ферус различил едущих с востока Промеата, Сцлунга, Мать гнев. На западе Ор на Буром обогнал тяжелого Айда. За ними, кажется, Кривоносый?

«Дикие взбунтовались! — мелькнуло в голове Феруса. — Вожди спасаются!»

Но за всадниками никто не гнался. Почти одновременно подъехав к Башне, они что-то кричали ему и сбежавшимся людям Инада.

— Ко-ончили! — донеслось до старика.

— Почему так рано? — крикнул он, свешиваясь из окна.

— Совсем кончили, Учитель! — истошно завопил Ор и, слетев с коня, стал выплясывать танец, дикий даже для дикаря.

Готовясь к великому зрелищу, воины толпились по берегам у облитых нефтью стен. На верхней площадке Башни Ферус ждал сигналов от Сцлунга и Умгала — из Восточной и Западной бухт. Рядом Ор молил духов огня прожечь стены одновременно. Гезд застыла у перил с рукой на плече Промеата. Айд похохатывал в предвкушении зрелища. Инад привел своих помощниц, Зира на руках у матери капризно требовала, чтобы скорее пустили воду в папину канаву. Всем хотелось того же.

Летние сумерки не спешили превращаться в ночь. Западный край неба светился теплой голубизной.

— Сцлунг готов! — крикнул Айд, увидев на западе три огонька.

Феруса била дрожь. Гезд накрыла его плечи лисьим плащом.

— Спасибо, Мать! — сказал старик молодой гиянке.

— У Умгала тоже три костра! — объявил Ор.

— Заверши свое дело! — Промеат протянул Фе-

русу кресало. Но дрожащие руки старика не могли попасть камнем о камень. Тогда Промеат взял кремни и выбил искру. Ферус приложил тлеющий трут к смолистым щепкам. Гезд, защитив ладонями слабое пламя, заговорила по-гийски. И хотя слова заклинания поняли немногие, все, замерев, вслушивались в ритм ее голоса.

— Эге-гей! — Айд поднес факел к жаровне.

Пламя взвилось над Башней, голоса воинов по берегам откликнулись и убежали вдаль. Еще одно дыхание — и над обоими концами Канала поднялись зубчатые огненные гребни. В восточной бухте, которая была ближе, виднелись охваченные огнем переплетения подпорок. В небо текли полосы жирного, подсвеченного снизу дыма.

— Когда же они рухнут? — не сдержался Инад.

— Должны ослабнуть подпорки, — слабым голосом ответил Ферус, и тут же огненная стена шатнулась, бесшумно раскололась пополам и... погасла! Донесся крик тысяч голосов.

— Идет!! — взревел Айд. Темный, увенчанный гривой желтой пены вал с глухим рычанием покатился по руслу, краями выхлестываясь на берега. В воде мелькали обгоревшие бревна. Звук падал до низкого рева, когда вода пожирала разрыхленную землю, взвивался воем, когда поток налетал на несрубленные углы скал.

Оглушив людей, вал промчался мимо башни и скрылся в густеющих сумерках. Западная стена продолжала пылать.

— Если она не успеет упасть... — пробормотал Инад, сжимая перила.

— Ну и что! Развалится от первой осенней бури, — отмахнулся Ферус.

— Падает! — крикнула Илла.

Вода пробилась не в середине, а у правого берега. Огненная полоса подалась влево и исчезла. Рев утихающий и рев растущий понеслись навстречу, стараясь смять друг друга, — и утонули в низком громе: океаны встретились! Тейя тихо тронула бубен, и он зарокотал в лад с бегущей по руслу водой:

Среди океана уйдет ко дну
Все, что смеялось, росло, цвело,
Но волны, Срединную захлестнув,
Вернут Земле былое тепло...

Айд мотнул головой, словно отряхиваясь от сна.

— Пусть сбудется то, о чем ты пела, сестра! — прервал тишину Промеат.

— Пусть сбудется! — откликнулась Мать гиев, и вождь коттов, атлантка, жена раба и атлант, целитель дикарей, дикарь — главный умелец Канала и деловитая Алх.

— Пусть скорее сбудется, — сказала Зира, — а то я спать хочу.

— Пусть... сбудется, — сказал Ферус. — Помогите и мне добраться до постели...

Вряд ли, кроме Феруса и Зиры, кто-нибудь спал в эту ночь. Отделив еду на пять дней пути, люди Инада остальное разложили у окруживших Башню костров. Подходившие с востока и запада отряды окунались в общее веселье. Тейю и Ора с Иллою Гезд усадила возле себя. Промеат и Инад бродили от костра к костру. Они уже еле двигались, так как нигде не могли увернуться от угощения. Остальных атлантов Сцлунг собрал к одному костру и в чем-то горячо убеждал их.

Уже где-то боролись натертые жиром котты, либы выплясывали вокруг нарисованного льва, пеласги пронзительно тянули песню Хмельного Ветра...

— Оэ! Охотник Гезд, иди к нам! — окликнула Промеата седая гиянка. Приносящий свет оторопел, но гии уже тащили за рукава нового брата. Опустившись возле Гезд, он в страхе отшатнулся от протянутой бараньей лопатки.

— Хороший мужчина! — одобрила Алх. — Ест мало, делает много!

— Что я говорила! — Илла прижалась к Ору. — Вот ты и совершил свой подвиг!

— Ох, как я рад, что он кончился! — пробормотал Ор.

Едва солнце выбралось из-за разрытой земли, начались сборы в путь. Ор поднялся на третий этаж Башни, где жил Ферус:

— Учитель, пора!

Тот не шевельнулся под меховым одеялом. Ор осторожно тронул его за плечо и не почувствовал тепла. У тела Отца Канала собрались вожди.

— Зажжем костер? — спросила Гезд.

— Мы не дикие, чтобы жечь мертвых! — высокомерно изрек Сцлунг. — Надо поднять его на верх Башни и оставить коршунам.

— Вот уж действительно дикость! — фыркнул Айд.

— Учитель просил похоронить его в Канале, — сказал Ор.

Мощные котты и либы спустили на воду бревенчатую дверь от загона для мамонтов. Тело уложили на мягкие шкуры, накрыли выцветшим синим плащом. Ор вложил в окостенелую руку лист с рисунком Канала. Рядом Промеат положил огненные камешки, Умгал — чашечку с краской, Алх — связку сушеного мяса. Что еще нужно человеку, всю жизнь проводшему в поиске? Если его ждет другая жизнь, старый упрямец и в ней не изменит своим привычкам.

Только теперь, стоя на берегу, Ор почувствовал значительность сделанного. Ворча и вскипая водоворотами, невиданный поток мчался на восток, и чудилось, что эта река текла здесь всегда.

Плот оттолкнули от берега. Подхваченный течением, он приблизился к середине русла и, кружась, помчал к океану.

ГЛАВА 12. ПРИНЕСШИЙ ОГОНЬ

Наступила середина лета, Атла задыхалась от жары.

Спаливший Атлантиду гнев угас. Сытые местью отряды отовсюду спешили в Атлу, встречаясь, обменивались добычей и слухами. Было известно, что два мощных бога обещали вернуть всех людей на родину. Как они это сделают? «Молниеносный перекинет мост-радугу от Срединной к Восточным землям, но всего на одну луну. Скорее!» — и люди пускались бегом, бросая добычу. «Нет, моста не будет. Птицы с крыльями как атлантские паруса...» «Не птицы, а дельфины!..» «Но Приносящий не хочет отпускать людей домой. Решил стать на место Хроана». «Ложь! Не может Светящийся хотеть такого!» «Тогда зачем он увел людей докапывать Хроанов канал?» «Канал освободит духов тепла...» «Ха! Охотники, слушайте его! Где видано, чтобы гнусное рытье земли нравилось духам! Сам Молниеносный, говорят, гневается!»

Все это текло по дорогам и тропам и вваливалось в Атлу, где и без того хватало людей и слухов. Но и Сим не дремал. Навстречу слухам он высылал другие слова: «Эй, воины, слышали? Вождь с молниями хочет, не дожидаясь Промеата, уплыть на восток с борейцами и оолами!»

Слушая донесения шакалов, Севз багровел от гнева. Порой хотелось пинками вышвырнуть из шатра Майю, поехать навстречу Промеату и поговорить не таясь, как в долине ибров. Ведь мир велик, и в нем еще столько надо сделать!

Но Севз тут же спохватывался. Не пристало ему, богу, говорить как с равным с простым знатоком. Кто поразил Тифона и Хроана? Кто разбудил грозную силу Джиера? Нет, Майя во многом права!

Строители Канала подошли к Атле на рассвете. Город был тих, почти безлюден. Вокруг дымились утренними кострами племенные стоянки. Ускакавшие вперед конники замахали с холма руками: «Целы! Целы корабли!»

Еще раз поблагодарив людей, Промеат отпустил их на стоянки племен.

— Я в гавань, — сказал он, — по пути навещу Севза.

— Я с тобой, — решила Гезд. — Племя? Подождет! Ты тревожишься о всех племенах, а о тебе кто?

Ору передалось беспокойство Матери. Крикнув Алх, чтобы устроила Иллу и Тейю, он поехал за вождями.

Дворцовая площадь за время их отсутствия густо заселилась. Высокое жилище Севза и синий шатер Майи окружали борейские чумы. Воины из рода Рен лежали и сидели вокруг, грея животы на утреннем солнце. Поодаль теснилось скопище шалашей и навесов. Люди разных племен в ярких атлантских обносках сутились у большого костра, на котором в начищенных котлах варились кушанья. Над ними колдовало несколько поваров. Остальные толклись вокруг со счастливым, занятым видом. У шатра Севза борейцы копьями преградили дорогу Промеату и его спутникам.

— Вы что, угорели? Не узнаете Приносящего

свет? — Гезд с потемневшими глазами напирала ко-
нем на стражей.

— Молниеносный видит только кого пожелает, —
ответил глава дозора. На шум, зевая, вышел Акеан.
На нем была пышная накидка из песцов, полное лицо
излучало самодовольство.

— Ждите здесь! — сказал он, подбоченясь. —
Спрошу у Божественного, угоден ли ему ваш приход.

— Сын хромой свиньи! — Гезд вытянула цар-
дворца плетью поперек лица. — Прочь с дороги!

Акеан отскочил, прижимая руки к лицу. Борейцы
растерянно загомонили. Из шатра высунулась голова
Севза.

— Брат, это правда, что ты допускаешь к себе
лишь по особой милости? — спросил Промеат.

— Нет, конечно. Стражи перепутали мои пове-
ления.

— Ладно, — Промеат взял за руку разъяренную
Гезд, — не будем раздувать обид. Впереди путь на
восток. Надо многое обсудить...

Жилище Севза было увешано богатыми тканями,
набито роскошными предметами из дворца.

— Похоже, ты передумал? — сказала Гезд, раз-
глядывая богатый кубок.

— О чем ты, Мать гиев?

— Решил не уничтожать атлантские выдумки?

— Э! — Севз пнул яркий ковер. — Этот мусор
безвреден. Вот бронзовые острия пора бы уже выки-
нуть в море.

— Всем, кроме борейцев? — тихо спросила Гезд.

— Не пойму, о чем ты? — наивно заморгал Севз.

— Оставим это! — вмешался Промеат. — Каждый
советует людям то, что считает правильным. Погово-
рим о кораблях. Боюсь, за один раз они не поднимут
всех. Придется решать, каким племенам плыть пер-
выми, каким — ждать. Или каждое племя делить
пополам?

— Плохо! — замотал головой Севз. — Между
родами такое начнется! Лучше пусть племена тянут
жребий.

— Да, так не будет обид, — согласился Про-
меат.

Звякнув в гонг, Акеан распахнул полог. За ним
шестьствовали прислужники с блюдами и кувшинами.
За едой говорили о незначашем: вкусе напитков и

блюд, достоинствах бореиских и коттских коней. Когда гости поднялись, утирая губы, Севз спросил Ора:

— Ну, гий, придумал себе награду?

— Мне всего хватает! — развел руками Ор.

Крыши многих зданий провалились, во дворах и на улицах просунулась между плитами трава. Заслышав всадников, шмыгали в развалины одичавшие собаки. Ближе к морю появились признаки жизни, не похожей на ту, что юлила и суетилась на дворцовой площади.

Вот у костра хлопочут женщины, среди которых немало атланток. К идущему впереди корабельщиков япту бросилось четверо бронзовых ребятишек, полезли за пазуху, таща оттуда какие-то лакомства.

— Разве не могут люди всегда жить так? — вслух подумал Ор.

— Могли бы, — развел руками Промеат, — если собрать на один корабль всех Повелителей, Властителей, Громовержцев вместе с теми, кто лижет за ними следы, — и отправить подальше в море.

— Корабль должен быть дырявым, — добавила Гезд.

У причалов их встретили Зогд и Посдеон с Эстипогом — разгоряченные, вымазанные смолой. Наспех поздоровавшись, они тут же принялись втягивать Промеата в какой-то спор о парусах и веревках. Ор отъехал и спешил, рассматривая сбившиеся в гавани корабли. Здесь были стройные военные суда, корабли торговцев, легкие ладьи вестников, речные ладьи с наспех надстроенными бортами. Ненароком Ор оглянулся и увидел... Храда.

Отец Иллы нес под мышкой вязанку инструментов: тесла, ножи, топорики. При виде самого удачливого из своих рабов он уронил ношу, и бронза со звяканьем рассыпалась по камням. Язык у Ора стал сухой и толстый, а глаза косили во все стороны. Храду было не лучше.

— Здравствуй, отец Иллы, — пробормотал наконец Ор.

— Доброго прибытия тебе! — просипел Храд, предпочитая никак не называть Ора. — Илла?..

— Едет следом. Дочка у нее. Хозяйка... приехала с тобой?

— Жена поднялась к предкам. Три года назад. Уфал остался при полях. Я ему твой знак дал. Женщины тут со мной. Внуки...

— Ага! — сказал гий, и опять оба не знали, о чем говорить.

Бурый фыркнул, ткнулся в плечо Ора: не пора ли ехать из этого унылого места, где и травки не пощиплешь?

— Добрый конь, — сказал Храд, радуясь новой теме. — Полсотни браслетов стоит. Не меньше!

Они наклонились, собирая бронзу, их руки столкнулись, и тут Храд вдруг подмигнул:

— А удачно я тогда выбрал тебя из Тифоновой добычи! Скажешь, нет?

— Нам обоим повезло, — ответил Ор.

Десятка два ремесленников с семьями жили в большом доме кормчего гавани. Бывшие хозяин и раб сели во дворе под навесом, где Храд устроил мастерскую точильщика: у деревянного обрубка были разложены молоточки, пилки, большие и малые точила.

Сестра Иллы принесла миску каши с кусочками мяса.

— Сыт я, — извинился Ор, — у Севза недавно поел.

— О-о! — Старый вояка с возросшим уважением взглянул на гия. — Высоко ты поднялся! Говорят, Севз скоро станет Повелителем всего Востока.

— Как бы не подавился, — хмыкнул Ор.

— Увидим! Отведай, однако, — Храд подвинул еду, — деды говорили: есть вместе — жить в мире.

Они склонились над миской, как когда-то на горных полях Рониома. Потом Храд рассказал о событиях в общине, о пути в Атлу. Рассказывая, он брал затупившиеся лезвия, ласково оглаживал их широкими ладонями, трогал зазубрины.

В былые времена заточенное им оружие унесло не одну сотню жизней у восточных племен. Теперь он острил бронзу для победителей так же старательно, как копья воинов своего десятка или мотыгу в своем хозяйстве. Ни крупницы металла не пропадало: опилки сыпались на разостланный кусок кожи...

Уговорились, что завтра семья переберется на гийскую стоянку.

— Будь богат, отец Иллы, — сказал Ор, вставая.

— Будь сыт, муж Иллы. — Храд потянулся за следующим выщербленным неумелыми руками лезвием.

Наутро гонцы Промеата поскакали на все стоянки: «Пусть каждый человек — воин, или женщина, или ребенок, или усыновленный атлант — возьмет камень с полпальца и отдаст матери рода, или вождю отряда. Пусть матери и вожди принесут камни на пристань, к шатру Приносящего свет. Там их сочтут, чтобы всем дать место на кораблях».

С полудня понесли камни — в шапках, подолах, мешками. У шатра Промеата поднялось семь груд и с десяток малых кучек гальки. Весь следующий день груды медленно росли. К вечеру лишь немногие прибегали, запыхавшись: «Не поздно еще? Дадут место?»

Не обошлось без путаницы. С чьей-то щедрой фантазии пошел слух, что все камни разложат по кораблям. Каждый человек должен будет отыскать свой и сесть на это место... «Ай-я! Сородичи! Я уже не помню — мой белый был?» «А тому, кто не найдет, что будет?»

Или на воина находило беспокойство: донес вождь его камешек до места? Вдруг уронил дорогой? Или положил не в ту кучу! «Тогда я превращусь в либийца!» — ахал пеласг и опрометью неся к пристани.

Всех насмешил круглоглазый белесый харн. Он принес, зажав в кулаке, единственный камень и никак не хотел класть его к камням соседнего лесного племени, по виду ничем не отличимого от детей Стикса.

— Эти блохастые барсуки — харны? — вопил он. — Да они шест в руках не держат, козу подоить не смогут. Хар-ны! Тьфу!

— Клади отдельно! — махнул рукой подошедший на крики Сим.

С утра начали считать. В полдень Промеат получил лист с полутора десятками чисел. Взглянув на нижнее, он тихо свистнул: предстояло перевезти через океан без малого полторы тысячи тысяч людей! В гаванях Атлы, Ронада и Эльтома было собрано больше трех тысяч кораблей, но только в два приема и то с большим трудом они могли перевезти всех.

Тянуть жребий решили на совете вождей и старейшин всех родов, чтобы все видсли — дело без обмана. Совет собрали в большом зале дворца, где

потолок подпирали статуи былых повелителей Срединной.

— Там и жребий тянуть удобно, — сказал Севз, — большой кувшин стоит и камни приготовлены, черные и белые. Говорят, этот кувшин решал за моего отца неясные дела! — Громовержец захохотал.

— Люди! — Промеат встал перед взглядами тревожных глаз. — Старшие из матерей и охотников! Вот мы сочли всех, кто хочет покинуть Срединную, и сочли места на кораблях. И вышло — готовые корабли могут взять меньше половины людей.

Вздых огорчения и тревоги зашелестел по залу.

— Значит, — продолжал Промеат, — надо посадить на корабли меньшую часть и отправить на родину. Потом мой опытный в мореходстве брат Зогд приведет корабли назад. К тому времени мы достроим еще пятьдесят рук кораблей. Молниеносный и я останемся здесь, пока будет хоть один человек, желающий уплыть на восток.

— Никого не бросим! — гроыхнул Севз. Вновь зал вздохнул, теперь облегченно.

— Как выбрать без обиды, кому плыть первыми? — продолжал Промеат. — Я скажу, что надумали мы с Севзом, а вы скажете, справедливо ли это. У нас семь больших племен. Шесть из них будут тянуть жребий. А потом Посдеон и Эстипог потянут жребий между собой. Потому что атлантских мореходов мало, и люди морского племени будут оба раза помогать вести корабли. Потом ибры потянут жребий с лелегами — их примерно поровну...

— Не надо! — крикнул вождь рогатых. — Мы не уйдем без тебя.

Севз еле заметно поморщился.

— Вернемся к жребиям, — предложил Промеат. — Справедливо ли то, что мы придумали? У кого есть сомнения?

— А как с конями? — спросил Чурмат.

— Им места не хватит, — вздохнул Приносящий, — придется зарезать. Будет пища в пути.

— Лучше бы коней взять, чем атлантов, — пробурчал в бороду вождь борейцев.

— Племена, плывущие первыми, — сказала Хамма, — должны дать страшную клятву не нападать на земли тех, которые ждут кораблей.

Всем понравились эти мудрые слова. А потом

Севз, Промеат и шестеро вождей подошли к большому узкогорлому кувшину. Он был прочно вделан в плиты возвышения, с которого Хроан недавно возглашал свои повеления Срединной и всему миру.

После того, как каждый, сунув руку в кувшин, убедился, что сосуд пуст, Промеат опустил туда три белых и три черных камешка.

— Пусть начнет старший годами, а закончит самый молодой, — предложил он. Бледные от волнения, вожди кивнули.

— Хамма, Мать либов, испытай судьбу! — торжественно объявил Севз.

— Давай черные, — шепнула Майя Акеану. Они сидели в потайной камерке под возвышением.

— Даю! — Акеан нажал на плиту, и она легко двинулась в смазанных салом пазах. Нижняя часть кувшина с камнями, опущенными Промеатом, уползла, а на ее место встала другая с шестью черными камешками.

Хамма медленно разжала вынутую из кувшина руку.

— Не повезло! — вздохнул Севз. — Даметра, Мать яптов! Твой черед!

— Ревет, как буйвол! — поморщилась Майя. — Давай белые и не забудь убрать шестой.

За Даметрой белый камень вынул Айд, черный — Гехра. Последний из белых достался Гезд. Псталу остался всего один камень — явно черный. Но он полез за ним, а, вытащив, с проклятием швырнул в угол.

Потом Промеат опустил два камня для пеласгов. Эстипог вынул черный и погрозил Посдеону:

— Ну смотри, если тронешь поселения у Дельфиньего берега!

— Что ты, брат! — замахал руками тот. — Да я, как попаду домой, год в море не выйду!

Айд с Даметрой откровенно сияли, но Гезд, похоже, не радовалась удаче.

Наутро вожди племен, плывущих первыми, собрались в шатре Промеата. Надо было поделить корабли, обсудить погрузку и многое другое.

— Промеат, — сказала Гезд, — погоди хвататься за говорящие листы, послушай сначала меня.

— Конечно, Мать гиев! Но не смотри так печально. Ведь скоро ты будешь дома. А потом я приеду и поселюсь совсем рядом...

— Я все время прошу духов, чтобы это сбылось, а они в ответ внушают мне большую тревогу.

— И тебе? — встрепенулась Даметра. — Я думала, только яптские духи беспокойны. Вчера печень у жертвы была совсем черная...

— Я уважаю гийских и яптских духов, — пожал плечами Промеат, — но чего они хотят от меня?

— Чтобы ты уплыл из Срединной с первыми кораблями, — ответил за женщин Сим. — Я тоже прошу тебя об этом. Поверьте мне: готовится большое предательство.

— За этим стоит Громковопящий! — сверкнула глазами Гезд. — И его атлантская Змея!

— Полно, друзья, — сказал Промеат с упреком. — Севз ведет себя достойно, хотя жребий обидел его родичей — борейцев. И оолов, которые больше всех на него молятся.

— То-то и удивительно! — прервал его Сим. — Все белые камни достались племенам, наиболее преданным тебе.

— Тут не обошлось без плохого колдовства! — встала Гезд.

— Или просто обмана. А видели, как он скорчился, когда ибры отказались от жребия?

— Эх! — Айд хватил себя кулаком по голове. — А я, бегемот, радовался, что всем хорошим племенам повезло. Приносящий свет! — негр умоляюще протянул руки. — Плывем с нами!

— Хватит об этом! — рассердился Промеат. — Лучше скажи, Сим, на твоих кораблях все готово?

— Конечно. — Голос Сима вновь стал монотонным, а лицо смерзлось. — Только я не поплыву.

— Оставайся. На кораблях Икт справится, — одобрила Даметра.

— Я тоже останусь, — сказал Ор.

— Хорошо решил! — Гезд толкнула его в грудь. — Я оберегу твою семью, они не узнают ни голода, ни обид.

— Дай я тебя тоже стукну! — поднялся Сим. Все с удивлением увидели улыбку на его лице.

В гавани затихла суета. Котты и япты уже отплыли, настала очередь гнев. Промеат давал последние советы ученикам, которые поведут людей к родным

стоянкам. Севз важно расхаживал вдоль причала, выкрикивая ненужные распоряжения. Он верил, что без его помощи флоту не отплыть.

Илла прижималась к Ору у сходней последнего корабля.

— Не бойся! — повторял он. — Мать Гезд не даст вас в обиду.

— Ор, глупый? Будто я боюсь за себя! Никогда не думала, что мне будет так легко с твоими родичами. Мы словно одной крови!

— Все будет хорошо! — Ор подбросил дочь, отдал ее Илле.

— Попадется бронза — бери! — крикнул Храд, перевешиваясь через борт.

— Я всю ночь просила гийских духов помочь тебе. — Мать гиев обняла Промеата. — Приплывай скорее, мой единственный охотник! А чтобы мой шатер сильнее звал тебя, знай: весной ты станешь отцом.

— Ну, будьте сыты! — Сим по очереди обнял Тиво, Ситтара и сына погибшего на Канале Хиаба.

Пеласги подняли сходни, ударили тяжелые весла.

— Эге-гей! — загрохотал Севз, размахивая плащом. — Ждите! Я скоро приплыву к вам!

— Зря я тогда перевез его! — вздохнул Зогд, шурясь на мощную фигуру на берегу.

Шли дни, и с каждым набирала силу глухая неприязнь обиженных жребием племен к Промеату, к его ибрам и атлантам. Кем-то умело подогреваемая, она сквозила во взглядах, змеилась недобрым шепотом, прорывалась в злобных криках. Многие из атлантов, напуганные угрозами, раздумали плыть с Промеатом и ночами уходили из города.

Севз на упреки пожимал плечами: люди тоскуют по родине, завидуют уплывшим. Надо же порой сорвать злость!

Сим делал что мог. У него во всех племенах были верные люди — из тех, что много лет готовили бунт на Канале. Но их было мало, и встречи с Симом вновь стали для них опасными.

— Это Змея! — бормотал Сим. — Севз без нее давно бы вспылел и наглупил. А я накрутил бы его бороду на палку, осрамил перед племенами и заставил на коленях ползти к Учителю.

— Так дальше нельзя! — воскликнул Промеат при очередной вести об убийстве шести ремесленников. — Надо созвать вождей, и пусть решат!

— Что не надо верить слухам? Будто это зависит от решения!

— А что еще можно сделать?

— Раздавить Змею, — скучным голосом сказал Сим.

— Тебе виднее, — вздохнул Приносящий, — но как это сделать?

— Еще не знаю, — Сим задумался.

— Но она презирает диких, значит, обязательно споткнется.

Миновало пол-луны со дня ухода кораблей, когда Сим дождался. Один его следопыт — пеласг с необычайно глупым лицом и столь же острым умом — затесавшись к шакалам, подслушал разговор Майи и Севза. Атлантка сказала, что мечты о величии бесплодны, пока во главе борейцев стоит Мать. Он, Севз, должен быть повелителем! Громовержец не возражал. Но как этого добиться? Люди привыкли...

— Во время войны во главе стоит вождь, — сказала Майя. — Значит, надо, чтобы все время была война, хоть маленькая. И пусть для нее каждый род дает молодых мужчин в постояннсе войско. Они полюбят привольную жизнь, отвыкнут от власти Матерей. И тогда, опираясь на копья, можно будет показать Гехре ее место: пусть мирит жен с мужьями, дает имена младенцам и делит тухлую конину.

Пеласг рассказывал так живо, что нельзя было усомниться в его правдивости. Гехра тоже поверит!

«Завтра, — решил Сим, — поеду с пеласгом к Круглощекой. Если к вечеру Змея и останется жива, то будет изрядно потрепана. Севзу тоже перепадет!»

Но неожиданное событие нарушило этот замысел. С юга пришел запоздалый отряд: с полтысячи коттов, понемногу людей других племен. Они подошли к Атле вечером и, конечно, за ночь доброжелатели успели рассказать им, что очередь негров прошла. Вот разве что перебить узкоглазых, которых тащит с собой Промеат, — тогда всем места хватит.

— Ну зачем ты взбаламутила этих черных! — Севз раздраженно повернулся к Майе. — Твои свары не приносят ничего, кроме срама. Слышала? Промеат вернулся из Ронада. Теперь он поедет к ним, и к вечеру черные будут на него молиться.

— Да, он опередил нас, — кивнула Майя. — Но бой начат, и надо довести его до конца. — Она вплотную подошла к Севзу. — Поверь мне, твои братья — боги — шлют тебе удачу. Другой может и не быть. Если сейчас ослабнешь духом, всю жизнь будешь клясть себя.

— А что ты задумала?

— Пока его нет, надо напасть на гавань, пощипать атлантов и ибров. А, главное, убить проклятого япта! Промеат в ярости оскорбит тебя, и ты открыто покараешь его за это. Ну, власть над миром или чум Гехры? Помни, я туда не полезу. Тебе ли, великому богу, валяться на вонючих шкурах? Нас ждут дворцы и храмы, которые ты построишь в Тарре, верные слуги и надежные воины. Соплеменники должны уважать тебя, а остальные — преклоняться. Разве Промеат, много о себе возомнивший рисователь знаков, имеет право становиться на твоём пути?

Несколько мгновений Севз молчал, прикрыв глаза. По лицу его пробежали сомнения, горечь, стыд. Потом оно окаменело в мрачной решимости.

— Пусть он сгниет! — прохрипел Потрясающий молниями. — Такова моя воля! Воля бога!

— Вот и ладно, — деловито кивнула Майя, — для начала зови всех вождей, матерей, старших воинов на большое пиршество.

Пусть сидят в зале, жрут, слушают песни и не чувствуют, что творится. А на гавань натравим оолов: они самые темные и злые. Как только Пстал со старейшинами отправится на пир, пошлем к его деткам всех шакалов и вдоволь некты.

Промеат не счел известие о предполагаемом набеге обманутых коттов серьезным. Он отправился к ним с Инадом и взял на всякий случай отряд конных ибров. Ор и Тейя отправились во дворец на пир старейшин, послушать песни. Говорили, что в Атле появился Арфай.

По огромному дворцовому залу, синий потолок

которого держали на плечах красные статуи, перекачивался гул голосов. Разрисованные стены, привыкшие к шепоту придворных, неслышному бегу вестников, мерным шагам стражи, вздрагивали от криков веселящихся дикарей. На расставленных как попало столах, расстеленных шкурах и коврах и просто на полу лежали груды полусырого мяса, морщились бурдюки некты, мерцали чаши с пивом и пенным соком.

На усталом богатыми тканями возвышении сидели главные вожди. Севз поместился посередине, положив руку на плечо Гехре. Справа от них Пстал, встряхивая спутанной серой гривой, в чем-то убеждал Эстипога, слева Хамма, уютно пристроив на шкурах увечную ногу, задумчиво высасывала мозговую кость. Дальше по сторонам сидели вожди лучших отрядов, матери сильных общин. Ор и Тейя расположились на кожаных подушках около возвышения недалеко от места, где выступали плясуны и музыканты.

Забыв о тревогах, недобрых слухах, тоскливом ожидании, люди веселились от души. То там, то тут раскаты хохота встречали чью-нибудь немудреную шутку. Прислужники-атланты метались между пирующими с блюдами и кувшинами.

Наконец, появился Арфай. Прошедшие годы не щадили землепоклонника. Его густые прежде волосы поредели, борода из рыжей стала седой, лицо покрыли морщины. Когда певец вышел на площадку и произнес приветствие вождям, зал затих в ожидании. Арфай ударил концами пальцев по натянутой коже бубна и начал свой речитатив, на этот раз на ут-ваау. Теперь героями его рассказа стали восставшие племена, чудесные гиганты, дети Геи-Земли, которых он прославлял, не жалея красок:

Трое огромных и мощных сынов, несказанно ужасных, —
Котт, Бриарей крепкодушный и Гиес — надменные чада.
Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомощных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Силой они неподступной и ростом большим обладали*.

Слушатели одобрительно зашумели. Арфай, склонив голову, выдержал паузу и продолжал, напомнив пирующим о тяготах, испытанных ими на Канале.

* Здесь, как и прежде, песни Арфая приводятся в пересказе Геснода (перевод В. В. Вересаева).

Горестно жизнь проводили они глубоко под землею,
Возле границы пространной земли, у предельного края,
С долгою тяжкою скорбью в душе, в жесточайших страданиях,
Всех их, однако, Кропид и другие бессмертные боги,
Вывели снова на землю, совета послушавшись Геи:
Точно она предсказала, что с помощью тех великанов
Полную боги победу получат и громкую славу.
Ибо уж долгое время сражались друг против друга
В ярых, могучих боях, с напряжением, ранящим душу,
Боги-Титаны и боги, рожденные на свет от Крона...
А разрешенья тяжелой вражды иль ее окончанья
Не приходило и не было видно конца межусобью...
Вызволив тех великанов могучих, подали им боги
Нектар с амвросией — пищу, которой питаются сами...
После того, как амвросией с нектаром те напитались,
Слово родитель мужей и богов обратил к великанам...
«Встаньте навстречу Титанам, в жестоком бою покажите
Страшную силу свою и свои необорные руки...»
Так он сказал. И ответил тотчас ему Колет безупречный:
«Вынесши столько мучений, владыка, сын Крона!
Ныне разумною мыслью, с внимательным духом тотчас же
Выступим мы на защиту владычества вашего в мире
И беспощадной ужасной войною пойдем на Титанов».
Так он сказал. И одобрили слово, его услышавши,
Боги, податели благ. И войны возжелали их души
Пламенной даже, чем раньше. Убийственный бой возбудили
Все они в этот же день, — мужчины, равно как и жены...

Дальше речь пошла о Тифоне, который в воображении Арфая слился с атлантским войском, боевыми мамонтами, медведями, огненосными колесницами. В зале повеяло страхом, когда, ударяя в бубен, Арфай запел:

Силою были и жаждой деяний исполнены руки
Мощного бога, не знал он усталости ног. Над плечами
Сотня голов поднималась ужасного змея-дракона.
В воздухе темные жала мелькали. Глаза под бровями
Пламенем ярким горели на главах змеиных огромных.
Взглянет любой головою — и пламя из глав ее брызнет...
И совершилось бы в этот же день невозвратное дело,
Стал бы владыкою он над людьми и богами Олимпа...

Зал замер, готовясь вновь пережить великую битву. Почему с таким волнением все ждали, что будет дальше? Боялись, что певец своим дивным колдовством может все повернуть иначе? Нет, Арфай помнил сражение:

Все вокруг бойцов закипело — и почва, и море, и небо,
С ревом огромные волны от яростной схватки бессмертных
Бились вокруг берегов, и тряслася земля непрерывно...
Затрепетали Титаны под Тартаром около Крона
От непрерывного шума и страшного грохота битвы.

Зевс же владыка, свой гнев распалив, за оружие схватился, —
За грозовые перуны свои, за молнию с громом.
На ноги быстро вскочивши, ударил он громом с Олимпа,
Страшные головы сразу спалил у чудовища злого...
Тот ослабел и упал. Застонала Земля-великанша
После того, как низвергнул его Громовержец,
Пламя владыки того из лесистых забило расселин...

— Прекратите! — разнесся по залу голос Промеата. — Пока вы здесь развлекались, тот, кто пригласил вас, чужими руками совершил преступление. — Промеат поднялся на возвышение, на котором восседали вожди, и встал напротив Севза. — Уже давно его прихвостни смущают людей лживыми словами, натравливают племена друг на друга. А сегодня, собрав вас на пир, чтобы не мешали, он натравил оолов на ибров и атлантов, которые жили в гавани. На тех, кто хотел помочь вам вернуться домой! Руками хмельных глупцов Севз убил две сотни безоружных людей!

Севз медленно поднялся. В горле у него клокотало. Трезвея от слов Промеата, повскакивали на ноги пирующие. Взгляды вождей растерянно метались от побагровевшего кудлатого воителя к бледному гладковолосому мыслителю.

— Ложь! — проревел Севз, простирая руки к вождям. — Вот он обвиняет меня в коварстве и обмане. Я не хотел его позорить перед вами, но придется! Смотрите же! — Он шагнул к каменному сосуду, из которого пол-луны назад тянули жребий. Нагнувшись, Севз обхватил кувшин руками, напрягся и выворотил из помоста вместе с плитой.

— Теперь смотрите сюда! — гремел Севз. Под вынутой из помоста плитой была другая с углублением посередине. Севз нажал рукой и плита скользнула в сторону, показалось второе углубление. В нем лежало шесть камней: три белых и три черных.

— Камни, — глубокомысленно произнесла Гехра.

— Те самые, которые он, — Севз ткнул в опешившего Промеата, — положил в кувшин для жребия!

— Как это? — поразился Эстиног. — Ведь мы их вынули!

— Вынули? — Севз захохотал. — Вы вынимали другие камни, которые были заранее подложены сообщниками этого лжеца... У кувшина три дна, — пояснил он. — На одном лежали только белые камни. Он подсовывал их своим любимцам — гиям, коттам

и яптам. А когда тянули вы, под кувшин придвигали дно с черными камнями!

— Так нас обманули? — крикнул Эстипог. Ему откликнулся нарастающий ропот из зала. Воины и матери, перешагивая через блюда и расстеленные для сидения шкуры, двинулись к помосту.

— Айя! Он положил мне черный камень! Я бы сейчас дома был! — завопил Пстал, поняв, наконец, хитрость с трехдонным кувшином.

— Ну, что скажешь ты, винящий меня в коварстве? — Севз шагнул к Промеату, нависая над ним своей огромной фигурой.

— Скажу, что ты подлее и коварнее, чем я думал. Люди! — Промеат повернулся к залу. — Судите сами: кто устроил стоянку возле дворца? Чьи шакалы обшарили тут все, собирая Хроановы обноски? Кто взял в жены атлантку, опытную в дворцовых хитростях? Я, что ли? Так кто же пронюхал тайну этого трехдонного горшка, чтобы обмануть племена?

Гнев на многих лицах сменился сомнениями.

— Нет, только послушайте его! — завопил Севз. — Выходит, я хитростью отпирал домой гиев раньше, чем борейцев? А разве моя мать не борейского рода? И я обидел олов, которые преданы мне, и Хамму — старшую из Матерей? А зачем мне все это?

— Чтобы разлучить меня с теми, кто мне верит.

— Лжешь! — загремел Севз. — Ты отправил рыжих и черных вперед, чтобы они разорили борейские и либийские стоянки. Воины! Матери! — Он потряс кулаками. — Пока мы тут слушаем этого предателя, наших братьев убивают, а жен уводят в плен!

Удар попал в цель. Взвились гневные крики, над головами замелькали ножи.

— Беда! Посдеон Оолу разоряет! — пронзительно закричал Пстал.

Но сила Приносящего свет была еще велика. Когда он поднял руку, голоса смолкли и оружие опустилось.

— Мать либов! — подошел он к Хамме. — Веришь ты, что Айд, спасший тебя у Джиеера, способен на такое?

— Н-не знаю... — начала осторожная либийка, но тут же решительно трянула головой. — Нет! Не может этого быть!

— А ты, дочь Великой Кобылицы, веришь, что Гезд нарушила клятву, данную над огнем? — Гехра заколебалась. — И еще скажи: на кого похожа хитрость с кувшином, на меня или на Майю?

— А что! — Бореянка задумалась. — Змея могла это сделать. Может быть, она вас обоих обманула?

Севз чувствовал, что победа ускользает. Но в запасе был хороший удар. Нашарив взглядом желтое лицо Ипа, Громовержец чуть заметно кивнул. Либиец скользнул к выходу.

— Люди! — вновь все повернулись на голос Севза. — Вот он сказал: «Оолы напали на безоружных, убили их», — выдержав паузу, Севз выкинул руку вперед. — Смотрите!

От входа к возвышению шла вереница Севзовых шакалов. Отшвыривая ногами недоеденные куски, они по двое несли что-то тяжелое.

— Смотрите! — первая пара подошла к помосту и положила труп пожилого воина в оольской рубахе из рыбьей кожи.

— Айя! Окуня убили! — взвыл Пстал.

Пара за парой молча складывала у возвышения свою ношу. С каждым трупом в зале рос гул. Промеат пытался что-то сказать, но его никто не слушал. Лишь Севз мог переорать накаляющийся гнев:

— Смотрите! Смотрите, вожди и матери! Кто лжец и убийца?

— А-а!! — закричал Пстал, дичающими руками нашаривая дубину.

— Всех обманул! — подхватил Эстипог, дергая из ножен атлантский меч.

«Ну, скорее! — мысленно кричал им Севз. — Скорее же!»

— Нет, постойте! — Хамма схватила за плечо Пстала. Оол оттолкнул руку, и либийка чуть не упала. Но два десятка желтых воинов тут же кинулись из зала на помощь Матери. — Стойте! — вновь крикнула Хамма, заслоняя Промеата. — Пусть теперь он скажет.

— Пр-роклятая болтуня! — скрипнул зубами Севз, в ярости забыв, что Мать либов славится молчаливостью. Рев в зале смолк.

— Зачем ты их убил, Приносящий?

Промеат не опустил глаз под взглядом либийки:

— Когда они напали на гавань, меня там не было.

Всего сотня ибров охраняла ее. Сейчас половина из них мертвы. И многие атланты. А Севз велел принести сюда только этих, напавших первыми...

— Неправда! Я видел: рогатые сами напали! — завопил пробравшийся к возвышению Ип.

— Не верьте Севзову шакалу! Он прислужник краснолицей Змеи! — кинулся к либийцу Ор.

Севз видел, что старательно налаженная западня захлопнулась лишь наполовину. Подавив застилающее глаза бешенство, он искал, какой удар еще нанести. Завтра отрезвевшие вожди увидят залитую кровью гавань, вспомнят, что флот готовит Инад. Тогда ни одна рука не поднимется на Промеата...

— Один одно говорит, другой — совсем другое. Как узнать, где правда? — развел руками Эстипог.

Слова пеласга шевельнули в мозгу Севза неясную мысль. Изловчившись, он ухватил ее за хвост:

— Слушайте! Эстипог хорошо сказал. Спросим атлантских духов — виновен ли Промеат или кем-то обманут.

— А как мы их спросим? — недоверчиво посмотрела на Севза Хамма.

— У узкоглазых есть обычай: человека привязывают к скале, над которой летают священные птицы. Если они не тронут его, значит, на нем нет вины. Сделаем так?

— Он опять обманывает, — сказал Промеат. — На этой скале не испытывают, а казнят. Коршуны убивают всех.

— Ну уж эта ложь совсем глупая! — возмутился Громовержец. — Все знают, что атланты казнили сами или заставляли медведей. — На этот раз никто не усомнился в его словах.

— Что же! — раздумывая, сказал вождь пеласгов. — Неплохой обычай. Мы, если проверяем кого-то, заставляем биться один на один с быком,

— А мы — посылаем на льва, — сказала Хамма.

— Значит, согласны? А ты, Пстал?

— Не ошиблись бы птицы! — проворчал вождь оолов. — Но если ты им доверяешь, пусть будет так.

— А ты согласна, Мать бореев? — спросил Севз.

Гехра долгим взглядом посмотрела в глаза мужу.

— Что ты невиновен, я верю! — медленно сказала она. — Значит, виновен либо Приносящий, либо Змея. Испытаем обоих. Или никого!

Севз колебался всего мгновение.

— Правильно! Я и сам засомневался: не помогла ли она ему с этим кувшином?

— Чурмат! — позвала Гехра. — Найди и приведи Змею.

Одолевая наплыв горького безразличия, Промеат еще раз попробовал бороться.

— Если Севз ищет справедливости, он должен быть на скале третьим.

Севз ждал этого.

— Но я не атлант! — возразил он. — По матери я боевец, и атлантские духи не могут судить меня. Разве не так, вожди?

— Ты не атлант, и не боевец, а подлый выродок! — сказал Промеат и отвернулся.

Матери и вожди молча ждали. Большинство гостей спешило выбраться из зала. Когда схватываются боги, простым охотникам лучше быть подальше. Многие помнили, как под Джьером вызванные Громовержцем молнии валили своих и чужих...

Ор решил, что время пришло:

— Севз! Ты не забыл, что я когда-то спас тебя?

— Человек не может спасти бога, — поправил Громовержец, — но верно, ты помог мне. Говори, чего хочешь за это?

— Отпусти Приносящего свет.

— Не могу! — Севз развел руками. — Матери решили, что его испытают духи. Как я нарушу их волю?

Тогда Ор выдернул нож и прыгнул на Севза. Отяжелевший от еды и нектару, тот вряд ли успел бы отразить удар. Но более молодой, длиннорукий Пстал, медленный, когда приходилось думать, дубиной действовал мгновенно. Мелькнув в воздухе, она настигла гия и ударила по голове. Ор упал у ног Севза. Тот остановил Пстала, вновь поднявшего дубину:

— Вот теперь я верну долг! Заберите его, — кивнул он борейцам, — а завтра после полудня отпустите.

Двое молодых воинов подхватили гия под руки и поволокли из зала. Им пришлось посторониться — навстречу, окруженная борейцами, шла жрица из Умизана.

— Зачем ты прислал за мной стаю воинов? — спросила она. — Хватило бы и одного вестника.

— Помолчи, женщина! — Севз говорил торжественно. — Матери и вожди подозревают, что ты помогла вот этому своему соплеменнику подделать жребий. А сегодня поссорила оолов с ибрами. Вы оба будете испытаны птицами на священной скале.

— Ах вот оно что! — вскрикнула жрица. — Губя Промеата, ты решил заодно отделаться от меня! А если я расскажу вождям...

Но вожди устали от обвинений и разоблачений, томились своим решением и хотели одного: поскорее добраться до стоянок вокруг Атлы. Никто не слушал, о чем кричала атлантка, всегда глядевшая на них с высокомерным презрением.

— Акеан! — позвал Севз.

Но благородный отпрыск титанов, верный сообщник Майи и расторопный прислужник будущего властелина Востока не отозвался. Услышав, как Севз торгуется с Гехрой, он, пригибаясь за спинами, выбрался из зала, отвязал коня и давно уже скакал в густеющих сумерках к багровым от заката горам.

— Кто знает дорогу к Скале Коршунов?

— Я! — кинулся Ип. Душу его теплой волной обдало счастье — служить истинному Господину!

Погруженный в мысли Промеат открыл глаза — узнать, отчего стихли шаги. Майя, до этого яростно метавшаяся по тесному подземелью, замерла у стены. Лунный свет из узкого окошка упал на лицо жрицы, ее губы медленно раздвинулись в улыбке.

— Что это ты развеселилась? — Приносящий с любопытством глядел на Майю.

— Поняла! Теперь поняла, почему мы оказались тут вдвоем!

— Видно, боги решили пошутить.

— Ха, боги! — Майя трянула головой, отбрасывая спутанные волосы. — Богам нет дела до нашей возни. Просто Севз просил твоей головы, а Гехра взамен потребовала мою! Кругломордая бореянка научилась торговаться! Теперь Быку несдобровать!

— Я знал, что схватки не миновать, но не ждал от него такой обдуманной низости, — сказал знаток.

— Тут, конечно, я помогла. Обидно! — добавила жрица, помолчав. — Трех властных я кормила за-

мыслями из рук, и ни один не стоил того! Все же я ошиблась в игре — выбрала не тот камень!

— Кого еще было выбирать? Не меня же!

— Только тебя! — ответила жрица серьезно.

— Я не играю в игры, замешанные на предательстве.

— Ты обвиняешь в предательстве меня? — Майя поджала губы. — Но что такое я? Ну, выдавала одним полководцам планы других. Кстати, это я подкинула тебе весть, что Тифон идет на Акор — надо было осадить Наследника. Ну, притворялась, лгала, распускала слухи. Но все это меркнет по сравнению с тем, что сделал ты. Если уж искать настоящего предателя, то страшнее тебя нет. Ты — честный, добрый, справедливый — отдал на растерзание врагам родину! И ты не только разрушил Срединную, но ухитрился убить ее душу! Я согласна, наши правители не стоили доброго слова. Но, уничтожив их, ты разрушил то, что мы растили двенадцать веков. Уже не для кого будет мастерам делать украшения, незачем знатокам искать тайны, певицам — выдумывать песни, художникам — расписывать храмы или отливать статуи. Дикие уплывут, пахари вернутся на поля, но их внуки сами станут дикарями...

— По-моему, это не я, а кто-то другой силился растоптать Срединную и притом с твоей помощью, — отрезал знаток.

— Без тебя он ничего бы не сделал, — возразила Майя. — Но и ты бы один не удержался. Не Севз, так другой оседлал бы твои победы.

Промеат промолчал. Он никогда не понимал прелести тонких политических ходов, а хитрые и коварные люди вызывали у него отвращение. И все же слова Майи больно задели его.

На боку одного из холмов западнее Атлы краснела отвесная, словно стесанная гигантским топором скала. Под ней была сооружена невысокая каменная ступенька, ажурная ограда отделяла место у скалы от широкой мощеной площадки, где в старые времена собирались столичные любители зрелищ.

Ранним утром к скале подъехали два десятка кудлатых всадников, окружавших привязанного к коню Промеата. Пленник был один, Майя на рассвете при-

няла яд, то самое зелье яптских знахарок, которым заговорщики отравили на Канале медведей охраны.

Борейцы развязали пленника и подвели к скале. Ип ремнями притянул запястья знатока к позеленевшим кольцам, вбитым в стену, и отступил, любуясь сделанным.

— Воины! — окликнул Промеат борейцев. — Убейте, не оставляйте коршунам.

— Не бойся, Приносящий, — ответил старший, — птицы не тронут тебя. Я верю, что ты невиновен.

— Слушай, воин, это место казни. Здешние птицы приучены убивать любого.

— Нет же! — убежденно сказал борец. — Молниеносный все объяснил нам. В полдень мы вернемся и отвяжем тебя.

— Что же, прощайте, — грустно усмехнулся Промеат.

Борейцы торопливо сели на коней и заспешили прочь. Обернувшись, старший увидел, как над скалой закружились бесчисленные коршуны.

Неумело трясаясь на лошади, Ип весело болтал. Борейцы ехали молча, сверкая глазами из-под спутанных волос — настоящие дикари! Неважные слушатели, но что подделаешь! Ип смаковал подробности, вспоминал прежние казни, на которых побывал с Агданом.

— И птицы убивали всех? — спросил заросший до глаз старший.

— А как же! — ухмыльнулся Ип. — Ведь тут казнили самых сильных врагов Подпирающего!

— Значит, ты знал, что будет казнь, а не испытание?

— Конечно! — либ глянул на кудлатого с превосходством. — А, думаешь, Молниеносный не знал? О-о! Вождю нельзя без хитрости...

— Знал и не сказал? — старший остановил коня и загородил путь Ипу.

— Я выполнял приказ! — завизжал тот.

— Приказ испытать или казнить?

Либец побледнел, встретив яростный взгляд борейца, и тут один из воинов, подъехавших сзади, проткнул шакала мечом. Воин убрал меч и деловито взял за повод лошадь, оставшуюся без седока. Хоть немного облегчив душу, борейцы поскакали дальше.

В радости и в горе гии не стыдятся слез. Но сейчас Ор не мог плакать. Плачут по ушедшей к предкам матери, убитому врагами брату. Ведь жаль ушедших! Но когда сама Земля осиротела — какие тут слезы! Ор медленно брел к гавани, останавливаясь, когда боль в голове сменяла тупую лопату на отточенную кирку.

В гавани уже всё знали. Тейя рассказала Ору, что утром к укрепленным ибрами домам подскочил Чурмат, прокричал новость и добавил, что, если люди Приносящего не будут задиаться и вредить Молниеносному, их не тронут. Ибры хотели убить борейца, но Инад остановил их. Приносящий свет не велел мстить.

Четыре дня гий пролежал среди атлантов, как и он, не добытых дубинами оолов.

Приходил Инад, склонялся над ранами — непривычно молчаливый, затянувший чувства тугой петлей суровости. Он теперь был вождем. Ор знал, как это трудно. Молодые ибры приносили пойманных у пристани рыбешек. Вечерами Тейя пела простые песенки — колыбельные, дорожные или про песчаный берег, на который выбегает прибой. Затягивались раны, возвращался вкус к жизни.

Сперва Ор вспоминал то, что уже никогда не вернется: сильные и добрые руки матери, неистовую смелость Чаза — Дырявые Щеки, пронзительный ум Феруса, Промеата, окруженного хохочущей толпой. Потом чаще стал думать об Илле и дочке, Куропатках, Паланте, блуждающем где-то в океане. Нет, жизнь не умерла с Промеатом и не стала бесцельной.

На пятый день после казни Севз созвал вождей. Все были угрюмы, не смотрели друг другу в глаза. Ободряя соратников, Севз сказал искусную речь. Нет, он не поносил Промеата, а воздал мертвому хвалу. Ведь тот уговорил племена отложить распри, подготовил бунт на Канале. Славные дела! Но бывает ведь, что в сильного, хорошего охотника — а то и вождя! — вселяется злой дух? Все знают — бывает! Так и с Промеатом: после добрых деяний злобный дух овладел им и заставил кончать гнусную канаву, подделывать жребии, стравить ибров с оолами.

Вздывая взор к небесам, Севз, как истинный

вождь, успевал краем глаза оглядывать соратников. Не похоже, чтобы речь сильно ободрила их. Хамма устала в пол, задумчиво поглаживая бедро. Эстипог что-то считал на пальцах — дни до возвращения кораблей? Пстал косился недоверчиво: зачем большая куча слов? Чтобы получше зарыть обман? Даже Гехра слушала своего мощного охотника без должного восхищения.

Покончив с оправданиями, Севз заговорил о будущем. Им всем надо держаться заодно! Вернувшись в свои земли, они создадут могучий союз, которому не будут страшны...

— Добраться бы до этих земель! — сказала Хамма, не подняв глаз. — Инад не захочет нас везти.

— Ха! Неужто мы не сумеем захватить корабли! А этих, на пристани, чтобы не предупредили, свяжем и уведем подальше.

— Я обещал ибрам, что их не тронут, — заросшее лицо Чурмата высунулось из-за плеча Гехры.

— Не тронут, если... — начал Севз.

— Вы не о том спорите! — прервала Хамма. — Пусть мы переплывем океан, а потом? Либам идти через землю коттов, а остальным — мимо яптов и гиев.

— Айя! Оолов всех убьют! — опять необычайно быстро сообразил Пстал. Слезы побежали по его покрытым белесыми волосами щекам. Гехра молча содрогнулась, представив горящее гневом лицо своей гийской сестры.

— Вы вожди или хворые дети? — вспылил Севз. — Если они поднимут копье, тем лучше! Мы одолеем их и возьмем власть над всеми землями!

— Люди на двадцать лет сыты войной, — пробормотал Эстипог.

— На дважды двадцать! — поправила Хамма.

— Но...

— Помолчи! — крикнула Мать либов. — Битвы кончились, а ты все лезешь и лезешь учить матерей! И почему здесь, на совете сидят Эстипог и Пстал, а нету матерей пеласгов и оолов? Винил Приносящего, а сам хочешь перенять главную атлантскую гнусность — мужскую власть? Не выйдет! — Хамма перевела дыхание после непривычно долгой речи.

— Хорошо сказала, сестра! — хлопнула в ладоши Гехра.

Севз молчал, не находя ответа на давно ожидаемый и все же пришедший неожиданно отпор матерей.

— Вы как знаете, — поднялась Хамма, — а я иду виниться. Надо будет — на нож лягу. На других либах нет крови Приносящего!

— Я тоже! — вскочил Эстипог. — Пустая раковина! — Он зло хватил себя по лбу. — Сравнил быка с коршунами!

— Струсили! — сказал Севз, когда полог упал за ушедшими. — Ничего, обойдемся без них.

Пстал не ответил. После двух неожиданных озарений он вновь стал тугодумом: морщась от усилий, ворочал в голове камни мыслей, раскладывал так и сяк. Потом вдруг вскочил и пошел к выходу.

— Тоже виниться пошел? — окликнул его Севз.

— Зачем болтаешь? Кто меня простит! — махнул рукой Пстал.

— Так куда же ты? — Севз шагнул следом.

— Не тронь! — бешено крикнул Пстал. — Один раз оол дурак, два раза оол дурак. Хватит! — и отшвырнул рукой занавес.

— Не горюй! — Гехра положила руку на плечо мужа. — Не дам тебя в обиду. Поеду думать с борейскими матерями, как уладить дело миром.

— Меня не зовешь даже! — возмутился Севз.

Со смертью Промеата и Майи что-то сломалось в нем самом, в воинах, в вождах племен.

Что же случилось? Ведь он — Бог, посланный истребить атлантскую скверну, вернуть людям честный закон, по которому сильные сильнее слабых. Разве не за это он бился с одержимым злым безумством Промеатом? Почему же и люди и боги отступились от него? Правда, он нарушил клятву — звать людей, но не толкать копьями... Но что значит клятва, данная Богом простому смертному!

Нет! Просто еще одно испытание. Надо ждать! Как в дни, когда он рыскал вокруг Тарра, пытаюсь пробраться к пленным вождям. Как в те семь лет, что провел в исхлестанной шкуре раба по кличке Бык. И теперь — выждать, когда Инад, взыв от горя, кинется мстить, когда Гезд метнет копье в Гехру и Айд плюнет в лицо Хамме. Тогда он еще покажет им всем!

В середине дня над гаванью раздались тревожные крики ибров. Все, кто мог носить оружие, бросились к стене. Но тревога оказалась напрасной. Всего горсть либов и пеласгов приблизилась к воротам. Впереди хромала Хамма и выступал Эстипог. Инад вышел к ним, не пустив во двор. Молча, с отсутствующим видом выслушал несвязные оправдания и сожаления. Потом, смерив брезгливым взглядом, сказал, цедя слова:

— Ничего, если нога кривая, хуже, когда ум хромой. Ладно, если тело заплыло жиром, неладно — если душа. Нет у меня к вам ни доброты, ни доверия. Людей ваших жалко. Идите, скажите им: Приносящий свет не велел мстить. Скажите — все вернутся домой. Уходите быстрее. Смотреть на вас — глазам обидно!

Они повернулись и пошли: либийка, хромая сильнее обычного, пеласг — втянув голову в плечи, как при холодном ветре.

Не успели вволю обсудить эту горькую, запоздалую победу, дозорные вновь заулюлюкали: явилась Гехра с борейскими старухами. Эти гнулись меньше, каялись скупей. Им и сказано было соответственно:

— Промеат завещал никого не бросать, значит, и вы уплывете.

— Но ради мира между племенами — слушайте и запомните, ни одного желтого остря борейцы не возьмут на корабли. Ни копыя, ни топорика, ни щербатого ножа! Севз сколько раз орал — утопить бронзу. Вот и топите. Да поскорее!

Ор не уставал дивиться Инаду. Откуда у добряка лекаря, рассеянного и смешливого, взялась воля, упругая, как боевой лук? Может быть, часть души погибшего Учителя перешла в него — та, что была в ответе за всех людей?

События и на этом не кончились. Вдруг с одной из улиц раздались знакомые крики. Оолы! Похоже, все-таки не обойдется без схватки... Но высыпавшие на пристань дети Пстала вопили отнюдь не воинственно. Сам он решительно шагал впереди — сутулый, длиннорукий, в кожаной рубаше до колен. Сзади несколько матерей с громкими стопами били себя по щекам. Их жалобы подхватывала небольшая толпа воинов. Облепив стены, люди Инада следили за странным зрелищем.

Пстал протянул свою дубину одному из мужчин, сбросил рубаху. Громче застонали матери и воины. Вождь подошел к краю причала — и прыгнул в воду. Белесая голова вынырнула в десятке шагов от берега и стала быстро удаляться.

— Что за обряд? — Инад пожал плечами. — Думает отмыться от крови?

— Он решил умереть! — первой поняла Тейя. — И унести с собой вину сородичей.

— Но он и не знал, что Майя награвила их! — Инад подался вперед, словно собираясь вернуть пловца.

— Настоящий вождь не тот, который за всех решает, а который за все отвечает, — тихо сказала певица.

— Да, для оолов так лучше! — кивнул Инад, помолчав. — Пусть запомнят, что копье зла заострено с двух концов!

Голова Пстала уже еле заметной точкой мелькала среди невысоких волн. Вождь плыл на восток, словно прокладывая людям путь к родным жилищам. Вернувшись туда, они надолго сберегут легенду про копье о двух остриях и о древнем вожде, который ценой жизни спас племя. Вот только... не вышло бы по этой легенде, что вину многих можно свалить на одного.

Чем ближе подходил срок прихода кораблей, тем грустнее становилась Тейя. Она заявила Ору, что никуда не поплывет, а останется в Срединной ждать Паланта и Ирита. Он не мог переубедить ее и не мог не признать ее правоты. Однажды утром взгляд гия зацепился за башню на краю мола.

— Слушай, сестренка, — закричал он, — как мы раньше не подумали! Надо оставить им вести — там, куда они первым делом кинутся, приплыв.

— Листы сгорают или гниют, — покачала головой Тейя.

— Не на листьях! На камне — очень большие знаки! Здесь, — он показал на башню, — нарисуем. Кто подплывет к Атле, сразу увидит.

Так всегда было у Ора: только ухватить самый край замысла, а потом выдумки налетают, как комары. Тейя хмурилась, боясь поверить в избавление.

— В Долину Древа поедem! — спешил Ор. —

Выбьем знаки на стенах твоего дома и над гротом Феруса. У Инада стайку ибров попросим — они со скуки воют! Завтра же!

— Мой большой добрый брат! — певица прижалась лицом к плечу Ора. — Опять ты спасаешь меня. Ох, если бы ты знал, как я боялась остаться!

С утра в гавань повалили борейцы. Оглянувшись — видят ли люди Инада, воины с размаху швыряли в океан копья, топоры и даже женские украшения.

— А вот и род покойной Реи! — встрепенулся Инад. — Славно их вооружил этот бронзонавистник! — В воду летели длинные мечи, панцири и шлемы воинов Италда. Ибры провожали обезоруженных свистом.

Башню в гавани Ор оставил напоследок — не будет страха опоздать к кораблям. Была и еще хорошая мысль — не брать Тейю. Но тут гийское упрямство наткнулось на еще более сильное — женское. Они выехали утром с тремя десятками ибров, радующихся случаю размяться. Далеко стороной объехали дворцовую площадь со зловещим шатром, украшенным молниями. Но стоянки либов и пеласгов нельзя было миновать.

Когда на дороге между ними показались рогатые конники, с обеих сторон бросились толпы людей.

— Пробиваемся вперед или к своим? — спросил старший у Ора.

— Они без оружия! — первой заметила Тейя.

Впереди бежал почти голый либиец. Его широкую грудь вперемешку пятнали следы львиных и волчьих зубов.

— Люди Светящегося!.. Скажите... — воин задыхался от бега. — Правда, что он... не велел мстить?

— Разве Хамма не передала вам? — удивился Ор.

— Сказала! — воин перевел дух. — Только как поверить? Неужто можно отказаться от мести?

— Ты бы не смог, — сказал Ор, — и я тоже. А он перед самой гибелью повторил: «Ни одной матери, ни одного воина не оставить!»

«Не велел!» «Не бросят!» — зашелестело по растущей толпе. А с другой стороны уже набегали пеласги.

«Эх, воины! Кого не уберегли!» «Эй, люди! Меня

слушайте: не умер Приносящий свет! Обиделся, что не поверили ему, — ушел». «Обещал — скоро опять приду!» «А про Севза брат Светящегося сказал: у злого копья два острия — вторым себе в брюхо!»

А Севз, сидя в шатре, слушал сбивчивые донесения шакалов и бормотал бессильные проклятия.

Много сотен лет будут передаваться легенды о тех временах от стоянки к стоянке, от народа к народу. Гии будут рассказывать их иначе, чем котты, либы — не так, как борейцы. Дойдут легенды до времен, когда вместо мудрых Матерей над людьми опять встанут великие Небодержцы, Самодержцы, Потрясатели молниями. И тогда угодливые рапсоды придумают легенде счастливый конец — как царь над богами Зевес одолел дерзкого бунтаря, Прометея, а потом простил. Но в те осенние дни у обгорелой Атлы в великой схватке за человеческие души победил Промеат. Мертвый одолел живого!

Знаки — и на доме Тейи и над гротом — вышли яркие, хорошо видные издалека. И у поворота от Долины к Атле оставили весть на высокой стене храма.

Вернувшись в Атлу, они не нашли больших перемен. Только еще чаще взгляды истомившихся людей обшаривали океан.

А корабли первым увидел Ор. Вися на аркане у самого верха башни, он дорисовывал последнюю фигурку в послании Паланту: веселую и храбрую птичку, Праматерь своего рода. И вдруг, ненароком обернувшись, увидел у горизонта желтые пятнышки парусов. Он заорал так истошно, что ибры, дремавшие наверху, у конца аркана, решили, что порвался ремень. А узнав, в чем дело, кинулись с башни, оставив Ора висеть на стене.

Хохоча, как котт, и ругаясь, как борец, он кое-как вылез на верхнюю площадку. Внизу гавань уже ревела от восторга, протягивая руки навстречу еще не видным снизу кораблям.

Этот день, весь следующий и утро третьего остались в памяти, как какой-то вихрь криков и беготни, улыбок и слез, и бесконечных радостных воплей, от которых звенело в сердце и в ушах. Из сумятицы, как камни из пенных водоворотов Стикса, высыва-

лись отдельные мгновения — самые радостные, самые горькие, а то и просто случайно запомнившиеся: скрип первого корабля, обдирающего борт о камни пристани. Угловатое, на глазах чернеющее от страшной вести лицо Зогда. Блестящие спины либов, таскающих на корабли мешки с едой.

Еще Ор запомнил вереницы людей — род за родом, медленно, дрожа от нетерпения, придвигающиеся к сходням, длинноголового пожилого оола с атлантской девчушкой на руках, черную собаку с белым пятном на лбу. Она радостно бежала впереди кучки пеласгов, заботливо оглядываясь на новых хозяев.

А потом — Севз с Гехрой подъехали к краю пристани и спешили у сходней. Коней тут же забили и разрезали на дымящиеся куски. Гехра первой поднялась на палубу, а шедшему следом Севзу ибр преградил путь. «Меч!» — сказал он. Громовержец, багровея, положил руку на копье ибра, и оно треснуло в страшном кулаке. Но ибры уже набегали, жарко молясь, чтобы убийца заартачился. Гехра обернулась.

— Брось! — сказала она. — Ну!

Севз отстегнул меч, уронил в воду и, сгибаясь под тяжестью собственных плеч, взошел на корабль. Следом, затравленно озираясь, скользнуло несколько шакалов.

И вот — одинокая фигура Инада на пустой пристани. Он обвел ее взглядом из конца в конец, поднял глаза на пустые улицы, уходящие к городу, на холмы, горбящиеся на западе, и повернулся спиной к Атлантиде. Он выполнил последнюю волю Приносящего свет — никого не оставил!

Корабли выбирались из горла гавани. Люди бросали взгляды на Срединную, чтобы потом два десятка дней до слез в глазах смотреть на восток.

— Развязались с этой акулой! — сказал дородный Эстипог тощей, но величавой старухе, кивая на Атлантиду. — Теперь можно с Посдеоном кое-какие счета свести: за те три ладьи и...

— Я тебе сведу! — Мать показала вождю костистый кулак. — Пятьдесят лет детей рожать надо, а не счета сводить!

— Титанов нет, а небу хоть бы что! — Зогд отвернулся от Срединной и, волоча ноги, пошел вниз. Впервые выдалось время погоревать.

— Что приуныл! — Гехра игриво ткнула в бок мужа. — Домой приедем — самый большой табун тебе доверю. Лучше всякого войска!

— Сперва еще придется Айда и Гезд повидать! — огрызнулся Севз и, отвернувшись от враз поскучившей Гехры, смерил взглядом Срединную.

— Может быть, что и не вышло, — пробормотал он, — но титанов я сокрушил! Этого у меня никто не отнимет.

Мельком взглянув на землю своего десятилетнего рабства, Хамма достала припасенную ткацкую раму и кликнула нескольких мужчин потолковее:

— Вот тут сядьте! — сказала она строго. — Буду учить вас хорошую ткань делать.

— Смотри! — показал Ор Тейе на медленно окунающуюся в волны башню. — Даже отсюда прочесть можно!

На темных камнях видны были красные знаки. Нарисованные величиной в два человеческих роста, они отсюда были маленькими, как на полосках голубиных вестей. Но вполне отчетливыми. Только хвост у птицы остался чуть-чуть недорисованным.

«Знаток и мореход! — прочитала Тейя медленно, как заклинание. — Найдите певицу у детей Куропатки!»

ЭПИЛОГ

Прошло три года, вместивших меньше событий, чем одно предыдущее лето. Да и события все какие-то не величественные: без крови, воплей, предательств.

Инад с Зогдом едва уговорили яптов, коттов и гиев пропустить племена, сгубившие Промеата, через свои земли. Так велел Приносящий свет. И Севз, надевшийся на войну, шепча проклятия, смирился с новой победой мертвого, но неодолимого соперника.

Однако охотник Гехры, старший над десятью табунщиками, еще не вовсе пал духом. Зимой и лето он терпеливо ждал, что боги и люди опомнятся и вернут

ему власть. Но боги молчали, а борейские роды, по горло сытые великими свершениями, разбрелись по отдаленным стоянкам. И тогда на празднике пяти соседних родов Севз вышел на площадь между чумами и сказал свою последнюю речь.

Он уходит на гору Олинф к своим божественным собратьям, которых ненадолго покинул, чтобы сокрушить титанов. Он еще вернется — может, через год, а может, при внуках: куда спешить бессмертному! — и поведет борейцев на новые битвы. Пусть помнят и ждут!

Какое-то время из стойбища видели темную фигуру, идущую вверх по ледникам. А потом наверху разразилась гроза. Молнии полосовали небо, гром раскатывался приветственными криками и веселым хохотом. Боги встречали брата.

Так кончилась пора великих потрясений и началась обыкновенная жизнь. Люди меньше боялись друг друга, и у них оставалось время добывать пищу, сочинять песни, делать украшения из кости, рога и звериных зубов.

Родилось много детей. У Гезд рос тонкий темноволосый мальчик с раскосыми, но синими, как льдинки, глазами. Айд, хохоча, подбрасывал в воздух девчурку с негритянскими губами и острым носом Даметры. В поселении на границе земель коттов и яптов вообще рождались дети всех оттенков между черным и белым. Были и красноватые. Умгал долго сомневался — к добру ли такое смешение племен, а потом назло взял в жены отставшую от своих либийку.

У Иллы с Ором появился маленький Чаз, которому никто не посмеет продырявить щеки. А Гехре на память о Севзе осталась кудрявая горбоносая Геба. Но всех превзошел Инад — его длинноногая горянка родила сразу троих. Он жил в Ибрской котловине — недолгий вождь поневоле, вновь ставший рассеянным добряком целителем.

Изредка, через десятки рук, к нему добирались вести от Зогда. Мореход осуществил замысел Учителя: основал поселение атлантов, но не там, где думал Промеат, а на острове Крт, южнее страны оолов.

Сбылась и мечта строгой Алх. Из людей, не нашедших и не помнящих родичей, она собрала сильную стаю, и Праматерь Рысь, чей род вымер, по просьбе Гезд усыновила новых детей. Они кочевали неподале-

ку от Куропаток и жили счастливо — голодали лишь перед самой весной.

Это были не те события, которые могут потрясти мир. Но от этого они не стали менее волнующими для тех, кто в них участвовал. А разве не это главное?

Впрочем, главного события почти никто не заметил. Да и можно ли считать это событием? Немного потеплели северные ветры, где остановились, где чуть попятись ползущие с гор ледяные языки. Похоже, что начали отступать злые духи Холода.

Атланты пришли на стоянку детей Куропатки в канун весеннего колдовства. Весна удалась ранняя: в самых затененных лощинах уже не осталось снега. Холмы щетинились молодой травой. Олени шалели от свежего корма и пытались убежать на север — в страну своих диких предков. Гоняясь за ними, пастухи увидели идущую от берега маленькую цепочку людей. Самого молодого пастуха послали в стойбище. Остальные, приготовив копья и луки, встали на тропе, по которой поднимались чужеземцы.

Впереди шел высокий для атланта человек в выцветшей, висящей клочьями синей одежде. Лицо его пересекали морщины, но худощавое тело держалось прямо. На остром подбородке кустились редкие волоски. Следом шли тонколицый юноша в изношенной куртке морехода и плосколицый южанин с волком на ремне. За ними неуверенно теснились еще полтора десятка мужчин и три женщины. Почувяв гнев, зверь оскалил зубы и рванулся вперед, но, тут же опомнившись, прижался к бедру хозяина.

Подойдя к пастухам, синеодежды попросил гостеприимства жестом, принятым у западных гиев. Пастухи недоверчиво выставили копья. После Великого Исхода по Восточным землям до сих пор шатались стайки заблудившихся и отщепенцев. Встречи с ними не всегда кончались мирно. От стойбища уже бежала подмога.

— Ешьте досыта... охотники! — пришелец заговорил, коверкая гийские слова. — Начало ваше — Куропатка?

Пастухи удивленно зашептались. Но тут один из подбежавших со стоянки растолкал людей и копья и кинулся к краснолицему:

— Палант! Ты пришел!

— Кажется... пришел! — ответил тот и неловко ткнулся в шею гия.

— Жива! Жива! — Ор шел, приплясывая, как олень, которого одолевают оводы. — А это Ирит? Ух, какой воин стал! Когда-то я тебя одной рукой к потолку подбрасывал! Не бойтесь, люди! — обернулся он к остальным атлантам. — Мать Зод всех примет! — и тут же наклонился к волку: — Что отощал, лобастый? Мы тебе требухи дадим. Любишь требуху? — Ору хотелось, чтобы все вокруг были счастливы.

— Канал видел? — затормошил он нашедшегося друга.

— Что Канал! Течет, расскажи про Тейю!

— Оэ! Была Тейя — теперь Тей! Сейчас с женщинами готовится к празднику: знаешь, как заклинания поет? Лучше всех!

— Неужто гиянкой стала?

— Еще какой! Зод без нее и Иллы ничего не решает. А если дело не очень важное, и у меня совета спрашивают. А ты как думал!

Косясь на радостного Ора, знаток так и не понял — вправду тот горд доверием Матерей или усвоил его, Палантову, манеру шутить.

По дороге Палант рассказывал Ору новости. Плавание прошло удачно, нашли на юго-западе незаселенную землю, полого поднимающуюся к нагорьям. В Бааде встретили Сцлунга, готовящего переселение. Он изображает из себя Цатла, а Тхан — хранителя Древа. При них Италд, глава войска, но пока войска нет, поставлен таскать бревна. Говорят, Акеан просился — прогнали. Всего набралось человек триста. Главная беда — работников мало, одни кормчие. Может, уже и отплыли...

Ор показал знатоку небольшую делянку со свежими ростками проса, которую, несмотря на недоверие родичей, он завел вместе с Храдом.

Смешавшаяся толпа гнев и гостей с гомоном ввалилась в стойбище. Женщины ждали на утоптанном месте, вокруг которого по-весеннему разевали рты два десятка землянок.

В середине возвышалась рослая гиянка — босая, в летней одежде. Ее волосы, светлые и пушистые, как высушенный солнцем ковыль, были заколоты двумя

стрелами. Полуобнаженную грудь украшало ожерелье из зубов барса. Справа от гиянки стояли две бронзоволицы женщины в таких же коротких малицах. У той, что повыше, в черные волосы было воткнуто три покрытых серебристыми ворсинками цветка. Другая, совсем малорослая, тонколицая, держала в руке лук с четырьмя тетивами. У всех трех на щеках блестели свежие полосы, нарисованные красным.

При виде чужеземцев Мать Куропаток — Зодчинно шагнула навстречу, чтобы сказать слова приветия и гостеприимства. Но тонколицая атлантка все испортила. Швырнув наземь свой лук, она выбежала вперед и обхватила руками — такая маленькая! — сразу двоих. Зод нахмурилась было, но тут же погнала юнцов, чтобы привели руку оленей. Пусть пришельцы знают, что пришли в сильный и добрый род.

— Как там в Срединной? — шагнул к прибывшим одноухий старик со сморщенной шрамом щекой.

— Плохо! — ответил волчий проводник. — Диких не стало — теперь сами себя в плен берем, рабами делаем. Подпирающих развелось, как мышей. Между собой грызутся, что Севз не сокрушил, доламывают.

— Значит, не прогадал! — удовлетворенно пробормотал Храд.

— Не хнычь! — Зира встряхнула завернутого в меховое одеяло Чаза. — Вон сколько гостей пришло! Пир будет. Ты тоже будешь свежее сало сосать. Плохо ли?

Илла, глядя на подругу, обнимающую мужа и сына, хлюпала носом, тщетно пытаясь сохранить вид всеми уважаемой Матери. А у Ора слезы смешались со смехом и получился громкий глупый кашель. Жена выручила его, крепко стукнув по спине. И тут взгляд Ора упал на серого зверя, затравленно озирающегося среди шумных, ничего не боящихся рабов.

— Мать! — Ор подошел к Зод. — Я волку еды обещал.

— Возьми, — благосклонно кивнула она. — Зверь — тоже гость!

Ор вприпрыжку побежал к землянке, где хранились запасы.

Уже юноши, весело переключаясь, тащили дрова для костров, старики свежевали туши, Храд выяснял у прибывших, много ли бронзы привезли. А Тейя

все стояла, боясь выпустить из занемевших рук почти невозможное и все-таки сбывшееся счастье.

— Ох, вы же, наверное, голодны! — опомнилась вдруг она и разжала пальцы.

— Как волки! — улыбнулся Палант, косясь на Ора, который протягивал застенчиво потупившемуся зверю аппетитный кусок оленьей требухи.

Угощение продолжалось до вечера, потом посвященные удалились в священную лошину, остальные отправились спать. Ору и Паланту не спалось, они вышли из стойбища и, касаясь плечами друг друга, побрели вниз по натопанной пыльной тропе.

Впереди горела луна, полная, как в памятную ночь после их первой встречи. Палант рассказывал о своих скитаниях и пережитых опасностях, говорил о том, как рад, что сумел сберечь Ирита и нашел наконец самых близких людей и надежное пристанище под крылом веселого дружелюбного племени.

— Да, у нас тебе будет хорошо, — ответил Ор. — Простые заботы, искренние радости... Наверно, это и есть счастье. — Ор остановился. Внизу белел берег, и блестело под луной неподвижное пустынное море. — Но знаешь, Палант, — продолжал гий, — иногда на меня наползает такая тоска! Я понимаю, что не прав, но ничего не могу с собой сделать — до слез жалко Атлантиду.

Палант вздохнул и крепко обнял друга.

1968—1990
Москва — Быково

ПОСЛЕСЛОВИЕ. О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРАХ

Роман был задуман в 1964 году во время туристского похода по горам Памиро-Алая, у костра в ледниковом цирке, дающем начало реке Кара-Куль.

Принятая авторами концепция Атлантиды не была плодом чистой фантазии. Существовало мнение американского океанолога Ф. Шепарда о том, что понижение уровня океана в высшей точке последнего оледенения могло достигать двух километров*. В этом случае подводное Азорское плато стало бы обширной сушей, да и многие другие части Северо-Атлантического хребта оказались над водой.

Еще больше захватила авторов гипотеза советского климатолога М. И. Будыко, показавшего, что оледенение, достигнув некоторой черты, может стать необратимым и распространиться на всю поверхность Земли, включая океан. Дело в том, что покрытая снегом и льдом поверхность отражает намного больше солнечной энергии, чем вода или почва, и чем больше распространяется оледенение, тем меньше тепла получает от Солнца Земля. «Возможны, — пишет М. И. Будыко, — два типа устойчивого термического режима Земли: первый при полном отсутствии оледенений со сравнительно высокими температурами; второй — при полном оледенении, связанном с очень низкими температурами»**. В романе, пропустив какую-то часть Гольфстрима в северо-восточную Атлантику, герои предотвращают такое фатальное для жизни на Земле развитие событий.

* Шепард Ф. Геология моря. М., 1945.

** Будыко М. И. Тепловой режим Земли. — «Природа», 1962, № 8.

В диалоге «Критий» Платон обещает рассказать о войне захватчиков-атлантов с праафинянами, отстающими свободу народов Средиземноморья. В греческих мифах нет прямых упоминаний об Атлантиде, зато содержатся воспоминания о какой-то грандиозной древней битве Богов и Титанов. Мы попытались, предположив, что Титаны символизируют атлантов, а Боги — их противников, дать историческое истолкование мифа. Неожиданно оказалось, что в мифах обнаруживаются намеки на Атлантиду. Так, титан Атлант, согласно мифу о 11-м подвиге Геракла, держал на плечах Небо, стоя на крайнем западе земли, и охранял волшебные яблоки своих дочерей Гесперид. Гесиод сообщает, что Геспериды: «...золотые прекрасные яблоки холят, за океаном они, на деревьях, плоды приносящих». Если Атлант стоял у Геракловых столбов, а остров Гесперид помещался «за океаном», не об Атлантиде ли здесь шла речь?

У Гесиода есть еще более удивительный намек уже на утонувшую Атлантиду. Он пишет, что Зевс поручил гекатанхейрам Котту и Гиесу охранять побежденных Титанов, и они живут: «за Хаосом угрюмым и темным... в глубочайших местах Океана».

Но, разумеется, фантастика — есть фантастика, и мы с самого начала относились к своим «атлантологическим» поискам лишь как к дополнительному источнику вдохновения.

Книга должна была выйти в 1969 году, но, к сожалению, издание не состоялось. Моему близкому другу и главному автору романа Виктору Жукову не было суждено увидеть книгу напечатанной. В июле 1988 года он погиб в горном походе в том же, горячо им любимом Памиро-Алае. Перечитывая рукопись перед нынешним изданием, я обнаружил, что за 20 лет она не «постарела». Практически книга осталась такой, как была, правда, из-за ограниченного объема книжек серии по просьбе редакции пришлось сделать некоторые сокращения.

Несколько слов об авторах. Мы не профессиональные писатели. Виктор Жуков — экономист, кандидат наук, родился в 1928 году, закончил Московский университет, занимался научной работой. Яркий человек с разнообразными талантами, он был, в частности, незаурядным художником, работавшим в почти забытой сейчас технике силуэта. Он публиковался сравни-

тельно мало — напечатано несколько туристских очерков и стихотворений в журналах и альманахах.

Пишущий эти строки, Сергей Житомирский, родился в 1929 году, по профессии конструктор. Из «внепрофессиональных» занятий отмечу занятия историей астрономии и научной журналистикой. Автор научно-популярных книг — «Архимед» (1981 г.) и «Исследователь Монголии и Тибета П. К. Козлов» (1989 г.), а также исторической повести «Ученый из Сиракуз» (1982 г.).

С. Житомирский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. У Окруженного моря	5
Глава 2. Стикс	37
Глава 3. Разгром	67
Глава 4. Срединная земля	92
Глава 5. Знаки невянушей любви	116
Глава 6. Великий Канал	148
Глава 7. Древо познания	177
Глава 8. Два вождя	200
Глава 9. Бог идет	213
Глава 10. Битва при вулкане	235
Глава 11. Подвиг	258
Глава 12. Принесший огонь	280
Эпилог	310
Послесловие. О книге и ее авторах	316

Жуков В. Н., Житомирский С. В.

Ж 86 Будь проклята, Атлантида! : Роман. — М. : Мол. гвардия, 1992. — 319[1] с. — (Б-ка сов. фантастики).

ISBN 5-235-01317-4

Действие романа разворачивается в ледниковую эпоху, среди холмов средиземноморской тундры и на широких склонах Северо-Атлантического хребта, который по воле авторов в то время не был подводным, а служил колыбелью древнейшего в истории государства — Атлантиды. В центре сюжета история юного дикаря, попавшего в рабство к атлантам. Жизнь первобытных племен и покорившей их цивилизованной державы, поиски ученых Атлантиды, история, которая через много веков станет основой древних мифов, любовь, ощущение надвигающейся катастрофы составляют содержание книги. Смысл ее в борьбе зла и добра, безумия и разума, эгоизма и жертвенности.

Ж 4702010201—057 **ББК 84Р7**
Ж 078(02)—92 **КБ—023—035—91**

ИБ № 6937

Жуков Виктор Николаевич,
Житомирский Сергей Викторович

БУДЬ ПРОКЛЯТА. АТЛАНТИДА!

Заведующий редакцией **В. Щербанов**

Редактор **Н. Румарчук**

Художник **В. Жуков**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректоры **В. Назарова, Н. Овсянникова**

Сдано в набор 01.07.91. Подписано в печать 11.02.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,22. Учетно-изд. л. 17,2. Тираж 100 000 экз. Заказ 1177.

Типография акционерного общества «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, Суцневская, 21.

ISBN 5-235-01317-4

292

